

A dramatic landscape featuring a waterfall cascading over dark, layered rock formations. In the background, a large, dark cave entrance is visible on a steep, rocky cliffside. The scene is bathed in a warm, golden light, suggesting either sunrise or sunset. The overall atmosphere is one of natural beauty and mystery.

Искусство

Профилактика

АРИСТОВА НАТАЛЬЯ

Быть сильной не только непросто, но и опасно. Хлебнув лиха, Тина постаралась слиться с окружающей средой и стать успешной респектабельной дамой. Однако борьба за её внимание между двумя незнакомцами, приехавшими в их тихий южный город, заканчивается для неё кошмаром и приводит прямо на сатанинский шабаш. Жизнь и смерть, любовь и ненависть, дружба и предательство смешались в этой войне не выживание и Тине придётся многое взять на себя. Теперь, кроме усвоенной науки побеждать ей нужно овладеть и искусством проклинать...

Аристова Наталья
Искусство проклинать

Шестое чувство подводило меня трижды. Первый раз это случилось летним утром, потом были зимняя ночь и весенний день. По логике, очередной катастрофы следовало ожидать осенним вечером, но мне больше некого было терять кроме самой себя. Я три раза меняла свою жизнь и кроила заново, три раза «надевала» новое лицо и, по той же логике, в четвёртый раз ничего кроме какой — нибудь посмертной маски мне не светило. Не думаю, что это сильно меня беспокоило, но я и не спешила найти свой злосчастный осенний вечер. А он пришёл сам. Он подкрался так незаметно и тихо, что сейчас в это невозможно поверить. И начинался тот вечер обыкновенно, — «банально», как сказала бы моя бывшая свекровь, экс-генеральша Ивина. Но наречия «банально» в моем словарном запасе нет: я злопамятна, и честно себе в этом признаюсь. Вечер был обычный — субботний, ноябрьский, темный и промозглый.

Представления не имею, откуда он свалился на мою голову, может быть с луны. Во всяком случае, когда я заходила в Курятник, то не обратила внимания на столик возле самой кухни. Я сидела в полумраке кабинки и не смотрела на окружающих, занятая своими мыслями. Мне было спокойно, уютно, и даже немного скучно — почти так, как хотелось. Когда салат и перепелиные яйца под грибным соусом были съедены, я отпила пива из высокого запотевшего стакана и откинулась на спинку стула в ожидании следующего блюда. Внизу танцевали, но в мой угол музыка доносилась глухо и не действовала на нервы. Над эстрадой веером разбегались разноцветные лучи, Алик кричал в микрофон что-то английское, и зал веселился на полную катушку.

Чуть пониже меня на, втором уровне, отбивали такт в ладони, и звонкий женский голос подпевал, явно стараясь привлечь внимание к хозяйке. Я взглянула в большую кабинку слева и увидела полдюжины жриц любви при полном параде, с боевой раскраской на лицах. Одна из них, брюнетка с длинными заголёнными почти до ягодиц ногами, показалась знакомой, и я вспомнила, что видела её возле Совки, зареченского сутенёра. Совкин «гарем» работает в Паласе, и к Васо могли явиться только девочки «не у дел», отдыхающие в свободное от основной работы время.

Курятник солидное семейное заведение, соблюдающее нейтралитет: здесь бывают все, но никогда не случается крупных драк и разборок, а тем более, «тяжёлого флирта». Многие считают, что этому способствует отряд смуглых мальчиков, которые время от времени, приветливо улыбаясь, обходят залы, толкуются у стойки и строят глазки дамам. Но так думают непосвящённые. Я подозреваю, что у Васо хорошая «крыша» и, возможно, очень серьёзная, потому, что дела у него идут в гору.

Меня это не касается, я не часто бываю в Курятнике, хотя с Васо мы друзья, соседи и «творцы этого заведения», как он любит говорить. На самом деле ресторан называется Птичий базар. Он стоит на крутом берегу, прилепившись к холму, и этажи здесь расположены наоборот: сначала вход, холл, кухня, а потом, вниз — залы и балконы. Здание, довольно неказистое, досталось Васо от какого-то должника, поставившего ему зерно, и он долго не знал, что с ним делать. Я посмотрела эту охабину, общей площадью в четыреста квадратных метров и высотой с двухэтажный дом, полазила по металлическим и дощатым площадкам, с которых рассыпали, сушили, веяли и сортировали разные злаки, пока хозяин не промотал весь свой капитал на игровых автоматах, и пощупила: Хороший ресторан

выйдет. Или дискотека.

— Смейшься, дорогая! — наигранно обиделся Васо. — В этой пыли даже мои куры задохнутся. Я уже решил в аренду сдавать. Сначала птицефабрику хотел — отговорили: невыгодно, на лечение птицы и прививки много денег уйдет.

— А люди, как раз, не такие нежные. Да и зачем твоим индюшкам целый дворец? Или ты страусов решил завести? Можно ещё орлов... У тебя же на утепление стен миллионы уйдут! А для ресторана хватит тонкого слоя штукатурки, или вообще, вагонки какой-нибудь. Площадки отгородишь — и сразу несколько залов есть, отдельных. По верхней галерее можно поставить перила и разделить её на кабинки, с видом вниз. А внизу — эстрада, танцплощадка. Да ещё боковой выход над рекой, там классный балкончик на свежем воздухе можно соорудить: зацементировать пол, сделать навес... И станешь ты ресторатором, представь только! Птица у тебя своя...

— Рыба рядом, в реке — подхватил Васо.

— А дичь в лесу — закончила я, и мы засмеялись: рядом есть лесок, кишаций бомжами и бродячими собаками.

Через два месяца Васо явился ко мне с бутылкой Абрау-Дюрсо и дорогушим шоколадным набором и предложил «подробнее развить ресторанный тему». Так появился Птичий базар, а в просторечии — Курятник, задуманный с моей легкой руки. С потолка сняли кран-балку, выбросили кучу железных ёмкостей и агрегатов, а здание вымыли, оштукатурили, провели газ и воду, поменяли стёкла на витражи. На бывших производственных площадках оборудовали залы на разных уровнях. Получилось не очень дёшево, зато и не так сердито. Васо приделал для официантов грузовой лифт и дело, кажется, процветает. Теперь разведением птицы заведует тесть Васо, а он сам открыл в городе ещё два кафе и пять гриль — баров. Но Курятник его любимое детище и главная штаб — квартира, а я здесь почётный желанный гость.

Плотный черноглазый парень — официант, видимо из многочисленной родни Васо, принёс тарелку с аппетитно пахнущими кусочками цыплёнка, зелень. Долил пива в стакан и улыбнулся: Песня для вас... А Васо сам подойдёт, немного попозже. Приятного аппетита!

Я поблагодарила кивком, тоже с улыбкой, и взглянула вниз. Алик что-то говорил в микрофон, но я не расслышала из — за расшумевшихся девиц. Особенно старалась одна из них, рыжая, разумеется, крашенная, потому что характерной для натуральных рыжиков хрупкости и бледной subtilности у неё не было. Заложив одну на другую модельные, «из ушей», ноги, она заливисто хохотала, поглядывая по сторонам, и манерно отмахивалась рукой от подружки, пытающейся её утихомирить.

Так какая же на этот раз песня? — рассеянно подумала я, проследив взглядом, на кого Рыжая пытается произвести впечатление. Он сидел в первой кабинке, сбоку от меня, в другом конце буквы Г, которую образует верхняя галерея и смотрел в зал. Его ярко освещало прикрученное на всю мощность настенное бра, и я призналась себе, что девчонке есть, для кого стараться. Парень действительно хорош. Причём, хорош по-настоящему: без модной, картинно-чувственной, «сделанной» и бьющей в глаза привлекательности, которая если и светит, то не греет. Обычный приятный парень, хорошо, но не броско одетый, уверенный в себе и умеющий себя вести, знающий цену себе и окружающим.

Только зачем впустую стараться, Рыжая? Это не твой клиент... Наверное, он из военного санатория. На вид — офицер-десантник... ОМОН, или что-то в этом роде. Лет двадцать пять — двадцать семь. Симпатичный парень, штучный.

Алик внизу добавил мощности.

Ах, какая женщина... Ну что же... — Я встала, и, сделав шаг от стола, приблизилась к перилам, помахала рукой. Алик, просияв, кивнул, и я вернулась на место. Я и думать забыла про этого молодца в углу, ела себе, и попивала пиво, пока не подошёл Васо. Мы немного поболтали, я подсказала, где купить подходящее ковровое покрытие на большой правый балкон, отказалась от «тачки» до дома. Затем пришлось поспорить насчёт того, кто платит за мой ужин... И я ничего не чувствовала, ничего! Обычный день, такой же вечер; всё как всегда.

Уже на выходе, я ещё раз взглянула на своего дальнего соседа, слегка посочувствовав захмелевшей Рыжей и наткнулась на его взгляд. С расстояния двух метров глаза у него были такого ярко — синего цвета, что казались неестественными, и я мысленно поправилась: Нет, не симпатичный, красивый. Очень красивый, просто такая красота сейчас не в моде. Всё в нём строго, умеренно и правильно. С такими лицами славные русские витязи шли от семейных забот на Куликовскую битву, и не думали ни о чём кроме святости долга. Мы с тобой одной крови, брат... Были... Почти...

Я легла спать сразу же, как приехала, а потом всё воскресенье провела дома. Сама приготовила обед, да не просто разогрела пиццу, а сварила суп, поджарила рыбу. После обеда помыла посуду и поискала что —нибудь постирать вручную. Теперь, когда хлопоты семейной жизни далеко позади, и страх нищенства тоже в прошлом, мне стало не хватать мелких повседневных забот. Жить стало лучше, жить стало веселей, но просто сидеть все выходные у телевизора и жевать, допустим, конфеты — это слишком! Лишнюю энергию необходимо тратить, да и дурных мыслей от этого убывает.

К вечеру снова поднялся ветер, и мне не захотелось выходить на прогулку. Я просто посидела в райке, открыв балконную дверь, и покурила, любуясь замысловатым танцем последних листьев за стеклом. Ужинать в ресторане тоже не тянуло, а до пиццерии надо было идти пешком. Всего сто метров, но по такому холоду... Те, кто боятся северных морозов, плохо представляют себе сырую мерзость поздней южной осени, да и зимы тоже. Такого пронизывающего слякотного ветра на Урале никогда не бывает. Там с ноября по март стоит сухой здоровый морозец, который бодрит и заставляет активнее двигаться. Февраль, правда, ветреный, но тоже без этой вечной сырости, ломающей кости.

Здесь же — вместо чистой белизны, равняющей все земные раны, постоянная изматывающая хлябь. Мокрые ноги, влажная одежда, с неба не то дождь, не то снег, и ветер, ветер... Я сообразила себе ужин из остатков рыбы и овощей, а на десерт умяла два больших апельсина, потом немного поработала и рано легла спать. Под ветер я теперь хорошо засыпаю.

Он явился к нам в салон перед самым обедом. Поболтался в холле у витрин, постоял у окошка, разглядывая меня через стекло, дождался Маринку. Она заметно оживилась, сбегала к зеркалу поправить свои бледно — золотые локоны, вернулась и завела с ним разговор. С моего места было видно как он приветливо-сдержанно улыбается, что-то говорит. Потом передал Маринке свёрточек, та в нём покопалась и зашла к нам.

— Ашотик, ты возьмёшься? Это недолго, почти пустяк.

Так и есть, цепочка. Разрыв возле самого замка. Что же он на ней носит? Наверное, крестик, смешно и странно смотрелась бы на парне за метр девяносто какая-нибудь дурацкая безделушка вроде медальона... конечно, это крестик.

Пока Ашот запаивал разрыв, этот тип всё время пялился на меня через окошко и я

несколько раз отрывалась от работы, чувствуя на себе его взгляд. Какие синие глаза, совершенно невероятный интенсивный цвет. И волосы тоже красивые, а оттенок — почти как мои природные...

...Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли...

Красивые волосы, и парень красивый, ничего не скажешь... Чего вот только уставился?

На обед в Пиццу мы пошли втроем: я, Маринка и Ашот. Витька поехал домой прихватив Льва Борисыча: БМВ опять на ремонте. И этот красавец тоже увязался за нами забрал свой поднос и, помедлив, устроился в противоположном углу. Маринка сразу его заприметила и стала, время от времени, поглядывать в ту сторону. Потом её внимание переместилось на меня.

— Тиночка, а ведь это твой кадр!

Этого мне только и не хватало... Я невозмутимо отрываюсь от пиццы, неспешно дожёвываю: Ты о чём, Марина? Какой кадр?

— Да тот самый! Клиент с цепочкой... вон, в углу сидит.

— С цепочкой? С какой цепочкой? — от моей безмятежной приветливости, надеюсь, веет простодушием и долготерпением святой Софии.

— С золотой! — не выдерживает нейтрально-шутливого тона беседы Маринка. — Не притворяйся, что не видишь его, Тина! Такого парня только слепая не заметит.

— Почему же он мой, Марина, раз у него цепочка золотая? Ты ведь знаешь, что я с золотом почти не работаю.

— Всё это выговаривается спокойно и неторопливо. Я поворачиваю голову, смотрю на парня безразлично и кротко: Нет, я его не знаю.

— Да ты что, не видишь, он с тебя глаз не спускает. Вот, всегда так... — тяжёлый вздох Маринки морщит пенку в чашке с какао.

— Как «всегда», Марина? Чего это ты опять выдумываешь? Я этого товарища не знаю, честное пионерское! Не имею никаких догадок по поводу его повышенного внимания к моей скромной персоне. Возможно, с кем-то спутал, или... Не знаю.

Ашот тихо улыбается, продолжая жевать, и посылает мне короткий дружелюбный взгляд. Он у нас прелесть, и, если ангелы всё-таки существуют, то они, должно быть, все, до единого, похожи на Ашота. Они, конечно же, все голубоглазые, с молочно — чистой кожей, и такие же болезненно худые, с узкой от сколиоза грудной клеткой, за которой мне всегда чудятся сложенные крылья.

— И он тебе, разумеется, до фонаря! — снова идёт в наступление Маринка.

Теперь вздыхаю я, принимая вид почтенной старой тётушки, которую шутя, задирают молоденькие племянницы на новогодней ёлке: Мариша, золотце, чего ты так разволновалась? Нужен тебе этот вьюнош? Он что, тебе так понравился?

— Тебе то, уж, точно не понравился, наша ты железная леди. Ясно как день! — Маринку, кажется, разозлило слово «вьюнош». Какой же он вьюнош? Здоровый привлекательный парень, лицо героя — любовника, косая сажень в плечах.

— Да не знаю я его, клянусь зарплатой! Ну, Марина, давай, забудем. Замнём для

ясности. Он, что, твой знакомый?

Маринка опять глядит в тот угол, и нехотя бубнит: Забудем, так забудем. Он всё равно уже уходит.

Для удобства клиентов мы работаем до шести часов. Но до конца рабочего дня остаются только мужчины, нас с Маринкой отпускают в пять, потому, что к шести начинает темнеть. Маринке нужно добираться до дома автобусом, это минут двадцать-двадцать пять, минимум, да ещё столько же, бывает, приходится стоять на остановке. Я хожу домой пешком: так быстрее. Идти мне всего ничего: по тротуару от нашего старого Дома быта, который теперь называется Бытсервисом, затем через сквер на площадь, тоже старую, после переселения Белого дома в новый район, несколько ступеней вниз — и вот он, через дорогу, мой дом.

Наш старинный, в классическом стиле, особняк прекрасно видно со второго этажа Бытсервиса, из парикмахерской. Фасадом он смотрит на набережную, но мои окна выходят как раз на площадь. За это мои апартаменты считаются не из лучших, но какие уж есть — дом, всё равно престижный. Река, хоть и с другой стороны, но рядом, а слева — приличный парк вдоль берега. Направо — в закрытом проходе между дворами, даже имеется вполне сносный гараж для жильцов. В доме только шесть квартир, начиная с пятикомнатной у Васо, и кончая двухкомнатной на первом этаже. Я живу в одном из крыльев — правом, над адвокатской конторой «Семёнов и сын»; в левом — городская библиотека на два этажа, с книгохранилищем в подвале.

У нас с Семёновым общий подъезд и подход к нему заасфальтирован, здесь весь день стоят два — три автомобиля на пяточке перед проездом в гараж: Семёнов принимает до полседьмого. Возле одной из этих машин, тёмно — красной девятки, я его и увидела. Он стоял и смотрел, не делая никаких попыток заговорить, просто молча рассматривал меня с сосредоточенным видом, как будто пытался решить сложную задачу.

Я так же просто и молча прошла к двери. Мой загревок вёл себя спокойно, во рту не сохло, сердце не сжималось от предчувствия великих роковых перемен. Мне даже не было смешно.

Мне всё равно, кто ты такой, приятель. Не знаю, чего тебе надо, но так уже было. Я тоже умею себя вести. Тебе надоест, и ты отстанешь. Не думаю, что от тебя нужно искать защиты: на налётчика ты не похож. Но на альфонса ты тоже не похож... Значит, тебе что-то показалось, голубь. А когда кажется, надо креститься. И всё пройдёт.

По подъездной дорожке проехал Васо и улыбнулся мне через стекло. Он спросил, а я угадала по движению губ: Как дела? — и ответила: Всё хорошо.

А всё было плохо, так плохо, что хуже не бывает, но я ещё не знала об этом. И случайный незнакомый парень, мой будущий кошмар, стоял в нескольких шагах от меня и слушал мой голос, а потом смотрел, как я захожу в дверь.

Глава 2

Я художник — ювелир с дипломом Высшего Училища Изобразительных Искусств, которого больше не существует: наш выпуск был предпоследним. И экспериментальным, и усложнённым, и... ненужным, как оказалось, советской Родине, которая приказала долго жить. Слава богу, нас хорошо обучили основной специальности, потому что эксперты и искусствоведы не котировались ни на одной бирже труда ещё много лет спустя.

Художники — реставраторы смогли подрабатывать оформиловкой, становились ремесленниками, шабашниками, надомниками, и так далее, и тому подобное, — каждый в соответствии со своей узкой специализацией. Я сначала попала в число счастливиц, которым удалось применить на практике весь набор «приобретённых знаний и умений», но не надолго. Теперь мне чаще приходится работать руками, а не головой, зато я вполне обеспеченная женщина. У меня есть полный набор всех завидных материальных благ: хорошая работа, роскошная квартира, машина — иномарка, деньги.

Денег, кстати, могло бы быть и побольше, но мне не для кого их копить. Нельзя сказать, что у меня мало родственников. Как раз в этом городе их более чем достаточно, и они, время от времени, дают о себе знать. И как раз для них мне не хочется богатеть. Когда я осиротела в последний раз, эти самые «дальние свойственники» со стороны дяди сделали всё возможное, чтобы случившееся осталось для меня тайной.

Дядя Костя, воплощая свои архитектурные идеи в жизнь, часто ездил за границу, а поэтому не афишировал своего родства с моим отцом, у которого, по семейным преданиям, имелась парочка престарелых кузенов — эмигрантов в Англии. Он никогда у нас не бывал, а если они с родителями сговаривались вместе отдохнуть в Крыму или на Кавказе, то вели себя по-соседски, как хорошие приятели.

Когда случилось самое страшное, дядя Костя ничего не знал. Он мотался по развивающимся соцстранам и работал до упаду, а я, получив статус безродной сироты, попала в детдом. Дяде пришлось долго, окольными путями, разыскивать меня несколько лет, а потом «через знакомых своих знакомых», с массой предосторожностей, переводить в интернат для одарённых детей. Не знаю, любил ли он ту тощую четырнадцатилетнюю хулиганку, в которую за шесть лет превратилась ласковая ангелоподобная малышка, дочь его двоюродной сестры, но он постарался сделать для меня всё, что мог.

Благо, что способностями я пошла по материнской линии и даже те непристойные карикатуры на моих врагов, которыми я пополняла коллекцию картинок на стенах детдомовского туалета, подтверждали это. Иногда он меня навещал в интернате, тайно и осторожно, встречая где — нибудь на улице или на соревнованиях, привозил деньги, хорошие вещи. Я злилась и считала его предателем, но деньги брала — у него был такой просящий и усталый взгляд.

Теперь мне ясно, что он работал в последние годы только ради меня, хватаясь за всё, что ему предлагали, окончательно запустив подхваченную в каких-то азиатских болотах малярию. В восемнадцать лет я сразу, с первой попытки, поступила в училище, а когда получила свой диплом с отличием, дядя уже всю пил горькую, не выдержав крушения своих идеалов, тщетности справедливого переустройства общества и жутких головных болей.

Он внезапно умер через полтора года после моей свадьбы, а мне никто и не подумал сообщить, что всё его имущество завещано в мою пользу. Я даже не знала, что у него есть

какое-то имущество кроме тех денежных переводов, которые он высылал, никогда об этом не думала, и вообще — решала сотни своих проблем.

Я потеряла ребёнка и развелась, сменила место жительства. Наступили тяжёлые постперестроечные времена, и мне даже в голову не приходило, что отсутствие дядиных «дотаций» может быть связано с чем-то ещё кроме всеобщего обнищания и неустроенности. Вот тогда меня и нашёл адвокат Семёнов, родственник нашего Льва Борисыча, дядин приятель.

От наследства уже остались одни воспоминания: деньги обесценились, а картины и бесценная коллекция русских икон растворились на чёрном рынке, осчастливив всю эту возникшую ниоткуда родню, жадную, подлую и недалёкую. Семёнов сумел отсудить мне только две квартиры — трёхкомнатную в Новом городе и эту, в которой у дяди Кости была студия. Жить в помещении, пропитанном кознями дорогих родичей, я не захотела и продала его, а вырученные за продажу деньги решила истратить на благоустройство студии.

Комната была ещё та! Её, кстати, сдавали внаём. Не знаю, для чего она предназначалась у своего первого владельца, губернатора, ходят слухи, что в ней был музыкальный салон, и в это можно поверить. Во всех остальных квартирах нашего дома высота потолков — три метра, но два боковых крыла имеют по огромной зале на втором этаже по шестьдесят квадратов площади, а высотой метров в шесть с лишком. В противоположном крыле всё это пришлось впору для библиотеки: внизу абонемент, выше — читальный зал с антресолями и стеллажами для книг, свет, пространство, тишина.... А вот как квартиранты жили в бывшей студии, это вопрос не из лёгких.

Можно разгородить всё шкапами и занавесями, согласна, — я это видела. Но я видела, так же, и сто лет небеленый потолок в разводах паутины и окна, вымытые только на треть своей высоты. Холодина здесь стояла почти полярная, с ней не справлялись ни паровое отопление, ни калориферы в двух углах. Когда квартиранты съехали, я почти полгода потратила на перестройку своей первой собственной квартиры. Моя жилая площадь увеличилась вдвое за счёт надстройки второго этажа и постепенно приобрела не только приличный, но и очень, на мой взгляд, уютный вид.

Все сантехнические и малярные работы у меня в квартире закончились в сентябре, а в Изумруд я пошла работать ещё в июле, по рекомендации того же Семёнова. Принимал меня Лев Борисыч. Конечно, мой красный диплом и опыт работы в одном из лучших музеев России производят впечатление, сообщил он мне, но Изумруд тоже числится (или числился ещё недавно) в десятке лучших ювелирных мастерских в регионе, поэтому на работу меня берут с испытательным сроком.

В перечне добродетелей, необходимых для процветания нового «малого, к сожалению, теперь» АО, он назвал «соблюдение порядочных товарищеских отношений в коллективе, честность и добросовестность, старание и трудолюбие». Именно в такой последовательности: сначала порядочность, а в конце — добросовестный труд, и мне это, почему-то, понравилось.

Будущие сотрудники встретили меня сдержанно — радушно, без нездорового любопытства. Витька поинтересовался, своя ли у меня коса, Ашот стал помогать устраиваться, а старый Багратян, его отец, знаменитый даже в столичных кругах мастер экстра — класса, презентовал мне на стол антикварную вазочку богемского стекла с алым розовым бутоном.

С тех пор прошло пять лет, и я ни разу не пожалела о том, что поверила в АО,

организованное на основе товарищеских отношений. Лев Борисыч идеальный администратор и подбирает кадры с аптекарской точностью, по одному ему известным признакам. В конце концов, работоспособность — личное дело каждого: сколько наработаешь, столько заработаешь, зато другим не мешай! Шеф никогда не запрещает нам работать «на себя», при соблюдении определённых, сообща установленных правил, а клиентов распределяет «по совместимости» с мастерами.

Конечно, бывают и «несовместимые» заказчики, и тогда он просит нас потерпеть их, а так же некоторые «горячие» заказы. Лавировать в море современного бизнеса дело непростое и опасное, но капитан нам попался бывалый, и пока всё ладится. Кроме городских толстосумов у нас много клиентов из отдыхающих «на водах», и ещё возможность подработать на «морском ширпотребе». До побережья от города около двух часов езды и транспортировкой занимается Витька. Летом мы его редко видим; он регулярно объезжает своих «лоточников-будочников» и дома почти не бывает, но и заработок того стоит.

Раза два, нас пытались грабить, но у нас есть хорошая «крыша» не хуже чем у Васо, с которой общается «сам», и всё обошлось.

Я работаю, обычно, по заказам, или делаю что — нибудь своё, когда есть время и желание. Так же точно поступают Лев Борисыч и Ашот, но они работают с золотом, а я больше люблю серебро и платину — за особое сияние и свечение, которое золото больше поглощает, чем отдаёт. Некоторые мои «художества» шеф всё время рвётся «вывести на большой рынок», но я упираюсь изо всех сил. Мне не нужны ни слава, ни богатство, мне хватает денег на жизнь и некоторые излишества, а больше всего мне нужен покой. Я способна сделать этот покой прочным экономически, и это главная удача за последние семь лет. Мне много не надо, много надо Витьке, он затеял «новостройку века» и крутится как заводной. Витька сильно не мудрит, предпочитая количеству качеству, хотя руки у него — золотые.

Маринка — особая статья. Нам её всучили, когда умер Багратян, и стало ясно, что за приёмщика и мастера сразу я не потяну. Нас «очень попросили» так, что отказаться было — себе дороже, и мы не смогли отказаться. Девчонка умеет, при случае, сделать мелкий ремонт, раскатать кольцо, — и это пока всё. Главная её обязанность — приём заказов, текущая документация, продажа с витрины, за что полагается вполне приличная твёрдая ставка.

Сотрудница она, в общем, терпимая, самая молодая в мастерской, и красавица чуть ли не с мировыми стандартами, прошлогодняя «Мисс Город». Такое звание добавляет ей, конечно, взбалмошности, склонности к капризам, но она не конфликтует с нами — для этого имеются «табуны кавалеров и прочих почитателей», которые, по Витькиному мнению, рождаются и живут именно с целью «ублажать прелестниц». Мы единодушно закрываем глаза и на «дежурство» очередного поклонника под дверь и на частые отлучки Маринки в парикмахерскую к подруге, раз она справляется со своей основной работой.

Моя жизнь вступила в новую фазу, тихую, неторопливую, заполненную житейскими заботами и обыденными мелочами. Это меня устраивает, — я не хочу ничего менять. Даже незначительное покушение на моё спокойное размеренное существование (пусть дурак назовёт его мещанским), я принимаю как смертельную обиду. Правда, в бой за независимость и свободу уже не кинусь, — я стала умная, но крепко рассержусь. Все мои войны закончились, а лучшая гарантия суверенитета — экономическая независимость и собственное единовластие.

Вторник — Витькин «музыкальный день», и он замучил нас трагическими речитативами и вскриками Виктора Цоя. Я сижу к этому пылкому меломану спиной, напротив Ашота, и, если нас с Ашотом разделяет два стола, то между мной и Витькой — только невысокий стеллаж с оборудованием. Звук льётся свободно и громко, прямо в мои многострадальные уши. Деликатный Ашот, обычно, включает свои восточные мотивы негромко, на среднюю слышимость радиоточки, Витьке же необходима неистовая страсть. К обеду я «захотела перемен» больше, чем кто либо, о чём незамедлительно сообщила через плечо.

— Ладно, Тиночка, после обеда врублю Высоцкого. Тебе понравится! — пообещал Витька и магнитофон умолк. Ашот улыбнулся мне глазами, расправляя острые плечи, и накрыл своё «рабочее поле» куском полотна, пропитанным «Антипылью». Он всегда свято соблюдает и советы, и заветы, и привычки отца.

— В виде компенсации за причинённые неудобства, приглашаю всех на осетрину по-корейски в Поплавок — нараспев провозгласил Витька и гордо добавил: Я угощаю.

«Все» засобирались, засустились, и, — больше других — Маринка, которой понадобилось срочно навести красоту, а потом позвонить Ленке в парикмахерскую, чтобы сообщить, что Пицца на сегодня отменяется. Витька тут же пригласил и Ленку, и мы, на двух машинах, отправились на другой конец города.

Поплавок — уютный ресторанчик на старой барже, отходившей свой век и навсегда причаленный к берегу, держат Паки — Витькин брат и двоюродная сестра с мужем.

Тая — чистокровная кореянка, маленькая, изящная и невозмутимая, совсем не похожа на Витьку. Он полукровка от русской матери, а поэтому шатен, выше меня ростом, светлокожий и сероглазый. Кореянка часть крови видна в нём только чуть заметным намёком на некоторую «калмыковатость» и гладкостью ровной мелкопористой кожи. Даже манеры у него «русские народные», как он любит прихвастнуть, но, на самом деле, довольно сдержанные и вполне корректные.

Мы хорошо посидели, отведали кучу дальневосточных деликатесов и были довольны. Тая сама рекомендовала каждое новое блюдо, и, особенно, — мне. Я люблю корейские овощи, часто заказываю их через Витьку, а красная рыба — это вообще верх наслаждения для любого гурмана.

Потом Витька попросил принести шампанское и, многозначительно ухмыляясь, поднял указательный палец над головой.

— Я хочу сказать вам, друзья мои, что наше маленькое торжество не случайность! Отгадайте — ка, что мы сегодня празднуем, и победитель получит приз!

— Ты, кажется, снова собираешься... стать папой — рекламным голосом проворковала Маринка, а Ленка добавила под аккомпанемент нашего смеха: В четвёртый раз!

Лев Борисыч предположил крупное денежное пособие от родственников с исторической родины, а я съехидничала насчёт возобновления учёбы в институте, заброшенной много лет назад. Когда мы умолкли, Ашотик мечтательно задумался, медленно покручивая тонкими гибкими пальцами бокал с «колой».

— Ты в сотый раз выиграл «Фольксваген» в своей дурацкой почтовой фирме — сказал он.

— Вот он! Вот он победитель! — радостно заорал Витька, и кинулся пожимать Ашоту руку, а мы снова захохотали.

Витькина жена, соблазнённая подругой, выписала себе по почте «модные и дешёвые

ботиночки» в одной фирме. Ботиночки развалились на втором месяце эксплуатации, стойко выдержав, всё же, гарантийный месячный срок, а фирма, с завидным, достойным уважением постоянством, стала высылать неосторожному заказчику рекламные каталоги. Товары в каталогах предлагались одни и те же, — сомнительного качества и вида, но азарт и старание, с которыми они рекламировались, были достойны особого внимания всех Витькиных друзей и сотрудников.

Перипетии взаимоотношений Витьки с фирмой-«прилипалой» были интересными, богатыми на события и разнообразие форм. Поначалу он ещё пытался несколько раз уведомить «уважаемую администрацию» о своем недовольстве их назойливостью, но через год замолчал, а рекламные акции продолжались ещё не один год. Несмотря на упорное нежелание абонента общаться, «уважаемая администрация» не оставила своего намерения осчастливить этого недотёпу и обещала ему множество льгот, одну выгоднее другой.

Он мог получить всевозможные скидки, комбинируя свои заказы, мог, заказав пару лотов, сыграть в денежно — вещевую лотерею, мог, всё с той же парой заказов, получить право выбрать приз за привлечение новых клиентов, и проч., и проч... К третьему году односторонней переписки, фирма учредила призы для постоянных клиентов и среди них — автомобиль, причём шансы нашего коллеги — бирюка всё время увеличивались.

Сначала ему посылали фотографии вождя выигранных, потом выбор претендентов определился, и этот счастливчик получил в конверте с рекламным буклетом ключ. Ему нужно было только заполнить купон на согласие в розыгрыше лотереи и заказать всё ту же пару лотов. Великодушно прощая Витьке его нежелание сотрудничать, фирма стала присылать ему фотографии фольксвагена чуть ли не ежемесячно, вместе со списком вероятных победителей, возглавляемым Виктором Паком.

Он уже имел право взять вместо машины деньги, или, если согласен на фольк, выбрать для него цвет по предложенным образцам после (всего-то — навсего!) заказанных двух лотов и заполнения документов на владение «немецким народным автомобилем»...

Никто в городе из двух-трех сотен злополучных клиентов этой фирмы, получивших подобные «верительные грамоты» со своей фамилией во главе списка победителей, не получил за это время столько поздравлений, сколько Витька от нас. И никто из них не имел специально выделенного под «почтовые реликвии» места на старой стеклянной витрине возле умывальника, пополняемого и лелеемого всем коллективом!

Витька выложил на стол очередной ключ с сопутствующими документами, и мы занялись подсчётами его новых трофеев. Потом выпили за несомненный пятикратный выигрыш счастливчика и на работу возвратились только к двум часам. Никаких трудовых успехов, разумеется, уже не получилось. Гулять, так гулять, а работать — так работать. Не зря я не люблю смешивать два этих занятия. Хотелось спать или просто сидеть и болтать под музыку.

Ашот презентовал свой приз — коробку конфет, Маринке, и она слегка покапризничала. Я знаю, что ей хотелось бы получать мой «ежедневный цветок» в ставшую культовой богемскую вазу, и никакие букеты от армии поклонников, благоухающие возле приёмного окошка, не стоят этого скромного знака отличия. Но наши мужчины упорно делают ей «сладкие подношения», а для меня каждое утро приносят цветок: Лев Борисыч — розу или фиалки, Ашот — белую лилию, а Витька — хризантему, гвоздику или ирис, в зависимости от времени года, иногда просто цветущую веточку.

Я сижу за столом Багратяна — старшего, и этот цветок не только мой, — он

продолжение традиции, заведённой Мастером. Но Маринке всего не объяснишь. Она злится, плачется мне, что ей надоело считаться ребёнком и кривится от каждой подаренной шоколадки, забывая о своей любви к сладостям.

Витька начал донимать Маринку вопросами о женихах и планах на «достойную партию», разозлил, а потом рассмешил, предложил сбежать за пирожными, но она захотела ещё шампанского...

Лев Борисыч разогнал нас всех по домам и остался с охранником и чайником «умиротворять клиентов».

А уже на следующий день этот парень снова пришёл в салон.

Я увидела, как он входит под томную партию Гаяне, и, скрывая раздражение, отвернулась к Витьке за своими титановыми кусачками. Тот засмотрелся на Маринку, устремившуюся к окошку приёмной, и даже забыл скорчить мне виноватую гримасу «прости, запомнил». Я вернулась к своей работе, не поднимая головы. Маринка позвала Льва Борисыча. Они что-то недолго обсуждали втроём в приёмной, и шеф приоткрыл нашу стеклянную дверь.

— Тиночка, оторвись на минутку, нам нужна твоя помощь.

Я вышла и поздоровалась, тщательно дозируя голосом приветливость с холодностью, удерживая на лице выражение человека, постоянно беседующего со своим внутренним голосом. Док говорит, что именно с таким лицом имеет смысл отпугивать голубей на привокзальной площади: сразу понятно, что хлебных крошек в моём кармане нет. Парень ответил глуховатым, но приятным голосом, с лёгкой, без волнения, хрипотцой.

— Я хочу, чтобы ты посмотрела, Тина, — предложил шеф: судя по всему, здесь понадобится, в первую очередь, экспертиза. Боюсь, что сам я немножко затрудняюсь...

Было от чего затрудниться.... У каждого ювелира случаются в жизни моменты, когда он чувствует, что «нашел свою вещь», главную, незабываемую, единственную. Что бы мастер ни делал, не поправлял, не оценивал, не видел в этой жизни — он всегда отличит, узнает, выберет эту «свою» вещь. Так говорил нам наш старый препод — практик Гаецкий, и я ему верила, когда некоторые с сомнением усмехались, особенно, парни постарше.

Иногда и сам мастер не знает, почему он выбрал для себя любовь к какой — нибудь паре простеньких серёжек, которые ему не принадлежат, и принадлежать не будут, когда ежедневно видит вещи красивей, ценней, более искусно сработанные. «Ответ может знать только сердце». Бывает, для того, чтобы найти «свою тему» нужны годы ошибок, разочарований и озарений. Мне годы не понадобились, и я уже нашла. Сейчас, здесь...

— Платина, Лев Борисыч... это очень старая платина. И очень старое золото. Раритет, несомненно, — старинная работа, лет примерно.... Не помню ничего подобного, только некоторые черты сходства.... Скорее всего, — светский...

Я умолкаю на несколько секунд и, собравшись с мыслями, успокаиваю дыхание. Опустив руку в карман, прижимаю подушечку указательного пальца к ногтю большого, поглаживаю, как учил Док.

— Носильный крест, вероятней всего — женский, византийская школа. Приблизительно, конец одиннадцатого — начало двенадцатого века, может, чуть больше середины. Работа неканоническая, эксклюзив. Сделано, явно на заказ, возможно, редкий неизвестный сплав, техника — литьё. На сто процентов не уверена, но, похоже, — в единственном или очень небольшом количестве экземпляров, явных аналогов в каталогах нет.

Потом гравировка. Платину и золотую аппликацию обрабатывали разными резцами. Заметно влияние восточнославянских мастеров, но, боюсь, что подтверждения не предоставлю: просто шестое чувство. Очень сомневаюсь, что смогу совершенно точно определить состав припоя. Мелкая россыпь — алмазы, а в середине, похоже, был рубин.

— Изумруд — подаёт голос парень. Я и забыла про него, мысленно поглаживая уже не ноготь, а тонкий, благородной простоты, но, одновременно, и прихотливый узор, сбитый в

центре креста глубокой царапиной наискосок.

— Это был изумруд. Его вырвало осколком. Сейчас...

Из внутреннего кармана куртки медленно достаётся обшарпанный спичечный коробок, в котором шуршит мятый до ветхости газетный свёрток. Я сжимаю свою релаксирующую в кармане руку в кулак. У Льва Борисыча брови начинают ползти вверх от изумления. Я выбираю момент, чтобы переступив, встать в пол — оборота к мастерской и смотрю на Ашота, который сидит ко мне спиной. Его вид, обычно, вызывает во мне спокойствие и чувство примирения с житейской суетой.

Витька глядит со своего места серьезно и заинтересованно всего несколько мгновений и отвлекается к печке, «прозвонившей» конец заданного режима.

— Позвольте, но это не может... — озадаченно бормочет шеф и привычным жестом, говорящем о некоторой растерянности, захватывает подбородок «в щепоть»: Минуточку!

Он спешит в мастерскую за своим «диагност — кейсом» — старым потрёпанным чемоданчиком со склянками, лупами, точнейшими допотопными весами и набором столь же древних пробных резцов.

А я и так знаю что это изумруд. Небольшой, около полутора каратов, очень необычной формы и окраски, вернее сказать — невозможной. Когда у нас хотят похвалить чистоту камня, то говорят «прозрачность алмаза» или «прозрачность изумруда». У этого камня, бледно — зелёного, желтоватого, голубоватого, центральная часть гораздо темнее краёв. На кресте он, наверное, смотрелся как глаз. Овально — продолговатый, заострённый к краям зелёный глаз в обрамлении трёх алмазных слёзок.

Вслед восхищению я, наконец, начинаю чувствовать настоящую тревогу. Вот она, история! Этот Апполон принёс мне историю! У меня просто силы духа не хватит отказаться от такой работы, а чем всё это кончится — бабушка надвое сказала....

И причём здесь бабушка, которой у меня никогда не было? Маму и дядю Костю воспитывала тётка. Ей посчастливилось во время всевозможных государственных чисток избежать внимания к себе благодаря тому, что она вышла замуж за полуслеплого ветеринара из далёкого уральского городка, по любви, кстати, и уехать с ним из Загорска. Но и её я уже не застала в живых. Бабушка здесь не причём.... «Причём» здесь моя злосчастная привычка выбирать себе неподходящие привязанности.

Ну не стал бы этот красавчик так спокойно доверять нам вещь, если с ней что-то «нечисто»! Не похож он ни на мошенника, ни на простофилю! И всё же, подобная редкость — всегда риск, и немалый. Болтать об этом кресте никто из наших, конечно, не станет, даже Маринка. Но где гарантия, что парня уже не пасут. И что дальше? Оставлять этот крест в сейфе каждую ночь, у меня просто рука не подымается, значит — забирать его домой. Дел хватит на месяц — полтора, ведь работать надо только после обеда, когда руки согрелись и глаз верней. С металлом придётся повозиться, перелистать кучу справочников, сделать пробы....

— Действительно, изумруд. — Лев Борисыч смотрит на меня, но я помалкиваю.

— Обработка восточная, очень своеобразная, между прочим: такое впечатление, что камень обрабатывал не один мастер, а несколько и в разное время, каждый — в своей манере. И какой цвет! Даже затрудняюсь предполагать, чем может быть вызвана такая неравномерная окраска — продолжает шеф, оставив, наконец, свой подбородок в покое.

Теперь он слегка потирает пальцы друг о друга и сводит «шалашиком», а это значит — готов действовать: Камень кажется более старым, чем крест, а его основная обработка —

древнеиндийская шлифовка под кабашон, хотя позже была произведена старинная огранка наподобие венецианской. И следы глиптики, затёртые шлифовкой. Тина, взгляни.

Я послушно беру со стола лупу и склоняюсь над камнем. Под увеличительным стеклом, действительно явно видны две тупые грани, спускающиеся от центра изумруда, его «глазной роговицы», в углы, вроде простейшей обработки «под челнок», а сама «роговица» имеет еле заметные следы вмятины на месте предполагаемого «зрачка».

— Есть следы инталии, Лев Борисович, вы правы, — соглашаюсь я, пытаюсь определить ощущения, которые вызвал во мне этот «взгляд». Ничего зловещего или неприятного, просто взгляд. Взгляд камня в мои глаза. Мой взгляд на камень. Тепло и доверие...

— Молодой человек, где вы его достали, такой камень? — просто, со спокойными интонациями контрольного проверочного вопроса, задаваемого старым мудрым учителем успешному ученику, произносит шеф, а я решаюсь про себя: сдаюсь, возьму!

— Последний раз его достал не я — в той же мажорной тональности отвечает молодой человек: Хирург военно-полевого госпиталя вынул его из моего правого лёгкого.

— И он уже тогда был такой вот, неравномерно окрашенный? — приветливо продолжает шеф, а Маринка тихо ахает и уходит от нас в мастерскую.

— Он такой уже несколько сот лет, если не врут мои предки. А в нашей семье как-то не принято врать — улыбается в ответ парень, и улыбка у него, если не гагаринская, то где-то очень рядом. Хорошая улыбка.

— Да — а — а — а! Чего только не увидишь в жизни! — вздыхает Лев Борисыч, откинувшись на спинку стула и любуясь изумрудом с расстояния вытянутой руки. Парень уже тоже сидит напротив него, за стойкой с внутренней стороны окошка. Это наш неписанный закон: клиент с таким заказом — только внутри, спокойнее и безопаснее и нам и клиенту. Смуглые мальчики в чёрной коже, вызванные сигнальной кнопкой, давно стоят за прозрачной дверью в холл, привычно изображая дружеский трёп и просматривая окрестности.

— Удивительный окрас, Тиночка, вы только посмотрите! С чем бы его сравнить...

Когда шеф волнуется, это можно угадать только по некоторым жестам и по тому, как он путается в обращениях к собеседнику — от «ты» к «вы», от официальных имени — отчества к ласкательным. Во всём остальном — он полная невозмутимость и безмятежность.

— Травинки, пробивающиеся сквозь снег весенним утром — мечтательно произносит Лев Борисыч, слегка наклоняя камень в лучах слабоватого сегодня оконного света.

— Скорее, море в холодный туманный день — возражаю я, поддавшись его настроению.

— Ваши глаза — вставляет клиент, и Лев Борисыч с интересом пялится на меня.

— А, пожалуй, да! Вы знаете, Тина, очень похоже... У вас ведь, не голубые глаза. Не совсем голубые, я бы сказал... Как странно, никогда не обращал внимания... С такой лёгкой кошачьей зеленцой, знаете, даже с желтизной....

Чудесно! Цветовая гамма моих внешних достоинств у меня как раз, самая любимая тема. За свою бурную несправедливую жизнь я успела побывать и «рыжей», и «бледной немочью», и «кузнечиком», и «золотинкой», послушаться и про «желтоглазую тень», и про «кошачьи зенки», и про «изумрудные льдинки».

На третьем курсе я помогала аспиранту Сашке Страхову, тоже любимчику Гаецкого, подбирать материалы для кандидатской по ювелирной обработке старинного оружия, и он, измученный амплитудой моих настроений, выдал на восьмое марта стихи под карикатурой в стенгазете:

И кожа твоя серебро,
И волосы — золото инков,
И ярче жемчужин Востока
Холодной улыбки привет,
Но жаждут священных костров
Твои изумрудные льдинки —
Ты вся драгоценно жестока,
Как узкий испанский стилет.

Изображена я была, естественно, в виде стилета. Сверху голова со злобными складками между бровей, из глаз — вспышка ядовито — зелёного цвета, в ухмылке — блики искр, а ниже плеч — тело — кинжал, вонзённое в люминесцентно — алого оттенка сердце. Возможно, удар был заслуженный и честный, но всё равно, ниже пояса, и любви у нас Сашкой не получилось, зато пересудов хватило надолго. И напоминаний про мою «роковую стилетность» тоже! Даже на выпускном вечере наш декан, вручая мне диплом, игриво прошёлся по поводу «драгоценного ювелира, который всё своё носит с собой». Хоть про оружие не добавил, хватило догадливости...

Хорошо, что Маринка отошла, а то моя великая слава переживёт мой трудовой стаж.

Я молчу некоторое время, а после этого награждаю каждого деловито — насмешливым взглядом трудящейся женщины, стараясь не сдвигать брови к переносице. Не хватало только здесь и сейчас моей «жестокости». В коллективе, построенном на основе порядочных добрососедских отношений... Лев Борисыч отвечает мне ласковой улыбкой, построенной из трёх странных составляющих — вечно грустных еврейских глаз, ироничного полного рта и приветственно — заинтересованного положения приподнятых бровей. Клиент строит обескуражено — извинительную усмешку и хлопает густыми тёмными ресницами, заставляя меня снова вернуться к мыслям об альфонсах и мошенниках.

— Как ты думаешь, Тиночка, сколько это может стоить? — меняет тему Лев Борисыч: Тысяч шестьсот? Семьсот?

— Миллионы. Или — миллиарды! — мрачно шучу я, и перехожу на обычный деловой тон: Лев Борисыч, этот крест — историческая ценность. Даже в кругах повыше, он может быть оценен специалистами... Я подчёркиваю: специалистами, то есть — ювелирами — экспертами, имеющими учёную степень (желательно, с историческим уклоном), где-нибудь... в миллион долларов.

— Ну, уж, Тиночка, загнули... — отмахивается шеф: Не пугайте нас так!

— Не меньше! И я не рискую предполагать, сколько за него могут предложить на международном рынке. Это эксклюзивная вещь. Но если оценивать только затраченную работу, стоимость металла и камня, да со слабым намёком на старину, ведь уличать-то нас некому! — то можно остановиться тысячах на трёхстах, или двухстах пятидесяти.

— Ну, а если двести? Или сто пятьдесят?

Льва Борисыча вполне можно понять. За ремонт мы и так получим кругленькую сумму, а вот проценты за сохранность целиком снимет «крыша». Разорять на этом клиента нам невыгодно. И опасности, что нас поймут на обмане почти нет, потому что здесь не найти настоящего эксперта. Соломон Ильич из «Алмаза» нас не продаст, в этом вопросе у них с шефом полная солидарность. Ни тот ни другой не любят «неумеренных гешефтов». Да и

Маго разумно закрывает глаза на некоторые вещи.

А парень, всё-таки, не похож на провокатора, по лицу видно. Или я совсем дура!

— Хорошо, Лев Борисыч! Если риск есть, то он всё равно есть, а если нет — зачем переплачивать? Лишь бы клиент был согласен на такого рода риск. — тяну я, краешком глаза следя за реакцией клиента.

Нет, мальчик честный. Не похоже, чтобы он прикидывался. Этот крест ему дорог, и он хочет доверить мне его ремонт. Непонятно, почему именно мне, но это мы потом раскусим. Некоторые сомнения у него, явно, есть, но это не «подстава». И шеф ему, кажется, поверил.

— Значит, ты берёшься, Тиночка?

Лев Борисыч одновременно и доволен и озабочен. Теперь, когда крест будет находиться в сейфе, его, кроме усиленной системы электроники, будут охранять два боевика. Если я возьму работу на дом, два боевика обязаны днём и ночью охранять меня, куда бы я с этим крестом не отправилась. И ждать сигнала маячка в случае опасности. Я уже была под таким колпаком в том году и пережила всё вполне сносно. Город у нас не слишком шумный по части больших эксцессов, а охрана вежливая. Может быть, где-то и охрана соблазняется, но Маго своих мальчиков держит в разумной строгости, и в нашей сфере деятельности «безобразий» не водится.

Пританцовывающая от нетерпения Маринка и новый клиент ожидают меня у выхода. У девочки, явно, свой корыстный интерес, и я её вполне понимаю. Близко этот парень смотрится ещё лучше и его хочется видеть как можно дольше. Они уже успели познакомиться поближе, о чём свидетельствует некоторая непринуждённость в их позах и выражении лиц, в том, как Маринка расслабленно покачивает своей сумочкой, которую сняла с плеча и держит на весу, чтобы выгодней продемонстрировать знаменитые 90X60X90.

Я догадываюсь, кто им нужен, и, даже не пытаясь изобразить усталую стремящуюся к семейному очагу матрону: останавливаюсь перед ними так, чтобы моё внимание распределялось поровну. Хотя, говорить будет Маринка, это совершенно ясно. Тут даже не хитрость и глубокий расчёт, а элементарные правила приличия, которые, — я уверена, наш новый клиент соблюдает с лёгкостью и простотой английского лорда.

— Тина, Дан приглашает нас в Палас, чтобы обмыть сделку. Ты, ведь, теперь его мастер... Поехали, а? — сладеньким голоском предлагает Маринка, подхватив меня под руку. А предмет её хлопот молчит, но смотрит прямо и открыто. Ну просто мечта, а не мужчина, — всем хорош!

— Сделку отмечают тогда, когда она удачно завершена. Обмывать её заранее — это дурной знак — упираюсь я, и голос Маринки становится ещё слаще: уже не сахар, а чистый мёд с переливами низких грудных обертонов.

— Значит, за знакомство! Ну Тина, Тиночка — а — а!

Палас — голубая мечта Маринкиной жизни. По вечерам там полно иностранцев и по слухам, среди них попадаются серьёзные состоятельные персоны противоположного пола, а нашей первой городской красавице не терпится добавить к армии своих жертв ещё и иностранные. Что делают столичные «мисски», выиграв на конкурсе красоты? Идут в модели, заключают контракты на работу за границей, на худой конец, — в ту же за границу выходят замуж. А чем городские красавицы хуже столичных? Да ничем!

Строгий Маринкин папа, аппаратчик второго звена, держит своё единственное чадо в целомудренном повиновении и никогда не отпустит в ресторан с какой —нибудь Ленкой или Олькой. Другое дело я — непоколебимый образец скромности и умеренности. У меня нет любовников, за мной не числится никаких историй, а служба устных новостей в городе отлажена до совершенства. Конечно, к высшему городскому свету я не принадлежу, но в полусвет меня примут охотно.

Должен же быть кто-то преданный верхам, готовый обслужить — угодить — выручить, заботливый, скромный, почтительный, кого не жалко приблизить и облагодетельствовать. Такая возможность есть не только у меня, — у любого в нашем салоне, после того, как мы взяли Маринку на работу. Нам уже и намекали на это не раз, а мы всё сидим и сидим над своими цацками и не мычим, не телимся, олухи... Не понимаем своего счастья.

Этот Дан, наконец, тоже подаёт голос: Нам, в самом деле, неплохо бы, познакомиться поближе. Чтобы не оставалось никаких сомнений и недоверия... Пожалуйста, поедем! Это не займёт много времени: час — полтора. Хороший ужин, музыка, отдых...

Он говорит просто, без рисовки и настойчивого уламывания, глядя прямо в глаза, и нравится мне своими манерами всё больше и больше.

Неужели, такие ещё водятся на земле? Не «перековались», чтобы слиться с толпой, не стали маскироваться и прятаться за молчанием, не вымерли, как исчезающий вид? Хорош — ни дать, ни отнять! И приятно, и тревожно с такими праведными. Откуда они берутся и чем дышат?

Я согласилась и Маринка кинулась к телефону, предупреждать родителей.

В Паласе, по счастливой случайности, был обычный будничным день без банкетов и гостиничных комплексных ужинов. Большинство столиков пустовало, на танцплощадке — несколько пар разного возраста, в меру разогретых алкоголем и вполне приличных. Позже народа прибавится, а в выходные это может стать нашествием, но пока — всё мило и спокойно.

Устроили нас тоже удобно, за колоннами, возле окна, рядом с двумя спокойными пожилыми парами, отмечающими какой-то юбилей в узком кругу. Напротив — трое подтянутых и деловитых не то швейцарца, не то бельгийца, обсуждали за едой свои проблемы тихими голосами. Они посматривали в нашу сторону, но очень сдержанно и пристойно. Не знаю, понравилась ли это Маринке, но папа был бы вполне доволен.

Дан держался великолепно: ненавязчиво молчал, приветливо отвечал на бесчисленные Маринкины вопросы, умело и предупредительно делал заказ, танцевал с нами по очереди и очень неплохо.

Одним словом, вёл себя естественно и непринуждённо, как хорошо воспитанный человек. Ресторан, как я поняла, для него обыкновенное место, иностранцы и красивые девушки тоже не в диковинку.

Удовлетворяя Маринкино любопытство (и мой интерес, который он, естественно, почувствовал), парень коротко, не вдаваясь в подробности, рассказал о себе: вырос под Ленинградом, в городке — спутнике, родители умерли, есть только бабушка. Окончил суворовское училище, потом стал офицером, служил по контракту в Чечне. После ранения долечивается в нашем военном санатории на озёрах. Досрочно получил звание майора и солидную денежную компенсацию.

Маринка «цвела и пахла», ахала, охала, щебетала звонким голосом свои милые глупости и старалась втянуть меня в разговор. Я нейтрально улыбалась, вставляла слово — другое в её скороговорку и всё никак не могла сообразить «в чём вопрос». В рамки моих классификаций новый знакомый укладывался с некоторым трудом.

Приличный мальчик из хорошей семьи, правильный, вышколенный, неглупый. Не выглядит ни бедным, ни богатым. Откуда такой роскошный крест? Спросить неудобно, да и слишком заинтересованной выглядеть не хочется.... Интересно, контрактников повышают в звании? Но это тоже не так важно, главное, что хотелось бы знать — что этому умнику надо от меня.

Он привлекал и раздражал одновременно, так трудно было поверить, что посреди всего этого узаконенного бедлама можно оставаться настолько чистым и ясным, почти идеальным. Это защитная реакция, как у меня, или настоящая выстраданная мудрость, которую трудно занять мужчине такого возраста, да ещё и получившему ранение в Чечне. Что мне в нём искать, хитрость, глупость или самоуверенность при таком раскладе? Наверное, скажи мне кто-то, что этот Дан из высших уголовных кругов, его поведение было бы более понятным. Но он, конечно, ничего общего не имеет с подобной средой — это видно без труда.

Я злилась на то, что он напомнил мне Олега Зотова, с которым меня посадили за одну

парту в пятом классе. Мы, детдомовские, не любили домашних детей — ухоженных, приглаженных, сытых, одетых гораздо лучше нас. Мы не доверяли им, и основанием был горький опыт постоянных междоусобных войн. Олег выделялся даже среди домашних особой спортивной статью, аккуратностью, приветливостью ко всем без разбора. На большой перемене он достал из портфеля пакет с пирожками и предложил мне угощаться. В ответ я, не задумываясь, заехала ему кулаком в глаз. До сих пор помню его изумление и свою радость, а потом пытливо — задумчивые взгляды, которыми он меня награждал.

Я била его почти каждый день, изводила насмешками и издёвками, — он ни разу не пожаловался, не заплакал, не дал сдачи. Всё смотрел и смотрел, как баран на вывеску. Наконец, в школу пришла его мать, чтобы поговорить со мной. Она была такая прелестная, уютная, красивая и так знакомо пахла духами с примесью ландышей, что я возненавидела Зотова ещё больше. Я смогла на все увещевания и уговоры этой милой, излучающей чудесное очарование женщины, выдать только злобный идиотский упрёк.

— Чего же он не защищается, ваш хороший мальчик? Почему сдачи не сдаёт?

Она округлила миндалевидные тёпло-серые глаза и попыталась погладить меня по плечу: Ну как же он может, Тиночка! Он же не может драться с девочкой! Это нечестно, неправильно и непорядочно! Жестоко!

Она хотела, чтобы я пришла к ним в гости. Это убийственное предложение я отклонила в духе и выражениях родного детдома, а Олега поклялась про себя излупить до посинения. Через день я воткнула ему в бедро остриё циркуля прямо на уроке геометрии, и за решение моей судьбы, в очередной раз, взялся педсовет.

Меня хотели исключить из школы, но, по ходатайству классной и физрука, а особенно — по просьбе матери Зотова, оставили на испытательный срок до конца учебного года. Ходить в другую школу вместе с нашей татарской группой было небезопасно, и я перестала замечать Зотова вообще. Нас рассадили как можно дальше друг от друга, и он больше не заговаривал со мной целых три года. Да и класс, в котором нас детдомовских было всего двое, старался общаться со мной только изредка, по делу.

Когда Олег узнал, что после каникул, я уеду в интернат, мы с ним снова встретились. Я тогда лежала в нашем изоляторе, со свеженьким гипсом на ноге. Не понимаю, как он допросился, но его пропустили. Я глазела в окно, чтобы не заикливаться на боли и успела пересчитать всех пролетающих под карнизом ласточек, когда услышала его голос и оглянулась.

— Тина, ты уезжаешь. Я пришёл проститься.... Не мог не прийти...

Самый красивый мальчик в школе, на которого оглядывались даже старшеклассницы, стоял передо мною с пакетом, распространявшим упоительный запах апельсинов, а я сидела, дура — душой, в дребезжащей железной кровати с проржавевшей от хлорных обработок спинкой, среди проштампованных застиранных простыней, в латаной хлопчатобумажной ночнушке с нелепыми завязками у ворота, с костылями и горшком возле стены.

— Почему мы враги, Тина? Я никак не могу этого понять.... Не понимаю, за что можно ненавидеть того, кто тебя любит. Ведь я тебя люблю. И всегда любил....

Я завизжала и бросила в него стакан с тумбочки. Прямо в гладкий загорелый лоб, поперёк которого разошлась кожа, заливая кровью серые глаза с пушистыми девчоночьими ресницами.

Больше я его не видела, никогда....

Я поднимаю глаза на Дана. Похож он на Зотова? Волосы и глаза ярче, лицо более

строгого рисунка. И что-то общее, неуловимое, всё же есть. Ну, мальчик, ну загадка века!

Он ловит мой взгляд, сдержанно улыбается.

— Устали, Тина?

Устала, красавец ты мой, устала. На сто лет вперёд устала! И не хочу этого скрывать, как ты. Усталость приличнее любопытства. Или, что ты там ещё вызываешь: нездоровый интерес и праздную зависть. Тоску....

— Да, есть такой грех. Целый день в хлопотах, пора бы и отдохнуть. Фить — фирю.

Мы отвезли Маринку домой, и сдали на руки папе с мамой. Дан им, конечно, сразу понравился, и Нина Сергеевна стала приглашать нас к чаю. Я начала отнекиваться, ссылаясь на усталость после рабочего дня, Дан меня поддержал. Назад ехали медленно, подчиняясь общему ритму автопотока. С неба посыпалась мокрая снежная гадость, залепляющая стёкла. Вереница машин впереди гудела, мигала фарами, передвигаясь рывками от перекрёстка к перекрёстку.

— Ещё не втянулись... — я закурила, приоткрыв форточку. А вы хорошо ведёте. Спокойно, без лишней траты нервов.

— Нервы остались на войне — чуть улыбнувшись, ответил он: Туда им и дорога, старым да истрёпанным! А новые, пока подрастают, с Божьей помощью.

— Вы что, верующий? Потому и в бой с крестом ходили? Не очень подходящая вещь для битв, надо заметить. Слишком дорогая для того, чтобы случайно потерять.

— Это наследственный крест, такие не теряются. Я его не снимаю.

Я повернулась и взглянула более внимательно. Он говорил серьезно, без обмана, и мне поверилось, что он, в самом деле, верующий, а крест у него наследственный, всегда носимый, и вообще — с парнем всё в порядке, — не в порядке что-то со мной.

— Никогда не снимаете?

— Обычно никогда....

— Откуда он? В самом деле, наследственный?

— Передаётся в семье из поколения в поколение. Теперь, вот, у меня. Он меня спас. Отклонил осколок.

— Ранение было тяжёлое? — я тут же мысленно отругала себя за такой вопрос. Даже не за то, что он был, возможно, бестактным, а скорее за то, что он был слишком личным, сближающим нас как собеседников. Если он заметил и мою оплошность, и следующую за ней заминку, то и виду не подал. Продолжал так же спокойно и ровно.

— Безнадёжное. Никому даже в голову не пришло, что я могу выжить. Меня и прооперировали — то, откровенно говоря, для очистки совести. Выдалась у хирурга свободная минутка, он меня и залатал, в условиях, неблагоприятных для такой сложной операции. И ждать было нельзя, и не ждать — страшно, как он потом сказал. А я, вдруг, взял, да и выжил.

— Значит, чьими-то молитвами.

— Бабкиными.... Она меня и отмолила, и заранее подготовила. Пришила мне душу.

— Как это «пришила душу»? Нитками, что — ли? Интересное выражение «пришила душу»....

Мы переговариваемся неторопливо, расслабленно, и этот тон удачно сочетается с моим настроением. Я действительно слишком вымотана и его приглушённый хриловатый голос, лишённый рисовки и драматических оттенков, действует на меня умиротворяющее. Я начинаю «оттаивать». Путь не кажется длинным, а общение — натянутым. Я уже много лет

не чувствовала себя так спокойно с почти незнакомым человеком. Мне тепло и, кажется, даже уютно.

Странно, что поначалу он меня так раздражал. Или, нет, не раздражал, — настораживал. Обычный разговор, без всяких взглядов, намёков, загадок и сомнений...

— Молитвами, заговорами. В травах купала, чудила надо мной... — он усмехается, качает головой, не отрывая взгляда от дороги. — И не разберёшь сразу, колдунья или поповна.

— А она поповна? — новый поворот разговора и мне кажется необычным и немного забавным. — Что, правда, поповна?

— Да... — он медлит, но всё же скашивает на меня взгляд. — Она поповна. И попова внучка, и попова мать. Правда, она теперь одна осталась...

— Вот как! Значит, Вы — сын священника.... А почему же в армию пошли?

— Родителей я почти не помню. Я — поздний ребёнок, моей матери было за сорок, когда она меня родила. Вымолила.... Отец умер пять лет спустя после неё. А дядька был военным. Вот мы с двоюродным братом по его стопам и пошли.

— А теперь у вас кроме бабушки никого не осталось?

— Она мне двоюродная бабка, вообще-то, сестра моей бабушки. Я остался один, она осталась одна. В нашей семье всегда было мало детей. Говорят же, — у попа одна жена....

— Так что, у вас вся семья — священники?

— Ну, вся не вся, а хоть один, да бывал в каждом поколении. Говорят, со времён крещения Руси.

Это было уже интересно. Мои родители нечасто говорили в моём присутствии о своих семейных традициях, да и я в детском возрасте не слишком прислушивалась к подобным разговорам, но кое — что, всё же, запомнила: и мама, и отец, относились к этому вопросу с уважением и трепетом. Вспоминать обо всём прошедшем сейчас не казалось мучительным. Всё — таки, он как-то особенно действует на людей, этот парень. Не рано ли я так размякла? Может быть, он гипнотизёр? Смешно и нелепо, пожалуй. На кой чёрт кому-то меня гипнотизировать! Я потихоньку улыбаюсь своим мыслям в полутьме салона и снова смотрю на Дана.

— А этот крест, он ваша семейная реликвия? И ваше прекрасное поведение — это плод христианского воспитания?

У меня достаточно богатый набор голосовых оттенков и он, конечно, услышал иронию, а может и улыбку, в моем вопросе, но комментировать причины своего «прекрасного поведения» не стал. Видимо, поведение, и в самом деле, было отменным. Ответил подкупающе просто, только чуть — чуть торжественнее обычного.

— Да, этот крест — реликвия. По преданию, его привезла в Россию жена русского священника, дальняя родственница византийской царицы.

— Это что же, я нахожусь в машине наследственно-царственной особы? Ничего себе! — вопреки моим ожиданиям, моя реплика не прозвучала насмешливо.

— Да какая там царственная... — он усмехнулся и повернул ко мне лицо, которое осветило угловым фонарём на перекрёстке. И по выражению этого нереально красивого в полусумраке вечерних огней лица, я поняла, что ему неловко говорить со мной о своих семейных делах, но зачем-то надо об этом говорить. Меня пробрало холодом нового подозрения, и я снова внутренне ошетибилась. Ну чего, боже ты мой, ему от меня надо! Что у меня такое есть, чего не хватает этому парню?

Наверное, при желании, можно найти у меня какие-нибудь материальные ценности. Но их немного. Возможно, я сама того не подозревая, впуталась в какое-то опасное дело. Но это можно выяснить и без моего участия, — возможностей навалом. Чего же ему надо? Ясно, что он не врёт, и всё, что он говорит — правда, но зачем ему я, при всей этой правде? Он что, собирается ввести меня в лоно родной православной церкви? И для этого столько церемоний, антимоний и реверансов! Бред какой — то!

— Тогда, во времена крещения Руси, в Византии брали на трон любую подходящую красотку, хоть нищенку — продолжает Дан. — У латинян той поры были вполне передовые взгляды.

— Ну да, читала.... Про Феодору. Может быть, другие были поскромнее.

— И другие были не лучше. Я этим вопросом отдельно интересовался, в юном возрасте. Власть развращает, и редко кто удерживался от соблазнов.

— И что, расстроились? В вашей семье тоже были... Феодоры? — я сдерживаюсь, чтобы не добавить что —нибудь поехиднее, и голос у меня вполне невинный.

— Всякие бывали.... Только их вообще было мало.

— Было мало кого? Феодор, или женщин такого типа?

— И женщин, и Феодор, и вообще, — детей — теперь и он улыбается, я слышу это по голосу.

— Почему?

— Не знаю. Ни в одной семье не было детей более двух, а девочки, насколько мне известно, рождались через два поколения на третье.

— Как странно! Может быть, какая-то наследственная болезнь.... Ведь у священников всегда много детей!

— Ау нас в семье их было мало. И особенно хилых, пожалуй, не было, но новорожденные часто погибали, да и взрослые подолгу не жили. Моя Баба Саня — долгожитель — рекордсмен. Ей никогда не дашь её шестидесяти, — такая она крепкая и моложавая. Кстати, группа крови у нас редкая, четвёртая, с отрицательным резусом, при необходимости трудно сразу найти.

— Вам же нашли, надеюсь — разговор о группе крови я посчитала тоже довольно странным, но решила: пусть! Раз ему нужно, пусть расскажет о себе всё, что хочет. Придёт время, и станет ясно, зачем всё это было нужно. Пока я могу только запоминать всё, что он собирается мне поведать, да строить догадки. Буду воспринимать это как развлечение... Такой вот, детективный досуг... Мало ли у меня бывало подобных развлечений!

— Госпиталь, это госпиталь, даже полевой, и в нём кровь для меня оказалась. А вот брату, Ярославу, не повезло. Он замёрз от переохлаждения в горах. И рана была средней тяжести, а кровопотеря большая — более полутора литров. Всего два — три градуса мороза, а не дотянул....

— Ярослав, это сын дяди — военного?

— Да, он был старше меня, воевал в Афгане, потом остался на границе.

— Зачем же выбирать себе такую профессию, когда в семье мало детей? Разве семью с подобными традициями не нужно оберегать, умножать, холить и лелеять?

— Нужно. Но Родину защищать тоже кто-то должен — извиняющимся голосом сообщает Дан.

— Ага, защищать.... В Афгане и Чечне. Хорошая защита! — наверное, я приняла последние обстоятельства его семейной истории чуть ближе к сердцу, чем надо, потому, что

он снова награждает меня внимательным взглядом.

— Тина, поймите, не очень честно отсиживаться дома, когда другие погибают.

Он что-то ещё говорит, но потом умолкает, заметив, что я углубилась в свои мысли. А я и не хочу слушать о том, что мне полагается понимать. Я никогда этого не пойму! Мне, когда я одна — одинёшенька на белом свете, невозможно доказать, что во всех этих войнах есть хоть какой-нибудь смысл кроме корыстных имперских интересов. Если война нужна государству, это не значит, что она нужна обычным государственным гражданам. Она нужна только тем, кто наживется на ней, посылая на смерть «пушечное мясо» и идейных дурачков. Дан на такого дурачка не похож, зачем тогда говорить о чести и совести? «Похвальна доблесть, но когда уместна»!

Я замолкаю и не собираюсь ничего ему доказывать, — сам не мальчик!

Мы распростились у моего подъезда, и в четверг, слава Богу, я его не видела. Я закончила кое — что из предыдущих заказов, помудрила над крестом. Со сплавом, как это и ожидалось, возникли проблемы, но падать духом ещё рановато, — решила я. Нужно порыться в справочниках, своей картотеке, связаться с бывшими коллегами. Ашот — волшебник, и выльет мне заплатки хоть из лунного света, главное, определить хотя бы приблизительный состав.

У меня есть немного старинного золотого лома на такие случаи и несколько собственных реликтовых резцов. Всё — таки, реставрация — моя главная специальность, и я в своё время, совершила ради неё несколько «семейных преступлений», утаив часть заработанных денег от всевидящего ока «мамочки Ивиной».

Вечером я поджарила себе отбивную и полюбовалась из окна кухни на свою охрану на Пятачке. Они сидели в тёмной хонде, и сверху мне были видны только их руки с бутылками минеральной воды. Может, покормить их? Не стоит, пожалуй, — могут неправильно понять... Ничего, перебьются, мальчишки крепкие.

Я вымыла тарелку и пошла наверх, в «сердце своих владений». Когда затевалась перестройка квартиры, я не шиковала и устроила на нижнем уровне просторную гостиную с большой кухней — столовой, внушительную бытовую — кладовую около санузла, а наверху — только три комнаты и душ. Самой большой роскошью, которую я себе тогда могла позволить, и стал этот душ, если не считать двух туалетов и автономного отопительного котла. Отделка квартиры и мебель — импортные, естественно, но неброские, слегка консервативные, дополнялись и совершенствовались позднее.

Теперь эта традиционно — скучноватая обстановка «под классику» очень удачно создавала ощущения домашнего уюта. Поднимаясь по лестнице, я с удовольствием предвкушаю вид длинного полупустого холла с окнами во всю стену и выходящими в него дверями спальни и кабинета, а так же замаскированные зеркалами узкие дверцы душа и «удобств». Спокойные приглушённые цвета, минимум украшений, тяжёлые портьеры и толстые добротные ковры на полу.

Настоящих ценностей у меня и сейчас мало: старинные иконы в гостиной, неплохая подборка книг, да вот эти антикварные ковры. Ну, и стол с оборудованием — совсем не дешёвый, выписанный по каталогу из Германии, с прекрасной оптикой и массой оригинальных приспособлений. Я частенько работаю дома и он мне очень кстати. Основная часть работы, конечно, осуществляется в мастерской, на дом я беру только то, что требует кропотливой тонкой отделки руками, терпения и любви.

Мой архив по специальности, кстати, вполне может претендовать на статус предмета зависти какого-нибудь профессионального музея. Я собираю его почти пятнадцать лет и кроме учебников, справочников, каталогов и компакт — дисков, в нём есть рукописи и личная картотека, где за разделом «Технологии», в рубрике «Сплавы», я надеюсь отыскать то, что мне требуется.

Но сначала — крест! Я укладываю его на кожаный экран для работы и долго люблюсь, безо всяких мыслей и расчётов, просто смотрю. Потом осторожно, как к живому, прикасаюсь пальцем к самой большой царапине. Края повреждения уже обработаны, но это всё равно выглядит как рана. Теперь — изумруд.... Он тоже удивительно хорош, этот глаз,

похожий на мои собственные.

Я улыбаюсь, и, пользуясь полной свободой одиночества, тихо шепчу: А теперь — в своё гнёздышко! Слово напоминает мне старика Гаецкого и улыбка снова согревает сердце.

— Гнёздышко! Зубчики! Камешки! Нежная ты моя, студенточка, у тебя золотце в формочке не перестоит?

Святая простота, добрейший покойный Ефим Ильич! Моё погружение в бездны высшего образования было намного стремительнее, чем освоение азов детдомовской жизни, и мой русский и могучий лексикон не соответствовал новой среде обитания. Чтобы заполнить обозначившуюся пустоту, я изощрялась в применении суффиксов и окончаний, пока не научилась по-человечески говорить...

Я тихонько фыркаю, а потом смеюсь. Со стороны, это, наверное, похоже на острый приступ идиотизма. Какое счастье, что меня никто не видит, что я смогла позволить себе быть невидимой окружающим, запираясь в «своей берлоге»!

Мобильник глухо проиграл мотивчик обычного вызова, и я не сразу вспомнила, что оставила его в кресле, где он завалился между подушек. Чужие меня так поздно не беспокоили, и я подумала, что это Дан выпытал мой номер у Маринки...

— Алло, Тина, это я Дан. Здравствуй! Я хотел тебя спросить....

Вот мы уже и на «ты», без взаимной договорённости сторон и брудершафтов. Не заметила.... Ну да ладно, это мы переживём. Какая многозначительность в голосе.... Хотел спросить! Может быть, его интересуется моё мнение о международном положении в пол — одиннадцатого ночи? Только никуда я сегодня не собираюсь, ни в Иран, ни в ресторан, ни просто на улицу прогуляться перед сном. Почему, интересно, в Иран? Чего бы он мне вспомнился....

— Я тебя не разбудил? Время позднее...

— Нет, я ещё не спала — без малейшего намёка на удивление или недовольство бесцеремонным «тебя» отвечать непросто: Как раз занимаюсь твоим крестом. Села за эскизы, пытаюсь реконструировать узор центральной части.... Так что ты хотел узнать?

— Я тебя отрываю от работы, извини.... Скажи, пожалуйста, Тина.... Ты крещёная?

Час от часу не легче! Неисповедимы пути твои, Господи, а так же, — чад твоих! А так же, слова их и мысли.... Кому рассказать, — со смеху помрут!

— Да, крещёная, по русскому православному обряду, в православной церкви. А что, если бы я была некрещёной, мне не стоило бы доверять работу с твоим крестом? — раздражения в моём голосе всё ещё нет, но иронии я избежать не могу.

— Нет.... Не думаю, — медленно выговаривает Дан, а потом добавляет чуть быстрее: Нет, конечно!

Хорошо почувствовал настроение, мальчик, молодец. Ну до чего умён, а воспитан-то как! Не прослезиться ли мне от восхищения?

Я нахожу в узком «душевом» зеркале отражение ехидной мымры, сжавшейся в уютном, обтянутом бархатом кресле и размыкаю узел сплетённых крест-накрест щиколоток, упираюсь локтями в подлокотники.

— А если бы я была некрещёной, это грозило бы какой-то опасностью твоему фамильному кресту?

— Нет, Тина! Я просто спросил — в его ответе чувствуется заминка и неловкость.

— Тогда почему, вдруг, такой вопрос? — иногда я сама себя терпеть не могу за это дурацкое желание обострить ситуацию, но и удержаться, тоже, не всегда получается: Лев

Борисыч у нас, кстати, иудей. Такое вероисповедание тебе не внушает доверия? А Витька, если не ошибаюсь, — буддист. Ты только христианам доверяешь своё сокровище, или как?

— Ну что ты, Тина! Никакого недоверия я не высказывал. И ни в ком из вас я не сомневаюсь.... Мне просто... так спокойнее.

— Спасибо! Мне теперь тоже гораздо спокойней. Можно продолжать работу? — я говорю уже без агрессии в голосе, и готова поздравить себя за дипломатию.

— Прости, Тина! Конечно, это глупость; задавать такие вопросы. Не знаю, что на меня нашло... Представляю, как это выглядит.

— По телефону это никак не выглядит. Это слышится. Странновато, но вполне прилично — успокаиваю его я.

— Что слышится? Что я дурак? Но я же не совсем дурак, Тина! Я раненый на излечении а кроме того, ещё и контуженный. Ты простишь дурака? Или — контуженного... Кого тебе легче простить, Тина? — я чувствую по голосу, что он улыбается и, почему-то, довольна, что он не видит моей ответной улыбки. Обаяния у этого контуженного не отнимешь!

— Ну, прости, Тина — а — а! — теперь он слегка передразнивает Маринку, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не рассмеяться: Скажи, прощаешь?

— Прощаю, живи спокойно! Теперь всё? Я пошла?

— Спасибо, Тина! Спокойной ночи!

В пятницу у нас царит Вивальди. Это мой день и музыку заказываю я. Я же плачу и за обед в Пицце. У меня всё ладится и спорится с самого утра. Эскизы для Дана готовы, и Ашот, как всегда, «на высоте». Мы с ним решили, что бережёного Бог бережёт, и, прежде чем латать царапины на кресте, сделали пробные образцы. Полного тождества металлов добиться, в наших условиях, разумеется, невозможно, но визуально вышло как раз то, что надо: цвет в цвет.

Я не рискнула снимать аппликацию, поэтому, с помощью хитрых приспособлений, мы стали заливать повреждения поэтапно, — сначала золото, потом, после чуть ли не шаманских ухищрений и предосторожностей, — платину. Не знаю, как чувствовал себя Ашот, а у меня поджилки тряслись, но всё получилось.

Мне очень хотелось, чтобы реставрационное вмешательство было минимальным, и это, разумеется, очень «давило на нервы» каждому. С оборудованием обычной, пусть даже первоклассной мастерской, делать такую работу — авантюра, но мои дорогие коллеги считают это подвигом, и мы с Аштом не подвели! Когда я загладила последние неровности на границе аппликации, Витька, давно бросивший свои «морские цацки», шумно перевёл дух у меня за плечом.

— Ну, Тайна! Молодец ты, девочка, вот что я скажу! Видел я мастеров художественной штопки, но таких!..

— Это Ашот молодец, а моя песня ещё впереди! — отмахиваюсь я, хотя про себя согласна с ним ровно на пятьдесят процентов.

Ашот молча улыбается и посылает мне фирменный кивок «снизу — вверх», в котором участвуют сначала подбородок, потом слегка наметившаяся улыбка и, наконец, взмах ресницами.

Мы с ним с самого начала знакомства отметили эту нашу общую странную особенность приветствовать всех не обычным наклоном головы, а, наоборот, коротким запрокидыванием лица вверх. У всех людей такой жест означает воспоминание, узнавание, удивление, у нас двоих — привет и одобрение, а в данном случае, и понимание.

Витька, обняв Ашота за плечи, потряхивает его от полноты чувств и начинает перечислять все лестные эпитеты, которые приходят ему в голову. Когда смеяться начинают уже все, шеф поднимается со своего места, куда ушёл после двухчасового стояния за моей спиной и торжественно объявляет, что мы не перестаём его изумлять и радовать.

— Жалко, что Дана нет! — добавляет Маринка: Вот бы кто обрадовался...

— И магарыч бы поставил, за такую удачу — мечтательно тянет Витька с видом завязтого алкаша.

— Витюля, солнышко, — укоризненно заявляю я: Клиент не обязан «смазывать» каждую нашу отдельную мелкую удачу. Так его и разорить недолго. Это мой собственный праздник, значит, и магар ты можешь требовать с меня лично. Хочешь шампанского?

Он делает коварное лицо и азартно потирает руки: Ну, Тайна! А ты прямо золотая рыбка, а не коллега! Хочу... пива! Да не простого, а «Баварии»! Холодненькой!

— Хоть замороженного! Только ангину снова не подхвати! От жадности... Сейчас звякну Васо, будет тебе «Бавария», сноб ты несчастный! Ашот, тебе заказывать?

Ашот, конечно, тоже хочет участвовать в угощении жаждущих, а я возражаю, Витька требует «двойного обмывания», Лев Борисыч грозит ему страшными карами за разложение трудовой дисциплины, всем весело и радостно, — получилось!

Пиво решено заказать в Пиццу, а пока дружно заняться работой и подчистить хвосты по всем «горящим» заказам.

— Тайна, ты супер! — хрипит за моей спиной Витька, громким, рассчитанным на всеобщее внимание шёпотом, и я досадливо — нарочито шиплю в ответ так же громко.

— Сам никто! Работай, сачковать вредно! Деньги от этого убывают!

Ну, зовёт и зовёт Тайной, пусть! Я, и в самом деле, не слишком откровенная. Зато Ашота он зовёт Асом, а за одно это я позволю ему величать меня хоть Чумой Болотной. Ашот, действительно, ас, хотя Витька имеет в виду «Ашот — сын», — старый Багратян тоже был Ашотом.

За полчаса до обеда прозвенел колокольчик у входной двери, и я подняла голову, ожидая увидеть Дана, но это был незнакомый мужчина в толстом кожаном плаще и шляпе. Он заговорил с Маринкой, и я снова склонилась над замком жемчужного колье, который следовало бы не ремонтировать, а переплавить как лом, если бы не впаянные в него крошечные бриллианты.

Низкооплачиваемая, трудоёмкая и, честно говоря, недолговечная работа: стоит снова за что — нибудь зацепиться, и опять будет разрыв спайки или выпадение пружинки замка. Я посоветовала клиентке убавить длину колье сантиметров на шесть, но случай оказался безнадёжным: тут, чем длиннее, тем престижнее, а девица на этом помешана.

Маринка вызвала шефа. Ашот ещё не закончил своей возни с золотым браслетом.

Витька, судя по звукам сзади, начал «прибираться» у себя на столе, превращая большой бардак в кучу — малу.

У меня, вдруг, похолодел позвоночник, и по спине пробежала знакомая «колочая волна», поднимающая воображаемую шерсть на загривке. Я медленно осмотрела свой стол, переглянулась с Ашотом и повернулась к новому клиенту. Он, не проявив ко мне интереса, увлечённо беседовал со Львом Борисычем, что-то слушал, озабоченно объясняя детали заказа. Я оглянулась на Витьку, потом посмотрела на площадь через окно.

Под кустами сирени два воробья с переменным успехом дерутся за хлебную корочку, но она не достаётся никому. Прилетевший сверху голубь подхватывает её более ловким клювом

и, отскочив в сторону, заглывает. Затем появляются несколько его сизокрылых собратьев, деловито подбирающих оставшиеся крошки. На противоположном конце площади стоят несколько легковых авто, по виду — пустых. Между ними спокойно прогуливается бродячая собака, обнюхивающая колёса. Тишь да гладь, ничего особенного... Тогда, что?

— Витя! Тина! Вас Лев Борисыч зовёт! — пропела Маринка, приоткрыв дверь. Я пропустила Витьку вперёд, неспешно укладывая штихели. Лев Борисыч зовёт Витьку, значит, нужен резчик по камню.

Это основная Витькина специальность. Он хороший ювелир, но начинал как резчик, и здесь ему равных нет: он точный, ловкий, изобретательный и виртуозный мастер своего дела.

Так что же это было? Где? Может быть, я начинаю шарахаться от каждой тени? Где опасность, и что мне не по душе?

На столе перед Львом Борисычем стоит ваза из дымчатого хрусталя с простой геометрической огранкой. Я смотрю на неё и молчу, давая Витьке закончить свои рассуждения.

Сюда бы Машку Соловьёву, сокурсницу и соседку по общежитию! Дурноватая была особа и слишком уж сексуально озабоченная, но эта ваза — как раз её тема. Вот бы заверещала сейчас от восторга....

Назвала бы этот кубок, похожий на большую гранёную рюмку «антиком» и, пожалуй, возражений в ответ не получила бы... Богата наша Родина, однако, по части загадочного антиквариата! Вот понатаскать ещё совсем немножко, из заморских стран, и на городской музейный отдел хватило бы!

— Итак, Тиночка, что скажете? — голос у шефа спокойный, и, если в нём проскальзывает оттенок неуверенности, это заметно одной мне: Витька думает о чём-то своём, а клиент улыбается в мою сторону с преувеличенной мольбой во взоре.

— Морион, Лев Борисыч, чёрный хрусталь. Ваза — кубок около тридцати сантиметров высотой, диаметром более двадцати сантиметров в верхней окружности, и десяти — в нижней. Короткая ножка, не более четырёх сантиметров длиной, служит подставкой. Всё вырезано из цельного кристалла и отшлифовано округлыми гранями шириной до полутора сантиметров. Толщина стенок немного больше чем положено при таких параметрах... А что с ней не так, с этой вазой? Как будто, всё в полном порядке, повреждений нет. Нужна оценка или заключение о стоимости?

— Нет, не оценка... Оценка здесь не причём. Нужно вырезать два кубка в этом же стиле, с подобным внешним видом — растерянность в голосе шефа заметил и Витька: он перестал крутить в пальцах тесёмку фартука и замер, уставившись на меня.

Теперь я обратила внимание на два приличных по объёму тёмных кристалла на лоскуте синего шёлка в другом конце стола.

— А время, Тина? — продолжает Лев Борисыч, и я отвечаю без промедления.

— Это же работа для Виктора, он лучше меня прикинет, сколько нужно времени. Эскизы я сделаю хоть сейчас.

Я уже знаю, что мне не нравится. Клиент. И его внимательный, предупредительно ожидающий взгляд. Почти физическое прикосновение: молчи, не развивай темы! Желтовато — смуглое гладкое лицо, довольно правильное, и, возможно, достаточно привлекательное. Возможно, — но не для меня. Свинцово — серые цепкие глаза, одновременно и мутные и водянистые, с опущенными внешними уголками, длинный бледный рот, растянутый в

любезную улыбку, короткая жилистая шея. А руки ухоженные, с холёными и наманикюренными сухими пальцами. Перстень, тоже, кстати, очень непростой, с огромным опалом, — века на полтора, да потянет... И этот взгляд, как у... Как у кого? Неприятный тип!

— Нет, Тиночка, я не об этом. Какого времени сама ваза? — настаивает шеф, и я снова спешу с ответом.

— Точно не скажу, Лев Борисыч, это не моя тема...

Молчи, так молчи, мне-то что! Если этот тип верит, что может найти во мне союзника по умолчанию, мы позже сами обсудим, зачем это ему могло понадобиться. Бывало и такое...

— Осмотр, ведь, поверхностный, — продолжаю я: Без детального обследования трудно определить... Ну, лет двести этому сосуду есть...

— Сто пятьдесят, так мне сказали — поспешно вставляет клиент, — Это восточная ваза, привезённая из Бухары. Очень недорого, по случаю досталась. Вот и хотелось бы иметь полный, как говорится, комплект.

А на кой чёрт тебе комплект, приятель? И откуда бы тебе знать, каким должен быть комплект...

На нувориша, сбесившегося на желании тратить бабки, ты не похож, да и для нового русского не совсем русский. Тогда зачем тебе к древней ритуальной вазе пара кубков? Поставишь на антикварный столик и станешь ошеломлять гостей? Сто пятьдесят лет... за дураков нас держите, гражданин. А голос какой! Бомжи с перепоя матерятся как соловьи по сравнению с этим хрипо — сипением...

— Ну, так что, господа, Вы берётесь? — гнусавит клиент, попеременно сверля глазами нас троих: Мне бы очень хотелось к Новому году. Это возможно?

Не нравится мне этот заказчик! Не нравится с редкостной силой, и всё! Противен безо всяких веских причин и объяснений... хотя — голос. Чтобы иметь такой голос, утро надо начинать с соляной кислоты.

А уже потом — кофе.

— Да, разумеется, Виктор у нас превосходный резчик. Думаю, он и раньше сумеет управиться. Завтра, — нет, простите, — в понедельник, Тина сделает эскизы, и потом — дело за Виктором. А сейчас нам необходимо получить замеры и снимки образца.

— Я могу оставить и сам образец, если угодно, ненадолго, конечно — предлагает этот «не соловей»: Неделя вас устроит?

Я перебиваю его любезности спокойным голосом, не изменяя прохладно — вежливого, отрепетированного много раз перед зеркалом, выражения лица: В этом нет необходимости, спасибо. Фотографий будет достаточно. Ваза немного великовата для нашего сейфа, а держать такую хрупкую и недешёвую вещь в шкафу — слишком рискованно. И, кроме того, зачем же вам платить за её хранение? За сохранность изделия наши компаньоны — сторожа включают счётчик: чем старше вещь, тем выше оплата.

Лев Борисыч, не высказав ни малейшего удивления моей тирадой, направляется с кубком в свой карманчик.

— Тиночка, сколько делать снимков и в каком ракурсе? — извиняющаяся улыбка клиенту: Извините, всего несколько минут...

В карманчике Лев Борисыч включает свет, устанавливает вазу и поворачивается ко мне: В чём дело, Тина? Что тебя беспокоит?

— А вас? — я не нахожу ничего лучшего, чем вопрос на вопрос вместо ответа, и шеф досадливо хмурит брови.

— Ну, хорошо! С ней что-то нечисто, с этой вазой, Лев Борисыч, я чувствую! Не нужно её оставлять! Сделаем два снимка: сверху и боковой, для чертежа этого достаточно. Я вычерчу всё как надо, без замеров.

— Так ты думаешь, — краденая? Но фотографии — то, останутся.... И договор с заказчиком. След, всё равно, есть. Лучше уж, совсем не браться...

— Мы же не оставим у себя саму вазу! Ну, посмотрели, сфотографировали, — велика беда! Снимок не оригинал, да и испортиться может запросто.... Эксперта по старинной... посуде у нас на сотни километров в округе нет, а остальные способны ошибаться. Для меня лично, не зазорно ошибаться в этой области, я за славой не гонюсь. Мы взяли заказ, и всё, а вазу просто посмотрели как отправную точку для изготовления кубков. Мы ведь, не музей и не органы правопорядка, не таможня... Мы — мастерская.

— Да, пожалуй.... А почему бы не отказаться совсем? Мы осмотрели вазу, но не осмотрели сырьё, в кристаллах могут быть недостатки, делающие работу рискованной — задумчиво спрашивает Лев Борисыч.

— Не могут быть, а есть.... В том кристалле, что поуже, небольшая трещина в центральной части, но Витёк с ней справится. Ему это даже удовольствие доставит... Лев Борисыч, ему такая работа раз в год перепадает, пусть отведёт душу. Он на свои морские цапки уже смотреть не хочет. Вы же видели, как он завязки от фартука рвёт. На сырьё для кубков нет клейма, значит, они чистые. Витька, он же спец — универсал, и по эскизам всё сделает великолепно.

— Хотелось бы мне знать, что этот господин Вилов собирается делать с будущими кубками... — задумчиво тянет шеф: В буфет поставит?

— В сервант под стекло. И будет считать им года, дни рождения отмечать. Мечтать о том времени, когда они станут антиквариатом под стать вазочке! — я не могу сдержать насмешки, и успокаиваюсь, чтобы сгладить впечатление.

— Долгонько же ему ждать придется. Лет этак.... Пятьсот?

— А тысячу и побольше, не хотите?

— Даже так? Действительно... — Лев Борисыч качает головой и тоже выдаёт короткий смешок: Хороший, какой город Бухара, всё в нём есть. Даже миленькие лавочки при медресе, где продают такие вот вазы.

— Ни один правоверный мусульманин, если он себя уважает, даже в руки не возьмёт языческую культовую вазу, тем более, — не станет держать её в медресе. Это, примерно, то же самое, что в церковной сторожке торговать скандинавскими рунами или гадальными картами.

Я ещё не готова ответить точно на прямой вопрос, но шефа интересует совсем другое.

— Где же он её раздобыл? Ограбил музей, или клад нашёл? Такие штуковины, как я понимаю, на дороге не валяются.

— Взял да и раздобыл вот! Не всё же из бывшего Союза вывозят, Лев Борисыч, надс когда — нибудь и сюда кой — чего привезти. В мире сейчас неспокойно, кругом революции, смены власти и прочие неблагоприятные для искусства события, вещей бесхозных навалом, — вот и привезли. Потому, что нет у нас таких кладов, а музейные пропажи я, время от времени, просматриваю. Эта ваза, как мне кажется, появилась не только за добрую тысячу лет от нас, но и не за одну тысячу километров.

— Ты уверена? Может, стоит Петренко подключить?

— Не стоит, шеф, потому, что я не уверена. Ничего идентичного из такого материала я ещё не видела. Сужу по степени старения хрусталя и некоторым стилевым особенностям. Если бы этот кубок искали, то я бы об этом знала. Я регулярно просматриваю сайт о ювелирных и антикварных пропажах. И я, честное слово, не знаю, чем мне не нравится эта ваза, но с ней лучше не связываться. Не наше это дело. Не царское...

— Ты права, не царское... — соглашается шеф: Ладно! Я делаю снимки и расстаёмся с этим сокровищем. Хорошо?

Нет, не хорошо! — кивая в ответ, думаю я: Вся эта история «не хорошо», но у меня нет по её поводу ни внятного объяснения, ни веских аргументов, ни перспективных выводов. Я не уверена, что эта чёртова ваза похожа на одну ритуальную штуковину, которая служила для проведения погребальных обрядов, потому, что материал не тот, и способ обработки не тот, и размеры имеют слишком внушительную разницу. А стиль не имеет особого значения, тем более что я не специалист. Если где-то в Передней Азии, кто-то, под шумок, разрыл древнюю могилу, то такая мелочь сейчас просто никого не интересует... Тогда, зачем нам суесться?

Собственные мысли и поступки можно хоть частично объяснить, просчитать, распланировать, но как разгадать действия человека, которого не знаешь, а главное — знать не хочешь? Они чреватые неизвестными последствиями. Может, этот Вилов, какой — нибудь кабинет министров подкупил, или чужое министерство внутренних дел... Был уже такой случай, когда на министерскую свадьбу посуду его императорского величества Александра Третьего из музея «позаимствовали». Где теперь ревностные хранители того музея? Нет уж, овцы пока целы... а вот с волками как? Но я молчу, не собираюсь попусту волновать шефа.

Вечер пятницы не радовал, а предстоящие выходные не вдохновляли. Что-то необъяснимое витало в воздухе, угнетая настроение. Может быть, спад азарта после удовлетворения удачной работой сменился неизбежной в таких случаях, усталостью, и я честно призналась в этом Дану, «заскочившему на минутку, узнать, как дела». Мне не понравился его озабоченный вид и я успокоила его подходящей к случаю фразой. Потом заговорила о работе.

— Мы сегодня очень неплохо потрудились над твоим заказом. Загладили все вмятины, царапины и прочие повреждения. Теперь закончу с восстановлением фрагментов узора и можно вставлять изумруд. Хочешь посмотреть? Правда, сейчас с крестом работает лазер. Не волнуйся: всё очень осторожно и максимально бережно, но нужно немного подождать.

— Я, действительно, ненадолго... Тина, у тебя всё хорошо?

— Всё как обычно. Почему ты спрашиваешь? И вид у тебя какой-то взбудораженный. Что-то случилось?

— Да нет, ничего особенного. День чуть хлопотнее, чем всегда... Время поджидает: врачи, процедуры, туда-сюда. А так, всё нормально.

— Тогда почему ты выглядишь беспокойным и слегка ошарашенным? И почему вдруг, ты спрашиваешь, хорошо у меня всё или плохо?

— Не знаю... Странное чувство. Так значит, всё в порядке? — он слегка касается моего запястья, отнимает руку и улыбается.

— Конечно, работа идёт. Я подготовила твой крест к вставке камня. А ты не хочешь, всё же, посмотреть? Почему? Отметил бы неточности, поправил. Можно даже по эскизам, если спешишь.

— Неточности — это не так важно. Главное — крест цел, ты его отремонтируешь. Остальное — уже детали.

— Ничего себе, неважно! Дан, ты соображаешь, что говоришь? Он — историческая ценность, этот крестик! Не говоря уже о его художественных достоинствах. Как же можно... Ну ты и сказал! Он хоть зарегистрирован где-нибудь как твоя собственность?

— Как собственность семьи. Он зарегистрирован как частная собственность в анналах русской православной церкви. Только фамилия владельцев широко не рекламируется.

— Понятно. Вы его нигде не выставляли?

— Никогда. Это же сугубо интимная вещь, как душа... Это особый крест!

Ага, а мальчик-то, начинает волноваться! Интимная, так интимная. И хорошо, что нигде не светился, так спокойнее, по крайней мере — мне. Неприятностей не будет. Всё чисто и он не врёт. А волнуется, потому что я ему мораль прочитала. Или... почему?

— Скажи, Дан, ты знаешь старославянский?

— Язык? В совершенстве, конечно, нет. Читаю, разбираю, догадываюсь.

— Читаешь? Ну и молодец! Завидно даже... Ты, наверное, по церковной литературе учил? Скучновато...

— По духовной. Совсем не скучно, если знать о чём читаешь.

— Так ты истовый верующий? Самый что ни на есть?

— Истовые в монастырях поклоны бьют. Я — обыкновенный. А ты совсем неверующая, Тина?

— Я — сомневающаяся. Агностик, так это, кажется, называется. То верю, то обижаюсь. Но убеждённой атеисткой меня, в общем-то, тоже не назовёшь.

Дан смотрит на меня внимательно и долго, без улыбки. Ну и глаза! Где-то я уже видела такой взгляд. Как бы, не там же, в культовом искусстве. Если мальчик, всё-таки альфонс, его карьера будет блестящей и очень плодотворной.

— А что тебя интересует, Тина? Ну, из старославянского?

— Мне попало слово... Знаешь, моё высшее образовательное хромает на обе ноги. Вот и старославянский тоже, кое-как.

— Ты учила старославянский? Где? Зачем?

Я делаю вид, что слегка задета его удивлением: Не учила. Только разбирала первоисточники, в которых упоминается ювелирное дело.

— Ясно. И какое слово тебе попало?

— Хорс.

— Хорс? А где тебе могло попасться слово Хорс? Это имя?

— Слово, имя, название, какая разница... Может оно и не старославянское, но что-то такое мелькает в уме, а я никак не выловлю — начинаю выходить из себя я, старательно сохраняя неподвижно-благожелательное выражение лица.

— И что, в ювелирном деле есть слово Хорс?

Всё-таки, он меня достал! Надо же! Даже не думала, что так скоро на него разозлюсь. Обычно это я таких загадочных красавчиков довожу до тихой истерики. Далее следует: прости-прощай, любовь не получилась, не поминай лихом.

— Нет, я не уверена, что в ювелирном деле есть слово Хорс, — помедлив, подчёркнуто спокойно выговариваю я, старательно растягивая слова и выравнивая интонации. — И не уверена, что это старославянское слово. И особенно не уверена, что этот вопрос меня очень интересует. Так что не будем об этом больше говорить. Ты будешь смотреть выполненную работу?

Я совсем добрая, спокойная и обходительная. Всё хорошо. Я ни на кого не злюсь. Мне уже за тридцать, я умная и сдержанная женщина, доброжелательно разговаривающая со своим клиентом.

Клиент моргает пушистыми ресницами, немного бледнеет, смотрит минуты две в моё приветливое лицо и соглашается.

Эскизы он посмотрел, похвалил, не нашёл никаких неточностей. Даже кое-что подправил в чертеже, очень умело и уверенно, а потом через Маринку пригласил меня вечером в «Поплавок». Иностранцы и там бывают. Но я искренне и с застенчивой лаской в голосе заявила юной прожигательнице жизни, что накануне критических дней чувствую себя усталой, угнетённой и вспылчивой. И отправилась домой в сопровождении кожаных мальчиков, не дожидаясь, когда «минутка» Дана подойдёт к концу.

В выходные я вообще никуда не выходила. Сидела дома и работала, а в перерывах спала. «Прогуливалась» в райке — на собственной лестничной площадке между первым и вторым этажом. От общего с конторой Семенова подъезда меня отделяет дверь на первом этаже, поэтому площадка на повороте лестницы тоже моя. Выходящий на неё чёрный ход надёжно заложено засовом, тамбур переоборудован в чулан, а перед окном-эркером ещё места на целую комнату. У меня здесь уже трёхлетний зимний сад с лианами, пальмами, цветочными ящиками и набором садовой мебели из белого пластика.

Кормила меня Галя. Она домработница сразу у трёх хозяев в губернаторском и

уборщица у «Семенова». Муж Галии православный армянин, она азербайджанка и семье с четырьмя детьми пришлось несладко в Баку во время религиозных распрей. Они попали между двух огней и натерпелись лиха, пока не перебрались в Россию, потеряв работу, дом с садом-кормильцем, родных, друзей и здоровье.

Сако теперь инвалид, но, слава Богу, хороший сапожник-надомник. Галия долго искала работу. Мне было плевать на разницу вероисповеданий, и я её наняла делать уборку, помогать в хозяйственных хлопотах и стирке белья. По моему примеру её взял младший Семенов, у него квартира во втором подъезде, а потом и Васо.

Галия неглупая и скромная женщина, очень порядочная и аккуратная и на этом держатся наши служебно-экономические отношения, но ещё мы с ней дружим. Она работает на меня два дня в неделю по три часа, а в выходные приходит поболтать и что-нибудь готовит, если я хандрю. Я частенько подкидываю одежду для её старшей, Нины, и снабжаю мелочью пацанов. Бывает, отдаю что-нибудь из мебели, стиральную машину после покупки «Индезита», палас, шторы... Галия не считает это подачками, потому что знает, как я к ней отношусь и всё время старается «отблагодарить».

Она единственная, кто знает всё о моём детдомовском прошлом и замужестве и ещё много чего, но, совершенно уверена — ни с кем этого не обсуждает. Я рассказала ей о себе специально, чтобы хоть как-то психологически настроить на позитив. Галия была так подавлена, что хотела наложить на себя руки: отец её проклял, а братья поклялись убить. Я боролась с её несчастьями целый год и, всё же, выиграла.

Она собрала все силы, а у женщины силы всегда находятся даже в самой безвыходной ситуации, удержалась на краю, и теперь поддерживает меня во время депрессий, чисто дружески, конечно, если можно так сказать. Морально я сама себе доктор. Только два человека знают и принимают меня такой, какая я есть, и один из них — Галия. Для остальных я образцовая старая дева с холодным ясным умом и приятными манерами, интеллигентная, симпатичная, себе на уме.

Крест Дана очень понравился Галие и это меня не удивило. Он действительно необычайно хорош и вера тут не имеет первостепенного значения.

— Моё сердце радуется и плачет, — сказала она и я согласилась. Вещь совершенно уникальная как по замыслу, так и по исполнению. Древние лучше нас умели втиснуть полёт фантазии в рамки канонов.

Женщина, для которой этот крест создавался, просто не могла быть владычицей-самодуркой. Она была в чём-то похожа на меня, только гораздо лучше — добрей, романтичней, простодушней и милосердней. Как это в ней уживалось с непоколебимой верой — никто не знает, и не узнает уже никогда. Наверное, любовь тогда умела быть созидательной...

Я работала с резцами медленно не только для того, чтобы растянуть удовольствие, мне очень хотелось сделать всё точно, надёжно и тонко. Кажется, это удавалось. Эскизы для кубков я успела набросать к началу недели, но не видела, какие из них удостоились одобрения клиента. Ашот во время его визита возил меня к ЛеМонти, где появились новые тряпки. Маринка поехала с Львом Борисычем на другой день, после обеда, а я вместо неё принимала посетителей, которые меня порядочно утомили. Если понедельник — день тяжёлый, то и вторник, только слегка полегче и Дана я встретила в настроении взмыленной ведьмы.

Кажется, эта дурища выдала ему причину моих настроений прямым текстом, потому что

вёл он себя предельно тихо, даже бережно и говорил приглушённым успокаивающим голосом.

Ну что ж, молодёжь у нас золотая, только оценить некому! Понимают друг друга как голуби — телепатически! Может они и дальше своркуются? Парочка будет — как в Голливуде!

Пришёл солидный клиент с табакеркой екатерининский времён и мы с Ашотом занялись его проблемами. Пока я ходила к сейфу за образцами янтаря, Дан успел испариться.

— Он через часик заглянет, Тина, — обронил Ашот, забирая янтарь. — Как раз шеф с Мариной вернутся. Хоздравати!

Когда Ашот говорит мне это слово, я всегда странным образом успокаиваюсь. Оно звучит как талисман. Я даже не знаю толком, что оно означает, кажется это по-армянски. Как-то я спросила и он сказал: «Так есть, и так будет всегда» — и я больше не спрашиваю. Есть, так есть, будет, так будет. Не очень-то утешительно, но из уст Ашота такой вывод умиротворяет. Раз всё так — приспособься и не ной, девочка. Средне-паршивая стабильность лучше, чем неведомое разнообразие.

Мы разобрались с табакеркой и заказчик ушёл, доверив её на попечении Ашота. Витька начал меня понемножку донимать.

— Что-то я не вижу твоего дежурного, Тайна! И когда ты успела от него избавиться? Не заметил! Ты его не в речку, случайно, скинула? Всплывёт где-нибудь к марту-месяцу!

Злиться на Витьку нельзя, он этого не заслуживает. Хороший, добродушный мужик, на которого всегда можно положиться. У него просто фантастическая работоспособность и балагурить он начинает только тогда, когда сильно вымотается, для поднятия боевого духа. Не поддержать его в такое время — настоящее свинство.

— Ви-и-и т-я-я! — укоризненно тяну я. — К какому марту? Река ещё не замёрзла. Завтра утречком и всплывёт где-нибудь за городом, ниже по течению. Жди, приедут! Свидетелем пойдёшь. Или соучастником. Тебе как больше нравится?

— И чего тебе надо, Тайна? Хороший парниша, из благородных. Плюнула бы на все свои высокие принципы, оттянулась бы по-людски. Даром же пропадаешь! — завёл Витька старую канитель.

— То есть как это даром? — я округляю глаза и укоризненно качаю головой, приговаривая томно, с придыханием героини-любовницы: А ты? Я же каждый день на тебя люблюсь, секс-символ ты наш! Вдохновляюсь. Ты же мой муз, Витя! Если бы не твой светлый образ, я бы молотка в руке не удержала!

Витька вступает в игру, приосанивается и бросает взгляд в зеркало на стене, подходит к нему неспешной походкой модели на подиуме.

— Да-а-а! Красив, подлец! — в тон моим причитаниям, заявляет он своему отражению, затем круто разворачивается ко мне на каблуках: — Зачем тогда дежурный ходит? К Маринке, да?

— К какой Маринке, Витя! Ты и только ты!

Теперь и Ашот начинает смеяться, а Витька делает оскорблённо-обиженное лицо.

— Что за намёки, Тина Аркадьевна? Я, извините, честный порядочный мужчина, а не какой-нибудь...

— Витя, я знаю! Ты честный, образцовый мужчина. Образ, я же сказала! Образ для вдохновения, образ для подражания.

— Ах, так?! Ну что же... можно, — дурашливо задумывается Витька. — Ашот, ты тоже... можешь... подражать. Я разрешаю, — и делает милостивый знак рукой наподобие отпущения грехов.

Он снова подходит к зеркалу, подмигивает себе в нём и поёт высоким фальцетом: Никто меня не любит так, как я-я-я-я-!

Мы смеёмся все вместе, а потом Витька продолжает свою программу танцем «маленького лебедя» под кассету Льва Борисыча и под конец падает передо мной на одно колено, протягивая кубок из мориона. Мы аплодируем, Ашот порывается сбегать за букетом для маэстро, но маэстро против.

— Букет от мужчины? Нет, нас неправильно поймут, Ашотик, прот-ц — ивный. Лучше тихое восхищение. Это будет так изыскано и волнительно... Ну, и как вам мой шедевр?

Мы разглядываем шедевр и восхищаемся уже по-настоящему. Так оперативно работать умеет только Витька. Кубок сделан бесподобно, точно, а главное — за один день. Наш Витёк — самый лучший резчик по камню, которого я знаю и мне приятно об этом сказать лишний раз. Я помню о слабом месте в заготовке мориона и пытаюсь отыскать на кубке, куда оно пришлось, но ничего не нахожу. Он довольно смеётся.

— Это здесь, Тина. Дай лапку... Теперь сама ищи...

Наконец мои пальцы смыкаются на одной из граней...

— А теперь рядом попробуй, — советует Витька. — Она тоньше. Чувствуешь?

— Так ты просто уплотнил эту грань?

— Да, на два миллиметра. Но края сверху одинаковые, поэтому не видно.

— Значит, трещины не будет?

— Нет, если не бить весь кубок с размаху об пол. При ударе разлом начнётся именно с этого места, но ведь тогда-то, уже неважно. Тогда весь кубок разлетится вдребезги.

— Да, Витёк, — исследуя после меня хитрую грань, делает заключение Ашот. — Никто тебя не любит, так как ты. И оценить не в силах. Шеф мало запросил.

— Даже если бы больше — всё равно мало, — вздыхает Витька. — Знали бы вы, как он мне тяжело дался, этот кубок! Как будто кто-то в локоть толкал... Ну не идёт — и всё! Я на эту работу все свои любимые слова сказал. Каждое — по много раз. Слушай, Тина, а зачем Вилову эти чёртовы кубки? Он что, пунш собирает в своей вазе варить, а потом распивать из этих кубков?

— Вдвоём, что ли? — усмехаюсь я, чувствуя, как снова начинаю потихоньку наливаться тоскливым ощущением этого серого непогожего дня. — Пунш пьют в большой тёплой компании и все вместе, а не по очереди.

— Да знаю я... Не нравится мне что-то, эта хренотень, я из-за него я без пальцев остался. Верите, с утра раз десять порезался... Вот.

Он демонстрирует нам свои измазанные йодом пальцы в заплатках лейкопластыря и настроение почему-то снова падает ниже нулевой отметки. У Ашота совсем безрадостный вид, а для него это большая редкость. Обычно он хорошо собой владеет.

— Бюллетень бы такому клиенту подкинуть, — мечтательно добавляет Витька. — А как хотелось душой отдохнуть...

Тренькнул звонок и Дан вошёл в салон, стряхивая с рукавов дождевые капли.

— Вот они, легки на помине. И часа не прошло, — тихо бормочет Витька. — Бедняга, зря ты ходишь. Зря! Ничего тебе не обломится!

— Витя, заткнись пожалуйста, — понизив голос почти до шёпота, прошу я. — Не

каркай!

— А я и не каркаю вовсе. Я крякаю: кря-кря, зря-зря.

Ашот всё-таки улыбается и, оставив на полку крошечный перламутровый кораблик с бирюзой, идёт за чайником.

Вблизи Дан выглядит не самым лучшим образом. Лицо осунулось, губы запеклись, под глазами — глубокие тени.

— Вот, решил зайти, посмотреть, как вы здесь — говорит он, окидывая нас взглядом.

— Мы здесь помаленьку. А вот ты, кажется, нездоров. Что, загрипповал?

— Нет, просто расклеился немного. К дождю ломает, что ли...

— К морозу. Снежно-талому и омерзительно южному — мрачно предрекаю я.

— Что? Ты о чём, Тина?

— Я говорю, что тебя ломает к морозу. Скоро будут заморозки. Ты кофе будешь?

— Лучше чай. Ты сводку слушала?

— У меня свои сводки. Садись поближе к батарее, а то синий весь. Куртку давай.

— Спасибо, я сам... — он накидывает куртку на спинку стула и поворачивает к радиатору: А что значит «свои сводки», Тина?

— Думаешь, кроме тебя больше никто не воевал, нигде и никогда? У всех нынче боевые раны ноют. Мои детские переломы тоже.

Дан чуть построжел лицом, но сказал мягко, успокаивающе: Тина, детские переломы это не боевые раны.

Лучше бы он этого не делал! На фоне хлопотного и пасмурного дня замаячил призрак Олега Зотова и дурная волна раздражения понесла меня на всех парусах в неизвестном направлении.

— Ещё какие боевые! Самые настоящие боевые ранения имени детского дома Радуга. Семь переломов и трещин, не считая вывихов и сотрясений...

Он уставился на меня с застывшим лицом и беспомощными глазами спаниеля, а губы совсем посинели.

— А ты детдомовская?

Теперь я разозлилась уже на себя и прикусила язык. Кажется, мальчик заставляет меня болтать лишнее. Никогда я не говорила здесь о детдоме, даже не упоминала... Ну что за идиотка! Я с кривоватой, по собственному впечатлению, улыбкой пожалала плечами и пошла за чайником, ругаясь про себя в выражениях, которые не принято произносить вслух.

Ашот с бесстрастным лицом смотрел в окно над печкой, с кипящим чайником. Господи, а этот-то причём! Ну почему я временами бываю такой непроходимой дурой?

— Осторожно, Тина, горячий...

Витька убрал на свой стеллаж кубок, подошёл с мрачным видом.

— Я уже заварил, цейлонский. Там полный чайник, заварка свежая. Я тоже чаю... Холодно.

Мы тягостно помолчали, каждый за своей чашкой. Минут десять слушали тоненький писк Лебединого озера, потом Витька выключил кассету. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Как спасительный сигнал прозвучал колокольчик у двери и Ашот поднялся посмотреть входящего.

— Витя, готовь свою рюмку. Это Вилов.

Витька вышел сам, оставив дверь открытой.

— Добрый день, Хорс Камилович — услышали мы: У меня всё готово, как и обещал.

Принимайте работу. Второй, как договорились, завтра в это же время, чуть позже.

Дан, услышав имя Вилова, коротко взглянул на меня и встал вместе с чашкой, обхватив её пальцами. Лицо безразличное, взгляд рассеянный. Но что-то между ними проскочило, хотя и Вилов тоже был вполне спокоен, даже немного вял.

Может быть, они знакомы? Так вот почему Дан так упёрся насчёт старославянского слова Хорс? Да уж, конспиратор! В Чечне он, наверное, служил при штабе писарем... Может, в Чечне и виделись? Но Хорс не чеченец... Он, скорее всего, наполовину татарин. Надо у Маго разведать. Или... Нет, Маго в эту историю впутывать не хочется, он дотошный и вцепится как клещ. Подождём без спасателей...

Я прослушала начало разговора, но говорили, кажется, о заказе. По лицу клиента трудно было определить, доволен ли он работой, но это не волновало ни Витьку, ни, честно признаться, меня. Заказ выполнен и очень качественно, это главное. Мы можем наслаждаться свободой и чистой совестью. Правда, у Витьки впереди ещё целый день работы, за который нужно сделать вторую чёртову рюмку...

— А у вас новый работник, как я погляжу, — заметил Хорс, встав на пороге двери, отделяющей мастерскую от приёмной и улыбнувшись в сторону Дана — Штат прибавляется, значит, дела идут успешно.

— Нет, Хорс Камирович, — протискиваясь мимо него в комнату, вежливо протараторил Витька. — Это не новичок. Это приятель... Марины. Она у нас прибарахляется в ЛеМонти, Лев Борисыч ещё и жену с дочками прихватил за компанию. Женщины, это всегда так долго... Дан совсем замёрз, вот мы, все вместе и отогреваемся.

— Прекрасно, прекрасно. Чаёк в такую погоду лучше водки. — Вилов, как будто, ждал, что ему тоже предложат чаю, но мы дружно сохраняли молчание. Отругать нас за нарушение правил этикета некому. Шефа нет и Хорс Камирович вряд ли ему пожалуется.

До чего же противный и гнусавый у него голос! И ещё эти прищёптывания в конце предложения как змеиное шипенье. А голос Дана, после него, даже хрипловатый, звучит почти музыкой.

— Какое необычное имя — Хорс. Иностранное?

— Да, знаете... — сиплый смешок, покашливание. — Мама у меня затейница была, хотелось ей, видите ли, экзотики. Есть испанское имя Хорас, от «Георгия», или что-то в этом роде... А женщина она у меня была простая (земля ей пухом), вот и записала: Хорс. Супруга всё в молодости шутила, Хоренькой звала. Смех да и только — Хоренька! Деток вот нет, а то были бы Хорсовичи. Хоть какое-то утешение. Теперь-то уж, привыкла...

Вилов улыбался и смотрел на нас апатично и сонно, переводя взгляд с одного на другого где-то на уровне плеч и ртов, не останавливаясь на деталях и не пытаясь заглянуть в глаза.

И чего он так старается выглядеть попроще да поглупей? Для Дана прикидывается? Что там между ними? И вообще, что тут такое затевается? Пришли один за другим два клиента, принесли два ценных заказа... По спине словно ледяная волна прошла, а загривок — торчком!

Лев Борисыч привёз счастливо оживлённую Маринку с охапкой коробок и свёртков, и Вилов начал с ним раскланиваться, улыбаться, рассыпаться в уверениях, восхищениях и благодарениях. Маринка ловко упаковала ему свёрток, а Хорс всё не уходил, говорил и говорил нудно и пространно своим отвратным голосом, не на кого конкретно не глядя, так долго, что у меня зашумело в ушах.

Он делал множество мелких суетливых движений, мельком посматривая в сторону

Дана, как будто стараясь доказать, что всё это представление не для него. И исподтишка за ним следил. Маринка весело подскочила к Дану, что-то болтала, теребя его за рукав, и тот отвечал ей, весь внимание, а сам тоже наблюдал. Мне стало так муторно, что я решила выбыть из этого странного представления — собрала пустые чашки и отнесла в раковину.

Наверное, вся эта катавасия не для средних умов. Хочется потешиться — пожалуйста, но без меня. А я устала. Добраться до дома, ванна — и в постель.

Я вытерла посуду и поставила в тумбочку, когда Вилов уходил. И вдруг он, со всей возможной любезностью, прогундосил от самого порога: А вам большая, особая отдельная благодарность, Тиночка, за ваши прекрасные эскизы. Вы необычайно чутко уловили основную идею комплекта, его общий стиль...

При звуке моего имени, прозвучавшего из уст Хорса, Дан заметно вздрогнул, и мне показалось, что Хорсу это доставило удовольствие. Дан сделал шаг ко мне, а Ашот обернулся на стуле прямо возле моего плеча. Отошедший Витька вернулся от кладовки, и Маринка тоже подошла, взяв меня за руку. Лев Борисыч стоял перед открытой дверью, наполовину закрыв от нас Вилова... На какое-то мгновение мне почудилось, что в комнате стало теснее и теплее. Мы, вшестером вместе с Даном были одним целым, а маленькая головка Вилова с прямым целенаправленным в меня взглядом, издалека казалась крошечной. Хорс ещё раз оскалился в улыбке и дверь за ним захлопнулась.

— Тина, а ты имеешь успех, — пошутила Маринка, заглядывая мне в лицо. — У тебя сегодня удачный день.

Никто её не поддержал, только шумно вздохнул Витька.

— У-у-ф-ф-ф! Шустрый дядечка. Заговорил совсем...

Мы стали собираться домой, но то удивительное ощущение тепла и послевкусия чего-то общего и близкого ещё осталось у меня в горле, где-то в ямочке между ключицами.

— Кто меня отвезёт? — Маринка, улыбаясь счастливым магазинным воспоминаниям, сложила гору покупок на стол. — Я всё это не донесу. И ещё у Тины два пакета... Дан, ты ведь на колёсах? Подкинешь нас, да?

Я постаралась отговориться, не дожидаясь согласия Дана: Я могу и сама дойти. Своя ноша не тянет. Да и идти-то мне — каких-нибудь сто метров.

— Ну, Тина! Чего ты? Зачем мокнуть под дождём, когда есть авто? Дан нас отвезёт.

— Хорошо, — соглашаюсь я, не глядя на обоих. — Только меня посадите первой. Устала...

Дан, не говоря ни слова, подхватывает свёртки и первым выходит в сизую вечернюю морось.

Мы молчали до самого моего дома и только притормозив на пяточке, Дан с заметной осторожностью в голосе спросил: Тина! А твоё имя, это уменьшительное от какого?

Маринка смущённо хмыкнула и, вроде бы, толкнула его ногой. Я так вымоталась, что на новый приступ недовольства просто не хватило сил.

— Тина — это от Кристины, Дан. Я — Кристина. Имя, конечно, дурацкое и с претензиями, но какое уж есть. Только, ради Бога, не вздумай называть меня Кристей, Крысей, или ещё как-нибудь в этом роде. Я тебя отшлёпаю.

Кажется, он обиделся...

Никогда не имею привычки отмахиваться от своей интуиции: научена горьким опытом. Если предстоящая затея мне заранее не симпатична, значит, жди неприятностей. Однажды, в четвёртом классе, нет, уже в пятом почти, мы летом отдыхали в пионерлагере. И поехали на озеро Боровое, в трёх километрах от нас. Мне страшно не хотелось ехать. Даже перспектива начистить вручную две здоровенные кастрюли картошки на обед, не казалась совсем противной, но меня уговорила подружка Лилька Мельман, которая без моей защиты старалась никуда не ходить. На кухне остались обгоревшие на солнце до волдырей близнецы Хасан и Хусан, а мы поехали.

Сначала на обратном пути поломался наш старый автобус и замаячила угроза опоздать к обеду. Все решили идти пешком. Я выступила против и выслушала огромное количество самых невообразимых характеристик. Мы всё-таки пошли, оставив с шофёром самых мелких, вместе с сердечницей Марьей Петровной. Нас повёл Сашка Ваганов, детдомовский, из первого отряда. По дороге все шутили и дурачились, пугали меня волками, медведями и убийцами, хохотали, а я злилась и не отпускала от себя Лильку ни на шаг.

Где-то на полпути мы набрели на пасеку и старый седой дед, по виду — настоящий волшебник из сказки, узнав, что мы детдомовские, выставил нам здоровенную чашку мёда в сотах, целый тазик. У него не оказалось ни хлеба, ни молока, ничего... кроме мёда. Мы обожрались до полного счастья, ели так, что за ушами трещало. Съели тазик, потом ещё и ещё. Дед нас предупреждал, что соты надо выплёвывать, но где там! Так, прямо с воском и схавали, наверное, по килограмму на брата. Уже к ужину наш лагерь превратился в лазарет. Мне никогда не было так плохо, но я выжила. Промаялась в изоляторе три дня, потом полтора месяца болела желтухой, но выжила.

Лилька умерла от заворота кишок и перитонита. И Сашка Ваганов тоже умер, здоровый красивый парень, гордость детдома, всеобщий защитник и друг. У него оказалась аллергия на сопутствующие мёду ингредиенты. Говорят, что добрый дед тронулся умом, простаивая возле сельской больницы дни и ночи...

До сих пор терпеть не могу мёда. И никогда его не ем. И всегда верю своему шестому чувству.

Когда в субботу мне позвонила Нина Сергеевна и стала говорить о нашем с Маринкой и Даном походе в ресторан, я сразу подумала, что это мероприятие мне не по душе. Нина Сергеевна щебетала о ресторане как о решённом деле, давала мне множество советов и рекомендаций, и я не стала ей сообщать, что для меня это новость, что я никуда с Маринкой не собиралась и хотела весь вечер тихо и мирно колупаться за рабочим столом.

После матери позвонила, от соседей, Маринка и долго умоляла, просила прощения, называла «миленькой», «лучшей на свете Тиночкой»... Вот, интересно, в какое место можно послать сначала жену, а потом дочь начальника налоговой полиции без риска оказаться там самой вместе со своим дорогим шефом, да и со всем Изумрудом в придачу? У Дана я даже не стала спрашивать, сговаривался ли он с Маринкой, или его тоже надурили, как маму с папой. Судя по голосу — невинен как агнец.

— Хорошо, Дан, к восьми я буду готова. Если опоздаешь — ничего страшного. Я подожду.

— Тина! — забеспокоился он. — Что-то не так? Ты сердисься?

— Нет, тебе показалось. Всё так. Ну, пока! Увидимся позже.

Всё «так». Так, как обычно, вернее, как уже бывало. В тот период моей жизни, который я называю «Годом Наседки». Вообще-то, это было гораздо больше чем год... Под орлиным оком мадам Ивиной я, бывало, и неслась и кудахтала. Тёплый семейный очаг, престижная работа, успех и благополучие. Дурной марафон по зоопарку светской жизни! И крутилась, и вертелась, и угождала. Наишачила две диссертации — не свои, нахапала прорву жизненных благ — не себе, разлила море заботы и привязанности — в пустоту. «Жить, чтобы есть, это так банально, лапочка! Есть, чтобы жить — вот достойный девиз мудрого и стремящегося к гармонии человека». Очень неплохо, кстати, ела за мой счёт и хлебосольно угощала «людей своего круга».

Желание иметь семью делает людей идиотами и лучшим местом романа-эпопеи «Жизнь и смерть семьи Ивиных» стал эпилог, а вернее, монолог, полностью непечатный из-за обилия виртуозных идиоматических оборотов. Воспоминания о нём до сих пор согревают моё хулиганское сердце.

Ну, всё, о радостном — достаточно! Пора готовиться к празднику. Хоть бы Палас загорелся что ли! Вот это был бы праздник. Приезжаем — а там головешки. Ну-ну, мечтать не вредно! И что же мы оденем...

Ближе к вечеру я успокоилась и занялась своим внешним видом. Помыла и высушила волосы, приладила шиньон, выбрала платье. Люблю одеваться так, чтобы не бросаться в глаза и при этом выглядеть элегантно. Серое платье от ЛеМонти сидело хорошо, правда, цвет можно бы и поглуше, этот слишком выделяет мою «интересную бледность». Но нездоровой я сегодня не выгляжу, потому что хорошо выпалась. Будем считать, что это аристократическая белизна кожи — успокоила себя я и подкрасилась чуть ярче обычного.

На шею решила надеть гривну. Светлое серебро с бирюзой хорошо сочетались с платьем, а глаза заметно позеленели. Я сделала зеркалу лицо томной дурочки и засмеялась.

— С кошачьей желтизной, значит? Ну, Лев Борисыч, поэт вы наш...

Дан с Маринкой подъехали без десяти восемь и я не успела выйти в подъезд. Пришлось пригласить их в дом. Мне не хотелось, чтобы Дан привыкал ко мне настолько сильно, но Маринке срочно понадобилось полюбоваться на себя, а он, конечно, охотно согласился посмотреть «как я живу». Выехали в восемь и до «Паласа» добирались дольше обычного. Мокрый снег подмерзал на асфальте в скользкий лёд, машины ехали медленно.

В зале было многолюдно и Маринка, в новом сногшибательном туалете, сразу привлекла к себе десятки восхищённых взглядов, в том числе — и не отечественных. За себя я не волновалась. Иностранцы были, в основном, англичане, а у них такого добра и дома навалом. Их интересует «рашен экзотик». Я, после долгого изучения, привлекаю, обычно, французов или итальянцев. Первые предполагают за хорошим вкусом тонкую натуру, а итальянцев просто подогревает свой собственный спортивный интерес. Правда, через несколько столиков от нас шумно веселилась компания смуглых восточных мужчин, но у них были свои дамы.

Мы сделали заказ, посидели, потом поболтали с Артуром. Он здесь не то компаньон, не то коммерческий директор и работает по вечерам. Пела его сестра, Лара, и это было хорошо. Она мне нравится. Умеет владеть своим небольшим, но красивым голосом и манеры у неё вполне приличные, без всяких претензий непонятой звезды. В ней вообще было что-то такое, что я могла бы с ней подружиться, но муж у неё как раз с претензиями и дебил, каких мало. Поэтому я с ней только раскланиваюсь.

Артур неровно дышит к Маринке с самого конкурса «Мисс Город» и заливался соловьём, пытаясь ей угодить. Ничего серьёзного тут, конечно, не получится, девочка метит повыше, но выслушала она его благосклонно, очень мило и очень звонко-мелодично посмеялась над шутками, приняла цветы. Пообещала танец, с детской непосредственностью проверив, как на это реагируют окружающие. Окружающие реагировали во все глаза и я настроилась на то, что вечер будет суетливым, но вполне сносным. Девочка повеселится, мальчик посмотрит и запомнит, «лучшая на свете Тиночка» порадует за молодёжь.

Презентация французской кухни началась с закусок и я решила, что они неплохие. Лягушек не подавали, сырые шампиньоны в каком-то особом соусе я не доела, но нашла достаточно терпимыми. Дан с Маринкой попробовали устриц и сказали: ничего особенного, но я предпочла салат. Чёрная икра по вкусу не отличалась от русской. Маринка потащила Дана танцевать, а я закурила, оглядывая зал. Не люблю Палас. Много шума, много людей, нет интима, всё на виду. Обилие случайных лиц, зареченских братков и проституток.

Из глубины зала мне помахал рукой Маго. Когда-то он оказал мне услугу, теперь мы дружим. Я всегда беру себе его заказы по «минимуму», а он без очереди и проволочек обслуживает мой рено не говоря уже об образцовой защите нашего салона его парнями. Минут через пять он подошёл меня пригласить.

— Тина, пойдём. Не могу видеть, как такая женщина сидит, когда звучит музыка.

Маго предпочитает ярких блондинок со стервозными манерами и пышными формами, по крайней мере, я его с такими вижу в увеселительных местах. Может, ему надоели покорные лица горянок, может он считает, что открытое ухаживание позволительно только с женщинами, которые имеют независимый характер, не знаю, но на Маринку он не обращает особого внимания, и она на это злится. Она вообще с особой ревностью реагирует на все знаки внимания, оказанные мне, а не ей. Но сегодня его почтительно-восхищённый поклон девочку удовлетворяет. Покорённых и так достаточно, а они с Даном — прекрасная пара. Тем более я — не во вкусе Маго, меня пригласили из вежливости. Мне это безразлично, потому что Маго — прекрасный танцор — ловкий и бережный.

Мы с обоюдным удовольствием «прошлись» по площадке. Пьяных было ещё мало, никто не толкался и не паялся. Я вернулась к столику и нам подали горячее. Я поела с аппетитом, Дан тоже. Маринку без конца приглашали и она успела только «поклевать». От успеха она ещё больше похорошела, разругавшись и выглядела настоящей звездой. Будет о чём пошутиться с Ленкой.

Сладкое я оставила на Маринкино усмотрение и она по-детски увлечённо принялась расспрашивать официанта, а я вышла в туалет. При повороте с лестницы меня ощутило-таки толкнули и я, извинившись, оглянулась. Сразу узнала Рыжую из Курятника, которая старалась привлечь внимание Дана.

— Ходи потише, швабра! Отъедятся, а потом на телеге не объедешь! — нахально заявила она мне, жарко выдохнув в плечо.

Вес у меня, вернее всего, такой же, как и у неё, труженицы, а вот рост сантиметров на пять повыше, но я не спорю. Было бы о чём... Безразлично скользнув взглядом по золотым шортикам, обтягивающим аппетитный задок, прохожу мимо. Рыжая что-то шипит вслед, но я уже закрываю за собой дверь. Когда я, подкрасившись, выхожу в фойе, меня ожидают на лестнице несколько разряженных девиц, со скучающим видом подпирающих стену с сигаретами в зубах. Вот тебе и сюрприз!

Я слышу озноб, пробегающий по затылку, и успокаиваю участившееся дыхание.

Предварительный обзор позиции не обещает ничего хорошего.

Наверное, Совка новеньких набрал, он любит частую смену состава. Вот эту чёрную, я уже видела, тоже в Курятнике. Крепкая девочка, и взгляд у неё недобрый. Да и остальные... Особенно вон та, с пустыми глазами пакостливой козы и толстой шеей. На все восемьдесят кг с лишним потянет. И командующий в этом войске, наверное, она. А чёрная — начальник штаба или комиссар. Комиссар, конечно, улыбочка выдаёт.

Я остановилась у двери, прикидывая расстановку сил. Пятерых было многовато... Или четверых: одна, сильно навеселе, не в счёт. Её прихватили за компанию, пинать лежащего. Одну такую женщину, простую домохозяйку, мне приходилось однажды видеть: чёрное лицо, выбитые зубы, разорванные мочки ушей и переломанные пальцы, комкающиеся лохмотья одежды на плечах. Ей тогда досталось не по полной программе: мы возвращались из гостей и спугнули юных воительниц. Я, скинув туфли, неслась за ними до самой остановки, но не догнала. С животом за автобусом не побегаешь...

Самая опасная — Коза... И Рыжая с Чёрной. Спортивные девочки. Но не орать же «караул!» И хоть бы кто прошёл! Раньше двери «Мы» и «Жо» были рядом, а теперь вторая закрыта... Если бы я пошла с Маринкой, всё бы обошлось. За ней бы кто-нибудь увязался, зажигалку поднести. Но разве её от десерта оторвёшь?

Рыжая не выдержала и стала спускаться ко мне по ступеням. Правильно, я бы вверх и не пошла, не совсем дура...

— Слушай, старушка, нехорошо получается. О вечном пора подумать, а ты хвостом вертишь. Оставила бы мальчика...

Дальше началось живописное, не совсем цензурное, о моих внешних и внутренних достоинствах. Не очень верно, но почти остроумно, хотя можно бы и позабористее, с включением нормальных слов. Она резко подняла руку к виску и я сделала ошибку. Шагнула ей навстречу, открывая спину. Чёрная тут же подскочила сзади, хватая меня за волосы. Я мотнула головой и резко оттолкнулась локтём, оставив свой платиновый шиньон в её руке.

— У-о-о-у! Моё кольцо! Украли, сука! — пропела Рыжая, дёргая мою гривну и разрывая цепочку, поцарапавшую шею.

Вот этого и не следовало делать, девочка... Эта гривна — моя дипломная работа, она мне дорога как память! И лицо той женщины...

Я молча оттолкнула Рыжую ударом в плечо и вернулась в туалет. Всё! Никаких разговоров не будет! Вы меня утомили, девочки! Я должна развеяться и отдохнуть душой...

Сначала мне стало холодно, потом обдало жаром от лопаток и до колен, сердце застучало чаще и подскочило к горлу. Забытое тёмное чувство ярости ударило в голову и я стала продираться через него, напрягая и расслабляя веки. Спокойствие, вот только спокойствие... Девочки, вы просчитались!

Вы ошиблись и ваша ошибка вам недёшево обойдётся. У проституток хорошая школа, что и говорить! Вы получили обучение на чердаках и в подвалах, на улице и под кулаками буйных клиентов. Вы прошли естественный отбор... но вы никогда не знали уральского детдомовского детства. Для полной победы вам надо меня убить! А вот этого у вас никогда не получится...

Они кинулись за мной гурьбой и пьяная белёсая сразу заклинила дверь ручкой от швабры. Я отступила к свободной стене, отметив, что Коза примостилась слева от меня, а Чёрная — справа. Рыжая подошла без опаски, вольно, с моей гривной в руке.

— А теперь серёжки, бабуля! Про мальчика потом поговорим...

Я взяла её за уши и крепко впечатала свой лоб в улыбающееся личико. Её хорошенький носик хрустнул и она, закричав, уронив гривну, схватилась за него, приседая на месте. Я откинула её ногой и одновременно заехала Козе в глаза пальцами. Чёрная успела врезать мне под рёбра и я, глотая воздух мелкими порциями, снова отбила её локтем. Хорошо попала, удачно: прямо над желудком, но главное — Коза.

Лыжный спорт не забывается надолго! Сколько лет, сколько зим... Теперь ногой! Ноги у меня крепкие и меткие! Уже не обращая внимания на боль от ударов, я подрубила Козу под колени и схватила за хомут-воротник, потрясла, чтобы вся её тяжесть пришлась на горло. Коза захрипела, несколько раз дёрнулась и рухнула на кафель мешком, обдирая мне каблуками ноги.

Четвёртая из девиц разозлила меня окончательно, когда крепко припечатала в висок. Я ухватила её за волосы и с размаха уложила лицом на своё колено.

Бешенство уже разливалось во мне горячей волной, сдерживаться становилось всё трудней. Я плохо сознавала, где я, что делаю, что у меня болит и зачем всё это.

Ну за что? Почему? Почему я не могу пожить спокойно? Почему всё время что-то не даёт мне просто тихо и спокойно жить? Убить! Убить к чёрту... Нет, не убить... нельзя убить. Покалечить... как ту женщину. Тем более, есть за что!

Белесая кинулась к двери, которая уже трещала от ударов снаружи, но я её не тронула. Пнула несколько раз Козу под дых, а Чёрную простучала лбом в стену и она перестала сопротивляться. Я ненавидела этот ухоженный узкий туалет, его кафельные стены, чистенькое зеркало, кусочек мыла на окровавленном полу... Я не люблю крови... кровь должна греть тело, а не пачкать пол.

— Зачем? — Я подняла голову Рыжей, схватив за мягкие, совсем не рыжие на ощупь волосы. — Зачем это надо, кому?

Она, зажимая разбитый нос левой рукой, другой попыталась расцарапать мне лицо, но попала в плечо и выдрал клочок волос у виска, впиалась ногтями в платье и в кожу. Я саданула ей коленкой в бок и подтянула к унитазу, несколько раз успела окунуть лицом в воду, когда Дан схватил меня в охапку и оттащил назад. Ещё несколько минут я, очень плохо соображая, билась в его руках, пытаюсь плюнуть в красную физиономию Совки.

Потом у меня заболело сразу всё тело и я успела отметить в зеркале своё лицо — бледное до синевы, с горящими глазами и растрёпанными волосами. Остальное тоже было «не в порядке» — оторванный рукав и исцарапанное до крови плечо, клочья колготок, свисающие с ободранных ног, которые еле-еле прикрывали остатки подола.

Так же нельзя! Господи! На что же я похожа? Леди так себя не ведут. У леди не бывает таких ног. И таких лиц — тоже. Да, была леди, и вся вышла... Да что же я... Спокойствие, вот только спокойствие... Не смешно! Больно! Снова рёбра... И как же это больно...

Окончательно я пришла в себя в кабинете Артура, на диване. Дан осторожно поглаживал меня по руке и прижимал к моему левому виску салфетку со льдом. Перепуганная Маринка, стиснув на груди мою гривну, собиралась снова плакать. Сбоку от телефона подошёл Артур.

— Тина, ты как? Сейчас будет врач.

— Убила? — Голос был сухой, царапающий гортань.

— Что? Ты не поднимайся, не двигайся. У тебя может быть сотрясение.

Напугал! Мои сотрясения можно в Книгу Гиннеса записывать.

— Я её убила?

— Нет, нет, что ты! Все живы... Ну и отделала же ты их, Тина! Не ожидал, честное слово, не ожидал. Да ты у нас...

Кроме изумления у него в лице есть ещё что-то неуловимое, интерес, что ли, который мне не нравится и я оглядываю себя.

Всё в порядке, прикрыли. Одеяльце, правда, сомнительной свежести, зато беспорядок в одежде не виден, всё как надо. А прочее...

Я медленно вытягиваю руки, распрямляю ноги и шевелю всеми пальцами. Сломанных нет, только на руках ободраны костяшки. А рёбра всё-таки треснули, потому что дышать больно.

— Не надо мне никакого врача. Я хочу домой — отталкивая от себя стакан с водой, заявляю я.

— Да ты не волнуйся, Тина, — успокаивает Артур: Я Доку позвонил. Это Док приедет. Док бывший главный хирург. После травмы он больше не может делать операции и поэтому работает на станции переливания крови. Но полставки хирурга у него осталось, потому что диангоста лучше, чем он, в городе нет, хотя основной источник его заработка — «левые» больные. Это, естественно, знают не все, но я знаю. Сегодня «левой буду я». Никакая милиция здесь не появится.

Теперь я злюсь на себя. На кой чёрт был нужен этот бой до победного конца? Злость хороший анальгетик, зато плохой советчик. Теперь вся эта история обрастёт такими слухами, что моей хорошей репутации приснится полный гвоздец! Я прикидываю реакцию нашего Дома Быта, соседей, псевдо-родственников и так далее, и тошно становится до бесконечности.

— Тогда пусть Док приедет ко мне домой. Не хочу никаких осмотров, особенно здесь. И вообще со мной всё в порядке. Пусть мне принесут пальто. А у Дока и так сегодня пациенток хватит!

— Ещё чего! — возмущается Артур: — Совка пусть свой товар где-нибудь в другом месте лечит-ремонтует! Набрал подкрепление... Божился, гад, что обучены хорошим манерам.

— Новенькие, значит? Я так и подумала — я всё же отпиваю глоток воды и бросаю короткий взгляд на края стакана. Крови нет, значит — просто трещины.

— Всего месяц поработали. Пустил на свою голову... Но это же бизнес, Тина! Ты понимаешь, что это от меня не зависит. Мне сказали — я их впустил.

— А кто тебя винит, Артур? Успокойся. Меня это вообще не касается. Я случайно оказалась в неподходящем месте в неподходящее время, вот и всё.

— Да ты только скажи Маго, и от всей этой своры здесь даже воспоминаний не останется.

— А что, они у Маго под крышей? — от неожиданности я даже забываю про боль.

— Да что ты, Тина! Маго не пачкается, — в голосе Артура появляются нотки уважения и гордости: Ни девочек, ни наркоты за ним нет, ты же знаешь. Ну, водка, машины, ещё кое-что, только не это... Он даже охрану и то, им никогда не даёт. Да он из Совки сегодня чуть котлету не сделал. Зареченские отбили, увезли всех. А если ты скажешь — он его из-под земли достанет.

— Ничего я не скажу! Ещё не хватало, чтобы из-за меня свара началась. Я сама влезла в проблему, сама из неё и выбралась.

Артур снова смотрит на меня как Колумб на Америку и мне это опять не нравится.

— Знаешь, Тина, никогда не понимал, почему Маго тебя уважает. Как мужчину, уважает, правда.

— Теперь понял? — не сдержалась я.

— Теперь понял, — соглашается Артур и переводит разговор на менее щекотливую тему: А зареченским он наказ дал. Лечение, платье, тебе всё оплатят, по полной программе, не беспокойся.

— Ещё чего! Только сутенёрских денег мне и не хватало! Нет уж, спасибо! И Маго пусть не вмешивается. Это моё дело, частное, если хочешь. Я уже во всём сама разобралась. Всё что надо получила, всё что смогла, отдала.

— Ты только не волнуйся, Тина. Нет, так нет, сама и скажешь Маго. — Артур снова становится услужливым администратором, заботливо пекущемся об удобствах клиентов.

— Тиночка, — вмешивается в наш разговор Маринка, глядя на меня покрасневшими испуганными глазами: — Тебе больно? Тебе очень больно, Тина?

— Нет, всё нормально. Успокойся, я не собираюсь умирать. Смотри сама не упади, садись-ка лучше. Артур, дай ей стул, чтобы не дай Бог, не свалилась...

Но Маринка старается быть поближе и усаживается рядом со мной на узкий диван, потеснив Дана: Что им надо было, Тина? Почему они к тебе пристали? А я-то, глупая, видела, как они все выходили из зала, но даже не подумала... — она нервно передёргивается и снова вытирает глаза. — Чем ты им не понравилась?

Мне не по себе их близости, тесно и неудобно. Очень хочется оказаться одной и помолчать, но даже мечтать об этом сейчас глупо и нереально. Нужно просто немного потерпеть...

— По-моему, им очень понравился Дан. Рыжей. И кто-то из них решил, что именно я стою на пути её счастья.

У Дана вырывается удивлённый возглас, а лицо становится несчастным.

— Тина, прости... Прости, прошу тебя! Мне и в голову не приходило... Я даже не знаю этой девчонки. Пару раз случайно подвёз, почти не разговаривали...

Ангел да и только! Свалился как снег на голову, подкупил этой работой, заставил всколыхнуться мой тихий омут, а теперь сидит, святая простота, и лупает мохнатыми глазками. Эта драка в общем-то ерунда, а вот круги пойдут... Что свидетели разнесут по белу свету — неизвестно. Артур насмотрелся, успокоился, может, промолчит, а Маринка? А остальные?

— Подвёз разок, стал мил дружок, — ласково говорю я прямо в виноватый синий взгляд: — А через твои сокрушительные чары страдаю я, невинная слабая женщина, ни сном, ни духом не представляющая всех твоих любовных приключений. И по правде, добрый молодец, все мои морально-материальные потери на твоей совести.

— Конечно, Тина, я всё оплачу, — бормочет Дан, перепуганный моим телевизионно-сказочным речитативом.

— Оплатишь? Разве мои страдания имеют цену? Дружочек, чем можно оплатить крик души? Нет, вопль души? Только душой. Ты теперь должен посвятить себя целиком моим проблемам. Отдать мне все свои заботы, свои мысли, свои...

Я успокаивала боль и разбавляла шуткой остатки злости, говорила абы что, с неопределённым желанием допытаться, чего мальчику от меня нужно, а вдруг — да возьмёт, и все свои загадки сам разгадает. Я просто немного придурилась, а этот ненормальный вдруг посмотрел мне в глаза и просто, прямо, очень ясно сказал:

— Я и так весь твой, Тина.

У Маринки вытянулось лицо, а Артур забыл закрыть рот. У меня зубы заньли от желания выдать что-нибудь из лексикона моего босоногого детства.

Кошмар! Вместо одной большой проблемы сразу три необъятных. Если не больше... Маринка разочарована по самое «не хочу», туалетное побоище только входит в стадию горячих новостей, и с Артуром меня не связывает никакого тёплого чувства, ради которого он хранил бы тайны моей личной жизни. Этот юный воин на красной девятке — просто бомба! Он за один месяц перевернул всё в моём существовании с ног на голову. Вот кого надо было сразу же убивать! Заколоть вилкой прямо в Курятнике!

Док влетел в кабинет чуть позже, чем это было нужно, но хотя бы оторвал меня от кровожадных мыслей. Он за пятнадцать минут расклассифицировал все мои повреждения, вкатил мне укол и мы поехали домой. Маринка сидела совсем расстроенная, я засыпала на ходу оттого, что боль прошла, а Дан молчал как примерный мальчик. Лучше бы он молчал всегда, ему это очень идёт!

Когда мы все, да ещё следом за нами Маго, добрались до моей квартиры, Док отправил всех в гостиную, а мне сделал тугую повязку на рёбра.

— Хорошо повоевала, Тинатин! Три ребра с трещинами. Это в который же раз? Рёбрышки-то у тебя все в спайках, с хрящиками. Ты что, в своей «Радуге» вела затяжные войны со всем миром?

— С врагами социализма, доктор, именно так, — я уже не хочу остричь и это, наверное, заметно.

— Как же с вами воспитатели-то справлялись, с такими воинственными? Ремнём?

— Пальцем никогда не трогали, даже за уши не драли. Только уговорами, несмотря на то, что самим не раз доставалось, пока разнимали.

— Да уж, тебя, наверное, уговоришь, — ворчливо тянет Док, закрепляя повязку. — Ты у нас такая сговорчивая.

— Взрослые это одно, а озлобленные, вечно голодные зверята — совсем другое.

— Зверята? Ну что ж, зверёныш, надо бы рентген. Ладно уж, не сегодня. Знаю — не поедешь. Завтра я заскочу, а ты лежи смирно и не рыпайся. Таблетки принимай каждые два часа, если снова заболит. Маринка с этим молодым человеком останутся у тебя. И не суетись, я им показал, где стелить и что. Ложись, постель я разобрал. Вот так, милая... Теперь всё, спи. Я посижу немного, а ты спи. Спи, Тинатин...

Ночью мне снились детдомовские драки и школьные соревнования. Ещё, почему-то, ненавистный экзамен по политэкономии социализма, который я сдаю в третий раз и всё время на тройку, не понимая, как же теперь получу свой красный диплом. Уже под утро приближился отвратный эротический кошмар, повторяющийся время от времени: толстенная кастелянша занимается любовью с нашим кочегаром в кладовой, куда я спряталась от Анны-Ванны с запретным томиком Куприна. Через просвет верхней полки мне хорошо виден прыщавый волосатый зад Гафура и голубые панталоны тётки Вальки, свисающие набок с жирной правой ляжки.

Меня тошнит и я смутно понимаю, что в моей жизни что-то изменяется, я становлюсь другой. Эта подлая сцена внизу не добавляет мне ничего хорошего в моём новом качестве. Взрослеть — противно. Хочется смыть с себя этот дурной нечистый сон и свою взрослость, и откуда-то появляется много воды. Она смывает как картинку гнусных любовников и уносит нежную «Суламифь» из моих рук.

Мне жалко Суламифь, она похожа на мою маму — смуглая, черноволосая, пухленькая, но я её не вижу: еле-еле добираюсь до какого-то бледного образа — круглые тонкие брови и совсем чёрные глаза с бахромой густых коротких ресниц — ни лица, ни волос, только глаза и голос отца, успокаивающий, волшебный: Не бойся, басурманочка, с девочкой всё в порядке. Её просто укачало. Теперь должен быть ответ: Сам успокойся, породистый, руки-то, ходуном ходят... Но ответа нет, потому что я забыла голос. А вода прибывает и, наконец,

подхватывает меня, баюкает на поверхности. Мне не три года и не тринадцать, а почти на два десятка побольше и Док стоит в моей спальне у раскрытого окна.

— Духотища! Надо было хоть форточку открыть, Марина! Ей же кошмары снятся. Мечется по подушке... Ну, Тинатин, как у нас сегодня дела?

Маринка Дока недолюбливает, потому что тот не замечает её несравненной прелести и ему плевать на папу-аппаратчика. Ей не нравится, что я позволяю «лекарю» называть себя иначе чем Тина (Никому нельзя, а этому — можно!). Кроме того, она плохо выпалась и у неё ничего не получилось. Девочка, милая, я здесь не причём. Как говорит Маго, с его востоковедческим образованием, «Судьба каждого человека висит у него на шее». Я не могу водить её за верёвочку, это твоё дело...

— Таблетки не пила? Молодец... — Док подходит ближе. — Пальцев сколько?

— Два. Теперь четыре. Хватит, Док! Мне лучше. Я хочу в душ.

— Так сразу и в душ? — деланно удивляется он и, склонившись, вглядывается мне в лицо серыми прищуренными глазами: — А голова не кружится? Ну хорошо, упрямица, хорошо! Давай снимем повязку, потом новую сообразим. Я тебе тут изобрёл кое-что навроде корсета. Её можно будет просто туго застёгивать на супчатку...

Вид моих полуобнажённых прелестей расстраивает Маринку ещё больше, но тут уж ничего не поделаешь — я такая, как есть. Я прикрываюсь одеялом и натягиваю халат.

— Надо бы подежурить, в душе-то, — ворчит Док. — Ты хоть дверь не закрывай, что ли... Рухнешь.

— Не рухну, не волнуйся. Буду зубами за воздух цепляться...

Голова всё-таки кружится, но я очень стараюсь идти бодро и ровно. Не хватает только растянуться при Маринке с Даном, да ещё из коридора слышится голос Маго. Он-то, надеюсь, здесь не ночевал...

После душа Маго увозит домой подавленную неудачей Маринку и мы садимся завтракать. Есть неохота, но я старательно пережёвываю горячую котлету. Маго привёз ещё сыр, зелень и фрукты. На сыр не хочется смотреть, но я всё равно надкусываю ломтик под бдительным взглядом Дока, а потом долго и старательно мусолю парниковый персик.

У Дана виноватый вид и аппетит ещё хуже моего. Представляю, как они поговорили... И чем ему малышка не по душе? Геронтофил несчастный... Док ест быстро, пьёт много кофе и перечисляет повреждения, которые получили мои вчерашние противницы.

— Да, ручка у тебя тяжёлая, Тинатин! Царская. Теперь с тобой и мужик побоится связываться.

Я чуть было не ляпнула, что доставалось и мужикам, но вовремя спохватилась.

— А что... мне не перепало, что ли? Куда теперь я теперь с таким фингалом? — зеркальце, стоящее рядом с заварочным фарфоровым чайником, отражает половину моего лица, зловеще расписанную сине-багровыми разводами от корней волос до переносицы и ниже по щеке.

— Фингал это ничего, — успокаивает Док: — Примочки прикладывай. Недельку потерпишь...

— Недельку? Да ты с ума сошёл, Айболит мой сердечный! Новый Год на носу. А работа?

— А вот работа не волк, Тинатин, тебе же вся и останется. Ну, подумай сама, — Док переходит на убеждающий тон: Тебе и так и так хоть неделю отлежаться надо. Пока рёбра расстаться начнут.

— Ты же сказал: трещины.

— А трещины что, заклеены, что ли? — сердито рычит он. — Клеем «Момент»? Не злите меня, больная! Работа! С чего это вдруг такое прилежание? Бывали времена...

Времена бывали, но мне не хочется сейчас их вспоминать и я делаю каменное лицо. Док замолкает, а потом подкладывает мне очищенный мандарин. Уходя, он обещает навещать меня по утрам и даёт Дану массу указаний по уходу за больной.

Я снова укладываюсь в постель, потому что рёбра всё-таки болят достаточно ощутимо и слышу, как Дан включает внизу воду для мытья посуды. Золото а не парень, да и только! Но думаю я об этом вяло, без особых эмоций. Разбираться с ним пока нет сил. Никогда не верила, что в споре рождается истина. Может, и рождается: в споре как лучше строить дом или делать экспертизу старинного серебра, но только не в человеческих отношениях. Тут у каждого своя истина. Сколько людей, столько истин, выкладывай свою и на этом заканчивай дискуссии. Каждый будет иметь в виду своё мнение — и только. Он сделает всё по-своему. И самое главное: никто никого ни в чём не убедит...

Под вечер я налила себе ванну внизу и, отмахнувшись от Дана, закрылась на задвижку. Кажется, он принёс из кухни стул и уселся под дверь. В самом деле — дежурный. Ну и сиди, красавец, моргай ресницами. Вот ведь наказание! Я осмотрела свои синяки, осторожно помассировала рёбра обеими руками. Это успокаивало. В общем-то, ничего страшного, бывало и похуже...

Потом достала круглое зеркало из шкафчика и примостила его на край ванны. «Свет мой зеркальце, скажи»... С этой синевой и опухшими бровями я особенно неотразима! Лицо героини — спасительницы Вселенной, пострадавшей за светлую идею, никак не меньше! Наградила же судьба физиономией!

Чего я только не делала, чтобы замаскировать досадные промахи природы-матушки. Перепробовала уйму косметики, сменила множество причёсок. Наконец, определилась с образом «женщина-зима». Пудра розовая, помада — тоже, с бежевым оттенком. Когда научилась сжимать рот, не закусывая, не надувая и не выпячивая губы, получилось очень даже ничего: спокойно, бестрепетно, без глупой нервозности.

С волосами возни было не меньше. «Родной», вызывающе-пшеничный оттенок не укрощали никакие причёски и укладки, он «кричал» о себе в любой стрижке и завивке, привлекая к себе внимание чуть ли не всех окрестных собак и ворон. Теперь я серо-платиновая блондинка и уже целую пятилетку ношу пристойное гладкое каре, которое иногда собираю в хвостик и прикрываю шиньоном под «дулю». Без геля и при сильном ветре всё это прохладное великолепие может, конечно, превратиться в пышный веник древнеегипетской модницы, но я всегда начеку.

Долго не могла придумать, как притушить глаза. Никаких, конечно, подводок, туши — чуть-чуть. Всё портили брови и я их выщипала. Пропал «роковой» чёрный излом и моё лицо приобрело то самое мягко-глуповатое величие средневековых матрон, безразлично презирающих людские страсти со старых полотен.

Изменить манеру говорить, жесты, походку, было, конечно, ещё трудней, но над этим я тоже неустанно тружусь до сих пор. Главное — наивная девочка, агрессивный подросток и нервная секс-бомба канули в Лету. Вместо них появилась не первой юности, спокойная, элегантная дама средней привлекательности, примерная, хладнокровная и почти неуязвимая.

Бывает, что меня начинает глотать ностальгия по себе прошлой и тогда я уезжаю

подальше на недельку-другую, влажу в открытый алый сарафан или шорты с майкой, распускаю волосы и дурю напропалую. Кажусь чуть ли не двадцатилетней, смеюсь, танцую, кокетничаю, завожу знакомства, кружу головы. Раза три даже замутила недолгие романы. Но покой всегда оказывается самым завидным удовольствием в моей жизни и я, «нашалившись», снова возвращаюсь в любимый безопасный образ...

Дан вытерпел-таки моё уединение, даже взглядом не выдал обиды и тревоги. Молча расставил на столе посуду, подал кофе и... блины. Нет, в самом деле, блины! Золотисто-поджаристые, тоненькие, с кружевными узорами по краю.

Да ему просто цены нет! Я за свою длинную несправедливую жизнь так и не научилась печь блины, а он — запросто. Может, он в Чечне вовсе не при штабе служил, а поваром на полевой кухне? За такие кулинарные изыски вполне можно получить повышение. Я бы и «полковника» не пожалела...

— Дан, нам нужно поговорить — с неожиданным аппетитом откусывая свёрнутый блинчик, сочащийся растопленным маслом, начинаю я.

— Да, Тина, я слушаю. — Взгляд напряжённый с трепыханьем ресниц, но прямо в глаза.

— Маринка уехала расстроенная. Вы поссорились?

— Нет... насколько я помню. По крайней мере, я не сделал ничего такого, что наводило бы на мысль о ссоре — он запинается, но продолжает, не отводя глаз: И ничего — чтобы считать себя виноватым.

— И не считаешь? — быть строгой с набитым ртом не очень убедительно и удобно, но упрямства мне тоже не занимать. Оно у меня вроде второй природы.

— Нет. Но... Если она решила... Тина, я никогда не давал ей повода думать, что...

— Что значит «не давал повода»? Ходил в гости, водил в ресторан... Как будто ухаживал. Со стороны это выглядит именно так.

— Я просто вёл себя как положено. Вежливо, достаточно прилично. Делал услуги... вот и всё.

— А она решила, что из вас может получиться... пара. Ну, не знаю, как это назвать! Как вы, молодёжь, теперь называете свои отношения?

— Какие отношения? Я ни о чём таком с ней не говорил. Да и не думал даже. Какие между нами могут быть отношения!

— Что значит, «ни о чём таком не говорили»? И особенно — «не думал»! Обязательно нужно говорить, чтобы она влюбилась в тебя по уши?

— Она всё неправильно поняла... Тина, пожалуйста, перестань, — его синий взгляд становится твёрже и спокойней: Зачем эти хождения вокруг да около? Ты же всё знаешь! И всё видишь.

— Что я вижу? Что я должна видеть, скажи на милость? То, что я старше тебя на целых десять лет?

— Не на десять. И какое значение имеет возраст? Моя мама была старше отца на двенадцать... О чём мы говорим, Тина? Я тебя люблю! Какое мне дело до твоего или моего возраста, до Маринки, до того, что обо всём этом можно подумать... Я просто люблю — и всё.

— Да ты же ещё совсем мальчик! Ты просто не соображаешь, что говоришь! — есть я уже не хочу и отбрасываю потерявший всю свою аппетитность кусочек теста на тарелку.

— Я не мальчик, Тина. И много чего повидал. Ты знаешь, что год в Чечне идёт за пять? А я там пробыл два года, да ещё почти год по госпиталям. Вот и посчитай, кто из нас старше.

— Я! Я старше. И давай не будем сейчас затевать ненужных споров. Мне это ни к чему. Вот, не было печали!

— Я знаю. — Дан пытается подсунуть мне под руку сотейник со сливками, но я одним глотком допиваю кофе, уже не чувствуя, насколько он горячий.

— Что ты знаешь, Дан?

— Знаю, что я тебе ни к чему. Что ты уже устроила свою тихую, спокойную и, по возможности, незаметную жизнь. Я в ней лишняя. Но ведь я уже есть, Тина! И я ничего не требую. Я не собираюсь тебе надоедать и докучать, просто пока побуду рядом. Я не посягаю на твою драгоценную свободу. Но просто так взять и уйти я тоже не могу. Не прогоняй меня, Тина! Тем более — сейчас тебе кто-то нужен рядом. Просто друг. Ведь у тебя есть друзья, от которых ты не спешишь избавиться, несмотря на их любовь.

— Не болтай глупостей! Друзья — это друзья. Какая ещё любовь!

— Это тебе так кажется. И хочется, чтобы казалось, потому что так удобнее... Тебе просто никто ничего не говорит. А я сказал... Это единственное, в чём проявилась моя пресловутая молодость.

— Но это же глупо! Глупо и смешно! В городе будет, над чем посмеяться... — я так злюсь, что готова закричать.

— Над чем? Если кому-то захочется посмеяться, то надо мной! Ты-то останешься такой, какой была — целомудренной и неприступной. Моя смешная любовь только прибавит доброй славы к твоей безупречности.

Всё было не так, но он ничего не понимал. А доказывать что-либо другому человеку в подобной ситуации — бесполезное занятие. Он ещё раз невнятно намекнул мне, что в городе его задерживает не только любовь, и его взгляд ушёл сквозь меня в стену. Я, неизвестно почему, подумала о Хорсе и почти сразу остыла. Холод, пробежавший по спине, заставил забыть о большинстве неприятностей минувшего дня. Я ему поверила.

Мы договорились, что завтра Дан сдаст меня Галие «с рук на руки» и уедет в свой санаторий и разошлись спать.

Понедельник с самого утра оказался присутственным днём и меня посетили все, кто только мог. Сначала Ашот с Витькой, потом Лев Борисыч с женой и дочерью, за ними Васо с корзиной, способной накормить целый полк, оба Семёновых, несколько соседей... Холодильник и кладовка ломались от припасов, моя голова гудела, а посещение больной только набирало ход. После обеда явился Док и, вытолкав Маго с братом, заставил меня принять таблетки и порошок.

Он дал Дану строгий наказ оберегать мой покой и это доставило мне огромное облегчение, потому что внизу кудахтали группа дорогих родственников во главе с тётёй Маней. Их бы я просто не пережила. Я снова заснула и проснулась только вечером. Мне заметно полегчало и я почитала под Моцарта. Дан тоже устроился с книгой неподалёку, пока не пришла Галия. Он неохотно, но послушно пошёл вниз к своей девятке, поглядел, задрав голову, в окно, и уехал.

Я болела целую неделю и со мной часа по два кто-нибудь сидел. Я читала, смотрела видик и понемногу работала с крестом. Большую часть приносимых яств Галия по утрам забирала домой. Она сначала со мной ночевала, а потом я убедила её, что необходимости в этом нет. Дан заезжал ежедневно, но долго не задерживался.

Мой синяк почти прошёл, осталась только густая желтизна вокруг левого глаза и припухлость на месте вырванных волос и по щеке. Я попыталась замаскироваться тенями, но

выходило ещё хуже. Глаза становились глубже, приобретая тревожное отчаянное выражение, а отрастающие волоски бровей добавляли ненужной идиотской трагичности. Наконец, Ашот привёз мне дымчатые очки с простыми стёклами. В воскресенье мы с ним поехали за город и постояли возле моста.

Мне всегда хорошо рядом с Ашотом, спокойно и легко. Можно молчать или перекидываться ничего не значащими словами. Он умеет чувствовать настроение и никогда не посягает на моё внимание целиком. Он умеет дать понять, как чувствует себя сам. Мы удачно попали «в масть друг другу»: полюбовались на остатки жёлтой листвы, плывущей по воде к далёкому морю, послушали холодную туманную тишину над заросшей поймой, прошлись вдоль реки.

Ашот нашёл подветренное местечко под высоким берегом и мы присели на ствол дерева, обвалившегося с крутояра много лет назад.

— Так спокойно, как будто цивилизаций и в помине нет, а человек только что начал ходить по земле.

— Да, хорошо. Только холодно, зима скоро. Ты не замёрзнешь, Тина? Здесь слишком свежо. Я прихватил отцовский плащ, можно им накрыться.

— Давай, накроемся, если ты беспокоишься. Хотя мне не холодно... Садись поближе, я суну руку в левый рукав, а ты в правый — я подстелила подол плаща на выбеленный временем ствол и подхватила Ашота под руку. Мы уселись рядом в углубление между разветвлениями ствола, тесно сомкнув плечи. Толстый брезентовый плащ старого Баграмяна, в котором он изредка ездил на охоту, и в котором выросли, как в палатке для игр, все его дети, превратился в удобное и уютное убежище.

— Хоть бы настоящий снег выпал, что ли? — пожаловалась я, прикуривая от его зажигалки.

— Ты разве любишь снег, Тина? Обычно, злишься на зиму, не хочешь часто выходить на улицу.

— Люблю. Скучаю по хорошему снегу. Я только на здешнюю зиму злюсь, а по уральской скучаю. Это странно?

— Нет, конечно. Но... у природы нет плохой погоды. И всякое место имеет свою прелесть.

— А ты у нас философ, Ашот... Только вот на Урале я целую зиму ходила по хрустящему притоптанному снежку. Ну, иногда сама в сугробах тропинки прокладывала, на лыжах или ногами, а не скользила по холмам и пригоркам, покрытым ледяной корочкой, да еще при ветре, сдувающим с ног. Да ещё на десятисантиметровых шпильках...

Мы одновременно вспоминаем, как под прошлый Новый год «подрабатывали» Дедом Морозом и Снегурочкой по просьбе городской администрации и ездили с подарками для элитных деток по городу. Когда оказалось, что предоставленный нам шофер в стельку пьян, нам пришлось вечером топать пешком по кошмарному гололёду из престижного посёлка в Заречье до этого моста, где нас ожидал на своей шkode Витька. На ту сторону он сунуться побоялся, потому что тоже был навеселе.

Увидев, как мы, с горем пополам, сходим по скользкой крутой дороге к мосту, Витька принял нас за пьяных, не выдержал и кинулся встречать. И менты, дежурившие на той стороне, решили, что наша «шаткая» троица слишком подозрительна. Это было не хилое приключение, закончившееся грандиозной попойкой гаишников и моих коллег на квартире оперуполномоченного Петренко, куда нас доставили по просьбе дорогого шефа.

Глядя, как мы весело хихикаем под плащом с дымящимися сигаретами в руках, проходящий по берегу старый рыбак с пятком симпатичных судаков в сетке, ворчит что-то себе под нос и смачно сплёвывает, вызывая у нас своим видом новый взрыв смеха.

— Совсем уже! — выговаривает дедок погромче: На такой крутой тачке приехали, а потерпеть не могли! Возвращаться-то, обкуренные, как будете?

Ашот фыркает и снова заливается смехом, а я, сняв очки, демонстрирую деду подбитую половину лица: Вот так и возвратимся, дед! А может, и не вернёмся вовсе...

— Вот дура-девка! Всё дал Господь, и красоты, и парня с машиной, и денег, видать, хватает, и одета как королева, а ума не хватает — сокрушённо взмахивает руками рыбак: Брось косяк-то, ненормальная! Хватит, поди уже — и увидев, что мы продолжаем хохотать, с досадой машет на нас рукой: Да пошли вы, наркоши чёртовы!

— Поехали отсюда, Тина — вытирая слёзы просит Ашот: Он же сейчас к Петренко заскочит, тут рядом совсем. Хоздравати. Что, едем? Ты, наверное, замёрзла?

— Нет, обкурилась до чёртиков — весело всхлипывая, заявляю я: Вон, смотри, побежал! И ещё один, над водой носится. Рожки у него симпатичные...

— Может, правда к Петренко заедем?

— Так я ещё от того визита не отошла, Ашотик! Давай-ка домой, от греха подальше! Вдруг у него снова коллеги из ГАИ гостят! Зареченских инспекторов нам с тобой вовек не перепить!

На работу меня отвозил Витька и, пока мы стояли на перекрёстке, пережидая детский сад, который отправился в кино всем своим составом, он рассказал все наши нехитрые производственные новости. Ауди с моей охраной ожидал сзади: я везла крест на последний суд Льва Борисыча.

— Совке ремонт рабочего материала стал в копеечку. Злой, как собака. Закупил у нас полдюжины колечек, наверно, медсёстрам. Сам не заходил, побоялся. Шестёрка послал.

— И дорогие колечки ты им сбавил? Морские припасы? Серебро с самоцветами?

— Да нет, самых дешёвеньких навывирали, но золотых, с янтарём и аметистами. Он не разбежится, на дорогие-то, и так убытки несёт... Хорошо же ты их уделала, Тайна! И помощи не потребовалось.

— Особенно твоей... Нет уж, лучше я сама фыркнув отвечаю я.

Года три назад ко мне привязался залётный качок Миша Пенкин по прозвищу Пенёк. До сих пор ума не приложу, что он во мне нашёл и что ему от меня было нужно. Он пас меня целых два месяца, измозолив глаза всем в «Бытсервисе» и губернаторском. Провожал от двери до двери и по несколько часов топтался в ожидании. Говорить он, по-моему, умел с большим трудом и наше общение заключалось в двух-трёх фразах в день. Я ничего не смогла ему растолковать, и только регулярно отклоняла его предложения: в ресторан, к морю, в бассейн и так далее.

У нас в городе очень редки столкновения бандитских группировок — всё решается путём мирных переговоров, или заурядным частным мордобоем. Поэтому совладать с Пеньком, настоящим отморозком, никто не умел. Он слушал всё, что ему говорили, заявлял, что «баба эта его» и посылал всех моих немногочисленных защитников. Я перестала выходить куда-либо кроме работы, и вообще уже собиралась покинуть город на неопределённое время, как однажды он явился в салон и заявил:

— Всё, отмазали. Собирай манатки. Едем. В Новосибирск.

Витька попытался протестовать. Пенёк спокойно, походя, и откинув в карманчик Ашота, достал пистолет и прострелил ему ногу, а потом схватил меня за плечо и потащил через площадь домой «собираться».

Я уже прощалась с жизнью, Ашот с Витькой названивали по телефону в поисках оружия, и неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не Маго. Меня он почти не знал, но зато очень хорошо знал Пеньку, надоевшего всем «крутым» в городе. Ему показалась очень странной наша парочка, переходящая дорогу прямо перед носом его тойоты. По счастью, с Маго были его «ребята», которые вложили Пеньку ума, и, между прочим — с большим трудом. Я бы с ним просто не справилась, хотя, конечно, собиралась попытаться.

Потом мы вместе повезли всех пострадавших к Доку — Данилову Олегу Кирилычу дежурному хирургу Скорой помощи. У меня появился новый друг, Маго, а у Изумруда, с его подачи, хорошая надёжная «крыша». История с Доком произошла после, а тогда он просто запомнил меня как «царственно-невозмутимую» особу, стоящую двух огнестрельных ранений (не считая Витькиной ноги), нескольких сломанных костей и пробитой головы (Пеньковой).

Мы с Витькой повеселились над нашими воспоминаниями, пока детсад миновал перекрёсток и немного опоздали к началу рабочего дня. Встречали меня так, как будто я

полгода провела в коме. Сверху из парикмахерской и косметического кабинета вышли все, и больше половины — из ателье. Даже сапожники дружно постучали в мою честь молотками об стол, когда дядя Вася поприветствовал меня в раскрытую дверь своих владений. Наши были тронуты даже больше чем я, и, когда мы остались у себя в салоне, Лев Борисыч сказал несколько комплиментов в адрес героини, не посрамившей чести порядочных женщин в суровых условиях злачного места.

Когда все отсмеялись, я предъявила свою работу. Лев Борисыч взял крест к себе на стол и долго сидел над ним, не говоря ни слова. Витька с Ашотом подошли ближе, а за ними и Маринка, не глядя в мою сторону. Лев Борисыч молчал. Витька кашлянул, переступил с ноги на ногу. Я заволновалась.

— Мне нечего тебе сказать, девочка... кроме одного слова: удивительно. У-ди-ви-тельно! — произнёс, наконец, «сам»: У-ди-ви-тельно! Бесподобно!

Ашот расцвёл своей замечательной улыбкой, а Витька осторожно приподнял меня над полом и сделал вид, что подкидывает вверх. Маринка молчала, закусив губу. Я поняла, что не могу радоваться. Работа-работой, а крест — моя лебединая песня на сегодняшний день, но спокойствие атмосферы в салоне под большой угрозой. До сих пор всё было в пределах нормы.

Что теперь? Два не поладивших между собой мужчины могут притерпеться или разойтись как в море корабли. Две женщины, одна из которых считает другую соперницей, способны надолго отравить не только свою жизнь.

Дана я встретила спокойно и благожелательно. Но он, кажется, носом чует любые неприятности, поэтому восторгался и благодарил очень умеренно. В Курятник Маринка с нами не поехала, и мы распили шампанское без неё. Васо организовал целое представление по случаю моего обрётённого вновь здоровья. Алик заливался соловьём, еда была даже вкусней обычного, а она здесь и так лучшая в городе. Я очень постаралась быть весёлой, Дан тоже. Мы посидели до восьми и уже уходили, когда Дан вдруг весь подобрался и перешёл на какой-то особенно ловкий скользкий шаг, оттирая меня от одной из кабинок. Из-за бамбуковой занавеси вышел Вилов и поклонился мне со слащавой улыбочкой.

— Здравствуйте, Тина! Вы уже уходите? Не хотел мешать вашему веселью... Но не смог не выразить своего почтения. Слышал, что у вас было неприятное приключение, очень сожалею... очень! Позвольте вам представить...

Он откинул бамбук, предлагая зайти. Дан слегка придержал меня плечом, но я и сама не спешила, раскланявшись прямо с балкона.

— Моя жена, Аста, — любезная улыбка рыхлой массивной шатенки, по виду, лет на двадцать старше самого «Хореньки».

— Мара, свояченица, — красивая жгучая брюнетка с узкими плечами и бледным испуганным, сильно раскрашенным лицом.

— Веста, Валик, Иван, — пресная троица справа.

Окончательно меня добило имя Иван, после всей этой иностранной тарабарщины. Все пятеро выглядели довольно странно, с пытливым ожиданием вглядываясь в моё лицо и улыбаясь, кто как умел.

— Может быть, присоединитесь к нам? Будем очень рады. — Вкрадчивый жест костлявой жилистой длани к моему локтю и мягкое, решительное движение Дана, помешавшее Вилову прикоснуться ко мне.

— Простите, мы спешим. В полдевятого к Тине приедет врач! — Дан ловко отводит

мою ладонь от громадного опала в кольцо Хорса, настойчиво глядя ему прямо в глаза и увлекает меня за собой. По дороге я вспоминаю эту странную компанию в душной тесноте кабинки, их претенциозные имена и вымороченные лица, непонятные улыбки... Ашот ласково трогает меня за руку чуткими пальцами.

— Тина, что там было, в этой кабинке?

— Компания Вилова. Какие-то чудачки с тремя дамами. Мужчины в чёрном, дамы в красном. Очень колоритная картина, списанная с «Капричос» Гойи. Куча старинного золота на руках и шеях, а лица как у заговорщиков из организации «Земля и воля». На столе свечи, в руках вилки. Зрелище впечатляющее и почти фантастическое.

— Все такие же неприятные, как сам Вилов?

— Есть даже красавица, вполне знойная в прошлом, сейчас заметно муфифицированная... Мара... Наверно, от Марины.

Ашот помолчал, потом повернулся к Дану: Ты их знаешь, Дан?

— Впервые видел всех, кроме Вилова. И как-то, мельком, его жену...

Дан отрывает глаза от дороги и несколько секунд, через зеркало, пристально смотрит Ашоту в глаза. Они отводят взгляды, а у меня создаётся впечатление, что эти двое только что, молча, обменялись мыслями, о чём-то договорились.

— Да, странное имя, — немного погодя произносит Ашот. — Все перешли на иноземные сокращения. Вокруг одни Филы, Максы и Алики. Тина, как ты думаешь, что лучше, Аш или Шот?

И я засмеялась. Я не умею сердиться на Ашота, даже если он чего-то вымудряет у меня за спиной. Или даже на глазах. Ни о чём плохом Ашот с Даном договориться не могут. И не только обо мне, а о чём угодно.

— Тебя бы лучше звать Свет, от «Светлый» или Луч, от «Лучший».

Ашот смущённо умолкает. Он не любит, когда его так откровенно хвалят. А я вовсе и не хвалю, а всего-навсего констатирую факт. Кроме того, это моя маленькая месть. Спустя несколько минут, я принимаюсь за Дана: — А Дан — это, наверно, от Данилы. Нет, — Даниила. Или, ещё что-то?

— Ещё что-то... От Богдана — немного принуждённо поддерживает разговор Дан. Ашот заинтересованно молчит: на его памяти, я могу «докапывать» с таким ангельским видом только Витьку и мы, обычно, один другого стоим по части коварной изобретательности.

— Ну конечно, как я не догадалась: Богом данный. Церковное имя.

— Не церковное. Церковью оно не канонизировано. Просто маме очень хотелось, и она настояла. Я же вымоленный — Дан на мои провокации не поддаётся и являет собой полную покорность судьбе.

— А семейные имена у вас есть? Традиционные?

— Алексей, Гавриил.

— Алексей — это, кажется, — защитник. А Гавриил?

— То же самое, только с иврита. Божий воин. Божья оборона.

— Ясно — мне уже не хочется его донимать. Ангелом, как всегда, будет выглядеть он он, а не я.

На самом деле, мне совершенно ничего не ясно. Ну разве только то, что Ашоту Хорс тоже не по душе. И то, что компания в Курятнике их с Даном насторожила. Они оба не хотят допускать Хорса до моей драгоценной особы и будут претворять свои замыслы в жизнь.

Остальное — полный мрак.

Лев Борисыч впереди делает прощальный сигнал и поворачивает к центру. Интересно, а они с Витькой, о чём говорят?

Маринка, что называется сорвалась с цепи — нагрубила клиенту, обругала Ашота и убежала наверх к Ленке. Витька отправился к клиенту налаживать отношения, а я погладила Ашота по плечу.

— Не бери в голову, Ашотик. Я это улажу. Не обращай внимания, хорошо?

Он улыбнулся, кивнул. Но по его потемневшим глазам было видно, что эта мелкая пакостница его все-таки задела.

Я поймала Маринку в обед. Ушла раньше из Пиццы и пошла к Ленке в маникюрный зал. Они сидели вдвоём в маленькой подсобке. Маринка уже успела пореветь и глаза у неё были красные. Увидев меня, она принялась безразлично рассматривать ногти, а Ленка загородила её с решительно-воинственным видом.

— Марина, нам нужно поговорить. Лена, выйди пожалуйста.

— Никуда я не пойду из своего зала. Это моё рабочее место, чего это я пойду? — голос у Ленки ещё не повышенный, но уже готовый к обмену мнениями на высоких тонах, приобретает визгливые скандальные интонации.

Пропади ты пропадом, дрянь безмозглая! — думаю я про себя, сохраняя внешнюю невозмутимость: Тебе такой скандал в радость, у вас в маникюрном — это тонизирующая процедура, а у нас — мужчины. Ни один из них женских истерик годами не видит...

— Лена, выйди, прошу тебя! Если мы начнём разбираться у себя в мастерской, то получится ещё хуже. Разбираться всё равно придётся, так лучше уж, с глазу на глаз. Мы же все это понимаем, правда? — я сама мягкость и терпение. Мать Тереза меня бы поняла и благословила.

Маринка неохотно вскинула на меня глаза и процедила сквозь зубы: Лена, выйди.

— Я здесь, Марин, рядом. Ты зови, если что.

Да, ратная слава — великая сила. Они, что, думают, я драться собралась?

Маринке пришло в голову что-то подобное, потому что по её лицу пробежала ироническая гримаска.

— Марина, что случилось? Ты нагрубила клиенту, а Ашота вообще назвала юродивым. Как ты могла?

— Ну, так вот получилось! У меня настроения не было...

— У нас у всех бывает плохое настроение. Да, противный этот Устинов, ну и что? Позвала бы меня, я бы к нему вышла. А Ашот-то тебе что сделал? Как у тебя язык повернулся? Он же настоящий ангел!

— Ага, вы все ангелы. Ашот ангел, шеф ангел, Витька ангел... И ты ангел, а я плохая...

— Я не сказала, что ты плохая. И ни когда так не думала. Просто нужно научиться управлять своими эмоциями. Представляешь себе, что начнётся в салоне, если мы все станем выливать друг на друга свои мелкие домашние неприятности?

— Ах, мелкие домашние! Мелкие домашние... Ты что, издеваешься? Да? Ну конечно, давай, повеселись! Смешай меня с грязью... Можешь даже ударить... Она заревела, размазывая тушь по щекам. — Бей, чего ты?

— Марина, что ты несёшь? Я никогда не давала тебе повода думать, что ты для меня грязь. Как тебе не стыдно, девочка! И что это за дикие предложения? С чего мне тебя бить? Ты что, мазохистка?

Ох уж мне эти мамыны дочки! Чуть что — и сразу в жертвы. Пленительная женская слабость! Вот выгнали бы тебя в ночной рубашонке в холодный коридор на всю ночь, а потом бы ещё на одну. Закаляйся, мол... Или плевали бы в кашу несколько дней подряд...

— Не притворяйся, Тина! Теперь всё ясно, как ты ко мне относишься... Ты... Ты же его не любишь... Он же тебе совсем... ну совсем не нужен. Он для тебя — пусто место... — очень осмысленно и, главное — необыкновенно логично начала Маринка свои обвинения.

— Вот ты о чём... И это главная причина всех дрязг? Причём здесь Устинов? Тем более Ашот? Сказала бы мне.

— Что сказала бы? Что тебе можно сказать? Что ты ледышка каменная? Сказала бы... Да ты вообще, хоть раз в жизни, любила кого-нибудь? Хоть одного человека?

— Марина, успокойся, возьми себя в руки! Даже если тебе кажется, что Дан тебе не безразличен... В жизни всё случается, поверь мне. И хорошего в твоём будущем тоже будет много... У тебя всё ещё будет, обязательно!

— Что «всё»? Я не хочу «всё». Не надо мне никакого «всё»! Я ничего не хочу! Только его! Его одного и ничего больше! Это ты можешь думать про приличия и положение, про дом, про удобства, про деньги.

— Но я же, постарше, чем ты. Повидала в жизни кое-что и знаю, что благополучие...

— Вот, постарше! Сама говоришь — постарше... Ну что он в тебе нашёл? Что? Ты же старше его и вовсе не такая красивая...

— ... Как ты.

— Как я, да! Ты не такая красивая, как я! А что в тебе есть такого, что лучше, чем у меня? Что он в тебе нашёл? Прекрасную душу? Она же у тебя вся рассчитанная, размеренная... Ну что, что у тебя такое есть?

Она подошла ко мне вплотную и уставилась мне в лицо опухшими, успевшими набрякнуть красными глазами: Зачем он тебе? Он же тебе совершенно... ну совершенно безразличен. Он тебе не нужен... Отдай!

— Отдаю! — я повысила голос, добавив немного эмоций: — А ты возьмёшь? Ну, так бери! Забирай! Как мы это сделаем? Мне что, связать его и привезти тебе домой на тарелочке с голубой каёмочкой?

Ленка сунулась было к нам, услышав, что мой голос стал громче, но Маринка её вытолкала и прижала дверь спиной: Как ты можешь так говорить? Он же человек!

— Ну да, человек. А сердцу не прикажешь. И мне он не нужен. И я тебе его отдаю. Не как?

— Не знаю! — Тут она заревела уже в голос и прижалась хлюпающим носом к моей белоснежной английской блузке. Я вручила ей свой носовой платок и подвела к стулу. Поискала газировку в холодильнике, принесла. Она выхватила бутылку у меня из рук, отпила прямо из горлышка.

— Марина, его планы насчёт меня не ограничиваются одной влюблённостью. Его что-то держит в городе... Есть ещё что-то, и я не знаю, что... Влюблённость — это добавка и она может быть недолгой. Наберись терпения, подожди. Если тебе так дорог этот парень...

— Как ты легко говоришь... — снова взрывается она, а потом переключается на услышанное: Какие планы? Это правда, что у него планы? Планы в городе? А ты здесь не при чём? Ты думаешь... денежный интерес?

— Нет, не денежный. Может, какие-то счёты с нашим общим знакомым. Не знаю. Но что-то есть, я уверена.

— Уверена... Ты всегда уверена. — Она уже начала успокаиваться и я налила ей Спрайта в стакан. — Обидно... Я так старалась! Как он может, вообще! Как он может так со мной поступать!

— Жизнь очень сложная штука, Марина. Часто в ней многое не зависит от нашего желания. Человек не может иметь всё, что хочет. Мне, например, однажды понравился твой поклонник и я тоже немного попереживала. Ну и что? Всё в жизни бывает.

— Ты правду говоришь? Какой поклонник? — загорается интересом Маринка.

— Да не всё ли равно, какой? Это давно было, я и забыла уже. Просто к слову пришлось. — я обрадовалась, что моя уловка отвлекла её от основной темы и постаралась изобразить смущение. Если у Маринки из-за любопытства переменялся ход мыслей, значит, первый этап переговоров прошёл успешно.

— Тебе понравился... Ага... Да ты как раз из тех, кто сердцу запросто прикажет! А когда это «давно»?

— Да ну его, Марина. Я уже и думать забыла... Ну, что, мир? Ты же знаешь, это не только нам с тобой нужно. Сколько людей будет задето, если мы с тобой не сможем все разногласия цивилизованно разрулить!

Она снова насупилась, буравя глазами свои супер-красивые коленки. Беда с этими небитыми!

— Я пойду, а ты подумай, Марина! Мы с тобой всегда можем обсудить наши проблемы вдвоём. Незачем посвящать в них посторонних и, тем более, накалять обстановку в мастерской. Родителей тоже стоит от этого оградить. Ты согласна?

В последнем аргументе, на который я очень рассчитывала, видимо было что-то слишком важное. Девчонка задумалась и сделала нужные выводы.

— Да...

После обеда она немного повеселела. Лев Борисыч несколько раз одобрительно посмотрел на меня, но я не успокоилась. Я знала, что это ещё не всё. История только набирает ход и неизвестно чем кончится. Дан вряд ли отвяжется от меня в ближайшее время, а Маринка может выкинуть новый фортель.

Ох, мальчик, заварил ты мне кашу! Не по-христиански это, наверное...

Я дождалась конца рабочего дня и поздравила себя с тем, что Дан не явился. Лучше пусть возле дома встретит. Даст девчонке успокоиться и набраться новых сил. Возле дома его тоже не было, зато в почтовом ящике я нашла плотный конверт с предметом, напоминающим книгу малого формата.

Кажется, видеокассета. От кого бы это? Подарок к Новому Году, что ли? Или компромат на кого-нибудь знакомого?

Я немного поболтала с Галией, доглаживающей бельё, поставила чайник. Мы вдвоём выпили роскошного китайского чая с черноикорными бутербродами для больной, потом обсудили новое платье Матвеевой, соседки из второго подъезда. Оно шло ей как корове седло, несмотря на астрономическую стоимость. Откровенная Галия возмущалась, что её мнение проигнорировано, хотя она хотела как лучше. Я её успокоила и развеселила рассказом о своих боевых подвигах в Паласе. Галия вовсе не кровожадная женщина, но она очень не любит, когда кто-то пытается обижать «наших», а я для неё своя.

Когда она ушла, я приняла душ, расчесалась и села в глубокое кресло, выбирая удобную позу. Включила видик.

Сначала камера бесцельно пошарила по кустам, с редкой пожухлой листвой, прошлась

по сухой траве. Съёмка делалась ночью, с дополнительным фонариком-прожектором прямо на камере и была любительской, среднего качества. По ходу движения из кустов завиднелась большая поляна с костром, возле которого восседал человек в рогатой маске, замотанный в тряпье и шкуры. Он что-то пел, то понижая, то повышая голос, наподобие шамана, потом поднял руки и завопил в тёмное небо.

Прямо из травы поднялось около двух десятков одетых в тёмные балахоны людей и они начали кружиться вокруг шамана. Затем все скинули одежду, и, оставшись в одних масках, предъявили камере обнажённую плоть особей разного пола. Далее последовал новый сигнал рогатого и все «приступили к разврату».

Это было чёрте что! Никогда не любила порнографии, но кое-что приходилось видеть. Так вот, видео, которое специально замышляется, а потом снимается в убогом подобии игрового порнофильма, не пошло бы ни в какое сравнение с этой гнусной импровизацией. Куча бесноватых на экране стонала, извивалась, вздрагивала и выла, сливаясь в многоглавое мерзкое чудовище и распадалась на отдельные группы. Ужасно это было так же, как и противно.

Камера переходила от одной группы извращенцев к другой, останавливаясь на особенно пикантных деталях и достижениях. Меня уже начало поташнивать. Из толпы выделилась приземистая девица в маске, с серо-платиновым каре и в одиночку прошлась по всем группам, внося приятные новшества в их развлечения. У неё было размалёванное, смутно знакомое, лицо, и, когда она повернулась к камере, я узнала в «маске» грубое, гротескное, но достаточно верное изображение себя самой. Смотреть дальше сил уже не было, но я ещё не дошла до морали. Я перемотала кассету вперёд и дошла до кадров, на которых рогатый председатель начал открывать рот.

Этот козлорогий Пан снова завёл речитатив сильным, хорошо поставленным голосом. Он поднял над головой деревянный предмет, изображающий известный человеческий орган в натуральную величину и перешёл на разговорный русский язык. Я прослушала заушную речь о необходимости иметь данную реликвию из золота, а за ним снова заушное камлание. Оратор вручил свою недрагоценную ношу звезде кассеты и она, сделав несколько неуклюжих па, стала искать ему наиболее эффективное применение. Камера забегала по секс-площадке, по траве, далёким кустам и погасла. Конец фильма. Я вынула кассету, вложила её в конверт и убрала в нижний ящик стола. Потом пошла мыть руки.

Да, шедевр... Кто же это у нас такой... Верховен? Я перебрала в уме всех своих явных и тайных недоброжелателей. Граждане с определённого рода замашками среди них были, но с кинематографическими — никого. Кроме того, я не распространяюсь о своём негативном отношении к сексуальным излишествам. С кем же об этом побеседовать? С Маринкой? Но мы с ней пока, вроде, поладили, а больше никаких явных конфликтов у меня нет...

Нет, Маринка — это смешно. Кто ещё? Неужели... Совка? Он, говорят, над каждой копейкой трясётся, а убытков ему от меня... И артистов подходящих он без труда отыскать может. Но Совка трус, да ещё какой... Он умеет только анонимно подгадить, без явных следов. Может, это его крошки проявили самостоятельность? Досталось им хорошо, всем хватило...

Или дяди Костина родня, будь она неладна? Кандидатура на роль порнозвезды у них есть, Валюшка... Но она дылда, хоть и упитанная. И ноги у неё попрямей... Вот так подарочек!..

Я ещё немного подумала над превратностями судьбы свободного художника и пошла

спать. Засыпаю я теперь, слава Богу, почти сразу.

Прошло несколько относительно спокойных дней. Маринка держалась ровно, Дан забегал через день на пару минут и вёл себя очень сдержанно, соблюдая данное слово не докучать. Он получил от салона свой отремонтированный крестик и больше никакие деловые отношения нас не связывали. У меня был новый интересный заказ из старого серебра, а в мастерской — мир и покой. Голова почти не болела, рёбра ещё ныли при резких движениях, но не так чувствительно, как раньше.

Корректировать брови Док пока отсоветовал, но я походила на массаж, сделала маникюр и вообще почистила пёрышки к Новому Году. Со всей этой чехардой не успела запастись краской для волос: я использую особую, но Кэт (парикмахер Катя Акулова, с претензиями на импортный шик) подобрала подходящий оттеночный шампунь. Пока сойдёт, буду чаще мыть с ним голову, и всё. От Кэт я зашла в маникюрный зал, где теперь стала часто засиживаться Маринка.

Записать заказ в журнал и выписать квитанцию я умею, потому что начинала как раз с Маринкиного места. Я никогда и не возражаю по этому поводу, да и никто из мастерской: делов-то! Документацию всё равно ведёт она. Но у нас кончились квитанции. Клиентов в парикмахерской было уже мало, Татьяна и Лия собирались домой, Милка рассеянно кивнула мне, занимаясь своим клиентом, и улыбнулась.

— Они в подсобке своего зала, Тиночка! Секретничают как всегда.

Маринка заинтересованно слушала пылкий и воодушевлённый Ленкин рассказ о каких-то «естественных элементах», но при моём появлении обе замолчали. Маринка сложила руки на столе с видом скучающей примерной школьницы, Ленка начала рассеянно перебирать салфетки на низком стеллаже возле стула.

— Марина, дай мне ключ от своего стола, пожалуйста. Квитанции кончились. — попросила я: У тебя новые проштампованы?

— Да, в верхнем ящике. Номера я проставила, у первых...

Моё внимание привлекла книга у Ленки под рукой. Чёрная глянцевая обложка и по ней огненными язычками: «Власть тьмы».

— Что, надоели любовные романы? На детективы потянуло? Или это мистика?

Я протянула руку, но Ленка проворно схватила книгу, прижав её к коленям: Нет, это только для посвящённых!

— Посвящённых во что, Лена? В вечерний клуб любителей чертовщины?

— Нет, в магию разрушения. — Голос у девчонки был восторженный, а глаза горели. Это было бы забавным, если бы её руки не стискивали чёрно-красную обложку с заметной, похожей на судороги, дрожью. Мне не очень понравилась ситуация, а уж тема, так вообще насторожила. Куда её опять занесло?

— А существует магия разрушения? По-моему, для того, чтобы разрушать, не требуется никакой особой магии. Круши себе, да и всё... Ломать — не строить.

— Ломать обветшавшие кумирни для созидания единственной истины — это великое искусство, и только постигший правду сумеет, отринув прах лицемерия, идти до конца.

Она произнесла весь этот бред с мрачно-торжественным выражением лица, нараспев и глухим замогильным голосом. Я не стала смеяться, только примирительно улыбнулась Маринке.

— Ну, ладно, я пошла. Корешки оставлю там, же, в ящичке. Ты потом сама разберёшься с квитанциями.

Уже собираясь домой, соскабливая мелкие серые пятнышки подсохшей грязи с рукава кожаного плаща, я поинтересовалась: Марина, что это за новое увлечение у Лены? Она что, опять нашла себе секту по душе? И что же на этот раз? Баптисты уже были. Значит, адвентисты? Или какие-нибудь свидетели Иеговы?

— Сатанисты... — Маринка подкрашивала губы и слово вышло не совсем разборчиво — сэт-ни-эсты.

Помада у неё была нового тёмного оттенка: лилово-серая, с перламутровым блеском. Она неважно сочеталась с зелёными стрелками подводки и всем Маринкиным лицом, но говорить об этом я не стала: не стоит обострять наш с ней и без того хрупкий мир.

— Сатанисты? Что, у нас уже и сатанисты объявились? Да-а-а... Демократия, она — сила! А Леночка — великий конспиратор... Только как-то нелогично это всё: православие, баптисты, сатанисты. А дальше что?

— Староверка... — выразительно подкатив на меня глаза, уже более внятно произнесла Маринка, плотно смыкая губы, чтобы разровнять их окраску.

— В такой вот, оригинальной последовательности? А почему не сразу: из православия — в староверы? Наверно, ей скучно показалось, без разнообразия?

— Да нет, она с детства была староверка, а не православная... А что, разнообразие это преступление, да? — Маринка с небрежным вызовом уставилась мне в лицо, осторожно завинчивая тюбик.

— Поиски разнообразия в любви — признак бессилия.

— Да? И кто же это сказал? Чарльз Диккенс? — Улыбка у неё была насмешливая, но хорошо, что хоть такая появилась. В обрамлении серо — фиолетового рта её зубы показались мне неровными и даже слегка хищными. Определённо, не её тон. Может, ей об этом мать скажет... Раньше девочка меня слушала, но теперь, возможно, сделает всё с точностью до наоборот. Не моё это теперь дело.

— Бальзак. И, думаю, он имел в виду не только любовь. Хотя и любовь в первую очередь. Говорят же: Бог есть любовь.

— Так любовь к Богу что ли? Ты у нас такая примерная христианка, Тина?

— Нет, христианка я, наверное, посредственная. Но... как бы это сказать... Родители, родина, вероисповедание — это незыблемо, понимаешь? Это то, что ты получаешь... раз и навсегда... Ну, почти как способность ходить и дышать. Каждый человек должен под это равняться, если он хочет себя уважать.

— А как же тогда всякие усыновления-удочерения? Или, например, гражданство? А ты знаешь, что Ричард Гир сознательно стал буддистом? Это что, тоже признак бессилия?

— Возможно. Я же не знаю Ричарда Гири как человека. Но чтобы сделать какой-нибудь выбор, нужно иметь то, от чего отказываешься в его пользу.

— Слабый Ричард Гир! Ха-ха, подумать только! Да на него стоит лишь разок посмотреть и сразу всё ясно. Красавец, умник, талантлив, как... лапочка!

Одновременное увлечение чудесным парнем, по счастливой случайности встретившимся ей в реальной жизни, и сладким киношным красавчиком — это, наверное, в обычаях современной девушки... Эх, показать бы тебе одного лапочку, милая! Красавца-спортсмена, подающего надежды физика-ядерщика и всеобщего любимца. За три года нашей семейной жизни он ни разу не убрал за собой со стола в раковину ни одной грязной тарелки

и упорно не желал знать, где лежат его носки. Он был силен и прекрасен в чужих постелях, а дома стремился к роли старшего ребёнка, нервного, ранимого и каверзного как содержанка...

— Если Бог един, то какая разница, как ему молиться, — продолжала Маринка: — похристиански, по-мусульмански... это, ведь, всё равно. Я, например, вообще не крещёная, а живу. И, вроде, не хуже других... — Она по-детски откровенно и самодовольно полюбовалась собой в зеркальце: Даже лучше некоторых...

— Что, совсем не крестили? Я понимаю, конечно: отец при чинах и всё такое, но твоя мама могла бы потихоньку отвезти тебя в поселковую церковь, например. Да и времена переменялись...

— А зачем? Что бы мне от этого прибавилось? — Ещё один любовный взгляд себе неповторимой: А знаешь, Тина, ведь Санёк теперь за Ленкой как привязанный ходит. Приворожила она его...

Мне не нравятся мечтательные нотки в её голосе и глаза, устремлённые уже сквозь зеркало в заманчивое «никуда». Я выдерживаю паузу и незаметно перевожу дух, прежде чем заговорить.

— Надолго ли, Марина! Всё-таки сатанизм — это слишком. Даже для того, чтобы окрутить какого-то никчёмного Санька. Ничего стабильного твоя Ленка, конечно, не добьётся, зато грязи хлебнёт немало...

— Почему грязи? Обязательно грязи — голос у неё становится капризным и чуть-чуть склочным. Ленкино влияние уже начинает себя показывать не лучшим образом. А Маринка зря времени не теряла и основательно подучилась у подружки по части интонаций...

Но не это сейчас занимает меня в первую очередь. Я вдруг вспомнила непристойную кассету, подкинутую в мой почтовый ящик. На ней около двадцати участников диких сексуальных игр и некоторые из тел очень молодые. Чьи-то дети, братья и сёстры, знакомые и друзья...

— Марина, ты же взрослая девушка, неужели ты думаешь, что сатанизм это молитвенные бдения над чёрной свечой и черепом? Или танцы до упаду перед перевёрнутым распятием? Ты что, книг не читаешь, телевизор не смотришь? Насколько я себе это представляю, в дьявольские секты идут люди, очень нездоровые, в первую очередь, в сексуальном отношении. Там не только всё позволено, но ещё и многое обязательно: половые извращения, групповуха, садо-мазо и прочая дрянь.

— Да ну, прямо сразу и нездоровые... Это преувеличение, Тина. Обыкновенная свобода секса, да и всё. Хочешь извращайся, хочешь — нет — с трудом отрываясь от созерцания собственного совершенства, тянет она: А что, Бог секса не допускает?

— Допускает, наверное, раз мы ещё существуем, но с соблюдением определённых контролирующих факторов. Но религия, всё-таки, всегда была сдерживающим моментом — ограничения, правила, мораль.

— Ну, Тина, завела-а-а! Правила, мораль! Прямо как в школе на классном часе о важности девичьей чести! Какие могут быть ограничения, когда любовь! Любовь!

Она засмеялась и зацокала каблучками к выходу. Вмешиваться в чужую жизнь я, в принципе, очень не люблю: свою-то, кое-как склеила, но к этому разговору решила вернуться при случае. Ленка — вольная птица, сама себе хозяйка, а вот Маринкины родители способны поднять большой скандал по поводу шалостей любимой дочери. И виноватых будет много, возможно — в первую очередь, мы со Львом Борисычем. Надо бы

этой проблемой заняться всерьёз... Как некстати, всё же, это недоразумение с Даном!

Док два раза в неделю дежурит в хирургическом отделении по ночам. А раз там есть рентген, то он всё же уговорил меня приехать ещё разок, «чтоб подстраховаться». Время было уже вечернее, больные давно поужинали и облепили телевизор в бытовке, шёл очередной сериал. Медсёстры тоже исчезли по своим делам, меня встретил сам Док. Он вволю повертел меня под «волшебными лучами» и признал, что я очень быстро поправляюсь («Как на собаке!»), прошёлся насчёт моего боевого прошлого, «записанного на многострадальных рёбрах» и отстал. Мы открыли форточку в дежурке, покурили.

— Что я тебе должна, Док?

— Тина, перестань! Это я тебе должен, и целую жизнь, между прочим, а не что-нибудь. Больше об этом не говорим, лады? Ох, и устал же я! — жалобно заявил он и повертел шейю: Рухнуть бы на диванчик, да подремать...

«Рухнуть» — одно из любимых словечек — паразитов в лексиконе Дока. Он не единожды упоминает его в любом разговоре, причём не обязательно в одном и том же значении. Но поддразнивать его сейчас мне не хочется. Я просто легонько толкаю его указательным пальцем в плечо.

— Ну и рухни! Кто тебе мешает? Сейчас выпроводишь меня и дремли в своё удовольствие. Можно к сёстрам во вторую бытовку напроситься. Там места одному человеку только и хватает, а они по одной боятся спать, сам говорил. Зауток в конце крыла, тихий, уединённый, батарея тёплая. Форточка открывается в сад, в котором ночью не души. Можешь хорошенько отдохнуть.

— Могу-то я могу, да только кто ж мне даст, как тому слону в зоосаде... У меня трое тяжёлых после операции. Да и «мальчиков крутых» скоро подвозить будут. Часам к двенадцати начнётся... боевая вахта.

— Что, так часто и так много? У нас же тихо, как будто.

— Тихо не тихо, а бывает. Пацаны к власти рвутся, постреливают. Огнестрелы, один-два в неделю, да попадают. С ножевыми бывают ещё чаще. Или бытовуха. То сынок папе голову стулом поправил, то муж жену кастрюлей приласкал. В «Скорую» везти — скандал, ну ко мне и прут или к Митрофану, в физиотерапевтическое отделение, он там днюет и ночует. Нашёл хлебное место.

— А жена ему что говорит?

— Так нет у него жены, развёлся. Когда понял, что хирургом на подхвате у нас тяжело и дёшево — закосил под алкоголика, побуянил, подружку новую завёл... И жена исчезла, и в физкабинет перевели от греха подальше. Врач он ничего, только жадный очень. К нему только богатеньких возят.

— А к тебе неимущих?

— Ко мне всяких. Чаще «крутых» из второго эшелона, да шестёрок, да боевиков. Не жалуясь, на жизнь хватает. Правда, и не вымогаю никогда, не могу и всё! Дадут, значит дадут, спросят, беру сколько не жалко, а требовать — характер не тот. Устроился со своими хворобами, да и ладно. Устаю только. Отпуск вот не догулял... Через недельку махну в Домбай, поднакопил отгулов, может, и Новый Год там встречу.

— Смотри, не шали очень-то! В Домбае. На помощь трудновато туда добираться.

— Да нет, учёный уже, отшалился, всё... Я с семьёй еду, с женой, со Славкой. Не переживай, об этом, Тинатин, дорогая! Всё будет «хоккей»!

Позапрошлым летом я встретила с Доком в Крыму. Я тогда крутила роман с весёлым

симпатичным итальянцем, Матео, и, натолкнувшись на Дока в казино, под руку со своим «бойфрендом», естественно, не обрадовалась. Мы не были близко знакомы, но его первая жена, редкостная, кстати, стерва, до сих пор является нашей постоянной клиенткой. Док меня сразу узнал. Он невозмутимо окинул взглядом мою взбитую гриву и дымчато-серебристый прикид, который открывал взору больше чем прятал, и только кивнул. Потом мы встретились в прибрежном ресторане и тогда уже ему явно не понравилось, что я увидела его с дамой (очень даже привлекательной), и мы снова сдержанно раскланялись.

Мой роман уже подходил к концу, потому что Матео, красивый и очень неплохой парень, открытый и щедрый, начал заговаривать о брачном союзе, а я, как раз, не спешила замуж. И вдруг, вечером, прямо в мой курортный рай на шестом этаже «Интуриста», с джакузи и роскошной лоджией, врывается телефонный звонок Дока с просьбой о помощи. Южные мужчины более болтливы, чем вообще по России, но Док к ним не относится. Я так никогда и не узнала, что с ним тогда произошло. Да и сама я, когда, уже перед рассветом, подобрала его из под обломков старого баркаса на лодочном кладбище, промокшего и окровавленного, избитого до зловещей синевы, тоже ничего не спрашивала, кроме одного: закончились ли на этом его проблемы?

Оказалось, что нет. Я перетащила его в машину и повезла к Матео на частную дачу, а потом понеслась в гостиницу в полчетвёртого утра, чтобы выписать Дока за сумасшедшую взятку. По его номеру прогулялось небольшое стадо слонов, но кое-что, пригодное к дальнейшему употреблению, я всё-таки нашла и покидала в сумку. Матео с братом оказались бывальыми и мудрыми парнями. Ни о каком лечении на побережье даже не могло быть речи, и уже к восьми часам белоснежная красавица «Венис» с Луиджи за штурвалом причалила возле парома через пролив. Матео перегонял мой рено.

Дома я взяла месяц за свой счёт и поселила Дока на втором этаже, в кабинете. Никто ничего не знал, кроме Галии и старенького доктора Галдумяна, иногда практиковавшего на дому. Переломанные пальцы Дока так и не обрели былой гибкости, а со своей корыстной мегерой он развёлся. Теперь у него другая жена, хорошенькая простушка-хохотушка и полуторагодовалый сын. Мы с Доком никогда не поминали прошлого, за исключением сегодняшнего дня.

— Ты всё-таки поберегись, Тинатин. — настойчиво требует от меня Док: Кости, они тоже устают и рушатся. Кальций принимай подольше, не повредит. Беспокоишь ты меня, давно и крепко. Даже своим свойством к быстрому выздоровлению...

— Бу сделано, Док! «Есть» и «Так точно!» Но моим способностям к скоростному самовосстановлению ты должен радоваться, а не ныть. Тем более что оплаты брать не хочешь... Что же плохого, если я лечусь по-стахановски?

— Всё до поры до времени, девочка моя, и за всё надо платить — вздыхает он, выкидывая окурок в керамическую кружку без ручки, установленную в дальнем уголке подоконника за стеллажными полками: И не скаль зубки, у меня такое чувство относительно тебя, которое появлялось в жизни всего несколько раз... С другими людьми, правда...

— И?

— И оно не отпускает, вот что. Свербит и свербит, как комар в ухо. Зудит, понимаешь!

— А что случилось с теми людьми?

— С теми людьми? Да разное с ними случалось — неохотно выдавливая из себя Док. Потом улыбается и встряхивает головой: Не бери в голову, Тинатин! Просто береги себя и всё будет хорошо. Если что, проруха какая — первым делом обращай ко мне,

выкарабкаемся.

— Ну, вот и договорились. Сам не бери в голову, а я как кошка, многожильная! Светланке и маленькому — привет! Счастливо вам отдохнуть, если не увидимся. С Новым Годом!

Когда я, обогнув, ради «променада», несколько кварталов, подъезжала к нашему прибрежному шоссе, из кустов на дорогу вышла собака. Я посигналила, но она не двинулась с места. Тощая, облезлая, глаза в свете фар блеснули красным. Мне пришлось обогнуть её на приличной скорости: тормозить было уже некогда, да и дорога скользкая. Я оглянулась назад — не задела. Собака села прямо в подмерзающее снежно-грязное месиво посреди дороги и завывала, подняв голову к небу. Меня пробрала дрожь. Почему-то захотелось оказаться дома, под спасительно-уютной защитой родных стен. И хорошо бы у камина...

А что, вот возьму, да и заведу себе камин. Настоящий, из камня и с кованой чугунной решёткой! Дом старинный, трубы и дымоходы где-нибудь, да отыщутся... Надо Васо подкинуть идею, вдвоём всегда веселей строить...

На пяточке, в надвигающемся с реки тумане, одиноко стояла девятка Дана, а сам он вышел мне навстречу, когда я подъехала. Помог загнать машину в гараж, придержал тяжёлую дверь подъезда.

— Ты так поздно едешь одна, Тина. Не стоит этого делать. Это опасно.

— Одиннадцать часов, город гуляет. Чего же опасного? Ещё и время-то, почти детское, — даже и не надеясь на его откровенность, спросила я.

— Ты же ещё не поправились окончательно, а дороги сейчас — сплошной гололёд. И видимость не самая лучшая.

— Я здорова. Док сказал, всё уже в норме. Ты, как всегда, чай? Ну, сам себя обслужи, ладно? Ты же здесь уже старожил. А я лучше кофе...

Мне было хорошо и спокойно, комфортно возле кухонного стола, за толстыми стенами квартиры, отгораживающими от холодного сырого ветра, бестолковой предпраздничной суеты, стреляющих бандитов и одуревших бродячих собак. Дан, привычным жестом отогревающий руки об горячую чашку с чаем, тоже не напрягал.

— Как твой крест? Ты уже успел его рассмотреть? Всем доволен?

Вместо ответа он, потянув за цепочку, вынул крестик на грудь поверх тонкого, тёмно-зелёного свитера, живописно оттеняющего бездонной синевы глаза. Я с усилием отвожу взгляд на цепочку. Слабовата... Надо ему посоветовать заменить панцирное плетение на якорное и замок тоже лучше лучше выбрать покрепче...

— Ты что, так вот носишь его каждый день? Такую ценность? Дан, дорогой, это не мне, это тебе опасно одному ходить по ночам.

Он улыбается в ответ, поглаживая крестик: Его же никто не видит под одеждой, Тина.

— А процедуры? Ты же не принимаешь свои оздоровительные ванны и массажи в одежде?

— Нет уже никаких процедур. Я выписался.

— Вот как? Так ты уезжаешь? — надеюсь, что мой голос звучит достаточно облегчённо.

— Нет, я нанял квартиру в Скворечнике. — со вздохом признаётся Дан: Два дня назад.

Скворечник — бывшее рабочее общежитие в нашем квартале и публика в нём живёт разная, от рыночных торговцев до алкоголиков и наркоманов. Место не самое приятное и безопасное. Я сообщила об этом Дану, но он меня успокоил.

— Я в квартирном блоке снял, не в коридоре.

— Значит, ты остался... Это создаёт определённые проблемы. Маринка скоро объявит мне войну. А её мама и папа способны превратить любое наше сражение в катастрофу.

— Я не могу сейчас уехать, Тина. Немного позже, но не сейчас. Я не буду тебе мешать. Но, время от времени, нам надо видеться, поверь.

Я не привыкла задавать лишних личных вопросов, а Дану их задала и так слишком много за наше короткое знакомство. Давно заметила, что тактика выжидания бывает полезной чаще, чем это признаётся, а я так устала от недомолвок, догадок и подозрений. Надо просто подождать. Если он всё равно не отвязывается, нужно просто терпеливо ждать. Ходит — пусть ходит, пока ему ходится. Надо найти в этом что-нибудь хорошее... Например, крест. Мне тяжело расставаться с этим сокровищем навсегда. Я буду его видеть наяву ещё некоторое время. Снимки, даже самые совершенные — это не то же самое.

Я вижу чёткое отражение Дана в тёмном оконном стекле. До чего же хорош! И как мастерски умеет быть бесконечно хладнокровным и, при этом, таким кротким на вид! Что его сдерживает, христианская мораль или житейский опыт? От природы, настолько невозмутимо — флегматичными просто не бывают парни с подобными упрямыми лбами и подбородками, с такими скулами и желваками... У Маринки просто мозги не в том месте работают, если она не сумела его «воспламенить».

Оказалась наедине с любимым парнем в такой подходящей обстановке, после туалетного побоища, которое меня показало не в самом выгодном свете... Что бы он там не говорил, а мои бойцовские страсти его напугали, я же видела! Ему такая пара, как я, никоим образом не подходит, он сам воин хоть куда! Богатырям нужны Царевны-Лебеди, мужественные исключительно своей нежностью и непоколебимой слабостью, а не умением махать кулаками. И эта дурёха не воспользовалась удобным случаем, а теперь винит во всём меня! Неужели я тоже была когда-то так же непроходимо глупа?

Наверное, принимала соблазнительные позы и застенчиво моргала глазками, с томлением показывала ножку и говорила о своей готовности разделить с ним постель, а потом пустила слезу, стараясь не размазать косметику, и пыталась дрожащими ручками погладить по щеке... А надо было вплетаться в него! Губами, зубами, пальцами, всем телом... Повиснуть на шее, обхватить эту упрямо-смирненную голову, укусить в этот строгий бледный рот, добраться до кожи на груди. Грудь и живот у него обязательно горячие, неужели не захотелось проверить? Простушка-дурочка, помешанная на сопливых бразильских сериалах и кошачестве Ричарда Гира! А мне от этого — новые неприятности...

— Что? Прости, прослушала...

— Вилов к вам ещё заходил?

— А что, должен? Нет, не заходил. Получил свой посудный набор из чёрного хрусталя и исчез. Дан, кто он такой, этот Вилов? Скажи мне... Ты его знаешь? Где вы встречались? Что вас с ним связывает?

— Видел мельком, в универмаге. Они с женой покупали мягкую мебель. Что нас может связывать... Нет, мы не были знакомы и не общались — как всегда уклончивый и благоразумный ответ.

— Так он что, живёт здесь, что ли? Нет, я бы знала...

— Откуда, Тина? Ты же не можешь знать каждого из пятисот с лишним тысяч жителей этого города.

— Дан, я ведь, ювелир. Знать все старинные и раритетные украшения в нашем районе обслуживания, для меня дело профессиональной чести!

— А у них таких много? — взгляд у него странный: удивлённый и понимающий в одно и то же время.

— Да они ими просто увешаны, вся компания.

— Вот как... Я в этом плохо разбираюсь, прости. Тебе бы, наверное, захотелось рассмотреть всё это получше... Знаешь, Тина, эта компания мне не нравится. Тебе не стоит сближаться с ними.

— А я и не собираюсь. Их драгоценности интересны, но не стоят того, чтобы искать знакомства с чуждыми мне, по всем ощущениям, людьми. И потом, лучше твоего креста я всё равно ничего не видела. Он задуман и исполнен не как украшение или предмет культа. Это целое... повествование о людях, жизни, даже о Боге.

— Почему «даже о Боге»? Забыл, извини, ты «сомневающаяся».

— Да... и совсем не безгрешная.

— Все мы не ангелы, Тина! Кто не грешен в этом мире? Но разве ты никогда не молила Бога... Ну хоть о какой-то мелочи. Не обращалась к нему?

— Обращалась. С вопросами. Например, я спрашивала: Господи, если ты есть, почему же вокруг одно дерьмо?

Он не изменился в лице, не смутился и не расстроился. Смотрел внимательно и спокойно.

— Это ты о детдоме?

— И о детдоме тоже.

— Ты там долго была?

— С восьми лет, до восьмого класса. Потом — интернат для детей со способностями в области искусства. Дядя не мог мной заниматься, он мотался по заданиям партии. Но стал подкидывать денег. Хватало, слава Богу.

— Ну, вот видишь, и «слава Богу» тоже было. А говоришь, неверующая.

— Это что, вера?

— А кто лучше верит, Тина? Ты думаешь, я в Суворовке каждый день поклоны бил, а по пятницам неизменно постился? Тоже всякое случалось. Там я учил наизусть не «Отче наш», а «Науку побеждать».

— Дан, ты так от своего имени говоришь, или с точки зрения официальной церкви?

— Я это говорю с нормально общечеловеческой точки зрения. И в официальных православных кругах меня, возможно, не все, но поняли бы прекрасно. Я молился, когда была подходящая минута, но не часто. Вот в госпитале — каждый день.

— Я тоже молилась каждый день... в госпитале. Да не вылупляйся ты так, у тебя глаза страшные становятся. Это фигурально. Я молилась, когда мой ребёнок болел.

— У тебя есть ребёнок? — удивление у него на лице заставляет меня горько улыбнуться. И мне уже всё равно...

— Был. Как сейчас помню: дядя Костя, совершенно счастливый, что сумел приехать на свадьбу, произносит речь и требует себе внука Костеньку, который оживит наш дом топотом быстрых ножек и звонким смехом.

— И что дальше?

— Дальше родился внук Костенька, который ни разу не засмеялся за свои полтора года. И с топотом детских ножек тоже ничего не получилось. Он родился со злокачественной анемией, и врачи обещали ему только полгода.

— А он прожил целых полтора...

— Да, он прожил один год, шесть месяцев и девять дней. Мы его окрестили, и я всё время его жизни молилась, чтобы он скорее умер.

— Он так страдал?

— Все страдали. Когда он умер, наступил покой.

— Это ужасно, Тина... Я не знаю, что сказать.

— Это обыкновенно. А говорить ничего не надо. Всё это было давно и неправда.

— И что было потом?

— Я же сказала: покой. Свекровь перестала ныть, что детдомовские такие слабенькие, что вес 46 килограммов при росте 170 сантиметров для деторождения просто катастрофа, что Юрик совсем истаял... Потом у меня случился выкидыш, а через два месяца — развод. Ещё через четыре месяца истаявший Юрик женился, а через полгода у него родилась девочка

с врождённым белокровием.

— И ты подумала, что его Бог наказал?

— Нет, не подумала. Я решила, что Бога совсем нет. Я, ведь, в самом деле, анемичная, у меня гемоглобин такой, что врачи до сих пор глаза закатывают. И эта глупенькая Оксаночка тоже как травинка... Зато Юрка — слон... Он даже ужин всегда из трёх блюд съедал, а на своём закрытом заводе ничего тяжелей авторучки в руках не держал.

— Тина!.. Можно, я сегодня останусь здесь? — решается попросит Дан: В кабинете, как в прошлый раз. Это необходимо, поверь. Я не стану тебе мешать. Просто так будет лучше.

— Лучше рассказал бы мне, что затевается, а не мудрил! Честное слово, надоели все эти ваши шпионские игры...

— Зачем тебе лишние дурные мысли? Ничего не случилось и, дай Бог, не случится. А мне спокойнее за тебя, когда я рядом.

— Ага, а завтра наступят всеобщее равенство и братство... Делай, как знаешь, Дан.

Я отправилась в душ так, как будто его совсем не было, а затем ушла спать.

В воскресенье, уже во второй половине дня позвонила мать Маринки и попросила её к телефону. Я не знала, что сказать. Промямлила какую-то невразумительную фразу о том, что «не совсем понимаю сути её вопроса».

— Тиночка, так она не у вас? — в голосе Нины Сергеевны послышались истерические нотки. — Почему? Вы же ходили с ней вечером на концерт, а потом она у вас собиралась остаться... Боже мой, где она? Она позавчера позвонила мне после работы...

— Не волнуйтесь так, Нина Сергеевна — попыталась успокоить её я, чувствуя, как начинаю понемножку покрываться жгучим мурашками и «мандражировать»: Ещё ничего не случилось. Она, вероятно, заночевала у Лены. А вас просто не захотела беспокоить.

— А зачем вы отпустили её с этой Леной после концерта? Я думала, вы более серьёзно относитесь...

— К чему, Нина Сергеевна? К чему я должна серьёзно относиться? Я не ходила с Мариной на концерт. А её видела в последний раз в пятницу, в пять, после работы.

— Но она же сказала, что вы вместе. Как же так можно, Тина?

— Нина Сергеевна, это ведь не я вам сказала — стараясь придать своему голосу более убедительные оттенки недоумения и обиды, медленно выговариваю я: Я ничего не знаю о том, что Марина говорит от моего имени...

Нашла козла отпущения! И шефа-наставника... А сама, интересно, чем занималась почти два дня? Сплетничала с соседками или паялилась в телевизор? Позвонить и узнать, ещё в пятницу, было тяжело? Как ты от самодовольства не ещё лопнула, индюшка безмозглая! Дочери с пятницы нет дома, а ты только в воскресенье решила узнать, как у неё дела!

— Не знаю, Тина, не знаю... Вы не оправдали нашего с Игорем Ивановичем доверия...

Я отыскала Дана в Скворечнике, и мы понеслись в район новостроек, где Ленка снимает однокомнатную квартиру. Предчувствия у меня были паршивые и я слегка покапала парню на нервы. Воображение рисовало картинку, одну страшнее другой и для того, чтобы сдерживаться, едва хватало сил. Мы долго разыскивали нужный дом и опоздали. Нина Сергеевна уже выводила дочь из подъезда, и их ждал возле чёрного мерседеса папа-аппаратчик в компании трёх милиционеров.

Даже при свете догорающего зимнего дня было хорошо видно, что Маринка в порядке. Её лицо и одежда не несли на себе следов насилия, повреждений и пьяных дебошей. Она выглядела как всегда, ну разве что слегка заторможенной и переутомлённой.

Я не стала дожидаться гневных нотаций Нины Сергеевны и тронула Дана за рукав: Делать нам здесь уже нечего. Уезжаем!

Ему понравилось моё предложение и мы, теперь уже без особых угрызений совести, поспешно укатили прочь.

— Мадам считает, что я должна, глаз не смыкая, опекать её ненаглядное чадо... В честь чего бы?

— У меня тоже был такой приятель, сын высокопоставленного папы. Родители сразу же сдали его на моё попечение и дёргали чаще меня, чем его.

— Справлялся?

— Тянул, сколько мог. Он, в общем, был неплохой парень... Только слабак. Избалованный, выхоленный, бесхарактерный. Стал наркоманом.

— Тебя в этом не винили?

— А повода не было. Он за полтора месяца втянулся, на каникулах. Отдыхали всей семьёй в Турции, там он и влип. Из училища его сразу забрали, по врачам повезли... Но когда у человека воля отсутствует — это безнадёжно. Так и не знаю, чем всё закончилось.

— Да, печальная история. Но Маринка-то не совсем мягкотелая. Просто привыкла получать всё, что хочет... Упрямства у неё вполне хватает... — я помолчала и, не выдержав, посетовала: Если она погонит какой-нибудь сатанинский бред — все шишки будут мои.

— Почему — сатанинский бред? О чём это ты, Тина? — Дан даже вильнул на дороге, повернувшись в мою сторону всем корпусом.

— За баранку крепче держись, водила! Нам только хлопот с ГАИ не хватало! — неожиданно резко даже для себя выпалила я и сразу пожалела об этом: Дан посмотрел на меня с потерянным выражением лица, сбавил скорость. Плохо он на меня влияет, вот что! Нервирует и заставляет вести себя вопреки усвоенной тактике.

— Ленка, кажется, усиленно вербовала Маринку в какую-то новую секту познавать истинную силу власти тьмы... Что-то про разрушение ложных кумирней и ещё целая куча галиматьи.

— Ты серьёзно, Тина? — голос у Дана не слишком тревожный, но именно по его безмятежности я уже научилась догадываться о том, что его по-настоящему беспокоит.

— Куда уж серьёзнее, если это вообще серьёзно. Я даже видела у них книжонку с пламенным шрифтом по чёрному. Мрачновато, но со вкусом...

— Тина, расскажи мне. Пожалуйста...

Выслушал он меня внимательно, но без возмущения или улыбки и вынес свой вердикт: Надо всё это рассказать её матери.

— Да она меня слушать не станет! А вот виноватой всё равно окажусь я. Взятся бы ты сам за это дело, Дан! Тебя и Маринка послушает, и родители сразу же «примут меры». Ты для них идеал добродетели. Ты же им понравился, всем и каждому! Я такие вещи сразу просекаю.

— Тина, я не могу... Они тебя лучше знают и доверяют тебе давно, а я для них незнакомец, никому не известный чужак. И потом, ты сама всё прекрасно видишь... Разве тебе не приходилось... отбиваться от ненужных... чувств, того, кто тебе безразличен?

Ещё как приходилось! Один Пенёк чего стоил, не говоря уже о других... Но Нина Сергеевна охотней послушала бы красивого парня, чем меня, я в этом почти уверена. Что-то в ней есть такое... Я не однажды замечала в ней странный интерес к молодым мужчинам. Витьке, например, она, как будто в шутку, строит глазки, а к Ванечке Петренко норовит

ненароком прислониться. Может, она и к Дану нечаянно проявила чересчур повышенную любезность?

Я зловредно хмыкаю и назло Дану молчу до самого дома. Пусть пострадает, если получится! И если он и вправду, беспокоится за Маринку. Я уже окончательно запуталась с этим Финистом — Ясным Соколом, честное слово!

Нина Сергеевна меня, разумеется, только что не послала подальше. Еле сдерживаясь, заявила, что девочка просто переволновалась. Она перестала мне доверять, потому что я встала на пути её первого настоящего чувства (Так и сказала: «первого настоящего чувства») и нашла поддержку у подруги. Не очень, конечно, подходящей, но зато искренней и верной.

А увлекаться в моём возрасте юными молодчиками недостойно и... Дальше я не стала слушать и положила трубку. Телефон тут же зазвонил снова, и я, выждав несколько минут, взяла. Придётся потерпеть её лицемерное недовольство и настоять на более подробном разборе сатанинской темы...

— Вы получили наше предложение, — голос в телефоне оказался мужским, и, кажется, знакомым.

— Какое предложение? Кто это?

— Вы Тина?

— Да, я Тина и я вас внимательно слушаю. О каком предложении вы говорите? — повторила я свой вопрос, соображая, кто бы это мог быть.

— Вы получили кассету с видеозаписью. Вы с ней ознакомились? — произнёс голос взрослого человека, совершенно невозмутимый, без малейших признаков неловкости или стеснения.

— Ах, вот это кто... Послушайте, вы уверены, что у вас нет необходимости обратиться к психиатру?

— Значит, вы отказываетесь? — всё то же редкое бесстыдство и самоуверенность.

— От чего? От участия в ваших... увеселениях?

— И в увеселениях тоже, если вам будет угодно. Но вы получили и более серьёзное предложение. Вы готовы выполнить наш заказ?

— Какой заказ? — я надеюсь, что ирония в моём голосе звучит более явственно, чем возмущение, но может быть, это совершенно неважно моему беспардонному собеседнику.

— По изготовлению золотого скипетра нашего господина.

— Вот, оказывается, как это называется? Забавно...

— Так вы согласны?

— Боюсь, что такая честь не для меня. И не трудитесь, пожалуйста, больше набирать мой номер. Мне бы не хотелось оскорблять ни в чём не повинный телефон ненормативной лексикой.

Разговоров на сегодня было достаточно. Но не думать себе не прикажешь. С этим своим недостатком я никогда не борюсь. Заклинание «Я подумаю об этом завтра» не для средних русских умов.

Это не Совкин голос, точно. Но очень знакомый, с металлическим оттенком, рассчитанный на производимый эффект. Профессиональный голос, дикторский или, может, даже певческий, с академической постановкой...

Да это же голос рогатого шамана с кассеты! Конечно, нечего было и гадать...

Стоп! Проверять не будем. Смотреть на эту похабщину ещё раз... нет уж! Я отключила телефон и врубила «Лунную сонату» на всю мощность, чтобы было слышно из душа. А

ПОТОМ ПОШЛА МЫТЬСЯ.

В понедельник Маринка не пришла в «Изумруд». А со вторника у нас уже работал Ильяс из «Алмаза». Он начинал как чеканщик, а не ювелир, но хватает всё на лету и толк из него будет. В «Алмазе» не делают сложной работы, только ремонт и скупка, разве что Соломон Ильич иногда берёт заказы. Он всё переманивает меня к себе, соблазняя высокими заработками, но оценка и перепродажа это скучно, кроме того, мне и здесь очень хорошо.

Теперь мы «увели» у Полонского Ильяса и Лев Борисыч, кажется, снова не в чести. Но его это ничуть не волнует. Его тёмное кареглазое лицо с чёрными дугами бровей под седой шапкой волос кажется вполне довольным жизнью. А с коллегой он помирится, — никаких сомнений. Ильяс, несмотря на молодость, выглядит вполне зрелым мужчиной, ростом почти под два метра. Теперь на их с Витькой фоне все остальные смотрятся подростками: и шеф, и мы с Ашотом.

Ильяс часто улыбается. Я почему-то, боялась, что теперь они с Ашотом «заиграют» нас восточными мелодиями, один — меланхоличными, а второй — огневыми, но, как оказалось, зря. Ильяс любит хорошую западную эстраду, и первое, что мы услышали в его четверг вместо новомодных Маринкиных хитов — это группу «Квин».

Ещё меня немного беспокоило, как они сойдутся с Даном: Ильяс наполовину чеченец. Однако ничего страшного не произошло. Постояли друг против друга два верзилы, один с золотистой, другой с антрацитовый шевелюрой под неусыпным наблюдением третьего, с каштановой «площадкой», померили друг друга глазами на вполне приветливых физиономиях, и Витька сказал про крест. Ильяс попросил разрешения взглянуть, Дан согласился. Наш новичок пришёл в восторг.

— Тина, какая ты искусница. Такая великолепная работа, никогда не догадаешься, что здесь вообще кто-то прикасался... Кажется, только из музея. Я таким мастером стану не скоро.

— Главное, что станешь, Ильяс. Захочешь и станешь. А лет через пять, глядишь, я снова на приёмку сяду — успокоила его я, отметая усмешку на Витькиной физиономии зверской гримасой. Исподтишка показала ему кулак и получила в ответ игривую «козу» в бок.

— Никогда! — откликнулся со своего стула Лев Борисыч: Через пять лет это уж, точно, будет только моё место, почётное. А вам, молодым — дорога.

Теперь, без Маринки, Дан заходил чаще и я к этому привыкла. Кое-кто из близкого окружения уже называл его «моим мальчиком», но, пока, без многозначительных намёков. Только Витька, временами, потихоньку подмигивал мне, играя чертячьими раскосыми глазами. Когда и Васо сообщил мне, что «мой мальчик» приобрёл на его глазах новый мобильник в «Интеграле», я встретила эту первую ласточку вполне спокойно. Кажется, это меня пытаются взять измором, а не наоборот. Ну что же, поживём-увидим.

Маринка устроилась в «Алмаз» вместо Ильяса, «чтобы быть поближе к дому». Я не видела, как она забирала свои вещи. Просто после обеда опустел целый угол в бытовке, да на столике перед зеркалом исчезли баночки и тюбики с косметикой. Из стола в приёмной понемногу улетучился тяжёлый пряный запах «Исфахана». Ильяс любит аромат мяты.

Вечером мы с Галией затеяли генеральную уборку к Новому Году. Время ещё было, но мне хотелось размяться, забыть обо всех своих болячках и неудачах. В прошлом году нам помогала Маринка, правда, чисто символически, в этом — заявился Дан и вызвался

перемыть все полы. Я отправила Галию домой, и понаблюдала, как он управляется со шваброй. Парень это дело знал, и выходило у него не хуже моего. Я ушла на кухню, а когда вернулась, он уже расстелил ковры и собирался в душ.

Дома я посвободнее в выборе одежды, и только для незапланированных визитов завела себе пару огромных респектабельных халатов, махровый и атласный. Один из них я и вручила Дану, и он отправился в душевую, на ходу стаскивая майку. Мой взгляд он, конечно, почувствовал, потому что чуть замедлил шаг, но не вздрогнул и не оглянулся.

Мальчику здорово досталось, это точно! Выглядит так страшно, что мороз по коже... Весь правый бок штопан-перештопан и некоторые шрамы ещё не успели побледнеть. Как же он выжил? Действительно, заговорённый. Да уж, «пусть сами не лезут!», чего тут ещё скажешь?

После душа мы выпили пива, а потом Дан засобирался к себе. Было заметно, что ему хочется остаться, но просить он не стал, и я облегчённо вздохнула. Когда мне не спится, я брожу по ночам в чём попало. И вообще, мой дом — моя крепость!

Погода перед Новым годом стояла терпимая: днём подтаивало, а к вечеру схватывалось морозцем, но сплошного гололёда пока не наблюдалось: просто твёрдый ноздреватый наст. Иногда я даже выходила и, к радости нашей детворы, скользила с ними по накатанным ледяным дорожкам возле парка. Васо, а иногда и новобрачные Семёновы присоединялись к нам и тогда веселья хватало всему дому!

Разбежаться перед замёрзшей среди снега проталиной, а потом, балансируя руками, прокатиться по её выглаженной сотнями ног поверхности, приучил меня, много лет назад, отец. Зимой мы с ним часто прогуливались после работы. Я дожидалась его во дворе и радостно летела навстречу. Он подхватывал меня с разбега: ловкий, сильный, такой красивый, что женщины замирали, встретившись с ним взглядом, и мы отправлялись в угол двора под голыми клёнами повалиться в снегу.

Если к нам выходила мама, ей тоже немного доставалось, но она была зябкой и быстро прекращала всю снежную возню. Потом мы катались на укатанном тротуаре и она ревниво, но молча, отмечала каждый женский взгляд в папину сторону. Он был очень хорош собой: светловолосый, голубоглазый, с сияющей улыбкой ровных белоснежных зубов и крутыми пепельными бровями, сросшимися на высокой переносице. Отец был так любовно заботлив и внимателен к нам, что мамина ревность, вернее всего, не имела серьёзных оснований. Я не знаю, правильно ли это моё предположение. И уже не узнаю. Никогда.

Я обычно умею угадать опасность. Интуиция — это то, что развивается независимо от других способностей и талантов, и я сразу поверила своему похолодевшему затылку, когда заметила огни сзади, на пустой дороге. Да, мы, кажется, покатались! Мой маленький невинный каприз собирается вылиться в большое приключение. Иногда я самопроизвольно притягиваю к себе неприятности...

Машин было две и они имели к нам самое непосредственное отношение. Одна попыталась обогнать нашу девятку. Я только успела ощутить знакомое покалывание между лопатками, а она уже начинала прижимать нас к хлипкому бордюру над рекой.

— Дан! Это что, твои знакомые?

— Нет... Не знаю! Тина, будь внимательна, пожалуйста! Держись крепче...

Дан резко затормозил и попытался развернуться с ходу, но у него ничего не вышло. Наши преследователи чуть проскочили по шоссе дальше, и, пока мы, потеряв драгоценное время, направлялись назад к городу, тоже стали разворачиваться.

Влипли! До города километров тридцать, шоссе пустое, а справа — поле.

— На поле не сворачивай, Дан, ни в коем случае! Там есть оросительные борозды, мы в них застрянем.

— Знаю... Не волнуйся. Тина, трубка... Звони! Господи, воля твоя!.. Ах ты гад...

Чуть погода, он отпустил пару непечатных выражений, и прибавил газу. Я схватилась за мобильник. Кому позвонить? Время — второй час ночи, суббота... Только Маго!

Он ответил почти сразу и я, не теряя времени, быстро изложила основную суть.

— Сейчас, Тина... Продержитесь хоть минут пятнадцать-двадцать, не давайте себя зажать. Уже едем...

Двадцать минут... Легко сказать! Ну какого чёрта, я вдруг «разгулялась»? И почему не поехали на моём рено? Девятка против мерсов как синица у ворон под ногами. Правда, водила Дан куда более искусный, чем я!

— Дан, слева... Тормози!

Когда уходить стало некуда, он всё же свернул в поле. Лететь в реку с откоса шестиметровой высоты, конечно, было бы хуже, но пахота даже подмёрзшая, замедляла ход. Мы ещё немного попетляли, но задний мерс поддал нам «леща», и мы всё-таки попали в чёртову борозду. Когда девятку стало переворачивать, Дан бросил руль и, распластав меня по сиденью, навалился сверху, намертво вцепившись в железные края рамы руками. Когда успел? — подумала я и мы перевернулись через голову, пару раз — боком, а потом ещё юзом проехали на крыше. Рук он так и не разжал и мне пришлось бить его по пальцам, чтобы вытащить наружу.

— Дан, всё! Всё кончилось, они уезжают!.. Ты слышишь меня? — кричала я: Всё! Очнись, Дан!

При свете почти полной луны я хорошо видела его лицо с закрытыми глазами. Мерсы уже скрылись за пригорком, а со стороны пригородного посёлка несло с полдесятка сигналящих на все лады ярких огней.

— Дан, очнись! Всё кончилось, скоро будет помощь. Дан, прошу тебя, держись! — у меня сорвался голос и появилась противная ватная слабость во всём теле.

Голова у него моталась из стороны в сторону, в углу рта показалась кровь. Потом тонкой струйкой полилась на подбеленную инеем мёрзлую траву.

— Господи, Боже! Дан, не умирай! Только не умирай... Сейчас подъедет Маго и всё будет хорошо! Мы отвезём тебя в больницу и найдём помощь! Тебе обязательно помогут, потерпи! Ты же такой крепкий и сильный, ты умеешь выживать, Дан, миленький! — причитала я, с ужасом вспоминая его незаживший бок: Ну, соберись, сделай над собой усилие! Умоляю, помоги мне тебя спасти! Я тебя вытащу и поставлю на ноги! И всё у нас будет, обещаю: всё, что ты захочешь! Обещаю тебе, милый, хороший мой! Клянусь! Дан, очнись! Ну, пожалуйста, открой глаза!

Он открыл глаза и даже при бледном лунном свете они были непередаваемо глубокими и синими.

— Тина, прошу тебя... Алексо...

— Вот так... Всё хорошо, мальчик, всё хорошо... Милый, всё хорошо! Не напрягайся! И не разговаривай, береги силы. Не беспокойся ни о чём, помощь уже близко!

— Алексо, Тина... Возьми его.

— Что ты хочешь, Дан? Сейчас... Вот так... Не поднимай голову. Просто поверни... Видишь, это Маго. Они нас быстренько отвезут к Доку. Он-то тебя поставит на ноги, он

такой... Самое главное, — продержаться сейчас. Тебе ведь не привыкать, Дан, ты сильный...

— Забери его, Тина. — Кровь у него изо рта пошла сильнее и я опустила его голову на свои колени. Дан полез окровавленной рукой за ворот, вытянул цепочку: Забери.

Я послушно сняла крест, стараясь не тревожить его резкими движениями.

— Надень, и никогда не снимай... Тина, скорее... Ради Господа Бога, надень его на себя!

Я сделала, как он хотел и переждала, пока он отдышится. Кровотечение не слабело.

— Дан, продержись! Несколько машин, ослепляя нас фарами, двинулись к нам прямо по полю.

— Тина, не оставляй меня с ними... Не доверяй никому. И если что...

— О чём ты говоришь, Дан! Даже не смей! — я уже была готова снова кричать, но только немножко, с мольбой, повысила голос: не говори так, прошу тебя!

Он немного прибавил настойчивости в свой тон: Если что, адрес в паспорте, под обложкой. Там найдут... кого нужно. Сделай всё, как тебе скажут, Тина! Не упускай никакой мелочи... — он стал задыхаться, несколько раз с трудом сглотнул.

— Молчи. Лежи и молчи, прошу тебя. Всё будет хорошо...

— Тина, ты мне правду сказала?

— О чём? Что всё будет хорошо? Конечно... Да! Всё будет хорошо! Всё обойдётся, ты только потерпи. Иначе и быть не может!

— Что всё будет... Что у нас с тобой всё будет... Только не оставляй... Тина! Не оставляй.

Он был без памяти всю дорогу, и я не помню, о чём молилась, держа его руку в своих. Ехали так быстро, как только могли. Мы резко затормозили у дальнего края поликлиники и я только спросила, почему не в Скорую.

— Там сегодня никого толкового. Док уехал, ты же не забыла об этом, Тина?

— Хорошо, Маго, делай, как знаешь. — Я забыла. А видеть Маго встревоженным, мне непривычно и тяжело.

Это как будто уменьшает шансы на надежду. Весь мир может сойти с ума, но для того, чтобы он уцелел, некоторые в нём должны оставаться прежними. Наверное, Маго — один из таких людей.

Доктор Митрофанов, упитанный, с поредевшими сальными волосами серого цвета и плоским лицом, мне не понравился, но я знала от Дока, что он неплохой врач — травматолог. Меня не пустили в процедурный кабинет и медсестра, тоже довольно несимпатичная, с обесцвеченной перекисью химией, предложила обработать мои раны в коридоре за деревянной перегородкой. Я отказалась. Мелкие порезы на лбу, несколько царапин и синяков — это пустяки. Она усадила нас с Маго на диван в физкабинете и пообещала кофе.

Я долгих полчаса рассказывала Маго о подробностях аварии, отвечала на его вопросы о мерседесах, а потом вышла в коридор. Сидеть и ждать там, у меня не хватало терпения. Я примостилась на жестком стуле у входа в процедурку и попыталась выполнить несколько дыхательных упражнений, успокаивающих нервы.

Господи, Господи... Хоть бы всё обошлось. Лишь бы повреждения не оказались слишком тяжёлыми. Если он умрёт, я никогда себе этого не прощу! Это всё из-за меня... Из-за меня он остался в городе, ради моего каприза поехал кататься! Когда нас стало швырять по полю, он прикрыл меня своим израненным телом... Оберегал мои помятые рёбра. Ну

почему, почему он не влюбился в Маринку? Спокойно бы сидел с ней сейчас где-нибудь в ресторанчике...

Молчаливая и сосредоточенная медсестра прошла мимо, с салфетками и ватой, пропитанными кровью, потом вернулась. Я уже топталась у двери, пытаюсь не очень настырно заглядывать ей в глаза.

— Ну что, девушка? Как он?

— Пока ничего определённого сказать нельзя... У него сильный ушиб, серьёзных повреждений, кажется, нет...

— Слава Богу! Господи, слава Богу!

— ... Но ушиб осложнён бывшим ранением. — продолжала она недовольным голосом: Когда у человека нет половины правого лёгкого и селезёнки, всё может быть. Возможны любые, самые неожиданные осложнения.

— И что? Что нужно делать?

— Доктор ещё не пришёл к окончательному выводу. Вы бледная, как полотно, у вас голова не кружится? Дать вам успокоительное?

— Нет, спасибо. Я неплохо себя чувствую. У меня ничего не кружится и не болит.

Вот привязалась... Чего ей моя голова, когда я ей вся не нравлюсь? Не нравлюсь и она даже не старается скрывать это. Неприятная особа. Господи, да о чём же я думаю...

— Можно мне на него взглянуть?

— Вы сейчас ему ничем не поможете. Доктор вводит лекарство, потом сделаем рентген... чтобы быть абсолютно уверенным...

— А это возможно? Быть уверенным?

Она ещё раз окинула взглядом мою заляпанную грязью рваную куртку, ободранные руки, остановила глаза на моём подбородке. Мне показалось или на её лице что-то мелькнуло... насмешка, издёвка...

— Ещё рано спешить с прогнозами. Но надежда всегда есть... Должна быть. Так вы, в самом деле, не хотите принять лекарство? Я могу дать вам что-нибудь полегче... не медикаментозное, настойку пустырника, например...

Я постаралась уговорить Маго ехать домой и хотела вызвать Витьку или Ашота, но он меня упросил не делать этого, пообещав оставить своих парней с Самвелом во главе. Самвел — родственник, приютивший на первое время Сако с Галией, когда они только приехали в город. Он сделал для них всё, что мог: лучшего выбора для меня нет. Мы с Маго вышли и вместе покурили у входа.

— Спасибо тебе, Маго. Ты приехал вовремя и опять выручил меня. Даже не знаю, как тебя благодарить...

— Тина, я не успел вовремя. Не могу себе простить... Хорошо, что этот парень сумел тебя сберечь... он настоящий мужчина, молодец. А этих гонщиков я найду, не сомневайся. Будь поосторожнее, у тебя что-то полоса плохая пошла. Береги себя, ты у нас одна такая...

— Какая «такая», Маго?

— Особенная и... Да ты лучше у этого парня спроси, он хорошо скажет. А я... не умею.

Он уехал. Я немного привела себя в порядок, умылась в туалете, приладила волосы, отёрла грязь с одежды. Наконец вышел врач.

— Ну, что, доктор? Он... жив? Он будет жить? Как его дела?

— Он спит... А вы очень бледны. Как вы себя чувствуете? — он пытается взять моё запястье, но я отмахиваюсь, отступив на шаг.

— Хорошо, доктор! Со мной всё в порядке. Голова не кружится и не болит, царапины пустяковые, ушибов нет... Доктор, как он?

— Пока всё стабильно. Кровопотеря у него небольшая, и я ввёл физраствор и глюкозу. Ушиб значительный, надо понаблюдать. И, разумеется, полный покой. Полнейший. Вечером я скажу вам точнее.

Вечером... Сейчас только раннее утро... «Не оставляй меня с ними, Тина». С кем «с ними»?.. Завтра воскресенье... нет, уже сегодня. В понедельник вернётся Док... Должен вернуться.

— Я хочу его забрать, доктор?

— Забрать? Как забрать? — неожиданно живо встрепенулся сонный и не слишком расторопный на вид доктор: Милая моя, я ведь ни в чём не уверен... У него может подняться температура, открыться внутреннее кровотечение. Мало ли что...

Чего он так засуетился? — думаю я про себя: Глаза забегали... Я же всё равно хорошо заплачу. Может, боится Маго? Губы облизнул, волнуется. А губы — как мокрые голодные пиявки, бледно-красные. При таких-то глазках... Чем он мне не нравится? Говорит, вроде, по делу, действительно, всё может случиться... Тошно мне его слушать, вот что! Я ему не верю!

— Я забираю Дана. Он не может здесь остаться.

— Вы понимаете, какую ответственность на себя берёте? Больному нужен профессиональный уход... Наблюдение... — назойливо гудит мне в ухо доктор Митрофанов: Как хотите, а я больше ни за что не отвечаю!

И так не отвечал! Больной-то левый, чего же так нервничать? И сколько разочарования... Ничего, настойка пустырника, она и врачам на пользу... — с неожиданной злостью думается мне и я продолжаю: Где он, доктор? Куда нам пройти? Самвел, ребята, пошли... Носилки у вас, конечно, можно занять, я надеюсь?

Мы переносим уснувшего, бледного и неподвижного Дана в кадиллак, примостив носилки прямо на сиденья. Самвел вручает Митрофанову пачку зелёных и мы трогаемся с места.

Полтысячи или около того... Завтра же отдам Маго, Самвел ни за что не возьмёт. А доктор очень и очень чем-то недоволен. И сестрица подскочила. Интересно, что это она ему так настойчиво пытается внушить? Чем они разочарованы? Денег достаточно, даже не сомневаюсь. Маго не любит недоплачивать...

Как же я на такое решилась, сумасшедшая? А если ему станет хуже? Я просто авантюристка, не всегда соображающая, что творю! Господи! Если ты есть, спаси его! Не дай ему покинуть этот мир! Мир не должен терять самых лучших! И я тоже уже устала их терять!

Я укладываю Дана в спальне, вглядываясь в бескровное и похудевшее, сразу обрезавшееся лицо. Дышит он с трудом, с хрипами, но ровно. На боку — грелка со льдом (менять каждые шесть часов!). Есть несколько ссадин и синяков, мелкие порезы на лбу, под самыми волосами. Более глубокие повреждения — на внутренней стороне левой руки — это об арматуру сиденья.

Если бы не повязка и втянутые бледные щёки, он бы смотрелся как древнерусский воин — богатырь, уснувший после тяжёлой битвы: золотая голова с сомкнутыми ресницами, сильные плечи, крепкая мускулистая грудь, руки крупные, но благородной формы, поверх одеяла. Господи, как я хочу надеяться, что эта красота останется живой!

Самвел наотрез отказался брать деньги («С Маго разбирайтесь!») и похвалил мою голубовато-зелёную спальню.

— Хорошо, спокойно. Мебель красивая. А можно квартиру посмотреть? Галя так нахваливала, и Васо тоже...

Гостиная в красно-коричневых тонах с кожаным уголком и финской стенкой привела его в восторг, а сиренево-серый кабинет — в почтение, и я пообещала парню помочь с дизайном его квартиры. Он стал интересоваться кухней, кладовками, лестницей, и только тогда я догадалась, что все его эстетические изыскания просто предлог. Маго наказал проверить весь дом на «предмет безопасности», как говорит Иван Петренко, и Самвел добросовестно осмотрел каждый уголок.

— Тина! Закрывайтесь, мы поехали...

Я быстренько помылась, переоделась и расставила на тумбочке коробочки, бутылочки, порошки и облатки, всученные мне при отъезде медсестрой Митрофанова. Дан лежал неподвижно, только иногда вздрагивали ресницы и немного хрипело в груди. Я прилегла рядом в халате, накинув на себя плед, и взяла его за руку. Если зашевелится — услышу и во сне. От Дана пахло больницей и ещё чем-то знакомым, сладко-острым. Травой.

Когда они его помыли? Руки чистые, а были в крови... Может, просто отёрли... настойкой пустырника... Почему пустырника?.. Он же успокаивает нервы... Ах, да пахнет, как из стакана, который мне всучивала эта медсестра... Что же они, такой настойкой больных моют? Может, это календула какая-нибудь? У неё, кажется хороший противовоспалительный эффект... Запах знакомый... где-то слышала... нет, видела... осязала... В косметическом, что ли?.. Знакомый... запах...

В одиннадцать часов я сменила Дану лёд в грелке. Он тихо застонал, позвал меня по имени и снова забылся. Лоб был прохладный, а пульс в норме. Грудь поднималась в равномерных вдохах, выдох — с той же знакомой хрипотцой. Я снова заснула и проспала до пяти часов, уже в темноте осторожно освободила руку, дотянулась до настольной лампы.

Дан открыл глаза, невидяще уставился в потолок.

— Тина... Я снова был там. Там теперь ещё холодней... Очень холодно.

— Тебе холодно? Ты замёрз, Дан? Это лёд, грелка со льдом. Я принесу ещё одно одеяло. Как ты себя чувствуешь, милый? Тебе больно?

— Да, немного... Совсем немного. Это ты, Тина? Тина... это ты! Я уже не верил, что увижу тебя... Как же там холодно!

— Где «там», Дан? Тебе что-то снилось? — я беру его руку в свои, осторожно

поглаживаю подрагивающие пальцы. Отвожу прядь волос, упавшую на лоб.

Его взгляд становится уже более ясным, перемещаясь по потолку и стенам, по кровати, ко мне.

— Так, пустое... Ты в порядке, Тина? Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, я в норме. Даже не обращалась к врачу. Что со мной может случиться? Несколько незначительных царапин... Ты меня спас. Ты помнишь, Дан, нас сбили на дороге за городом. Потом приехал Маго... Ты помнишь?

— Я помню. Да я хорошо всё помню. Тина! Алексо... он у тебя?

— Ты говоришь о кресте? Почему ты говоришь «Алексо», Дан? Что такое «Алексо»?

— Его имя.

— Разве у крестов бывают имена? — я знаю, что бывают, но просто хочу слышать голос Дана, убедиться, что он в ясном сознании и поэтому — в относительной безопасности.

— У таких — бывают. Он особенный... и... очень древний.

— Да я знаю, ты говорил. Что значит «Алексо»? С какого это языка?

— С древнегреческого. Алексо значит «очищающий».

— Понятно. Очень красивое имя. Хорошее имя, подходящее. — я стараюсь касаться его во время разговора, поправляю одеяло, передвигаю руку на грудь: Ты как, Дан? Как твоё самочувствие? Не проголодался?

— Нет... тошнит — он с усилием сглатывает, облизывая пересохшие губы: Только пить.

Я принесла из бара бутылку в холодной испарине.

— «Нарзан» пойдёт? Только она ледяная...

— Как раз хорошо, ледяную и надо.

Он, не отрываясь, выпил стакан воды и сразу начал подниматься с постели, прихватывая рукой одеяло над желудком... Я сбегала за тазиком. Дана вырвало тёмной жижой со сгустками крови. Сильно запахло травой.

— Дан, что ты ел? Мы же вместе ужинали...

— Это не ужин. Это... это лекарство, Тина. Ты не видела, чем меня поили?

— Меня к тебе не пустили, Дан. Доктор сказал, что тебе ввели физраствор, глюкозу и сделали укол, наверно, болеутоляющий. Больше мне ничего не сообщали.

Он несколько минут полежал с закрытыми глазами, бессильно откинувшись на подушку: Неважно, Тина... теперь это уже не имеет значения. Можно ещё глоток? Прости, это так неприятно...

— О чём ты говоришь, Дан! Я уже успела с тобой распрощаться! О чём ты! Да я готова... такая ерунда это всё!

Дан осторожно выпил глоток, прислушался к себе, выпил ещё, и его снова вырвало.

— Прости... прости, Тина.

— Перестань, Дан. Даже не думай об этом! Тебе, наверно, вкололи наркотик. После наркоза всегда тошнит.

— Тогда лучше не пить. Потерплю...

— Ну, глоток-то можно, пей, пожалуйста — глядя на то, как он жуёт изнутри свой сухой бледный рот, попросила я и он послушно отпил, откинулся на подушку.

— Это был не Док, Тина?

— Митрофан. Дока нет в городе. Завтра я ему позвоню. Или лучше сейчас?

— Не нужно, всё нормально. Лучше завтра... — Дан взял меня за руку и попросил: Побудь рядом. Просто посиди, пожалуйста.

Спустя время, он снова заснул, а я связалась со Львом Борисычем, чтобы отпроситься. Шеф пообещал в случае запарки прислать мне работу на дом. Потом я разыскала Маго. Он завёл со мной спор насчёт денег, но уступил.

— Девятку мы отбуксировали, Тина. Кузов всмятку, но всё остальное цело. Быстренько оденем и снова побежит, вот увидишь.

— Спасибо, Маго. Я твоя должница.

— Опять ты за своё... Что ты за женщина, Тина! — возмущается Маго: Не даёшь пошиковать в твою честь. Твоя независимость слишком бьёт по самолюбию!

— Ну, прости! Угостишь меня шашлыками когда-нибудь, вот и шиканёшь! Зато мне так спокойнее, Маго. Мне расслабляться нельзя, обнищаю.

— Обнищаешь!.. Издеваетесь, леди! Ваши заработки в «Изумруде» вполне даже ничего, как я надеюсь.

— Потому и «ничего», что долги отдавать надо. Волка ноги кормят...

Внезапно в трубке что-то зашипело, щёлкнуло и я услышала знакомый голос с металлическим оттенком.

— Это Тина? — уверенно и даже властно спросил рогатый любитель групповой клубнички.

— Да, это я. Что вам нужно?

— Вчера вы получили от нас последнее предупреждение. Очень жаль, что оно не стало более эффективным. Ваш голубок, кажется, покалечен, но вполне жив? Теперь вы согласны выполнить наш особый заказ?

Маго на своём конце провода, наверно, обалдел... Потому что голос его, обычно мягкий и низкий, приобрёл звонкость и резкое звучание горской речи.

— Слушай, заказчик! Ты откуда взялся такой предупредительный? Да я тебя из под земли достану, ястреб ты мой... И заставлю скушать всё, что ты производишь собственными кишками. Очень эффективно это выйдет, поверь!

Рогатый немедленно бросил трубку и телефон отключился. Спустя минуту, я уже уговаривала Маго дожидаться утреннего «не телефонного» разговора. Мне очень не хотелось посвящать его в проблемы, с которыми я надеялась хоть немного разобраться сама. Теперь придётся. Вот такая новая задача...

С утра Дана снова вырвало и он, отдышавшись, перебрал лекарственные запасы на тумбочке. Открывал склянки и нюхал их, морщился или задумывался. Высыпал на ладонь порошки, некоторые пробовал на вкус. Один состав поспешно стряхнул прямо в коробку и даже вытер руки.

— Что это, Дан, ты не знаешь? Вот этот раствор мне предлагали выпить... Это настойка пустырника?

— Выбрось её, Тина! В мусор... Всё это ерунда, дрянь! Правильно, что не стала пить... Не считй за труд, вынеси из дома... Видеть не могу, тошнит. Таблетки оставь, а остальное — на помойку.

Я сделала, как он сказал. На улице снова было сыро, под ногами снежно-грязная мешка, ветер перемежался с дождиком, и я успела продрогнуть, пока вернулась в дом. Док не отвечал.

Маго приехал очень рано и долго выпытывал у меня подробности «неприличного заказа», наконец, забрал дьвольскую кассету и отбыл в сопровождении троих подтянутых востроглазых мальчиков. Называть их боевиками у меня язык не поворачивается. Даже если

Маго и крутой, это ничего общего не имеет с бандитскими организациями. Он из хорошей родовой семьи, и его окружение — скорее упразднённая когда-то социализмом кавказская «семья», в которой Маго — старший.

Он «уважает уголовный кодекс» и старается жить с ним в ладу, говоря, что плохой закон лучше, чем вообще никакого. И, по-моему, он прав. Наша взаимная симпатия не становится близкой дружбой только потому, что святость кавказских законов для него, судя по всему, вообще незыблема и неприкосновенна. А согласно им, «курица не птица, жена — не человек». Преувеличенный и не совсем точный художественный образ, конечно, но вполне убедительный. А я — не курица, я сама себе закон.

В обед Витька с Ильясом привезли мне работу и долго, «по-шпионски», оглядывали со всех сторон. Я специально двигалась поживее, чтобы они убедились, что у меня всё на месте и ничего не болит, а потом накормила их до отвала. Они уехали успокоенные и разморённые едой. К вечеру Дан, невзирая на все мои возражения, встал, и, цепляя стену плечом, добрёл до туалета. Его снова рвало. Телефон Дока не отвечал.

Ночью Дан закричал и я примчалась к нему как ошпаренная. Он сидел в кровати, держась за грудь, потом отдышался.

— Прости, Тина! Я тебя испугал... Досталось тебе со мной — у него прерывалось дыхание, а в голосе слышалась мука, от которой у меня на спине выступил холодный пот.

— Ничего, ложись... Ты хочешь пить? — как можно более спокойно и уверенно спросила я, скрывая противную и мелкую внутреннюю дрожь.

— Да, немного... Не уходи... Пожалуйста!

Я взяла его за руку и снова прилегла с краю. Он опять уснул, уткнувшись лицом в мою ладонь.

Наутро я, не выдержав, позвонила в администрацию больницы. Мне сказали, что Док взял ещё неделю за свой счёт и до Нового Года не приедет.

Вот гадство! К Митрофану я Дана не хочу везти. Пока, по крайней мере... Но его состояние всё равно может быть опасным, а без специалиста... Я же не знаю, что у него внутри, хотя внешне он смотрится как будто получше, чем вчера... Нет, надо врача... Ещё один день и буду искать... Только бы всё наладилось!

Всё наладилось. Дан поправлялся быстрее, чем я ожидала. Стал понемногу есть, прогуливался в райке и вечером садился возле моего рабочего стола. Работа у меня была тонкая, но не сложная, дело шло быстро.

Мы вдвоём съездили в Скворечник на моём рено и забрали его вещи. Ехать за новой курткой я всё же не рискнула, но Володя из того же Скворечника привёз их десятка два «на любой цвет и вкус», прямо ко мне домой и Дан сам выбрал, что ему понравилось: куртку, ботинки, а заодно и новый свитер взамен испорченного, пружинки. Дока я уже не ждала, но у меня появилась неплохая идея, которой я поделилась с Даном.

— Мы можем обратиться к твоим санаторным врачам или они не разбираются ни в чём, кроме ванн, гимнастик и массажей?

— Там же военные врачи, многие из них разбираются во всём. При необходимости сумеют даже вырезать аппендицит, принять роды, или что угодно сделать, если припечёт. Больные-то сложные, наготове надо быть всегда.

— Давай подлечимся у них, в частном порядке. Я буду отвозить тебя с утра, а вечером забирать. Они тебя быстро подправят.

— Лучше бы я отвозил тебя на работу, а потом забирал — вздохнул Дан, присаживаясь

возле меня в кресло, тесно придвинутое к рабочему столу. Рассеянно покрутил в пальцах витое старинное колечко, с протёршейся насквозь от времени частью узора: Так мне было бы спокойней.

— Дан, это что? Мужское самолюбие, да? Боишься, что тебя примут за альфонса.

— Господи, какая чушь... — он даже попытался засмеяться: Тина, меня никогда в жизни никто не примет за альфонса... разве что какой-нибудь идиот... Мне просто было бы гораздо спокойнее, если бы ты не ездила одна.

— Ну тогда и успокойся! Это уже не проблема! Я чувствую, что теперь меня неусыпно будут охранять все, кому не лень: Маго, Витька, Ашот... Васо, если захочет и вообще тьма-тьмущая спасателей-энтузиастов... А через неделю-полторы явится ещё и Док. Не думай об этом! Я и моя безопасность в полном порядке.

После лечения военным хирургом Марковым, молодым, энергичным и очень старательным, Дан обрёл близкий к обычному цвет лица, стал живее и уверенней в движениях. Он хорошо спал и мне стало чуть спокойнее. Чтобы не дёргаться от переживаний, я решила готовиться к предстоящим праздникам.

Я обычно не наряжаю ёлки на Новый Год. После многолетних хождений вокруг худосочной детдомовской «красавицы» и многодневных общежитских бдений, этот праздник из принципа, стал для меня сугубо личным. Я справляю его одна. Наотрез отказываюсь от всех хлебосольных предложений, праздную до десяти с нашими в мастерской или где-нибудь ещё, а потом еду домой, в покой, уют и тишину. Иногда, под настроение, украшаю напольную вазу и кашпо пахучими еловыми ветками, иногда выпиваю шампанского или готовлю роскошный ужин, но всегда одна. В этот вечер мне хорошо одной и вполне хватает для компании себя самой.

Особых приготовлений не делалось и на этот раз. Я купила шампанское, фрукты, немного рыбы и сыра для Дана — он перестал есть мясо, приготовила друзьям подарки. Последняя неделя перед Новым Годом снова была холодной и относительно опрятной. Редкий снежок слегка присыпал подмёрзшую грязь, и это смотрелось если не вполне празднично, то хотя бы пристойно. Всё налаживалось, вопреки моим неясным тревожным предчувствиям и я радовалась этому, как кратковременной передышке между боями.

Новогодний вечер в Курятнике оказался не таким суматошным, как я опасалась. Мы обменялись подарками, расцеловались, потом выпили шампанского и немного «поговорили за жизнь». Год оказался удачным для нашего АО на заказы, клиентуру и, естественно, прибыль. Лев Борисыч объявил о премии, сообщение было принято с должным воодушевлением, за это выпили ещё. Пошли танцевать и Витька, оттоптав мне ноги, перекинулся к соседям из сберкасы, где было много женщин, а мужчины не отличались таким фонтаном непобедимого обаяния как он. Витька с шиком и блеском запрыгал среди них петушком-соблазнителем, и я, подняв над головой правую руку, многозначительно потыкала пальцем другой в то место, где носят обручальное кольцо. Предатель заметно поутих и вернулся на своё место.

Ильяс привёл с собой невесту, очень хорошенькую и смуглую. Она краснела и без конца делала попытки спрятаться за его широкой спиной, стеснялась, если её принимались угощать. Когда заиграли «Лезгинку», мы по кивку Ильяса, дружно и почти насильно вытолкнули её с нашим шефом в круг, потому что зрелище обещало быть совершенно потрясающим. Лев Борисыч выдаёт этот танец так, что настоящие лезгины воют от восторга, и девочка это скоро поняла.

Они поплыли по площадке, как лебеди, строго, грациозно, потом темп стал убыстряться, и наш деликатный, скромный, худенький Лев Борисыч стал прямо на наших глазах страстным, неутомимым и изобретательно-бесшабашным джигитом. Он уговаривал, интриговал, убеждал и даже угрожал своей белой птице, а она с гордой непреклонностью отклоняла его могучие объятья и только чуть-чуть, самую малость, кокетничала...

В восхищённом гаме и выкриках окружившей площадку толпы я взглянула на прекрасное сияющее лицо Ашота, и на мгновение возненавидела весь мир за то, что он не может так же просто, не стесняясь, выйти в круг. Ашот тоже бесподобно танцует лезгинку, но здесь не согласится даже на «медляк». Жизнь порой, бывает самой настоящей сукой!

Потом к нашему столику подошёл Васо с подарками. На этот раз в мою честь пели «Драгоценную женщину», и мы с Даном пошли танцевать. Я скорее угадала, чем почувствовала, как он украдкой целует мои волосы, и подняла на него глаза. Лицо у него было виноватое и счастливое, а взгляд затуманенный.

— Забылся... прости.

— Ничего...

Немного погодя он снова забылся, и я не стала ему мешать. Я всегда помню свои обещания и стараюсь их выполнять. Новый Год мы с ним встретили в моей постели.

Даже при моём, откровенно говоря, весьма скромном сексуальном опыте, я обычно не ошибаюсь в своей первой оценке мужчины. Дан оказался нежным и ласковым, не слишком умелым, но чутким и терпеливым любовником. Он не сделал ни одного грубого жеста, не сказал ни одного неуместного слова и не потерял в моих глазах ни капли своего удивительного достоинства. Вот такими и были чудо-богатыри Святой Матушки Руси — ловкими, надёжными, праведными. Они канули в вечность и оставили после себя редкие образцы мужественной стати и доблести, чтобы, как подарком, осчастливить ими достойных избранниц. И такой избранницей должна была быть ясная девушка с простым светлым сердцем, и стремлениями к доброй гармоничной жизни, а не я.

Я долго смотрела на спящего Дана. Его утомлённое лицо даже после бессонной горячей ночи не приобрело безмятежности.

«И вечный бой, покой нам только снится» — почему то приходит на ум известное и избитое, но очень уж, подходящее к случаю. Хотя, Дану-то, вряд ли снится покой. Вид у него такой, как будто, он готов при малейшей неожиданности, мгновенно распахнуть глаза, сразу же сообразить, что делать и снова лететь навстречу своему неведомому «вечному бою». Он сосредоточен и готов ко всем превратностям судьбы даже во сне.

А ведь это только начало, мальчик! Наш конец ещё глубже прорежет эти складочки у тебя между бровями и прибавит горечи строгому рисунку рта. Мои коммуникационные несовершенства слишком тяжёлая ноша для двоих. Я слишком долго была одна, без малого — целую жизнь.

Мне очень хочется поцеловать Дана в этот его строгий, но такой жадный и требовательный рот, в неожиданно жёсткую, при послушной мягкости волос, бровь, в глаза с беспокойными ресницами, но я лежу тихо и неподвижно. Пусть он спит, и пусть ему, всё-таки, приснится покой.

За окном вместо ожидаемого снега моросит дождь, и это — самое обидное огорчение новогодней ночи.

На свою рухнувшую репутация твердокаменной старой девы я плюнула с высокой горки. А также и на мудрый стишок-пословицу моего бывшего мужа «не люби, где живёшь; не живи, где любишь» (цензурное изложение). Так получилось! Мы не афишировали своих отношений, а Дан вёл себя так же образцово-сдержанно, как раньше. У него врождённый вкус на самые обыденные вещи. Но слухи, разумеется, поползли, и честная Галия мне сразу об этом сказала. Я не стала её разубеждать. Не люблю врать, а в пробитую брешь моей неприступности не хлынет пучина океанских страстей. Дан — особый случай, и достойных конкурентов у него не может быть никогда, как бы всё не сложилось.

В Изумруде со мной держались по-прежнему, только Витька выглядел довольным, как кот на масленицу, и даже сменил своих бардов на неувядаемую Тину Тёрнер. Он с нескрываемой радостью встречал каждый приход Дана в мастерскую и даже раздобыл где-то шикарную толстостенную кружку с портретом Богдана Хмельницкого, безмолвно-торжественно воодрузив её в хозяйственный шкафчик возле моей чайной пары под гжель. Остальные принимали Дана с неизменным радушием и вниманием.

Работа с начала года шла не шатко, не валко, с прохладцей. Заказов было мало, а морская горячка не вспоминалась и в зародыше. У меня появилась масса свободного

времени, которая тратилась на любовь, сон, прогулки и походы на концерты и даже в кабаки. В перерывах между ласками и культурной программой Дан обучил меня несколькими молитвами на греческом языке. Он был ласково настойчив, и я, с шутливо-несчастливым видом исправляющейся двоечницы, часто повторяла ему заученные уроки. У меня отличная память, а греческий (или древнегреческий?) красивый, очень звучный язык.

Мальчик был доволен моим прилежанием, и в награду часто рассказывал мне что-нибудь. От долгого чтения и слишком мелкой работы у меня, бывает, болит голова, поэтому я давно научилась хорошо слушать, а Дан первоклассный рассказчик.

Теперь я многое знала о его детстве и юности, о его военных приключениях, о его редких друзьях и родственниках, о том, что его увлекало. У нас оказалось немало общих интересов в музыке, литературе и живописи, много одинаковых взглядов на самые разные вещи. Мы были откровенны друг с другом почти во всём, и это «почти» не давало мне покоя. Что-то очень важное, постоянно занимающее его мысли и не дающее полностью расслабиться, всегда присутствовало в наших отношениях. И я это слишком явственно чувствовала.

Я решила для себя, что не стоит беспокоиться по такому поводу: каждый имеет право на свои секреты, ведь и я тоже не исключение. Я же не озвучиваю мысли о том, что мы не слишком подходящая пара и всё равно расстанемся. Дан их сам частенько угадывает за моими словами и поступками. Это видно по тому, как он иногда мрачнеет на несколько секунд и старается не подавать вида, что огорчён. Иногда даже заводит об этом разговор.

— Тина, я тебе уже, наверно, надоел? — как-то спросил он, помогая мне разбирать пакеты с провизией, закупленной в магазине.

— Да пока нет — улыбнулась я, подхватывая из его рук упаковку с яйцами: С тобой мало хлопот, ты у нас примерный больной. Послушный.

— Как морская свинка? — он улыбается и, как всегда, сразу необыкновенно хорошеет.

— Почти! — я рассовываю коробки, свёртки и кулёчки и увлекаю его к дивану в гостиной. После поездки ему надо немного отдохнуть: Расскажи мне что-нибудь.

— Что? — Дан привычно укладывает голову мне на колени, подложив подушку. Я запускаю руки в его заметно подросшие за время болезни волосы. Он тут же хватает меня за пальцы и начинает перебирать их, поочерёдно отмечая каждый частыми мелкими поцелуями.

— Что-нибудь про себя. Как ты воевал... или ещё про детство. Хорошо бы, что-нибудь интересное и уютное — предлагаю я, стараясь не обращать внимания на предательскую дрожь внизу живота.

— Про войну уютно не получится, Тина, золотая моя! Война — это очень неудобно, грязно и жестоко... Нет, Тина, я не хочу сейчас рассказывать тебе о войне.

— Тогда о семье. Или это слишком тяжело?

— Нет, почему же... Когда умирал отец, мне было лет десять... Он хорошо умер, хоть и рано. Тихо, спокойно, в мире со своей совестью и окружающими. Жизнь прожил достойную, честную. Очень скучал по маме. Он просто уснул...

— И ты остался с бабушкой? — мне приходит на память смерть моих родителей: совсем не тихая и мирная. Я не знаю как, но Дан сразу чувствует во мне перемену настроения. Он отрывает голову от подушки и одним неуловимым движением оказывается возле моего лица. Твёрдые сильные пальцы укладывают мою шею на подставленное плечо.

— У тебя всё было не так, я чувствую. Как это было, Тина, скажи!

Я слышу локтём его сердце: оно начинает биться быстрее и дыхание становится глубже.

— Скажи, Тина, пожалуйста! Я знаю, о чём ты сейчас подумала. Ты не собираешься отдавать себя всю, потому что не хочешь потом пережить предательства того, кому доверилась. Но я не требую тебя всю и я не предатель. Я весь твой, весь, без остатка! Я просто хочу забрать это из тебя. Разделить. Ты скажешь это и отдашь из себя лишнюю боль... Нельзя всё время носить всё в себе, поверь, я знаю. Просто скажи, и всё. Это же будет горькая, но простая выдача информации, а не ты сама, не твоё «я».

Я принуждаю себя вздохнуть ровно и медленно: Дан, в их смерти не было ничего необычного или криминального. Обыкновенный взрыв бытового газа у соседей через кухню. Неисправный газовый баллон и общая тонкая стенка. Её проломило металлическими осколками. Маму убило на месте, а отец пытался вынести её из квартиры. Но дом, деревянный и старый, загорелся сразу. Погибли все, кто в нём тогда находился, шесть человек. Дети были в пионерских лагерях и на дачах, кто-то — на работе, несмотря на субботу. Два подъезда из шести квартир и магазинчик — галантерея на первом этаже сгорели дотла. Духи и лосьоны хорошо горят...

— И ты больше никогда не видела их... — сердце Дана стучит уже в его горле и отдаётся в моих глазах, которые он покрывает тёплыми короткими поцелуями: Миленькая моя, дорогая! Моя самая лучшая! Это уже прошло... Ты не можешь забыть этого, но ты должна помнить, что это уже прошло.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Наверное, он хочет сказать про Костика и боится. Я прижимаюсь лбом к его влажным губам и возражаю: Я их видела! Видела, потому что прибежала из соседнего двора, когда доставали тела. Их, по счастливой случайности, заливало из лопнувшего водопровода и они не обгорели до конца. Я видела их лица в гробу, но... я их забыла. Я всегда забываю такое...

Больше я не могу об этом говорить, и Дан снова подхватывает моё настроение. Он бережно перемещается и перетягивает меня к себе на руки. Я слышу лишь один короткий болезненный вдох, с остальными он справляется спокойней. Сворачиваюсь клубком у него на груди и приказываю себе больше не думать о своих кошмарах...

Спустя несколько минут он начинает новый разговор: Ты спрашивала про бабушку...

— Да, про бабушку. Ты стал жить с ней?

— Мы с ней часто виделись, но вместе почти не жили. Военное училище, армия...

— Как она тебе «привязала» душу, расскажи.

— Баба Саня у нас очень своеобразная женщина, романтичная и жизнелюбивая. Энергия в ней всегда была через край. В своё время она много внимания уделяла народной медицине, заговорам, молитвам... Она этнограф по специальности, много работала для исследований в области народного обрядового творчества. С научной точки зрения всё это клад, с точки зрения церкви...

— Ересь и белая магия — подхватываю я новую тему, чтобы окончательно погрузиться в неё.

— Тина, не бывает белой магии, так же, как и чёрной, впрочем. Есть молитвы, которые помогают страждущим, а всё остальное...

— Колдовство. Бог не простит.

— Не думаю, что Бог так же нетерпим, как мы. В конце концов, церковь — это тоже люди, а людям свойственно ошибаться, чаще, чем они об этом догадываются. Но я уверен, что меня охраняет Божья сила, а не наговоры и причёты.

— Как это было, расскажи? Она тебя чем-то поила, заставляла повторять заветные слова?

— Искупала в травах, обнесла свечами, положила спать на сеновале и где-то ходила целую ночь. Я слушался и не спорил — один ведь у неё остался... Свет в окошке! Утром она мне сказала: Я привязала твою душу к телу крепко-накрепко, и она не покинет тебя до самой последней возможности, «до края». В самой безнадежной ситуации она тебя удержит на земле.

— Значит, это помогло. Ты же и выжил!

— Да, выжил. Но я предпочитаю верить, что это были охранные молитвы. И Алексо.

— Знаешь, Дан, а ведь я «ведьмочка». У нас была соседка, тётя Нюра, её считали ведьмой. Она лечила, гадала, привораживала. К ней шли, хотя она была довольно неприветливой. А меня она очень любила. Называла «ведьмочкой» и «киской», тоже купала в травах, у неё банька была крошечная, в двух шагах от дома. Она меня часто целовала, возилась со мной. Говорила про какой-то дар... Я плохо помню, это было давно. Мама на неё сердилась, но против такой преданности устоять не могла. Тётя Нюра умерла ещё до пожара.

— Похожее у нас детство.

— Значит, я тоже заговорённая. Вот ведь как! Не всё тебе одному!

— Ты отмоленная, Тина. Крепко отмоленная, надеюсь, что на всю жизнь.

— Как это отмоленная? — я отрываюсь от его удивительных, просто — вселенских губ и заглядываю в глаза: Это что, ты меня отмолил? Здорово... Нет, правда, здорово...

— Так надо, Тина, не сердись. Что плохого в том, что я постарался оградить тебя от зла? Разве это плохо, что я позаботился о безопасности дорогого мне человека?

— А что, есть необходимость заботиться о моей безопасности? В чём дело, Дан? О каком зле ты говоришь? Скажи мне, кто такой Хорс?

— Хорс — глава сатанистов в вашем городе — неохотно признаётся Дан: И он тобой заинтересовался, это видно невооружённым глазом. Мне это очень не нравится, Тина!

— Значит, это Хоренька у нас такой сексуально озабоченный? Да... Возраст у него критический, а жене вообще за шестьдесят... Господи-и-и! А Ленка с таким восторгом бормотала о торжестве истины. Да, Хорс истину знает... Представляю, какой он трепетный и пылкий.

Я невесело засмеялась и Дан тоже улыбнулся, расслабив сцепленные у меня за спиной пальцы рук. Ему идёт и озабоченное выражение лица и даже умоляющее, но вот такой, с улыбкой, он особенно хорош.

— Всё, Дан, мир. Я тебя прощаю. — я коротко, без подробностей сообщаю Дану о полученной недавно порнографической кассете и стараюсь не обращать внимания на то, как он снова замыкается в каких-то заботах и мыслях: Всё это, разумеется, ерунда, но молитвы — это так мило с твоей стороны. Спасибо за заботу и успокойся, я тебя понимаю. От Хорса меня с души воротит, Дан, а приключения я предпочитаю почище, более безобидные. Так что не переживай.

Я, наконец-то, полностью сложила в уме Хорса, его хрустальную вазу из мориона, невразумительный бред Ленки и ту злополучную кассету. Всё точно сошлось в мозаику, особенно наше дорожное происшествие. Несколько мелких ошибок — не в счёт, картинка с самого начала была верной.

Дан, ты хорошо обо мне позаботился, но только духовного вмешательства здесь явно

маловато. Нужно что-то посущественнее молитв и этим займусь я сама. Маго пока лучше не информировать, какому господину не хватает собственных мужских достоинств для полного торжества власти тьмы. Он может слишком увлечься. Я сама...

И не стоит занимать этим драгоценное время, когда рядом Дан — такой горячий, нежный и настолько желанный, что его хочется укусить! Я приникаю лицом к его груди и вбираю в себя терпкий запах подмышек: мне до головокружения нравится запах его пота. Наверное, это не нормально, но я обещаю себе потихоньку спрятать подальше его одеколон и дезодорант. Хочу слышать только аромат этого тела. Хочу пахнуть Даном... Вся, с ног до головы...

— Хорс Камилович, это Тина.

— Здравствуйте, Тиночка, какая приятная неожиданность. Как вы меня нашли? Ах да, я же оставлял свои координаты в мастерской... У вас ко мне какое-то дело?

— У меня нет к вам никакого дела, Хорс Камилович. Зато дело есть у вас. Вы знаете «Автосервис» Маго Амирханова?

— Да, естественно. А что, собственно...

— Там ремонтируют машину Дана Грекова. Ремонт нужно оплатить. А так же сделать хорошие денежные подарки доктору Митрофанову из горбольницы и военврачу Маркову из санатория «Родник».

— Тина, не понимаю вас. Объясните... — почти натурально удивляется «главный сатанист», но я его прерываю.

— Вам всё, при желании, объяснит Маго. Кассета у него, и поверьте, он очень настойчивый человек. Поиски ваших... единоверцев не займут у него слишком много времени. Я думаю, что вы очень облегчите свою жизнь и сумеете сохранить инкогнито, если сделаете всё, как я сказала.

— Молчание в трубке.

— Лично мне это тоже было бы более желательно и удобно, а ваши проблемы интимного характера мне неинтересны и даже не забавны. Я люблю тишину и покой. Вы поняли меня, Хорс Камилович?

— Да, Тина. Я вас понял. Я улажу все наши недоразумения. Вы можете быть уверены...

Дальше мне было неинтересно. Я вышла из телефонной будки, и чуть нос-к-носу не столкнулась с дядей Вадиком. Надо было сматываться поскорей и мне повезло. Совсем рядом открылась дверь книжного отдела, куда я благополучно юркнула. Дан ещё не показался из «Галантереи», но ничего, я его потом найду. А новый одеколон снова спрячу!

Дядя Вадик — глава дурного неродного семейства и один из инициаторов исчезновения наследства. Он беспросветный дремучий дурак, но с хитростью и изворотливостью достойной гения. То место, где у нормальных людей находится совесть, у дяди Вадика совершенно отсутствует, зато поискать эту самую совесть у оппонентов он обожает до самой глубины своей мелкой расчётливой душонки. Все судебные разбирательства насчёт ущемления моих прав он и провёл в поисках данного святого чувства. Когда всё закончилось более или менее благополучно для клана, а это ему дорого обошлось, дядя Вадик на некоторое время притих.

Но я устроилась в «Изумруд», а потом стала получать хорошие наличные, и милый дядюшка явился к нам, как ни в чём не бывало, — проверить мою благонадёжность. Он с видом простовато-добродушного толстячка стал пытаться обалдевшего от подобной наглости Льва Борисыча, как я себя веду, добросовестно ли работаю и не обижают ли меня с

зарплатой. Ему можно было плевать в глаза, — на все мои нелестные реплики он добродушно отмахивался и шутил насчёт зелёной молодости. Витька, раскалившись добела, просто вынес заботливого родственника из салона, и закрыл дверь на ключ.

После этого дядя Вадик немного подумал и стал донимать меня по линии родственной солидарности. Его свинообразная, в папу, Юлечка, вышла замуж и в квартире стало тесновато, а я одна... Почему бы мне не взять на время младшенького, Толика, пока парень не уйдёт в армию. Нехорошо жить совсем одной, слухи пойдут, да и опасно без защиты-то! Четырнадцатилетний защитник с задумчиво-тупым лицом заядлого онаниста стоял рядом и ковырял прыщ на подбородке, уверенный в моей преданности семье. На моё счастье, у Семёнова был по делам опер Петренко, или я собственноручно спустила бы свою дорогую родню с лестницы.

Были ещё визиты, приглашения, предложения не поминать старого (Что ещё за счёты среди своих?), и я откровенно боялась встречаться с этим непризнанным Макиавелли.

... В книжном отделе стояла за прилавком Маринка.

— Здравствуй, Марина... Ты разве здесь работаешь? Я слышала, ты на золоте, у Полонского...

— Да, так и есть. Это меня подруга попросила постоять минут десять. К ней пришли. Я за товаром приглядываю, ведь этот отдел тоже в нашем кусте.

— Ясно. Как твои дела? — я не слишком рада встрече, так же, как и она, но разговор — пустой и незначительный, помогает справляться с неловкостью. А чёртов Вадим Михайлович, как назло не спешит расстаться со своим собеседником перед самым входом в «Читай-город».

— Ничего, нормально. А у вас как? Всё в порядке? — рассеянно спрашивает Маринка тоже приметившая дядю Вадика.

— Да, потихоньку... Всё по-старому.

Она стала какой-то усталой и поблекшей. Не то, чтобы менее ухоженной или непривлекательной, а какой-то равнодушной, что ли, медлительной и задумчивой. Бледно, с безразличием улыбнулась.

— Ты выглядишь уставшей — замечаю я, чтобы заполнить паузу: Много работы?

— Да нет, даже меньше, чем в салоне. Новый Год прошёл, покупатели схлынули. Просто, наверное, время такое, вымотались все за праздники, подустали.

Она помолчала, уставившись в книги, разложенные на прилавке.

— Ты тоже изменилась, Тина. У тебя всё в порядке? Я слышала, вы попали в аварию. Дан... он как?

— Ничего, всё обошлось. Ушибы. Теперь уже поправился...

Чёртов дядюшка, наконец-то, наговорившись досыта, отправляется на поиски новой подходящей жертвы.

— Это хорошо... — с постной апатичной миной мямлит Маринка: Сейчас так много на дорогах бьются. Хорошо, что Дан выздоравливает.

— Ну, я, пожалуй, пойду... До свидания, Марина! Всего хорошего.

— Спасибо и тебе... тоже, всего наилучшего. Привет там всем нашим — доносится мне вслед.

Маго сам пригнал отремонтированную, свежееккрашенную девятку Дана в мой гараж, и обиженно заявил, что отваленных ему за ремонт денег хватило бы на новую модель. Ему заметно хотелось меня порасспросить, и я догадалась, что не о Данае. Кассета, вернее всего, необъяснимым образом исчезла из его надёжного сейфа, и он без моего мудрого заключения сообразил, что должен хорошенько перепроверить всё своё окружение.

Он ни о чём не спросил, и я благоразумно промолчала. У Маго, по слухам, хватало своих забот. В салоне давно поговаривали, что его хотят взять под «крылышко» краснодарские авторитеты, и до сих пор он успешно «отбояривался». Но в новом году эта сказка про белого бычка пошла по новому кругу. Теперь в ней появился и новый козырь — Коля Козырев, крупный местный авторитет, который «откинулся» недели две назад, и прибыл в родной город после многолетней отсидки.

Определённые городские круги заметно лихорадило. В старой гостинице на Заречной не было мест из-за массового притока крепких парней с бритыми и полубритыми головами, а Даргинку наводнили смуглые, горбоносые дети Кавказа с тихими, вкрадчивыми манерами и звериной гибкостью поджарых тел. Меня это не касалось, да и Лев Борисыч вёл себя по-прежнему спокойно. Мы свято соблюдали выходные, пораньше закрывались, и за Маго болели верно, но исключительно молча. Если такие вещи и решаются голосованием, то настое, всё равно никто не станет спрашивать.

Мне очень хотелось, чтобы Дан рассказал мне о тех непростых делах, что задерживают его в нашем городе, а он молчал из каких-то одному ему известных побуждений. Я понимала, что его таинственность может и не зависеть от его желаний. Возможно, он говорил со мной только о том, о чём мог говорить. В конце концов, Чечня — это факт непроверенный и не обязательный. Чем чёрт не шутит, мальчик мог быть связан с военной разведкой, антитеррористическими или силовыми организациями, требующими соблюдения секретности, с заурядным ОБХСС и ещё чем-то подобным. Он несомненно предан своему делу и честен по натуре... Но мне его недомолвки не добавляли оптимизма.

Я настаивала на тихих домашних радостях и стала предпочитать их рискованным набегам на переполненные личностями самого разного вида рестораны и прочие увеселительные заведения. К Дану никогда не цеплялись, по крайней мере, при мне. При всей своей привлекательности и явной самоуверенности он вызывал не неприязнь, а скорее уважение у собратьев по полу. Туповатые качки старательно не замечали его присутствия, как будто он был существом другого рода, да он и был таковым. Я же очень хорошо запомнила Пенька и кое-кого из ему подобных, и не хотела рисковать зря. Мы жили тихо.

Дан, наконец-то, сам забрал меня с работы. Мы приехали рано и затеяли пельмени. Пока он прокручивал мясо, я замесила и раскатала тесто, стараясь двигаться в такт Сороковой симфонии Моцарта. Когда приступили к «собственно пельменям», Дан мазнул мне мукой по носу, а я в ответ насыпала ему целую горсть прямо за пазуху. Примирение заняло у нас так много времени, что пришлось выключить закипевшую воду, выставив лист с пельменями за окно. Когда отдышавшись, мы её снова вскипятили, «запела» трубка на кухонном окне.

— Алло, Тинатин, солнце моё! Ты дома? Это я, Док. Чем ты занята, голубка?

— Док, здравствуй! Давно не слышала твоего голоса. Очень соскучилась по тебе... Как

твои дела? Ты, наконец-то, приехал, до чего же я рада! С работы звонишь?

— Я у Галии, осматривал Сако. У него высокая температура, но не ноги тому причина, а грипп. Дай, думаю, позвоню, обрушусь в гости. Раз уж я в ваших широтах, неплохо бы встретиться.

— Конечно, приходи. Чего спрашивать! У нас как раз пельмени на подходе. Хочешь пельменей?

— Лечу! — радостно пропел он в трубку: Лечу на крыльях голода! Они намного надёжней, чем любовные...

Док сильно похудел и осунулся, серые глаза стали светлее на потемневшем сухощавом «казачьем» лице. Усики, прикрывающие шрам над губой, уныло обвисли.

— Плохо выглядишь, Док — заявляю я, расцеловавшись с ним у порога: Где это ты так заморился? Работа, вроде, не пыльная. Стерильная и размеренная. По ночам, что ли, снова безвылазно дежуришь?

— Не пыльная, Тинатин, не пыльная... Знаешь, такое зло разбирает! Ничего не могу. Пальцы немеют каждые полчаса. Инструменты из рук валятся — жалуется он, протягивая руку Дану.

— Инструменты? Какие инструменты? Ты же на станции... Или что, Док? Ты где сейчас работаешь?

— В хирургии, на подхвате — горько хохотнул он: Поэтому и знать о себе не давал. Некогда, с самого приезда.

— Почему в хирургии? Там же Салиев и Герман Степанович. Да и молодых сколько!

— От молодых толку меньше, чем от меня «подбитого да ранетого». Пусть бы хоть на приёме в поликлинике не лажались, и то ладно! У Германа брат плохой, всей семьёй в Ростове уже неделю, а Салиев с гриппом. Инфекция... Старый Тофик снова у стола, а я вторым... И ещё смена... Сама знаешь, кто... Я уже три дня сплю по два часа в сутки.

— Галдумян, бедный, Ольга Яковлевна и ты с Тофиком? Они же на пенсии все. Не отпускали сколько, а теперь снова покоя не дают. Тофик, вообще, за седьмой десяток перевалил, сколько же можно? А двое других не намного моложе. Что же это творится...

— Так он же спец, Тинатин. Такие даже пенсией насладиться не успевают... Устаёт он, сильно. А я безрукий почти! И, знаешь, как по закону подлости — одни тяжёлые.

— Отделение забили, во всех коридорах кровати стоят — сообщает Док, неловко орудуя вилкой. Несмотря на голод, ест он довольно вяло и медленно.

— Крутые? — я подкладываю ему новую порцию пельменей, поддвигаю ближе тузлук. Док любит его к пельменям, но сегодня даже не замечает. Жуёт механически, как заводной.

— Нет, как ни странно... Город — пороховая бочка, а подстреленных нет. Может, огнестрелов к Митрофану везут. Кстати, как он Дана поправил? Эх незадача вышла, меня в нужный момент в городе не оказалось!

— Потом расскажу... Дан вполне ничего, да, Дан? Ты лучше скажи, больные откуда? Бытовуха?

— И бытовуха, и автомобильные... разные. Крови на станции мало, а они все с большими кровопотерями, как назло. Меня там сейчас Анна Ванна замещает, жалуется без конца! Все запасы вышли, а до края пока доберёшься! Тоска! Домой — боюсь, у нас в корпусе тоже грипп, на излёте уже, но домой как? Светка без меня одна справляется. Хотел к тебе ночевать напроситься, пока смена Яковлевны и Арайка. Пустишь?

— Конечно, чего спрашиваешь! Приютим и обогреем и спать уложим. И даже массаж

сделаем, если хочешь. Всё для тебя...

Я не умею толком делать массаж, но Док говорит, что мои манипуляции ему почему-то помогают, облегчают боли в руках.

— А мне массаж никогда не делала. И вообще... — когда Дан придуривается, у него это забавно и мило получается. Почти можно забыть о его страшных шрамах, которые я не только массирую, а даже погладить-то лишний раз боюсь. Прикасаюсь, с замиранием сердца и холодом в районе пупка, а сама боюсь... Хорошая помощь!

— Тинатин, я о таком счастье даже не мечтал. Ты сама предложила, я не в силах оказать... Мне бы, хоть выспаться, братцы! А всё остальное — это уже ваша великая щедрость бедному старику!

— Ах ты наглец! Старик, значит? А я тогда кто? — я даю Доку подзатыльник. Мы с ним ровесники, и даже день рождения у нас в один месяц. Это, кстати, даёт ему возможность позлить Витьку, который на месяц моложе и называть Ашота аксакалом — тот старше нас всех на целых полгода. Док в ответ хватает, как боевой меч, вилку и мы с ним начинаем кружить вокруг стола, делая зверские лица.

Мы постарались скрасить вечер для Дока как могли. Оба наотрез отказались от врачебного осмотра и уложили его спать сразу после душа и массажа. Дан оказался ещё и приличным массажистом. Талантов у него — как из волшебной шкатулки. Руки массирувала я.

Док проспал часа четыре, а уже в одиннадцать снова проснулся и захотел есть.

— Поешь и снова ляжешь, хорошо, Док? Хотя бы эту ночь выспись по-человечески, а потом заступай опять на свою боевую вахту — попросила я и он энергично закивал головой, одобрительно промычав что-то с набитым ртом. После отдыха он ел намного охотней.

Я собрала ему на стол, села рядом. Дан плескался в ванной.

— Тинатин, а мальчик у тебя хороший. Как ты собираешься с ним поступать? — прожевав очередную порцию, напрямую, без вступлений, спросил Док.

— А как с ним надо поступать, Док? Ситуация требует срочных решений? Я знаю, что он хороший мальчик, я уже ничего не могу изменить или вернуть назад. Всё идёт, как идёт. Ты можешь что-то предложить?

— Нет, не могу. И уже не думаю, что ты запуталась. Твой Дан мне нравится... Очень нравится. И ты, видимо, знаешь, что надо делать — это главное. Я теперь спокоен. Прости, что завёл этот разговор.

— Всё в порядке, Док. Какие могут быть извинения? — улыбнулась я: Спасибо за заботу, но между нами всё, в самом деле, нормально. Не бери в голову. Расслабляйся и отдыхай. Как твои руки? Получше?

— Отлично, спасибо. А ты, наверное, должна была стать врачом, дорогая! Только тяга к прекрасному победила в тебе тягу к целительству.

— Ну вот, отдохнёшь и снова в бой — радую его я: А потом — ко мне, целительнице, если помогает. И почаще!

— Да-а-а! В бой... У нас в привокзальном Сарае такой позавчера бой был, побоище даже. Бомжи друг друга покромсали, Ванька сказал, только что не на куски. У двоих брюшина вспорота, внутренности на полу... Третьему вообще голову почти отхватили, непонятно как и чем. На столе прямо у нас один скончался. Пацан, двадцать лет, а вид у него был... На все пять десятков потянет. Всего-то, рваная рана в области ключицы, а кровопотеря — критическая.

— Чего они не поделили? Бутылку или денежки? Милиция — то, что говорит?

— Выясняет милиция. Ваш дружок Ванечка Петренко с ног сбился. Ещё одного выловили, вроде как сосед по трущобе, а он с дуба рухнувший, эпилептик. Несёт ахинею про дьявольских гостей. Какие там гости!

— Может и гости. Чужих вокруг навалом, город бурлит. Маго сам не свой.

— Да уладят они всё, Тинатин, ты хоть не переживай! Не захотят краснодарцы обострять. За Маго не бойся! Он мужик серьёзный и неглупый, за ним горы, а горы всем нужны... Ну подстрелят парочку-другую шестёрок с обеих сторон, а потом всё равно разберутся. А ты плюнь и живи, как живётся. Только не влазь, смотри, никуда.

— Вот подсказал! Спасибо тебе за совет, а то я уже хотела Дана за гаубицей снарядить... Или нет, за установкой «Град». Я правильно называю?

— Да я же не о военных действиях, Тинатин. Я знаю, ты у нас девушка спокойная и в обыденной жизни миролюбивая. Ты по городу поменьше светись. Дома посиди. Соблазнится какой-нибудь козёл... Вон их, чужаков, сколько понаехало!

— Док! Ты в своём уме? — я призываю подошедшего Дана в свидетели и картинно упираюсь руками в бока: — Тоже мне, нашёл Клаудию Шиффер. Да мне её ноги как раз подмышки придутся. Ну, сказал!

Док насмешливо округляет глаза и я догадываюсь, что он вспомнил облик «крымской шалуни».

— А Пенёк? А триумфальное сражение в Паласе? — торжественным голосом прокурора восклицает он.

— Кто такой Пенёк? — принимает предложенный им тон Дан: — Тина, это что, страшная тайна? Я требую немедленно признаться мне, кто такой Пенёк!

— Пенёк, друг мой, это один залётный Шварценегер с куриными мозгами, которых всё же хватило на то, чтобы не сравнивать нашу несравненную Тинатин с куколкой Клаудией Шиффер. Я собрал его череп из нескольких кусков, но и в бреду, и в сознании этот парень до самого своего отъезда в далёкую Сибирь не переставая твердил, что «баба эта его» и только рухнув в могилу он, наконец, поймёт, чем она его достала.

— Хватит, Док, не пугай мальчика! Я сама его напугаю, если понадобится! А ты, Дан, не слушай болтливую лекаришку или я закачу истерику. И вообще, вам пора развлекать даму. Давайте в карты, что ли, сыграем...

И мы сели играть в карты на «американку». Я очень хорошо умею играть в карты, потому, что в детдоме необыкновенно высоко ценилось мастерство незаметно мошенничать. Поэтому я всё время выигрывала, и заставляла их петь, танцевать, изображать умирающего лебедя и мотылька в брачный период. Потом внизу подъехал Васо и я отдала им приказание выпросить у него кусочек хлеба с солью, без всякого хихиканья и объяснений. Немного погодя прибыл Васо с женой, моим любимым вином и корзиной куриных деликатесов. Мы хорошо подурили впятером и отправили Дока спать только в два часа. Пересменка у него в восемь, времени на сон должно хватить.

Когда компания разошлась, за окнами пошёл снег. Долгожданный, настоящий пушистый снег. Через стёкла спальни, как в киношной новогодней сказке, была хорошо видна голубовато-белая площадь, освещаемая старинными фигурными фонарями, которую ещё не успели затоптать пешеходы. Запорошенные ели и сосны в сквере возле Бытсервиса, украшенного по окнам разноцветными огоньками, стояли тихо и торжественно. В ночной тишине, поблёскивая в фонарном свете отдельными снежинками, кружились белоснежные

хлопья. Не часто видимые в черте города с такой чёткостью звёзды подрагивали в чернильно-синем небе.

Я замерла перед раздвинутыми шторами. Дан подошёл и обнял меня со спины, вдыхая вкусно пахнувший озоном морозный воздух. Я мягко откинулась ему на грудь.

— Дан, давай форточку оставим открытой, чтобы ночью пахло снегом. Ты не замёрзнешь? Нужно только достать из шкафа одеяло на гагачьем пуху. Оно предназначено, как раз, для подобных случаев.

— Нет, я люблю снег...

Он лёг на спину, привлекая меня головой к груди, и его сердце забилось близко-близко, возле моего виска. Он был такой тёплый, надёжный и милый, что мне снова захотелось укутить его в безотчётном порыве признательности и желания верить.

— Ты ведь не очень мной тяготишься, Тина? — вдруг спросил Дан, когда я поудобней уюстилась под одеялом, поплотней заворачивая в него ноги.

— Нет, с чего ты взял? Почему ты вообще задаёшь мне такой странный вопрос? — я в который раз поразила его свойству затрагивать тему, сопутствующую моим мыслям.

— Мне кажется, я иногда вижу в твоих глазах... ответ на него — неохотно признался он: Не слишком обнадёживающий. Я знаю, что когда-нибудь тебе надоем. Я хочу только отодвинуть этот миг подальше.

— Ты не можешь надоесть, Дан, это не твой профиль. Тут совсем другое... — я просто не могу внятно объяснить ему, как устала от обманов и обид.

— Эти несчастные несколько лет разницы? Но ведь это мелочь, Тина. Наверно, я не слишком удачное приобретение, но ведь я весь твой: телом, сердцем, даже душой.

— Почему «даже душой», Дан? Это самое важное?

— Наша душа нам не принадлежит. Душа — это богово... Я могу обогащать или опустошать её, извлекать в грязи, заплевать, или беречь и лелеять в чистоте, — она всё равно мне не принадлежит. Бог вдыхает её при рождении в каждое мыслящее существо и забирает к себе после его смерти.

— Ты не можешь опошлять, опустошать и валять в грязи свою душу, не такой ты человек, Дан! И я не могу претендовать на твою душу, раз она тебе не принадлежит.

— Она же «привязанная», ты забыла? И она — твоя, вся без остатка — он зарывается носом в мои волосы и я уже с трудом продолжаю разговор, думая о том, как восхитительно пахнет он сам.

— Наверно, это неправильно — отдавать кому-то душу. Я ведь тоже могу её заплевать и извлекать в грязи.

— И ты не можешь, Тина. Ты тоже не такой человек. Как же нам теперь быть, Тина? Теперь я, кажется, совсем не могу уйти... Мне кажется, что жить, ходить по земле, просто двигаться и даже дышать без тебя, для меня невозможно. Что мне делать?

— А почему нужно срочно что-то делать, Дан? Мы что, ссоримся или недовольны друг другом? Мы сейчас вместе и нас это устраивает, нам нравится быть вместе. Всё идёт хорошо. Я тебя не прогоняю. Я, как и ты, жду будущего и надеюсь, что оно будет хорошим. Мы не знаем, как всё обернётся! А жизнь впереди ещё длинная.

Дан протяжно «вдыхает меня» и я улыбаюсь в благоухающее мужской силой и надёжностью крепкое плечо. Медленно и вкрадчиво укладываю колени на впалый твёрдый живот... Он бережно-властным, сводящим с ума движением, втягивает меня на своё тело и я охватываю его бедрами, покусывая за жёсткий горьковатый сосок...

Он уснул, утомлённый и счастливый, с моей головой на плече, а потом я, отодвинувшись, долго смотрела на него в полумраке белого снегопада за окном, как заклинание повторяя про себя: Мы не знаем, как всё обернётся. А жизнь впереди ещё длинная.

У него не было впереди длинной жизни. По крайней мере, жизни — у него уже почти не было...

Встать в выходной пораньше — это почти трагедия. Особенно на рынок и особенно за продуктами. Ну что может измениться за один-два часа? Расхватывают лучшие куски мяса или петрушка успеет завянуть? Ради какого великого события нужно вскакивать из-под тёплого одеяла в пять часов утра и нестись в ванную, чтобы размочить слипающиеся глаза? А потом кое-как собраться, и с пустой головой, но полным кошельком, выходить из дома в холодное, тёмное утро, моститься на жёстком, скрипящем сиденье выстывшей машины, разогреть мотор и, наконец, тронувшись, тащиться в дурацком, бестолковом потоке таких же идиотов, одержимых покупательским зудом.

Злит буквально всё: забитая стоянка, снующие перед самым носом пешеходы, холод, суета, шум, и больше всего — постоянные соприкосновения с чужими людьми, толчки, тычки, подталкивания или заторы. Я не люблю базаров, очередей и беспардонного нахальства продавцов, готовых на всё, чтобы продать свой товар. Равнодушие магазинных мадонн бесит меня гораздо меньше, чем эти угодливые зазывания, готовые в любую минуту превратиться в гнев оскорблённого гения: Дорого? А в магазине дешевле? Вот в магазине и берите! И потом, уже вслед, долгие рассуждения с соседкой по прилавку о тяжёлой доле неприкаянной торгующей души.

Честное слово, можно расплакаться от этой печальной повести о производстве и доставке общественных благ, если не знать, что из настоящих производителей до прилавка добираются только самые стойкие и храбрые, выдержавшие угрозы перекупщиков и произвол десятка инспекций. Этих я научилась узнавать по скованности «не рыночных» движений, по рукам, привыкшим работать, да по растерянности, которую не может скрыть даже всеобщий базарный ажиотаж. Они тоже заламывают цены и стараются «не прогадать», но эти-то, хотя бы имеют на такое поведение полное право в сбесившемся мире, где все хотят продавать и никто не хочет работать.

На рынке мы оказались часов около девяти, в самую толчею, но зато для этого не надо было вставать затемно. Мы неспешно прошлись по мясному ряду, купили курицу и говядину, перешли в молочный павильон. Дан терпеливо ждал, пока я выбирала сметану и творог, прислонившись к колонне в конце прилавка. Пакет с мясом у него промок, и я, переходя к сырным столам, жестом указала на красный мазок по джинсам возле колена.

— Ничего, смою. Домой вернёмся, сразу замочу и щёткой...

— Ещё больше не вывозись. Купи второй пакет. Да не здесь, Дан!.. Возле овощей бабуля стоит. В старой шубке, маленькая такая...

Он сразу догадался, чего я хочу, и пошёл к выходу обогащать бабулю, которая на перепродаже пакетов добавляла к своей пенсии какие-нибудь рублей тридцать — сорок, за один базарный день.

Я, расплатившись, шла за ним следом и не спешила окликать, наблюдая, как он шагал, выделяясь в толпе, красивый и ловкий, даже грациозный, совершенно особенный. На него оглядывались девчонки, а старая армянка, оторвавшись от весов, проводила долгим внимательным взглядом и грустно улыбнулась чему-то вдаль. Мужчины-торговцы, не смотрели ему в лицо, после уставившись вслед, а какой-то крутой в шикарном английском пальто молча посторонился. Дан купил пакет и старушка в шубке с радостной готовностью помогла ему переложить мясо. Он выпрямился, огляделся и сразу нашёл меня в толпе.

Шагнул навстречу, забирая покупки.

— Я отнесу в машину. А теперь куда? Где тебя искать?

— Здесь, рядом. Я ещё витаминов наберу. Овощей, фруктов... Тебе чего хочется?

Я примирительно улыбнулась в ревнивый взгляд бабули с пакетами и она слегка оттаяла. Даже посоветовала, какой пакет выбрать, чтобы уложить помидоры и апельсины. Она окончательно подобрела, когда ко мне с улыбкой подошёл Маго, известный в городе своей почтительностью к старикам, независимо от их национальности и социального статуса.

— Тина, здравствуй! Вот уж кого не назовёшь ранней пташкой. Как это ты отважилась? Десятый час только...

— Грешно смеяться над совой в час жаворонка, Маго! Час совы ещё наступит! Но ты-то здесь откуда? И зачем? Вроде, этот рынок считается территорией Козыря? Говорят, краснодарцы...

— Уже можно не говорить. Тем более такой прекрасной и ужасно занятой женщине, как ты. Мимо тебя всё это должно проплывать... — он щёлкает пальцами, подбирая подходящий комплимент.

— Как цветок в проруби — опускаю я его с небес на землю и он смущённый моим неизящным сравнением, слегка морщится.

— ... Не касаясь даже пыли под твоими ножками, я хотел сказать. И зачем ты встаёшь так рано, в час жаворонка, чтобы ехать в эту грубую атмосферу купли-продажи, когда тебе стоит только приказать — сами всё привезём, и в любое время, когда прикажешь.

— Ты хочешь сказать, что этот рынок теперь твой?

— Ну зачем мне рынок, Тина? Он общественный, городской... Зато теперь он уже не Козыря. Мы будем просто приглядывать за ним.

— Значит, всё уладилось? — радуюсь я.

— Да, только что... Козырь, конечно, недоволен. Зато довольны все остальные. Сразу два десятка вполне довольных людей. Можно, оказывается, разумно поговорить, и всё уладить. Знаешь, Тина, я всегда рад, когда разум берёт верх над гонором...

Мы стояли в нескольких метрах от мясного павильона, и Маго аккуратно отвёл меня под локоть в сторону, чтобы дать дорогу грузчикам, перевозившим тяжёлую тележку. Его мальчики остались чуть в стороне... Тут я и увидела ствол с глушителем, медленно высунувшийся из узкого прохода между забором и мясницкой.

— Маго, атас!

Одновременно с диким боевым выкриком моей глупой боевой юности, от которого чеканное лицо Маго, обычно невозмутимое, стало изменяться, я с силой оттолкнула его в сторону, прямо на лотки с апельсинами, и бросилась под прилавок, стараясь увлечь его за собой. Его всё-таки достало в левое плечо, и он прижал ладонь к ране. Мальчики Маго кинулись к проходу, стреляя на бегу. С той стороны тоже продолжали стрелять. Послышалась короткая автоматная очередь.

Дан, подлетевший откуда-то сзади прилавка, вытащил меня из толпы и прислонил к железной пивной бочке, навалившись сверху. По бочке застучали пули и пиво полилось в пробитые отверстия, заливая мне лицо. Он только вздрогнул и всё. Не забился, не вскрикнул, — только вздрогнул и потяжелел. Автоматная пуля пробила ему сердце, вырвав из куртки куски кожи и глубоко вдавив их в тело. По рынку бегали, стреляли. Наверное, вокруг стоял страшный шум. Я ничего не слышала. Я закрыла ему глаза и подержала

пальцами ещё тёплые веки.

Торговки вокруг визжали и плакали. Какая-то старая женщина, в потрёпанной цигейке, с ворохом пакетов в руках, говорила мне слова, вытирая слёзы с морщинистых щёк. Я не понимала слов. Я её не слышала. Я её не знала, не помнила. Я сидела в грязной пивной луже, набухающей кровью, и держала голову Дана на коленях, не понимая ни слова из того, что мне пытался внушить худой очкарик в несвежем белом халате. Дана забрали у меня и уложили на носилки, прикрыв какой-то серой рванью. Я встала, и, цепляясь за асфальт сломанным каблуком, пошла следом, не отрывая взгляда от потемневшего кровавого мазка на бледно-синих джинсах возле колена. Два черноволосых парня удержали меня возле машины и я, не сопротивляясь, смотрела, как носилки поставили в «Уазик». Принесли ещё одни носилки, тоже закрытые.

— Нет! Не делайте этого! Не смейте! Нет!

Маго, в продырявленной куртке внакидку поверх бинтов и пожелтевшим обрезавшимся лицом, обхватил меня здоровой рукой.

— Тина! Так надо, Тина! Пожалуйста, успокойся! Успокойся, Тина! Прошу тебя... Умоляю!

— Я спокойна, Маго. Ты же видишь, я совершенно спокойна... — ответила я, не узнавая и не слыша собственного голоса: Я не хочу, чтобы на него ставили носилки. И пусть уберут эту грязную тряпку с его лица.

Он что-то быстро и резко сказал, и всё стало как надо. Я поехала с Даном. Я всю дорогу смотрела на его лицо, такое белое и совершенно безжизненное, такое красивое... Неживое.

Мальчик умер. Он отдал мне всё, что имел! Свою душу, тело, любовь! Всё... А я его плохо любила. Я обдумывала свои обиды и планы безболезненного разрыва с ним, и он умер. Теперь никому не больно. У меня никогда не получалось любить, я этого не умею. Я больше не хотела ничем гореть... А он взял и умер. Он никогда больше не встанет на ноги и не улыбнётся. Никого не поцелует. Он не встретит девушку с ясным, открытым сердцем и не полюбит её. Никогда не станет отцом... ОН УМЕР!

Хорошие люди Богу тоже нужны... Подлейшая, нелепая, жестокая мысль. Хорошие люди нужны себе! Чтобы жить и быть счастливыми! Даже если это невозможно! Для него, кажется, не было ничего невозможного, а он умер. Умер!

Я нашла адрес Дана в подкладке его паспорта и дала телеграмму, ответ пришёл уже вечером. А потом они приехали. Два священника в чёрных монашеских одеждах и ещё один — очень смуглый, со светлыми глазами мужчина в обычном костюме. Они вошли в гостиную, поискав взглядом, перекрестились на мои коллекционные иконы, и я, предложив им сесть, рассказала, как умер Дан. Они сидели молча, без вопросов, внимательно вглядываясь в меня и как будто к чему-то прислушиваясь. Я потянула за цепочку крест на шее, но старший из них меня остановил.

— Нет, оставьте пока себе. Он распоряжался насчёт креста?

— Сказал не снимать никогда. Не расставаться. Но это раньше. У нас тогда случилась авария...

Я рассказала про аварию, и они снова выслушали всё без единого вопроса. Старший кивнул.

— Где он сейчас? — спросил другой, с внимательным, будто испытывающим взглядом.

— В морге. Я была там всю ночь... но вас нужно было встретить. У меня есть друг в поликлинике, он не оставит Дана одного.

Дальний родственник Ашота отвёз их к Дану, а я осталась ждать Маго. Он обещал подыскать для приезжих подходящий дом в городе. Однако они собирались читать над Даном непрерывно. Я накрылась платком, и поехала в кладбищенскую часовню.

Священники, заменяя друг друга, читали всю ночь и им помогал наш батюшка, молодой, робкий, с высоким срывающимся голосом. Когда третий, в светской одежде, начал читать на греческом, я узнала некоторые из заученных молитв и стала шёпотом повторять. Старший из монахов, утвердительно кивнув, подозвал меня ближе. Я поддерживала всё, что помнила, глядя в нетронутое ещё тлением, лицо Дана. Я была в оцепенении и не чувствовала того, что происходит вокруг, не слышала разговоров, не различала лиц.

Меня отозвал к выходу Васо, и старший из монахов тоже был там, хотя у меня осталось впечатление, что я только что видела его со свечой возле изголовья гроба. В дверном проёме за его спиной тихо переговаривались возле входа городской военком со своим молодым заместителем, уполномоченные произвести последний залп над умершим. И с ними, почему-то, стоял хмурый Ваня Петренко. Я мельком взглянула в их сторону, но подумать ничего не смогла и забыла об их существовании.

— Тина! Бабушка Дана не приедет. — продолжал мне объяснять Васо: Она не может приехать. Она не в себе... Ждать больше нечего. Нужно сегодня же хоронить.

— Сегодня хоронить? Но почему сегодня? Ведь есть ещё друзья, сослуживцы. Нельзя не дать им проститься...

— Тина! Все, кто мог приехать — приехали — погладил меня по руке Васо.

— Три человека. Как же так? Всего три человека! Мальчик не может уйти один... Без прощания с родными...

— Тина! Пойми! Самый родной ему человек после бабушки — это ты. А ты здесь. Нельзя так долго держать тело без погребения. На улице плюсовая температура.

Васо первый в глаза сказал мне про Дана «тело», и это было невыносимо! Я смежила веки и заорала про себя. Он ещё что-то говорил, а я стояла и кричала в чёрную пустоту. Наверное, он всё-таки произнёс и то страшное слово, потому что у меня затряслись ноги, а зубы начинали уже выстукивать дробь. Док вломился в мой кошмар, и, не давая накрыться дурнотой, вытащил на улицу. Я стояла, прислонившись к облупленной стене и беззвучно твердила в уме: те-ло... те-ло... т-е-л-о...

Док потряс меня за плечо и заставил посмотреть на себя.

— Вслух, Тинатин! Скажи вслух. Ну, говори!

— Тело... Тело... Тело! Я сказала... Сказала, как ты хотел! Отстань, Док.

— Это всё? Ещё скажи — он снова встряхнул меня, приподняв на цыпочки: Что ты ещё не можешь сказать, Тина? Скажи!

Меня снова забило. Гортань стала горячей и жёсткой.

— Потечёт!

Не выношу слова «потечёт». Ненавижу, не хочу, терпеть не могу, боюсь его, этого ужасного слова с самого детства! Меня пугали побоями и чудовищами, войнами и голодовками, насилием и убийствами, привидениями и маньяками, но всё это пустяки по сравнению с невероятно подлым, безнадежным словом «потечёт». Безличным глаголом совершенного вида, единственного числа, третьего лица будущего времени... Оно пришло ко мне палящим июльским днём, когда хоронили моих погибших родителей, и прилипло к сознанию мерзким изнуряющим кошмаром!

Много лет это простое и нестерпимое, это дикое слово виделось мне на оседающем

тёмной снегу и в вянущих цветах, в трупe дохой кошки на обочине и в мухах, жужжащих на клейкой ленте, в серых утренних сумерках и в непроглядном ночном мраке. Я никогда не произношу его, такого обыкновенного, состоящего из трёх гласных и четырёх согласных букв, привычного для всех людей. Я говорю «ручей бежит», «вода льётся», а «кровь капает». Теперь сказала.

— Тело потечёт — сиплым шёпотом выдавливаю я из себя и мне несколько не легче.

— Это только слова, Тинатин! Обычные слова. Их много и у каждого свои. Ты же знаешь. — Док на мгновение прижал меня к себе, затем отстранил и уставился в моё лицо.

Я знала. У Дока тоже были слова. Другие страшные слова, с которыми тяжело жить. Их просто не могло не быть. Но кроме слов у него был гибкий, уравновешенный ум реалиста, такой же, как у меня. Без гениальных затей, но со здоровой логикой, способной справедливо считать общепринятые границы лишь условностью.

— Ты прав, Док, это только слова. Хорошо, что ты есть... Спасибо. Теперь пойдём. Я скажу, что пора...

Я всё смотрела на Дана и почти не запомнила дороги по кладбищу, окружающих меня людей и разговоров.

Священники снова читали, кропили могилу святой водой, делали что-то ещё... Раскисшая глинистая земля под их ногами скользила и Петренко, подозвав кладбищенского сторожа, что-то ему приказал. Тот принялся суетливо присыпать края ямы песком из ведра, но его мгновенно растоптала в кашу толпа, белеющая незнакомыми неузнаваемыми лицами.

Старушка рядом, та самая, с рынка, почтительно приговаривала: Вот как надо-то... Видно, полный обряд... А у нас и похоронить по-людски не могут...

Мужчина в светском снова читал и я уже в полный голос ему вторила. Мальчик был такой белый и такой красивый!

Бабуля подталкивала меня под локоть и жалостливо повторяла: Ты поплачь, милая, поплачь. Нельзя так-то! Легче ведь будет, поплачь, сердечная!

Я плачу раз в сто лет и не прилюдно. Слезы не дают ничего, кроме слёз и тяжести в голове, про облегчение — это не для меня. Станет легче? Нет уж, кто на кого учился... ОН УМЕР! БОЖЕ ПРАВЕДНЫЙ! ОН УМЕР И ЭТО НАВСЕГДА!

Когда стали забивать крышку гроба, истошно заголосила, забила Маринка, и я только тут увидела её вместе с матерью. Нина Сергеевна стояла с озабоченно-замкнутым, недовольным лицом и с трудом удерживала дочь слабыми, пухлыми ручками, а Маринка сдавленно кричала: И всё было зря! Дан, всё зря! Прости, Дан, прости меня!

Неподалёку хоронили Самвела, тоже православного, и там заголосили, заплакали уже хором. Маринка побелела, и стала валиться набок. Её тут же подхватили какие-то женщины и старушки, кажется, довольные тем, что, наконец, у этой могилы тоже, всё как положено. Нина Сергеевна на меня посмотрела сверх головы дочери. Плохо посмотрела, но я не помню, как...

Когда всё кончилось, священники засобирались в путь. Собирались они медленно, поглядывая на меня и переговариваясь приглушёнными голосами. Я снова спросила про крест, и старший из них ответил, что он не имеет права решать судьбу семейной реликвии.

— А его бабушка? Баба Саня... Ведь вы её увидите и сможете передать ей крест. Я не знаю, как мне с ним поступить. Он очень ценный...

— Она сейчас ничего не понимает... Немного позже, когда она придёт в себя, то, конечно, сама приедет сюда. Но вряд ли она сможет что-то решить. Алексо не передаётся из рук в руки просто так, он завещается. Теперь это, возможно, будет решать Братия Ордена.

— Братия Ордена? Что такое «Братия Ордена»? Разве в православной церкви бывают ордена?

Он устало посмотрел на меня и слегка коснулся моего плеча. Кажется, монахам не позволено прикасаться к женщинам даже таким совершенно невинным образом... С чего я это взяла, откуда? И о чём я думаю! В голове одни пустые бессмысленные глупости.

— Не тревожься, дитя, тебе всё объяснят. Всему своё время. Мы сделали всё, что от нас требовалось. И ты, слава Господу, тоже под защитой. Не ломай голову суетными мыслями, не изводи себя. Живое — живому! Постарайся жить в покое и беречь силы, они нам ещё понадобятся. Жди вестей.

Он осенил меня крестным знаменем, а «светский» (теперь я знала, что он грек) перекрестил с молитвой и поцеловал в обе щёки. Я ещё долго вспоминала его горестный потерянный взгляд, стоя в опустевшей прихожей.

Дан умер, и я не заставляла себя забыть об этом. Напрасный труд. Мне везде попадались его вещи, и их оказалось так много! Я слонялась из комнаты в комнату или просто сидела в кабинете, уставившись в одну точку. За окнами праздновали Старый Новый Год. Сверкали фейерверки, ходили ряженые, колядовали дети, все шумели и веселились.

На улице снова выпал хороший снег. Он пошёл сразу после поминок и какая-то соседская бабка, выходя из-за стола, сказала, увязывая пирожки в пакет: Снег — это хорошо. Это добрый знак. Покойник, значит, был хорошим человеком.

Он был самым лучшим человеком! Единственным среди лучших! Но Козыря хоронили в один день с Даном и Самвелом. А он был какой? Что говорили про этого отморозка, когда с неба пошёл снег? Его ведь тоже кто-то хоронил, плакал над его гробом, бросал в могилу горсть земли... Какими словами его поминали? Того, кто убил Дана... Проклятая, подлая, чёртова жизнь!

Зазвонил телефон, пронзительно громкий в устоявшейся тишине, и я неохотно сняла трубку.

— Тина, это я! Как ты там? — тревожно и ласково спросил знакомый голос.

— Нормально, Васо. Всё в порядке. Я жива и здорова. Не скажу, что счастлива, но вполне спокойна.

— Ты там сидишь совсем одна. Приходи к нам. Всё-таки веселее. Чего тебе сидеть одной.

Если бы я могла смеяться, то хохотала бы долго и нудно. Добрый, простодушный, верный друг Васо! Мне не будет веселее! А вот твоим домашним моя унылая физиономия точно не прибавит веселья за праздничным столом.

— Не могу, Васо, я очень устала — выдавливаю я из себя: Еле на ногах держусь. И, кажется, немного простыла.

— Сильно простыла? Жар есть? У тебя есть термометр? — пугается он.

— Нет, пока ничего серьёзного. Просто насморк и знобит. Твоему младшему со мной лучше не контактировать, но это обычная простуда. Не беспокойся за меня, Васо, пожалуйста! Выпью малины и лягу спать.

— Может, я лучше зайду. Ты одна совсем, это плохо. Не надо бы тебе быть одной. Это тяжело.

— Тогда мне тяжело всю жизнь. И я сейчас не одна, Васо, только что ушла Галия, а Док скоро подъедет. Не беспокойся, всё в порядке. До свидания, Васо. Привет всем твоим и спасибо за поддержку! Ты такой хороший друг, я тебе очень благодарна.

Потом позвонил Док, — накаркала. Я поговорила и с ним, отнекиваясь и ссылаясь на Ашота. Снова звонок. Ну, если это Ашот, я, может быть, и смогу засмеяться. Это был Маго встревоженный и явно, измученный. С ним тоже удачно удалось распрощаться. И ещё есть Леонид Борисыч, Витька...

Я отключила телефон, затемнила окна и оставила один маленький светильник в спальне. Весь следующий день мне снова пришлось упорно отбиваться от звонящих по телефону, а вечером соблюдать светомаскировку. Зато, мне даже удалось поспать и немного поесть. Под утро я решила собрать вещи Дана. Свитер ещё пах его телом. И майки тоже, да так ясно, что казалось, он совсем рядом. Я быстро, почти бегом, впихнула стопку одежды в шкаф, и забилась в кресло. Мне было холодно, обидно, горько, тошно... Не знаю, сколько я так сидела, скрючившись между подушек, сцепив зубы, и закрыв глаза. Когда мысли стали путаться и сплетаться в дремоту, зазвонил телефон.

Опять! Разбить бы его на кусочки! Я не хочу никого слышать! Не хочу! Меня здесь нет! Я ушла, исчезла, умерла, испарилась! Отстаньте от меня все! Оставьте меня в покое!

— Алло, Тинатин! Это я. Нам нужно увидеться. Ты сейчас дома? — прозвучал в трубке голос Дока.

— Нет, Док, сейчас я, как раз, ухожу. Часа на два. Позже созвонимся? — не слишком убедительно вру я и он об этом догадывается.

— Что-то мне не нравится твой голос. Как ты спишь?

— Как убитая. Как усталая. Как вымотанная. И у меня всё хорошо, Док, всё в порядке. Галия проводит со мной почти весь день. Я тебе позвоню.

Док настороженно молчит и я иду в наступление: И охота же тебе бросать в праздник семью! Док, ну ты-то... Ты же понимаешь, что я привычная, что я могу справиться с чем угодно? Что мне легче переживать некоторые вещи одной? Перетерпеть первый спазм, а потом взять себя в руки... Ты ведь всё про меня знаешь, Док... Сиди дома, прошу тебя!

— Я не дома, Тинатин, я в больнице. У нас тут снова чёрте что... Хотел вырваться к тебе ненадолго — в голосе Дока нет ни капли веры в мои слова, но я не даю ему продолжать разговор на эту тему.

— Ничего, позже увидимся, Док! Мне нужно в церковь. Давай завтра, Док, а? Я позвоню. Хорошо?

— Не очень-то хорошо, но делать нечего, завтра так завтра — ворчит он. Я облегчённо бросаю трубку.

К чёрту! Всё к чёрту! Сочувствие — одно из самых благородных стремлений на свете, да! Но никто, никогда и нигде не в силах разделить с человеком горе во всей его полноте!

Никто не может проникнуться моей потерей до конца! И я не могу до самой глубины понять эту невысказанно страшную трагедию Дана! Мальчика больше нет! Такого чудесного, прекрасного, чистого и абсолютно необыкновенного мальчика! Его больше нет и никогда не будет! Бесплезно выть и плакать! Проклинаю свою вину, своё неумение видеть вперёд...

Подумать только, он целых десять минут, СВОИХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТЬ МИНУТ, б один! Шёл по земле и я была недалеко, но занималась какими-то дурацкими хозяйственными делами, вместо того, чтобы висеть у него на руке и любоваться его изумительно живым лицом! Больше у мира не будет такого лица! Его никогда не будет! Дана — не будет, его нет...

Ночью я разделась и легла в постель как положено, после душа и вечернего чая из трав. Снилось непонятное: полулюди-полутени, звуки, голоса, цветы и птицы. Что-то мягко толкнуло в грудь, и я открыла глаза. Крестик на груди нагрелся и мягко скользнул вниз. Снежная крупа тихо билась в стекло, телефон молчал...

Одеяло не закрывает лица, лежать свободно... Что это? Я влезла ногами в шлёпанцы, накинула халат, спустилась вниз. Газ выключен, котёл гудит ровно, нигде не капает вода, свет не горит... Что там на лестнице? Я поёжилась, открыла входную дверь со второго этажа и оглядела сверху ступени и перила. В райке кто-то сидел на левом стуле, прикрытый вьющейся лианой. Я включила свет и заледенела сразу, с одного короткого вдоха. Это был Дан.

Он сидел на стуле из пластика цвета «слоновой кости» в чёрном, чуть широковатом костюме и белой рубашке, привезённых Васо из универмага на похороны, и его лицо и руки выделялись на окружающей цветовой гамме, чуть ли не светились призрачной голубоватой белизной.

Мне не пришло в голову, что это чья-то злобная шутка. Я не стала перебирать в уме вариантов чудовищного злодейского розыгрыша. Никаких муляжей, голограмм, преломления изображений, фотографий и прочих изобретений... ЭТО БЫЛ ДАН! Он шевельнулся, и поднял ко мне неподвижное, нереально бледное лицо с густыми тенями глазных впадин. Я снова коротко вздохнула и воздух упал внутрь ледяным комком.

— Дан...

Ноги отрывались от пола с трудом и не слушались. По ступеням их немного легче было переставлять вниз. Я шла в вечность. Или не шла совсем... Я не помню, как приблизилась к Дану. Он был почти неподвижен, с опущенной снова головой, стиснутыми пальцами, белый, как снег за окном... Я уже кричала, визжала про себя тонким, пронзительным, диким голосом, и чувствовала каждый заледеневший волосок на голове...

Он умер. Я сама закрыла его чудесные синие глаза. Я видела страшные раны на его теле, разорвавшие грудь там, где было сердце, и потребовала, чтобы его сердце не вынимали для экспертизы, потому что и так всё было понятно. У меня лежала в пакете на антресолях пропитанная кровью одежда, его и моя. Дан умер и его похоронили на городском кладбище два дня назад. Но сейчас передо мной сидел Дан. Это он и никто другой, загримированный и переодетый.

— Дан, Дан! Как же это?

Я тронула его руку, и она была холоднее арктических льдов. Твёрдая заледенелая кисть послушно прогнулась у меня в ладонях. От него не пахло тленом, только слегка — ладаном и больницей, немного снегом. Я приподняла за подбородок его лицо, и заглянула в глаза. Они были открыты, такие же синие, глубокие, почти небесной прозрачности... И они меня

видели.

— Господи, да что же... Как это случилось? Кто это сделал? Зачем?

Я с размаха ударилась коленями прямо об каменный пол, и не почувствовала боли, только холод. Беспредельный холод, сковывающий все мысли! Наверно, это продолжалось долго, время тоже застыло и потеряло значение. Я не знаю, что делала и говорила, а он всё сидел, уронив голову, неподвижно и безжизненно.

— Что же делать? Что мне делать! Что делать?

Такого полного ощущения ужаса, пустоты и безнадёжности у меня не было никогда. Можно было выть, биться головой об цемент, лупить себя по щекам, кусать руки, рвать волосы на темени — всё это было. Мне не снилось, мне не казалось, я не сошла с ума...

Дан шевельнулся, и я подняла голову. За окном светало. Тонкий, бледный луч света упал на колено, обтянутое «последним костюмом», в котором Дана уложили в гроб, и это воспоминание снова до хруста свело мне челюсти. Жидкий солнечный зайчик коснулся бескровных рук, и они вздрогнули. Я услышала страшный, знакомый запах горелой плоти. На указательном и безымянном пальцах его правой кисти появились голубоватые пятна.

— Боже ты мой! О-о-о-о! Господи! Господи, что же это? Что это такое? Ну что это такое?! За что?

Дан неловко встал, деревянно выпрямился, и, напрягаясь, шагнул к двери в чулан. Попытался попасть скрюченной ладонью в латунную ручку, промахнулся и снова поднял руку. Я, обливаясь пронизывающими спазмами дрожи, открыла дверь и он вошёл. Механически смахнул с пустого старого ларя для картошки коробку, откинул крышку и улёгся на остатки обоев и линолеума вверх лицом, прижав руки к груди. Это было... немислимо!

Я закрыла крышку, вышла из чулана и заперла дверь на ключ. Все чувства и вопли в моей голове кончились, тело застыло, а руки и ноги сводило судорогой. Я добралась до ванной, пустила горячую воду, и только когда её набралось почти до половины, увидела, что я залезла в неё прямо в халате.

На работу я почти не опоздала. Быстро разделась, накинула рабочую куртку, села за свой стол, избегая взглядов и вопросов. Меня старались не беспокоить, разговаривали тихо. Уходя к окошку, Ильяс плотно затворял за собой дверь. К нему с самого утра подходили соседи по Дому быта, тихо переговаривались и уходили, опустив глаза. Наверное, приносили деньги для меня. Я ничего не видела и не слышала, кроме пустоты, привычно охватывающей разум и тело, когда мне бывает совсем невмоготу.

Только не думать! Всё равно я сейчас ничего не придумаю. Не думать, и всё! Лучше сосредоточиться на работе. Хорошо, что Ильяс подкинул мне одни мелочи. Нудно, зато и возни достаточно. Тишина почти мёртвая. Мёртвая? Ничего мёртвого не бывает... Ни-че-го!

— Вить, сегодня твой день. Где музыка? — мой голос прозвучал совсем как обычно в тишине мастерской, нарушаемой лишь незначительными «рабочими» звуками.

— Да, вроде, не к месту — непривычно робко отозвался Витька, подходя ближе, чтобы осторожно заглянуть мне в лицо. Не удержался и, взяв меня за руку, потёрся колючей щекой об ладонь.

Я спокойно-ласково растянула губы в подобии улыбки и, помедлив, отняла руку: Глупости. Тишина ещё хуже. Давай! Включи что-нибудь.

Он послушно нажал кнопку, убавив звук.

Розенбаум. Пусть будет Розенбаум. Розовое дерево, Розенбаум. Никогда не видела

розовых деревьев. Разве такие бывают? А ходящие покойники бывают? Ой, вот только не это... Не это! Пусть Розенбаум, пусть... Теперь отгладим, ровненько и мягко. А сейчас откусим. Ничего... Припой слишком заметен? А мы протравим и снова загладим...

— Ашот, подай мне... это... Зелёная бутылочка, возле тигеля, подай, пожалуйста.

Ашот пододвинул бутылочку, тихонько коснулся моей руки. Пальцы у него были такие неправдоподобно тёплые, что я вздрогнула. Он посмотрел с тревогой.

— Ты в порядке, Тина?

— Да, спасибо. Я в полном порядке. А где моя паста? Ах да, забыла...

У Дана пальцы всегда были горячие. И сам он весь был горячий, даже неожиданно жаркий для русского северного жителя. Я инстинктивно старалась отодвинуться от него в постели, когда засыпала. Люблю спать вольно, в прохладе. Любила... Я теперь никогда... никогда не усну. Я НЕ СМОГУ БОЛЬШЕ СПАТЬ! У МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИТСЯ!

— Тина, время обеда. Ты идёшь? — тихо спросил Ашот и я поднялась со стула.

Пицца не лезла в горло. Я раскрошила свою порцию по тарелке, выпила кофе, пощипала апельсин, под скрытными взглядами из-за соседних столиков. Девчонки из ателье шмыгали носами, низко опуская головы над едой.

Так нельзя. Я испорчу людям весь обед. Они не виноваты в моих несчастьях! Не виноваты. Кто же виноват? Я. Конечно, я! Но не только я... Я и кто ещё? Об этом стоит подумать. Но не сейчас, потому что мысли в голове не задерживаются.

— Вы тут без меня, хорошо? Не обедается мне сегодня... Пойду поработаю...

Тишина в мастерской давила. Сверху из парикмахерской тоже доносился неясный, почти неслышимый шумок. Потом рассмеялись, но смех сразу умолк, будто его оборвали. Я обхватила плечи руками, подошла к окну. Снег подтаивал, начиналась обычная южная слякоть. Воробей на той стороне тротуара терзал размокший кусок пирожка, кося на меня глазом. К нему слетел ещё один, потом целая стайка. Их вспугнул голубь и унёс остатки своей добычи в клюве. Я уже где-то видела такое. Это уже было. Где и когда, зачем? Что я забыла?

Теплеет, и солнце скоро станет припекать вовсю. А солнечный свет к лету ярче и теплее зимнего. В тепле всё... тает!

У меня заныла левая бровь, а потом болезненно застучало в висок. Так громко, что я не заметила прихода шефа.

— Тина, что ты с собой делаешь? Так нельзя! Ты не стала есть, а ведь нужно хотя бы попытаться... Нужно, просто необходимо, подумать о себе. Ты такая сильная, девочка, а даёшь горю сломить себя...

Я взглянула в добрые глаза Льва Борисыча, полные вековой еврейской печали, и промолчала.

— Посмотри, на кого ты стала похожа... В лице ни кровинки, ходишь как с креста снятая. Милая, так нельзя! Жизнь впереди длинная, будут в ней не только потери. Ты ничем никому не поможешь, если будешь себя изводить. Дан умер и уже никогда не вернётся, с этим надо смириться... Притерпеться.

Я наклонила голову и бросилась к двери мимо входивших Витьки с Ашотом, вырвалась в коридор и, опередив Розу из косметического кабинета, влетела в туалет. Зашёлкнула замок и уставилась на себя в зеркало.

Жизнь впереди длинная... Дан уже не вернётся...

И начала хохотать как ненормальная, до слёз, до конвульсий. Ноги не держали,

ослабевшие колени бессильно подгибались. Я прижалась спиной к гладко-скользкому кафелю и сползла на пол, прижав трясущийся подбородок руками.

Когда из меня всё вытрясло, я встала и умылась холодной водой. Снова взглянула на себя в зеркало, сделала несколько глубоких вдохов с короткими выдохами, снова умылась. Пустота внутри была глубокой, как бездонная шахта, тело лёгким, лицо онемевшим и спокойным. Я вернулась в мастерскую и села. Пододвинула к себе разорванный браслет-цепочку и включила лампу. На меня никто не смотрел. Руки ещё немного дрожали, но это видела только я.

Снег начал таять к обеду, а вечером снова посыпался хлопьями, прикрывая асфальт и пряча под собой лужи. Сапоги промокли, а ступни совсем онемели от холода, пока я добралась до дома. В квартире стояла тишина. Лестница ещё кое-где блестела, подсыхая: Галия помыла полы. Я проверила дверь чулана, отперла её. Ларь не открывался, коробки на нём стояли так же, как я их оставила. Мне не хотелось ничего трогать. Я поднялась на кухню, поставила чайник на огонь. Освободилась от сырого пальто, переобулась. Достала банку «Несткафе», подумала и убрала в шкафчик: чем этот суррогат, лучше чай. Колбаса выглядела слишком противно и я пожевала сыра. Потом съела яблоко, допила чай.

На выходе из кухни меня сильно качнуло, а перед глазами поплыли светящиеся круги — спирали... Надо лечь спать, пока не совсем стемнело. Ночью будет не до сна!

Я не стала укладываться в спальне, пристроилась в кабинете на диване. Сон не шёл, и я стала считать баранов. Ничего не получалось, но это неважно. Нужно просто лежать. Такой отдых — тоже отдых. От снотворного я пьянею, дурею и долго страдаю подобием похмелья, но не засыпаю. Я сплю по каким-то непонятным внутренним законам и они для меня — тайна...

Тайна... Это я — Тайна. Витька не зря меня так зовёт, Тайна и есть. Они все, конечно, обижаются на меня за то, что я так обособилась. Или нет? Не надо на меня обижаться... Я ведь не обижалась на Ашота, когда он похоронил отца. Багратян — отец умер не здесь, а где-то в горах, там и прошли похороны. Ашот, несчастный и потерянный, приехал после них и сразу же вышел на работу. Он тоже молчал и старался уединиться. Он не хотел ни с кем разговаривать и мы ему не мешали.

Он не ходил с нами на обед, просиживая всё это время в сквере или в салоне. Я как-то не выдержала и, бросив всех в Пицце, пришла в мастерскую. Ашот, сторбившись, сидел над работой, такой хрупкий и беззащитный, опустив лицо в ладони. Я забыла про его желание и право одиночества, подошла и встала перед ним. Видеть Ашота в слезах — это было невыносимо! Он отворачивался и прятал глаза, ему было стыдно плакать. Тогда я развернула к нему свой стул, уселась рядом и, обняв его, тоже заплакала. Мы плакали, пока не пришёл Витька. Он, постанывая от отчаяния, потоптался возле нас и полез за коньяком шефа в сейф.

Когда Лев Борисыч явился в мастерскую, мы, все трое, были пьяные в дым, потому что Витька сгонял ещё за одной бутылкой. Возле моего окошка надрывалась криком клиентка: грудастая и горластая жена начальника ГАИ, которую Витька коротко и смачно послал куда надо, размазывая по щекам слёзы. Никогда не забуду, как терпеливо, печально и вежливо наш шеф объяснял этой даме, что у нас горе и нам не нужно мешать. Конечно, это нехорошо и невежливо посылать людей «на...». Но если человек в состоянии горя сказал кому-то идти «на...», то его стоит понять и не поднимая скандала, действительно уйти «на...»

Разбираться с этим инцидентом грозный гаишник послал к нам опера Петренко и мы напились уже впятером. Я, правда, больше пить не могла, но воодушевлённо поддерживала все тосты. С Петренко мы сдружились и он, при случае, удачно помирил нас с ГАИ.

Я тогда плакала, да... И это помогло. Но если я заплачу теперь, то просто не смогу остановиться! Я буду плакать и плакать, пока не растаю от слёз. Я буду кричать от ужаса и выть. Плакать нельзя. Нельзя мне плакать...

Я всё же немного подремала и подскочила уже в темноте. Быстро спустилась вниз. Дан

уже сидел в райке, с опущенной головой и руками, сложенными на коленях. Я его окликнула, но он не отреагировал на мой голос. Я подошла. То же неподвижное, безжизненное лицо, пустой взгляд вниз. Я не стала к нему прикасаться, просто села на другой стул, опираясь на стол локтями и поддерживая свою тяжёлую голову в ладонях. Он сидел, не двигаясь, а я смотрела на него, и казалось, что мир вокруг исчез. Взял и просто испарился и не осталось в целом свете ничего кроме этой площадки в лестничном пролёте, где я сидела, неизвестно который час, вдвоём со своим жутким компаньоном. Когда стало рассветать, он поднялся и прошагал в чулан, в ларь. Я поднялась по лестнице к себе и меня шатало как былинку в поле. Я свалилась на диван и стала дожидаться семи часов, чтобы позвонить Льву Борисычу. Он меня отпустил и я поплелась на кухню. Поела, отключила телефон и провалилась в темноту, едва добравшись до кровати.

Галия по средам не приходит, и я спала весь день. Встала уже в сумерках, заставила желудок принять еду, кофе, сок. Превозмогая тошноту, пошла вниз. Он вышел, когда совсем стемнело и встал возле меня, потому что я сидела на «его» стуле. Потоптался, сложился углом и опустился на другой стул.

— Что мне с тобой делать, Дан? Или ты уже не Дан? Ну скажи, кто бы ты ни был скажи, что мне делать?

Я подняла послушно поддающуюся голову. То же бескровное, застывшее лицо. Прекрасные синие глаза не замутились и не погасли. Слегка растрепались волосы, ещё более яркие на фоне бледной кожи.

Он не ответит. Будет вот так выходить каждую ночь и сидеть, глядя в пол. А я буду сидеть рядом и потихоньку сходить с ума. Что делать? У кого спросить? Мне не поверит ни один нормальный человек! Как это получилось? И что это такое? Это, что, зомби? Да кто же в России знает, что такое зомби? И, кроме того, этого не может быть. Так не бывает! Этого не может быть, потому что такого не может быть никогда!

Я даже не имею возможности его оставить, чтобы уехать за помощью куда-нибудь под Ленинград. Я не могу его никому показать. На что он способен, если его растревожить? Но ведь это невозможно, невозможно, невозможно! Человек, у которого не бьётся сердце, не может двигаться, ходить, сидеть, бояться или не бояться дневного света.

Я начинала снова леденеть. Ступни стыли даже в толстых пуховых носках, пальцы постепенно теряли чувствительность.

— Дан, вставай! Мне здесь холодно, я замёрзла. Пойдём наверх.

Я потянула его за руку, и он неловко встал, сделал за мной несколько шагов к лестнице. Ноги у него не сгибались, и мне пришлось ставить их на ступени одну за другой, подталкивая его в спину. Я завела Дана в кабинет, подвела к креслу. Окна были зашторены очень плотно, но он, всё же, повернул лицо посмотреть, и я ненадолго глупо обрадовалась хотя бы этому. Но он снова замер, опустив голову, и уже не шелохнулся. Я забралась на диван с ногами и закуталась в плед. Мы снова просидели так всю ночь. Когда он медленно зашагал назад, я сбежала вперёд и застелила ларь старым спальным мешком. Ему, вернее всего, это было безразлично. Но мне так было легче.

Я вымоталась до ручки и боялась, что однажды упаду в обморок прямо в салоне или на улице. Домой ко мне, слава Богу, никто не заходил. К Доку я съездила сама, в обеденный перерыв. Он с ходу определил у меня депрессивный невроз и выписал целый арсенал укрепляющих средств, витаминов, транквилизаторов. Транквилизаторы я, разобравшись с инструкциями, сразу отправила в мусорное ведро, зато витамины и железо с

микроэлементами стала принимать с благоговейной регулярностью. У меня пропало отвращение к пище и перестало звенеть в голове, стало чуть легче засыпать.

Я понемногу осмотрела Дана и узнала, что сердце у него, в самом деле, не бьётся. Шрамы на груди затянулись и стали ровно-белыми, без синевы. Ногти на руках тоже были бледные. Я выяснила, что от серебра он получает ожоги, как и от солнца, а вот раскалённый тигель, случайно попавший под локоть, даже не почувствовал, пока я не услышала, как тлеет рукав. На большие открытия моего мужества пока не хватало.

И я очень устала, очень. До полной одури! Если бы он, вдруг встал и ушёл куда-нибудь среди ночи, я, кажется, не стала бы его удерживать: будь что будет. Но он не уходил. Не из моей жизни, не из моих мыслей, не из моих снов.

После выходных к нам в Бытсервис нагрянула милиция. Я почти не реагировала на внешние раздражители, работала молча, старалась не обращать на себя внимания, отвечала односложно. Это всех огорчало, но не удивляло: горе. Меня устраивало и это. Никого не касается, что горе превратилось в дикий ужас, в кошмар. Лишь бы поменьше теребили. Что бы это ни было, всё это только моё, мне в нём и барахтаться. Когда энергичные молодые люди деловито засновали по всем этажам Бытсервиса с вопросами, меня снова постарались оградить от лишних волнений, но ничего не вышло. Пришлось общаться с милиционерами и мне.

Пропала Ленка, а я даже не знала об этом с самых праздников. Она не вышла на работу, и дома её тоже не видели. Главные свидетели — соседи и коллеги, были детально опрошены, а из нашей мастерской её лучше всех знала я. После долгих вопросов, уточнений и дополнений о знакомствах, связях, характере и прочем, я ещё рассказала всё, что помнила о Саньке. Потом меня попросили съездить на опознание.

Нас завели в морг, и Ашот осторожно поддержал меня за локоть. Наверно, беспокоился за мои нервы. Наверно, это было забавно. Наверно, можно над этим посмеяться хотя бы про себя... Я перестала холодеть при виде мирно лежащих трупов, а вот смеяться над этим ещё не научилась.

— Да, это он, Санёк... Александр Плотников, которого я знала под кличкой Санёк Плот.

Ашот подтвердил мои показания, потом мы расписались в мудрёных милицейских талмудах, и он отвёз меня домой. Водить машину в моём состоянии было опасно, и рено промерзал в гараже.

Где же Ленка и почему её разыскивают? Некоторые родственники без вести пропавших годами ждут, а её родители даже не приехали. Неужели девчонка знает, кто пришёл Санька? На несчастный случай это не похоже. Как бы его не прикрывали, а раны на шее видны. И это нож или что-то подобное... Вернее всего предположить, что это разборки братков. Санёк был сараевский, любил побыковать... А Ленка могла знать, кто его прикончил. И спряталась от греха подальше. Поэтому её и не ищут родные...

Нет. Должны были искать, если сговорились. Чтобы подозрений не вызвать... Может, её тоже... Как свидетеля. Зарыли где-нибудь в лесочке. Тогда почему Санька не спрятали? Интересно, Маринку допрашивали? Они с Ленкой подруги. До Маринки их папа не допустит... Не тот контингент... Может, она у своих сатанистов прячется? Стоило вспомнить о Хорсе, даже про себя, и он позвонил, едва я вошла в квартиру.

— Тина, добрый день! Это я вас беспокою, Вилов. Вы узнали?

— Узнала. Чего вы хотите?

— По-моему, теперь у вас возникли проблемы, которые я помог бы решить. Если мы договоримся... Что-то в его гадючьем голосе наталкивало на мысль о неуверенности. Сомнение или скрытый вопрос. Я сразу решила упереться и стоять насмерть.

— Не понимаю вас и вашей готовности тоже. Сочувствие не ваш стиль. И потом, как раз вашего сочувствия мне не надо. Всё получилось с опозданием, но так, как вы хотели. Так что оставьте свой сердобольный тон.

— Погодите, Тина! Не кладите трубку... Я... в самом деле мог бы быть вам полезен... В решении последствий того, что случилось. Вы меня понимаете? Ну... в устранении некоторых странностей...

— Каких странностей? Вы ведь не врач, чтобы заниматься моими «странностями», — похолодев от дурных предчувствий заявила я уверенно и очень спокойно: Для всех моих «странностей» есть друзья.

— Я не о вас говорю, Тина. Я о... У вас ничего не произошло в последнее время?

— Ах вот оно что? — я постаралась, чтобы голос звучал так же ровно, как раньше: — Значит, Лена Петрова всё-таки у вас? Ну, так скажите ей, что кто-нибудь кроме меня, всё равно вспомнит о её экзотическом хобби. Вами тоже заинтересуется милиция. Но я о вас никому ничего не говорила. Просто забыла. Мне было не до вас.

— У нас нет Лены Петровой. Я совсем не об этом говорю, Тина. Может быть, у вас кто-то есть...

— Послушайте, господин Вилов! Что вы затеваете? Даже если вы очень счастливы, что Дан умер, порадитесь этому без меня! Оставьте свои гнусные намёки при себе. Не пойму, вы сами набиваетесь в утешители, если вам кто-то напел, что место уже занято? Или вы совсем идиот, или кто-то из ваших близких принимает меня за шалаву, нуждающуюся в утешении!

— Тина, вы не поняли... Я не то хотел сказать...

— Идите вы... к дьяволу!

Вот так... Я всегда знала, что Хорс в этой истории сыграл не последнюю роль. Весь этот ужас... Весь страшный путь, пройденный Даном — гнусное, циничное изобретение этого одуревшего извращенца и его шайки. Но Дан никогда не общался с Хорсом близко. Как же ему подсыпали чего-то? Или... Господи всемогущий, и это я тоже знаю! Всегда знала... Скользкий доктор Митрофанов, обесцвеченная медсестра со злорадным блеском в глазах. Дан был чистым, как из ванны после их процедур, и пропитанным запахом травы. Его вырвало травой... Что это был за состав, мне сроду не узнать. Да и зачем? Разве это важно теперь... «Тина, не оставляй меня с ними...». «Не оставляй»... Оставила.

Ночью Дана лихорадило. Наверно, у того, что с ним происходило, есть другое название, но я его не знаю. Его мелко трясло и время от времени скрипели зубы, но его поведение в общем, мало чем отличалось от обычного. Он так же сидел, устремив взгляд в пол и дрожал, и я его не трогала. Правда, кое-что в нём, всё же, изменилось. На коже появилась синеватая сыпь, а на обожжённых пальцах — серые пятна в виде чешуек.

Вот так он и будет сидеть здесь каждую ночь с повисшей головой, а я буду, обмирая, смотреть на него, ожидая неизвестно чего. Его лицо почернеет и покроется струпьями, потом полопается и станет клочьями падать на пол. Он... Он потечёт! Потечёт! Потечёт!.. А я буду сидеть и смотреть.

Уходя под утро, Дан выпрямился, поднял голову. Лоб у него тоже потемнел, а лицо заострилось и вытянулось. Только синие глаза смотрели по-прежнему ясно. Кажется, в них

появилась боль.

Окружающая повседневная жизнь, почти не касаясь меня, проходила где-то рядом, а я её не замечала. Я не участвовала в ней, не поддерживала общих разговоров, не интересовалась новостями, не видела наступающей весны. Мой уход с празднования 23 февраля в Бытсервисе приняли как должное, и не задерживали. Ашот очень хотел уйти со мной, но я сделала вид, что не заметила этого. Как-нибудь потом, но не сейчас. Молчать мне тоже хотелось одной.

Город праздновал и на меня никто не обращал внимания. Люди спешили, носились по магазинам, разъезжались по домам или, наоборот, собирались вокруг столов за окнами контор, бюро, кабинетов. Отовсюду слышалась музыка. Всё вокруг было слишком живым и подвижным, и я устала от мельканий, трепыханий, голосов. Домой идти тоже не хотелось и я посидела на скамейке в сквере, а когда стали спускаться сумерки, отправилась к себе кружным путём, через парк. Здесь было тихо и безлюдно, садился туман, пахло перепревшей листвой. Я уже почти дошла. Ещё несколько деревьев, запущенная живая изгородь перед клумбой и наш пяточок.

— Тина! Тиночка, можно тебя на минутку?

Возле кустов, почти скрытая отросшими за последний год новыми ветками, стояла Ленка.

— Лена? Здравствуй... Где ты пропадаешь? Ты знаешь, надеюсь, что тебя разыскивают, чуть ли не с Рождества? Твой Санёк погиб и тебе нужно пообщаться с милицией.

— Я знаю. Всё знаю, Тина! Но это не нужно. Я... Я не хочу.

— Что значит «не хочу»? Так надо! Человек умер.

Я шагнула к ней ближе, пытаюсь разглядеть её странный расхристанный наряд и неестественно бледное лицо, но она отшатнулась и совсем забилась в изгородь. Вот ещё забота...

— Лена, я не настаиваю, не шарахайся так от меня. Но ты же, не можешь прятаться вечно. Даже в своей нелепой секте. Это не мне нужно, а тебе.

— Ты не знаешь, что мне нужно... Мне так плохо, Тина... Так плохо. Холодно...

— Ну так и не стой здесь! Иди куда-нибудь в тепло, согрейся. А с утра — в милицию. Хочешь — дам тебе телефон знакомого опера? Он верный человек и мой друг, не продаст. А хороший совет дать может. Тебя же всё равно найдут.

— Не найдут, — она тоненько засмеялась, шурша ветвями: Они меня не найдут!

— Лена, ты что, пьяная? Хорошенькое дело... Вот почему ты прячешься. Да выйди же сюда. Я одна, не бойся.

— Не могу, Тина! К тебе — не могу! А так хочется... Мне очень хочется, Тина! Очень. Так хочется к тебе... Потому, что мне холодно, а ты такая тёплая... Ведь ты тёплая, Тина?

У меня давно уже жарко постукивало в груди, а теперь и холодок пробежал по спине.

— Лена, что с тобой случилось? Скажи мне! — настойчиво повторила я, начиная догадываться, что с ней вполне могло случиться.

— Мне нужно сказать тебе, Тина... Меня за этим сюда и послали. Отдай его им. Они всё равно добьются своего. Они — сила.

Я попыталась скрыть, как меня передёрнуло, переступила мягкими непослушными ногами, сжала кулаки в карманах. Моё сердце уже громко бухало и горело в груди, как будто стремясь выпрыгнуть наружу.

— Что отдать и кому? Говори яснее.

— Я ничего не знаю. Я просто передаю: отдай. Отдай его, если он у тебя! Тебе сразу станет легче... Как холодно, Тина. Знаешь, сердце у всех стучит ровно: тук-тук, тук-тук, тук-тук. А потом так жарко: тук-тук-тук-тук! Тук-тук-тук-тук — тук! Как у тебя сейчас... А уже после: тук... тук... тук... Так слаще и теплее, Тина.

На пяточок подъехал Васо, направляясь к гаражу, а Ленка шмыгнула в дальний конец изгороди и, удаляясь, затопала вглубь парка.

У меня уже не осталось сил о чём-то думать. Я просто тупо развернулась и пошла. Меня покачивало, как будто я шла по груди в воде, преодолевая её сопротивление, но я упорно, пытаясь не потерять сознание, двигалась к себе домой. Или... к нам домой?

Я забылась на своём диване, устав следить за серым, дрожащим лицом Дана, и вдруг он завыл. Сначала тихо, затем медленно наращивая звук.

Я слетела на пол, заглядывая в трясущееся, с оскаленным ртом лицо. Оно было ужасным.

— Дан! Дан, тихо! Очнись! Спокойно! Пожалуйста, замолчи! Замолчи, Дан, прошу тебя!

Его было трудно узнать. Глаза сузились, складка между бровей налилась чернотой. Я похлопала его по щекам, но на них начали отпечатываться синевой следы моих прикосновений. Потом он затрясся, будто сдерживая в себе что-то болезненное и непонятное, заскрипел зубами. Я пыталась удержать его за руки и уговаривала, а он всё выл. Ему стало, как судорогой, корёжить пальцы и он больно, с вывертом, ущипнул меня за плечо. Я, вскрикнув, откинулась к стене.

— Господи-и-и-и! За что? Ну за что это мне?

Вой продолжался. Я чувствовала себя куском мерзлоты. Больше всего хотелось распластаться на полу или залезть под диван. И тоже выть. Выть и выть, пока кто-нибудь не придёт и не найдёт нас. И не возьмёт это на себя, всё, до последней мелочи. Всё-всё: Дана, сатанистов, Хорса, Митрофана... И Ленку тоже...

Я вспомнила Ленку. Её голос, выговаривающий непонятные вещи, хруст ветвей под её руками, тонкий визгливый смех... И встала, уже не обращая внимания на этот жуткий вой: Так... Мне нужно выйти из дома. Вместе с ним.

Я выскочила из подъезда, одеваясь на ходу, и пулей понеслась в гараж.

Знаю. Знаю. Знаю! Я знаю, что нужно делать. Это ужасно, это невообразимо, это дико, но я знаю, что могу предпринять. Только бы рено сразу завёлся! Только бы Дан не кричал слишком громко! Только бы нас никто не увидел! Не услышал! До рассвета ещё часа полтора — два...

Голова у меня была почти ясная, только больно и часто било в левый висок: тук-тук-тук-тук-тук. Наверное, так же, стучало и моё сердце.

Холодно, Тина! А ты тёплая... Сердце стучит тук-тук, тук-тук... — так, кажется, она бормотала. Если я права в своих по-настоящему диких, — дичайших! — предположениях, то мне остаётся попробовать только одно. Дать ему то, о чём мечтала эта ошалевшая тварь в сквере... Я ведь знала, чего она хочет, догадывалась и просто не хотела себе в этом признаваться. Поверить до конца! Я отгоняла от себя эти догадки, почерпнутые из дешёвых киноужастиков, которые так увлечённо заглядывал когда-то Юрка по вечерам... Не стоило этого делать, раз я уже успела увидеть Дана таким!

Господи, Боже, кто-то должен заплатить за этот кошмар! И заплатится, — обещаю! Я всегда исправно отдавала все свои долги! Неважно кому и как! Мстительности у меня не отнимешь...

Я научилась воевать со своими врагами и зря решила, что это уже позади! Науку побеждать, которую Дан, по его признанию, заучивал в Суворовке, я осилила на практике с самого детства. Она отложилась недоброй памятью в моих слабых сосудах. В моих переломанных костях и рёбрах, в моей вполне здравомыслящей, злопамятной голове. Я должна победить в этой схватке! Я стану победителем! Или лучше мне не жить...

Я привезла Дана на окраину, к одинокому запущенному дворику за каменной стеной, и

поставила машину вплотную к узкой калитке. Это старая винодельня, купленная Васо у покойного отца Арсентия, известного всему городу своей тягой к одиночеству. Здесь он жил и молился, удаляясь от суеты, пока не уехал в монастырь. Но мне не нужен был рассыпающийся домик в центре двора. Здесь есть подвал. И здесь никто ничего не услышит. И никто сюда, на отмоленную землю, не посмеет зайти из этих...

Дан замолчал, но его ломало. Мне пришлось помучаться, чтобы завести его внутрь. Лестница, а потом просто узкий спуск в скальной породе и подвал. Я открыла ещё один замок, подталкивая Дана вперёд. Он перестал упираться. Прямо в полу помещения была вручную выбита не очень большая яма, метра три глубиной. Я, поддерживая, спустила Дана по приставной лестнице, а потом поднялась и вытянула за собой стремянку. Он молчал.

При тусклом свете запылённой лампы на стене я заглянула вниз. Дан стоял, задрал ко мне голову с опущенными вдоль тела руками, и сверху напоминал своей позой маленького мальчика, терпеливо ожидающего внимания взрослых, их подарка или наказания. На сером измученном лице — глаза, синие даже сейчас. Я подавила в себе желание разразиться если не слезами, то хотя бы стонами, выключила свет, закрыла обе двери ключами, которые положила себе в карман. Вышла на улицу и постояла возле машины, собираясь с силами.

Здесь его никто не найдёт и не услышит. Он может выть, кричать, биться о стены, царапать ногтями твёрдый камень или стоять молча и ждать, с поднятым вверх лицом. И я могу навещать его иногда, отмечая новые следы разрушения на этом красивом, когда-то, теле. Я могу вообще забыть о нём, бросить его здесь, и никто меня за это не осудит. Некому меня осуждать...

Я знала, что не брошу его. Никогда. Даже если он рассыплется у меня на глазах. Даже если... потечёт! Если захочет разорвать меня на части. «Только не оставляй, Тина... Не оставляй...»

Я вдохнула стылый утренний воздух и, отметив по занимающейся алой полоске зари, что день будет холодным, поехала к Доку.

— Тинатин! Ранняя пташка... Что-то случилось?

— Нет. Вернее, случилось, но страшного — ничего. Всё под контролем — успокоила я его, подставив щёку для поцелуя. Он был небритым и тёплым, пахнущим больничными медикаментами. Живым... — Плоховато выглядишь... Лекарства принимаешь? — при близком рассмотрении, вид у Дока оказался не лучше, чем у Дана. Надо бы задержаться подольше и расспросить его, что с ним происходило все эти дни, но у меня не хватало на это ни времени, ни сил, ни храбрости.

— Всё, кроме транквилизаторов, и очень аккуратно. Док, у меня к тебе дело.

— Для тебя — всё, что хочешь, ты же знаешь. А как ты спишь? — он взялся за мой пульс и я не стала отмахиваться, пусть успокоит душу. Даже не выспавшись, с утра я всегда медленней и «стучу», и «горю».

— Сплю пока плохо. Но это неважно, всё поправится. Док, мне нужна кровь. Много крови. В контейнерах, или как это у вас называется. Только не спрашивай, зачем. Надо. И оставь в покое мой пульс.

— Но, Тинатин, послушай, почему ты... — удивлённо начинает он, но я прерываю его вопрос нетерпеливым жестом. Раз Док ещё может спрашивать, значит, голова у него в порядке, как бы он не вымотался. Я лучше других знаю и помню, каким он бывает, когда «доходит до ручки» и сам себе не принадлежит...

— Ничего не спрашивай, Док, пожалуйста. Мне, в самом деле, надо. Необходимо. Я

оставлю денег, для уплаты донорам. Не жалея, плати больше!

— Сколько? Группа? — с покорной усталостью спросил он.

— Литра два-три, наверное, пока хватит. 4-я группа, минус. Группа редкая, знаю. Но надо найти. Сделаешь, Док?

— Я уже сказал: для тебя — всё, что хочешь. Но, Тинатин... Только одно слово... Ты не связалась с чем-нибудь... Это правое дело?

— Это дело моей совести... И я всё расскажу тебе. Позже. Удовлетворит тебя такой ответ? — мне ещё хочется добавить, что это для меня не опасно, но я вовремя спохватываюсь, что он воспримет такое заявление в обратном смысле: о безопасности не заводят речь, если она не требуется.

— Другого-то из тебя, всё равно, не вытянешь... — ворчит Док: Ты только не рискуй, Тинатин! Думай о себе. Пожалуйста!

Я как во сне отсидела бесконечный рабочий день, забрала у Дока кровь и, благословляя густой полуснежный дождь, от которого стемнело почти на час раньше, помчалась к винодельне. Меня слегка знобило в лёгкой куртке, быстро намокающей под дождевыми струями, ноги скользили даже в траве: усталость и недосыпания давали о себе знать.

Дан неподвижно лежал навзничь на каменном полу ямы и только чуть шевельнулся, когда я спустилась к нему. Я приладила контейнер к стремянке и вколола иглу в его вену. Он слабо вздрогнул. Кровь из прозрачного пакета исчезла за секунды, а потом из второго, третьего, и так — все три с половиной литра. Я правильно угадала... Кожа Дана выравнивалась и светлела прямо на глазах, руки легли на сердце. Туда, где оно должно быть... Я погладила его по щеке, собрала пакеты, иглы... Он сел и выпрямил спину. Потом мы поднялись наверх и поехали домой.

На следующую ночь Дан был уже совсем обычным. Обычным — таким. На месте чешуек остались еле заметные точки на коже, лицо разгладилось. Я оставила его в кабинете, отодвинув на дальний край стола все колюще-режущие предметы, и ушла в спальню спать. Он остался один, потому что мои силы подходили к концу. Просто необходимо было позаботиться о их восстановлении.

Утром я снова закрыла чулан на ключ и, оставив Галию хозяйничать, поехала на рынок. Я обошла всех торгующих старух и купила по пучку всех трав, какие у них были, а с наступлением темноты проверила, как на них реагирует Дан. Из того, чего он не отверг, отпрянув или сжавшись на стуле, сделала отвар и вылила в чуть тёплую воду ванны. Я привела Дана в ванную, помогла раздеться и усадила в воду. Он лежал в ванне, такой прекрасный, голый и мёртвый, что я изжевала себе в кровь все щёки и губы изнутри, пока вытирала его.

После этого натянула на него пуховый свитер и джинсы поверх нового белья, а чёрный костюм с сорочкой и всё «смертное» сожгла в старой печи подъезда возле конторы Степанова. И только потом, одна, в темноте спальни, долго выла в подушку и грызла её зубами, и колотила кулаками до изнеможения патентованный эластичный матрац.

Я себя хорошо вымотала и не слышала, как он вошёл. Подняла голову и увидела, как Дан сидит на краешке кровати и смотрит на меня. Я подо двинулась, освободила его место, и он лёг рядом, привычно обняв меня со спины. Я накрылась двумя одеялами, потому что он был очень холодный, и мы лежали так без сна. Я прижалась к нему спиной, чтобы моё сердце билось ему в грудь, а он зарыл лицо в мои волосы. Веки у меня отяжелели и глаза жгло, а слёзы всё капали на мокрую подушку.

Мой маленький мальчик с драгоценным прозрачным личиком и неожиданно буйной золотой шевелюрой, наверное, был вундеркиндом. Но в сложившихся обстоятельствах это не имело никакого значения. Когда другие дети, подрастая, крепли, он слабел, и к самому концу почти не мог двигаться. Только тихо постанывал и смотрел на меня огромными серо-голубыми глазами. Он редко плакал и начал говорить чуть ли не семимесячным, всегда шёпотом и только со мной. Других он признавал и различал, но разговаривал только со мной.

— Мама! Боно! Поладь Котика! (Больно, погладь Костика).

— Пой, мама! Пой Котику. Затем патис? (Зачем плачешь?).

Он умер почти десять лет назад и ни разу за все десять лет не пришёл ко мне даже во сне. А Дан пришёл...

Утром он двигался так осторожно, что я почти не почувствовала этого. Встал с постели и медленно направился к двери. Тихий, без дыхания, шёпот:

— Тина, любимая... — и вышел.

Я привыкну. Я умею привыкать. Мне больше ничего всё равно не остаётся. Я всегда ко всему привыкаю. Я могу вынести всё! — под таким девизом и потянулись последующие дни, солнечные и пасмурные, длинные и короткие, терпимые и мучительные... Разные.

Я работала как заведённая, а перед возвращением домой заходила в библиотеку в поисках хотя бы малой крупицы сведений о том, что может мне помочь. Опасаясь, что библиотекари примут меня за психопатку, помешанную на оккультизме, я собиралась потихоньку «увести» свой формуляр, когда прочту всё, что найду. Но оказалось, что необходимости в этом нет. Я встретила ещё парочку-другую читателей, вполне благопристойного вида, которые обсуждали подобные «странные» темы с наслаждением истинных ценителей. Были ещё любители подробностей о маньяках, садистах, мазохистах и прочих нездоровых индивидах, наряду с фанатами детективов или любовных романов.

Настоящая литература потеряла ценность, а я даже не заметила этого, пока складывала свою жизнь из осколков прошлого. Сколько я ещё проглядела? И что прогляжу? Зато я умею теперь, с одного взгляда, отличить настоящий «Ланком» или «Пуазон» от поддельного, а возраст норковой шубки прикину за десять минут. Остаётся утешить себя тем, что есть люди, которые сразу начинают с норки...

Кое-какие полезные сведения в книгах, я, всё же, нашла, правда, по мелочи, и раскладывала, прикидывала их про себя, сидя в кресле возле Дана, по ночам. Я редко и неохотно принимала гостей, особенно — после сумерек, а Дан научился прятаться от них, терпеливо дожидаясь, пока я останусь одна. Потом возвращался и снова неподвижно сидел рядом, иногда тихо окликаая: Тина! Тина...

Конечно, это было ненормально. Но люди так часто приспособляются ко всему на свете! Гораздо чаще, чем это может показаться. Ждать и догонять для меня не самый любимый образ действий, но что тут можно было сделать? Рассказать кому-нибудь, с риском, что это дойдёт до Хорса? Или доверить настрадавшееся при жизни, а потом каким-то чудом воскресшее тело для исследований и экспериментов? Привязанная к этому беспомощному телу душа, светящаяся в самой глубине синих глаз, не покинула его, не позволила ему превратиться в ходячее чудовище, послушное дьявольской воле. Мне казалось, что я отчётливо видела в этих глазах боль и надежду. На кого ему ещё надеяться кроме меня? Он полагается только на меня...

Я поверила в это, как и в чудодейственную силу Алексо, тёплыми толчками

предупреждающего меня о «нечисти» и охранявшего от неё. Однажды среди ночи я услышала шум у входной двери, а Дан шепнул мне: Алексо. Я вышла в коридор, прихватив крест ладонью, и он был горячим, пульсирующим. Все стены вокруг оказались покрытыми, невидимыми обычно, светящимися отпечатками Алексо, а так же окна и дверь. Ладонь после креста у меня тоже светилась, Наружный входной замок, который Галия всегда открывала висящим в подъезде ключом, коротко вспыхнул, а потом я услышала вопль и визг. И после этого — удаляющийся топот. Алексо был на страже.

Никаких планов на будущее я не составляла. Всё идёт, как идёт, и я не могу изменить ничего к лучшему, а к худшему — не хочу. Когда я до конца уверюсь, что смогу оставить Дана одного, то попытаюсь достать Хорса. И Митрофана тоже. Этого — обязательно! Но сейчас наше существование очень напоминало жизнь в осаждённой крепости.

Ночи были ещё длинными, и я стала вывозить Дана на прогулки. Усаживала его в свой рено и ехала куда-нибудь за город. Находила безопасное, хорошо просматриваемое место — лесок, холм у реки, посадку, и мы вдвоём выходили из машины. Его тело постепенно привыкало к новому состоянию, становилось послушней и гибче, хотя и оставалось совсем холодным. Мы «гуляли» час-другой и возвращались. Мне постоянно везло: я никогда не сталкивалась ни с кем лицом к лицу. На нашем ГАИ меня и так не останавливали, но я часто выбирала безлюдные просёлки.

Дан послушно держался возле меня, не отнимая руки, особенно в темноте. Он видел неровности почвы или хорошо чувствовал их и удерживал меня от неловких шагов. Иногда он нагибался и, сорвав на ходу нужную травинку, известную только ему, растирал пальцами, поднося к лицу, прижимая к губам. Как-то мы наткнулись на невидимое в темноте поле клевера (я потом рассмотрела прихваченный с собой крошечный трилистник), и Дан разделся и покатался по нему нагишом, а я сидела в маленьком стожке рядом и ждала.

Пальцы у него стали подвижнее, а в руках чувствовалась сила. И, главное — лицо. Тому, кто увидел бы его сейчас, оно показалось бы лишённым жизни и всякого выражения. Только не мне. Я замечала мелкие движения бровей, тонкой складки между ними, подрагивание ноздрей и рта, влажное перемещение синего взгляда под лёгкими веками.

Он был не так скор в движениях как Ленка, которую я часто вспоминала, но этому нашлось вполне логичное объяснение: они попали в разные руки, когда стали такими. Я ничего не знала о том, как «оживлять» Дана и действовала методом проб и ошибок, бережно и любовно. Девчонке, конечно, пришлось постигать иную науку, жестокую и, как можно догадаться, достаточно зверскую, кровавую совсем в другом качестве.

Однажды тёплым вечером, во время прогулки, я ненадолго забылась в дремоте около того стожка, и вдруг Дан осторожно потянул Алексо у меня на шее. Я открыла глаза. Несколько тёмных силуэтов собак окружили нас и выжидающе поглядывали, мерцая красными зрачками. Я выступила вперёд и расправила цепочку поверх куртки. Горячий Алексо засветился и изумруд пустил тонкий, как от фонарика, зеленоватый луч. Первый пёс, на которого он наткнулся, заскулил и, дымясь кинулся прочь, а за ним — остальные. Не знаю, кто послал в ночную тьму этих собак, но собаки были непростые и им был нужен Дан.

Со стороны, мы, без сомнения, были жуткой парой, я это знала. Но уже перестала наливаться обжигающим холодом от такой мысли. Всё уже случилось, изменить ничего было нельзя, а значит, нечего и переживать. Это мой кошмар, и я никого не приглашаю в него, ни живых, ни мёртвых. Мне придётся справляться с ним самой.

Я ежедневно делала Дану ванны с травой или протирала его спиртовой настойкой. Он

сидел возле меня, выходя из кладовой, пока я не направлялась в спальню. Там я легла в постель и он устраивался рядом, обхватив меня руками. Моё сердце билось ему в грудь, и мне было почти нестерпимо холодно, несмотря на пуховое одеяло, шерстяной спортивный костюм и толстые носки из козьего ангорского пуха...

В первых числах марта покончила с собой Маринка. Слухов было много и в Бытсервисе они обсуждались в моё отсутствие. Она утопилась в реке, оставив дома записку, и её выловили только на второй день за двадцать километров ниже по течению. Подготовка к похоронам, как рассказывали очевидцы, оказалась настоящим ужасом. Наш батюшка наотрез отказался отпевать самоубийцу, и Нина Сергеевна устроила безобразный скандал, стоивший бедному отцу Павлу прихода. Он был переведён из города куда-то на периферию.

Смерть первой городской красавицы, сопровождаемая самыми невероятными сплетнями, всколыхнула общественные слои снизу доверху и её похороны стали, чуть ли не событием года, который только успел начаться. Народу было столько, что по ходу движения похоронной процессии пришлось заблокировать движение транспорта. На кладбище и вовсе было не протолкнуться. Милицейские чины всех рангов, отозванные от своих непосредственных дел, наводили порядок в необъятной толпе, бдительно и неуклонно не допуская посторонних к могиле.

Маринка была портясающе красивой в роскошном подвенечном платье и фате в своём гробу, обитом белой парчой. Я на похоронах, конечно, не была, и знаю всё только из рассказов наших швей. Нину Сергеевну отпаивали лекарствами, возле неё неотлучно дежурил врач. На кладбище она кричала, плакала и проклинала всех на свете. Единственное, лелеемое дитя должно было и после смерти получить всё самое лучшее и дорогое, а девочку так и не отпели, как положено, только невнятно и быстро прочитал что-то перепуганный кладбищенский попик. Я вспомнила, что Маринка некрещёная, но промолчала.

Я почему-то не посмела даже съездить на её могилу после похорон с последним «прости». Мне очень хотелось, но я не смогла. Несмотря на то, что Маринка больше трёх лет была моей коллегой и мы по-своему, неплохо дружили, какая-то неведомая сила удерживала меня от этого шага. Наверное, слишком хорошо запомнилась Ленка, поджидавшая меня в кустах.

Я пришла с работы рано, в обед. Галя, как раз, затеяла стирку. Мы подогрели пиццу в микроволновке, и я достала коньяк.

— По рюмочке, Галя. За упокой...

— Да, можно... Ты... Ты ведь не винишь во всём себя, Тинатин, дорогая? — Галя выросла в Грузии и прожила там почти до восемнадцатилетия, и она ещё один человек, который зовёт меня этим именем.

— Не знаю... Все недосмотрели и не сберегли, и я, видимо, тоже в их числе. Очень жалко её... Такая была хорошенькая, весёлая... И, в общем-то, ласковая, неплохая девочка. Просто слишком избалованная. Она ко мне хорошо относилась, пока... ну... Ты сама знаешь, почему всё изменилось. — имя Дана в его присутствии, пусть и незримо, я произнести боюсь. Вдруг он примет это за призыв и придёт? Только не при Галие! Ей и своих кошмаров хватает.

— А я её не любила... — помедлив, признаётся Галя: Знаю, это плохо. Но не любила... Ты не должна себя винить, дорогая. Не думай так, ты не виновата. Никто не виноват! Кismet! Это судьба так распорядится. А твоей вины нет. У тебя своё горе!

— Горе для всех одинаково горькое, Галя. Все перед ним равны.

— Перед горем — равны, перед людьми — нет. Жалко Маринку, да! Хоть не любила я

её, всё равно жалко. И красивая она была, и весёлая, как ты говоришь, и раззолочённая... Но не золотая! Ты — золотая, Тина. Не тебе перед ней виниться!

— О чём ты говоришь, Галия, дорогая моя? Это для тебя я хорошая. А для кого-то самая ненавистная, для кого-то вообще никто. Всё относительно.

— Для плохих ты ненавистная, для глупых — никакая, да! Но ты золотая! И это не я говорю. Твой Дан так сказал, совсем недавно, перед смертью. Помнишь, полы перед Новым Годом мыли? Он тогда сказал: «Самая золотая, подарок судьбы...» А этот мужчина знал слову цену. Просто так бы не сказал. Верить?

— Верю. Раз он сказал, я для него была золотая — соглашаюсь я, с опаской покосившись в сторону двери.

Увидев, что я замолчала, Галия, испугавшись, схватила меня за руку: Прости, Тинатин, милая! Не надо было напоминать... Я разболталась слишком. Не хочу, чтобы ты про Маринку думала... Хватит у тебя своих печалей.

— Ничего, Галия. Ни-че-го. Давай не будем о мёртвых. О живом лучше поговорим. Расскажи мне, как твои дела. Как ваша Нина? Она ведь уже невеста... Кавалер, наверно, есть?

— Да нет, что ты, какие кавалеры! — отмахивает она моё предположение обеими руками: Учиться надо. Сначала учёба — потом всё остальное. Она серьёзная девушка у нас, ты же знаешь!

— Да, серьёзная. И красивая. Но учёба-учёбой, а молодость одна. Она хоть ходит куда-нибудь? Ну, на танцы, вечера, молодёжные дискотеки...

— Какие танцы? Некогда! Да и не до танцев сейчас... Пока с работы придёт, я все глаза прогляжу, высматриваю... Темно, опасно, боюсь за неё — жалуется мне Галия.

— Опасно? В центре автобус прямо возле её детсада, а здесь — сквер, да через дорогу.

— Так-то оно так, Тинатин, а душа болит. Вот, в центре две девчонки пропали. Плохие девчонки, шлюхи... Но где могли потеряться? Из «Паласа» вышли — и исчезли. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал, а девчонок нет! Подружки за ними спустя три минуты выходили: ни души! Тротуар там длинный, сама знаешь, сворачивать некуда. Как сквозь землю провалились. Боюсь я, Тинатин... Такие вещи творятся. Плешивого этого таскали, хозяина, что ими командует. Ты его знаешь, помнить должна, по той драке... Говорят, спустя неделю, предъявляли тело... а он не узнал. Ничего не разберёшь, куски одни.

— Совку? Это у него девчонки пропали? И какие, интересно, кто из них? Рыжая? — настораживаюсь я.

— У него, да. А какие — не знаю. Они же шалавы: сегодня рыжая, завтра зелёная, послезавтра ещё какая-нибудь. Но какие бы не были — люди же. Как можно, на куски...

— Может быть, это и не его девицы. Он ведь, не опознал тела — мне снова приходит на ум Ленка, затаившаяся в густом кустарнике над рекой.

— Не знаю, чьи они. Только страшно. Римма говорит «маньяк». Тот душегуб, который у них под Казанью соседом был, говорит — совсем незаметный, и не подумаешь про него худо. А девочки пропадали. Когда поймали — такого о нём наслушались...

Римма тоже не была сплетницей. Спокойная, мягкая, чем-то похожая повадками на Галию, только русоволосая и полная, немка из соседнего дома.

— И Римма тоже боится? — спрашиваю я, вспоминая детей Риммы.

— Младшего из школы встречает каждый день. Старший-то у них уже взрослый парень. С друзьями всегда. За него не так страшно... Сама посуди, Тинатин. Сначала эти драки в

Сарае, сплошные покойники... потом девочка из Лебедевки, тоже, совсем не наши. Двое женщин с Южной, ещё ваша, из парикмахерской. Эти шлюшки из «Паласа». Римма говорит: очень похоже, что маньяк.

Я опять подумала про Ленку. Да, маньяк... Маньяки, целая шайка... Шобла сволочей, которых ищут не там, где надо. А где же их надо искать? Где они вообще собираются?

— И ты тоже, Тинатин! Ходи осторожно, осматривайся... Очень ты храбрая, дорогая! Не ходила бы по ночам, не ездила... Знаю, что чужого горя руками не разведёшь, но... Побереглась бы ты.

— Я очень осторожна, Галия. Хожу только по освещённым местам. А езжу... иногда просто спать не могу.

— Понимаю, милая. Но ты слишком смелая, это не очень хорошо... Если в глаза посмотришь — никто не нападёт. Но ночью твоего лица не видно. Хоть из машины не выходи, далеко не отлучайся. К золоту много рук тянется, и грязных среди них — намного больше.

Сразу как потеплело перед выходными, я решила сделать себе маленький подарок. Дан не успел ещё выйти из своего чулана, а я уже натягивала на него куртку и спешила вниз. Мы ехали к морю. Я всё рассчитала, но очень боялась опоздать к рассвету. Гнала как одержимая, но дороги были хорошие и позволяли лихачить. Мы подъехали к побережью раньше намеченного срока, и я вполне могла позволить себе бродить по берегу часа два, не меньше. Можно было даже искупать Дана — холода он не чувствовал. Но он отказался даже выходить из салона.

— Нет, Тина, нельзя... Соль... — это была первая произнесённая им фраза с ещё неясной, но достаточно заметной интонацией и я замерла от потрясения. Она выражала страх и нежелание что-то делать. Вливания крови шли ему на пользу.

Я видела, с каким нетерпением он ожидает новых переливаний и боялась... То, чего я боялась не имеет значения. Он ни разу не попытался вырвать контейнер у меня из рук и терпеливо дожидался, когда я закончу свою жуткую процедуру, ни разу не взглянул на то, как я вытираю случайно оброненные капельки крови. Он не был таким, как Ленка...

— Ты боишься соли? Она для тебя опасна? Что, и морская вода тоже может тебе повредить?

— Да...

— Значит, мы сейчас уедем. Я немного постою здесь и мы вернёмся назад — я отвернулась, пряча от него лицо, на котором, не сомневаюсь, было слишком много изумления.

Он не умер совсем: он мог не только говорить, но и мыслить, чувствовать! В нём осталось немало человеческого. Я перевела дух и стала смотреть на воду, чтобы окончательно свыкнуться со своим новым открытием.

Море было почти неподвижным и, как всегда, необыкновенным, а звёзды близкими и яркими. Воздух пах счастьем и бесконечностью. Простором и силой. Надеждой...

Спустя двадцать минут, я вернулась за руль и мы поехали назад, уже немного помедленнее. Мы вернулись в город и времени на прогулку оставалось ещё больше часа. Речной воды Дан не боялся. Мы встали в паре километров от Курятника и вышли. Дан шагал, привычно обводя меня мимо кочек, отыскивая случайные былинки и листочки. Я принаравливалась к нему, осматривая берег.

И слышала чей-то голос. Или случайный плеск воды...

Пониже нас, по склону, пьяненький бомж, ещё не старый, судя по голосу, топтался под облетевшей прибрежной ивой и приговаривал малоподвижным с перепоя языком.

— Ну, чего, чего ты, красавица? Давай, иди ко мне... не бойсь. Не обижу! Обласкаю как хочешь. Дурочка, иди сюда...

Над его головой сидела между ветвей голая Маринка в белой фате на распущенных волосах и сдавленно хихикала, поблёскивая глазами. Это было так неожиданно дико и мерзко! Чудовищно! У меня сразу заломило от холода затылок, а мороз продрал позвоночник, и даже, казалось, встал дыбом несуществующий, воображаемый хвост. Часто забился, обжигая грудь, Алексо.

Маринка неспешно перевела на меня взгляд и дурашливо закатилась: Ти-ти-ти-ти-Тина! Наша Тина пришла... Иди ко мне, Тиночка! Не оставляй меня наедине с посторонним мужчиной посреди ночи и так далеко от города! Позаботься о моей девичьей чести! Мало ли что может случиться...

Она с кокетством поболтала одной ногой почти под носом у распалённого мужика и тот, бойко подпрыгивая на месте, пытался дотянуться до неё. Маринка присела перед своим случайным поклонником на корточки, демонстрируя промежность, и лукаво-весело подмигнула мне из-за золотисто-льняной пряди. Бомж, размахивая руками, оступился и свалился в прибрежную грязь.

— В воду надо падать, дурачок! — злобно-ласково проворковала Маринка совершенно трезвым голосом и обратила свой взгляд на Дана.

— Дан! Это Дан пришёл. Я всё ждала, ждала и он пришёл. Я не зря старалась! Я собирала-собирала-собирала волоски и ниточки. Я украла-украла-украла платочек. Я отнесла всё маме Асте... Я сама выбирала для Дана травки... И Дан пришёл! — затянула она плаксивым голосом маленькой девочки с сюсюканьем и картавя: Он пришёл со своей кровью. Дан, откуда у тебя кровь? Ты не сам её взял. Ты не осмелился взять её сам, противный мальчик! Дан, миленький, скажи Мариночке, где Тинка достала тебе кровь?

Последние слова она возвысила до визга, а потом снова залепетала по-детски: — Я всё найду Дану. Дан теперь мой-мой-мой. Я всё сделаю Дану. Я не стану его щекотать-тять-тять... Буду лю-ю-ю-ю-бить! Я дам Дану жи-и-и-и-ую кровь!

Я и не подозревала, что мне может быть так плохо... Сначала начали дёргаться губы, а потом лицо, и я ничего не могла с этим поделать. Меня бросало то в жар, то в холод. Я проваливалась в чёрную пустоту, а потом вырывалась из неё, чтобы вдохнуть. Дан обхватил меня твёрдой рукой за талию, поддерживая, а второй потянул Алексо. Маринка взвыла. Зелёный луч наткнулся на её лицо, и оно вспыхнуло, а потом почернело. Уже теряя сознание, я увидела, как она прыгает в реку прямо с ивы, с высоты двухэтажного дома.

Я очнулась оттого, что Дан гладил меня по щеке холодными пальцами, и сразу же взглянула на небо. Край облаков по горизонту над полями капельку порозовел.

— Дан, скорее! Рассвет...

Я попыталась бежать, но это было тяжело. Меня ещё шатало, ноги путались.

Пропади оно пропадом! Кому была нужна моя дурацкая романтическая блажь! Ну ещё хоть пятнадцать минут... десять. Господи, дура же я! Какая же я дура! До дома всего пять — десять минут... Можно скорее... Нас никто не увидит. Потому что так рано у нас никто не встаёт... Боже мой! Боже милостивый, праведный, спаси его... И такого тоже, полюби его! Он ничем не согрешил перед тобой. Это я, сумасшедшая, ненормальная и беспросветная... Никогда не отдам его, никогда, Господи! Он только... твой... Он и теперь не сделает ничего

бесчеловечного. Он не может быть бесчеловечным. Только спаси, Господи! Спаси его...

Мы успели...

Ильяс правил старый кубачинский кувшин из потемневшего серебра с прогнутым, вдавленным внутрь боком и ещё недавно простреленным насквозь. Вещь была хороша даже в таком виде: изящная, тонкой художественной работы, с удивительно цельным законченным узором. Мы все вместе решали, как залатать отверстия, готовили припой и протравливали заплаты, а потом он взялся за чеканку.

Мы разошлись по местам, под приглушённый звук Домского органа, и занялись своими делами. Первым не выдержал Витька. Он оторвался от «морских цацек» и встал за спиной Ильяса, помедлив, подошёл и Лев Борисыч. Мы с Ашотом ещё переглядывались минут десять, а потом присоединились к ним.

Это была не работа, а песня. Громадные руки Ильяса нежно и чутко сжимали инструменты и держали, поворачивали вазу как новорожденного над колыбелью. Он работал быстро, чисто, точно, и мы, четверо, зачарованно следили, как созданное неизвестным мастером сто лет назад чудо, возрождается вновь. Наступил обед и прошёл, а Ильяс всё работал, и мы не уходили, любуясь причудливым танцем ловких пальцев, залечивающих раны войны.

Ильяс слился с кувшином в одно целое, он любил этот кувшин, а кувшин отвечал ему любовью, и их частый звонкий разговор согревал сердце... Собственные руки после такого казались крюками, мы праздно пошатались по мастерской, и Лев Борисыч разогнал нас по домам.

Мы с Ашотом зашли в Пиццу. Обед давно прошёл и можно было выбрать любой столик у окна.

— Тина, тебе с грибами? Или фасоль с фаршем? — спросил он, хотя сегодня был мой музыкально-обеденный день.

— Лучше грибы. И горячий бутерброд с сыром.

— Возьму ещё оливки, да? Ты любишь...

Ашот, обрадованный моим разыгравшимся аппетитом, прихватил ещё сметану и кисть дорогого турецкого винограда.

— Спасибо... Сколько я должна заплатить?

— Я уже заплатил, Тина.

— Сегодня мой день, Ашот! Ты забыл?

— Не забыл. Но мы же, не в полном составе. Ну, Тина, не спорь, сделай милость. Дай шикануть.

— Ладно, шикуй, мот ты наш! Разрешаю — я делаю небрежно — повелительный Витькин жест рукой, чтобы порадовать его ещё больше.

— Здорово это было, Тина, правда? Как песня...

— Ты про Ильяса? Да, это было бесподобно. У меня даже руки заныли, как будто это я делаю. Но у меня так не получилось бы.

— И у меня тоже — ещё больше повеселев, соглашается Ашот.

— Что «тоже»? Тоже руки заныли или тоже не получилось бы?

— И то и другое. Ильяс — мастер своего дела. Он чеканщиком родился. Чеканка у него в крови.

— А у тебя — литьё. Лучше тебя никто не льёт. Или тот старый персидский браслет... Ты с ним гениально поработал. У меня было такое же ощущение полного единства между

тобой и им, как сегодня. Как будто вы с ним — части одного целого.

— Мы и были части одного целого. Родной персидский мотив.

— Почему «персидский мотив» тебе родной? Ты ведь армянин.

— По отцу — я армянин, а мама у меня сирийка.

— Правда? Вот так новость! — мне немножко стыдно, что я этого не знала: А почему ты русский? В отца?

— В отца. Мама жгучая черноглазая брюнетка и очень смуглая. Такая вот, странная игра природы.

— Как же они поженились, христианин и мусульманка? Хотя, подобные браки раньше никого не смущали... Это теперь стало проблемой — вспомнив о своей милой бедной Галие, говорю я.

— Они не христиане и не мусульмане, Тина... Они... зороастрийцы.

— Вот это да! — я перестаю жевать, уставившись на него во все глаза: У меня сегодня — день чудес. И ты, Ашот? Ты — огнепоклонник?

Он порозовел под моим ошеломлённым взглядом: Ну, очень уж примерным огнепоклонником меня не назовёшь... Однако, я теперь старший мужчина в семье, это... обязывает.

— Ты совершаешь обряды, ритуалы и всё такое? Это с тобой как-то не вяжется, Ашот. Тайны стихий и огня... — уважительно-шутливо тяну я и он снова краснеет.

— А нет никаких тайн. Хозравати... Всё просто, ясно, и даже радостно. Солнце и свет — добро, мрак — зло. Будь добрым, терпеливым, люби ближних, не оскорбляй сердца ложью и ненавистью, а стихии — злом. Что, это очень отличается от христианства?

— Нет, почти не отличается — соглашаюсь я: Ну а стихии? Я про это знаю всего ничего...

— Огонь, вода, воздух и земля. Это священные стихии для зартошти. Но ведь они и для других религий святы. Так что, в этом тоже нет ничего необычного.

— И здесь ты прав. Мне просто странно, да и неловко, что я не знала... Ты об этом никогда не говорил.

— Просто к слову не приходилось. Да разве это так важно? Я же не стал другим в твоих глазах, когда ты знаешь, что я зороастриец?

— Конечно, не стал. Хотя, некоторые коррективы всё-таки есть. Если раньше я считала, что ты самый лучший человек в мире, то теперь знаю, что ещё и ты самый лучший зороастриец в мире — убеждённо заявляю я.

— Тина! — он снова залился бледным румянцем и смущённо улыбнулся. — Всё шутишь.

— Никогда не шутила на подобные темы. Или шутила в том смысле, что в каждой шутке есть лишь доля шутки. Заявляю тебе совершенно серьёзно и перестань краснеть: раз ты к этой вере принадлежишь, значит, она достойна уважения! Ашот, скажи мне, а в вашей вере есть ангелы?

— Пожалуйста, Тина, перестань.

Он, вернее всего, подумал, что я снова намекаю на то, что он ангел, а я, в этот раз, хотела спросить про дьяволов, узнать, какие они у зороастрийцев...

Нет, я не буду ничего говорить Ашоту. Лучше скажу, немного погодя, Доку, Ашоту не скажу... Ему — только в последнюю очередь, если не останется другого выхода.

Я потянулась ложкой в стакан со сметаной, и это обрадовало Ашота больше всех моих

КОМПЛИМЕНТОВ...

Нет, девочка, ты не права в некоторых своих выводах! Мужчины — есть! Их мало, но они есть на белом свете. И этот — такой хрупкий и нежный, деликатный и стеснительный — тоже мужчина. Защитник, раз он счастлив подобной мелочью.

Худощавая женщина стояла возле моего подъезда и парилась в тёплом, не по сезону, старомодном зимнем пальто и кружевном оренбургском платке, спущенном на шею. Русые, с сильной проседью волосы, собранные в пучок на затылке, кое-где выбились из строгой причёски и своевольно завивались в непослушные мелкие колечки на шее и висках. Она так не соответствовала местным стандартам ни манерой держаться, ни стилем одежды, что невольно привлекала к себе особое внимание.

Приезжая... — подумала я: Сапоги тоже зимние и старенькие. Как обидно видеть старые стоптанные сапоги на женских ногах. Так не должно быть, это нечестно! Женщина, прожившая целую жизнь, не должна носить старья. Неужели она не заслужила хотя бы этого за целую жизнь? Но купить теперь новые, а тем более, приличные сапоги непросто и довольно накладно. Не каждая может себе это позволить.

Она повернулась, и на меня в упор глянули знакомые синие глаза.

— Вы Тина? Я приехала к вам, — сказала она глуховатым грудным голосом, и я похолодела.

У меня отнялся дар речи при взгляде в это худощавое нервное лицо, не потерявшее до конца своей былой привлекательности, несмотря на годы, морщинки и следы недавно пережитого горя. Я сразу поняла, чем она отличается не только от местных жителей, но и от многих людей вообще. В ней была та особенная стать, которая у повидавших жизнь людей называется породой. Прямая осанка и непринуждённость во всех движениях, которую она без усилий донесёт до глубокой старости. До боли знакомое чувство стиля, такта и хорошего вкуса. И при всём этом — тоже знакомая, бесподобная простота...

Я открыла дверь, жестом пригласила её войти. Мы молча поднялись, зашли в гостиную. Она, как приезжие священники, перекрестилась на иконы. Я приняла её пальто, принесла тапочки. Женщина села, стала переобуваться, присматриваясь ко мне.

— Вы седьмая дочь? — неожиданно спросила она вместо того, чтобы представиться или попросить выполнения этой процедуры у меня.

— Что, простите? — я растерялась, хотя, по моим понятиям, именно так она и должна была себя вести.

— Вы были седьмым ребёнком в семье? — негромко и чётко проговорила она.

— Нет, единственным. Почему вы спрашиваете?

— Так... Это неважно? — несмотря на глубокое горе, чувствовавшееся в каждом её слове и жесте, она выглядела такой же выдержанно — вежливой и бесконечно порядочной, как Дан: А бабушка у вас была?

— Наверное... Но я её не видела. Только родителей, но очень-очень давно, в детстве. Ещё был дядя, он умер. Я теперь совсем одна. Какие странные вы задаёте вопросы...

— У вас Дар — сказала она с обезоруживающей доброжелательной ясностью, снова напомнив этим Дана: Ещё не знаю, какой, но есть. А он не появляется просто так, отсюда — мои странные вопросы. Что-то же вы умеете делать особенное?

— Не знаю... По-моему, ничего. Всё, как у всех. — я пожала плечами и, вспомнив с правилами приличия, переменяла тему разговора: Вы, может быть, проголодались? Или хотите отдохнуть с дороги, умыться?

— Нет, спасибо. Я с утра в городе. Уже отдохнула, поела. На кладбище съездила... Я —

бабушка Дана. Баба Саня.

— Я знаю. Я поняла. Вы похожи... глазами, осанкой, чертами лица... и манерами тоже.

— Я не нашла могилы. В часовне и сторожке никого не было, а свежих могил много... надписи не на всех. Когда можно съездить туда вместе? Сейчас ещё не поздно?

— Нет, не поздно. У меня машина... — я помялась, стараясь не отводить глаз: Но... зачем?

— Как зачем? Я хочу увидеть могилу своего внука.

Я уже не смотрела ей в лицо и кажется, не могла сказать того, что должна была сказать. Встала, повертела в руках пульт от телевизора. Прошло несколько длинных, тягостных минут. Потом я, наконец, решилась.

— Она пустая. Дана там нет.

Баба Саня всхлипнула-вскикнула, хрустнула пальцами. Но не встала с дивана, не вскочила — наверное, не смогла.

— Господи, воля твоя. Как же... Как это может быть, Тина? Братья всё сделали. Могилу запечатали и никто из этих... никто не мог её вскрыть. Никто не мог забрать мальчика...

— Никто и не вскрывал его могилу — я ездила посмотреть. Никто не забирал Дана. Он вышел сам.

Выговорив первые слова, самое главное, я инстинктивно поняла, что её не нужно подготавливать. Она могла с этим справиться. Несмотря на нервность, явную тонкую восприимчивость и возбуждение, слабой она не была.

— Я думаю, причина этого в том, что случилось после аварии, когда Дан был в процедурной...

Баба Саня слушала молча, с прикрытыми рукой глазами, комкая на коленях носовой платок. Пока я рассказывала, начало темнеть. Скоро Дан встанет...

— ... А потом мы и поехали на рынок. Там всё случилось. Но об этом я рассказывать не могу, потому что помню только детали, как во сне.

— Где же он?

За окном стоял вечер. Я встала и пошла вниз, а она следом за мной. Мы сели в райке и она недоумённо-горестно взглянула на меня повлажневшими глазами. Я успокаивающе погладила её по руке. Через несколько минут Дан вышел.

— Дан... Мальчик мой! Мой золотой, мой дорогой, мой единственный на свете мальчик! Сердце моё!

Она всё-таки заплакала, затряслась. Подняла руку для крёстного знамения и осеклась. Они смотрели друг на друга и молчали, а у меня стало слабеть и деревенеть сразу всё тело, в горле задымилось-затянуло дурнотой. Я напрягла несколько раз мышцы, прокашлялась, и, шагнув к Дану, усадила его на стул. Погладила по щеке, поцеловала в лоб и ушла наверх.

Стол в кабинете был тяжёлый, но по смоченному водой линолеуму пошёл хорошо. Я передвинула его в холле к окну, подкатила поближе рабочий стеллаж, перенесла инструменты, лампу, десяток книг. Потом освободила шкаф в кабинете и сняла в нём несколько полок, передвинула кресла. Разложила и застелила диван.

Это будет её спальня. Ей должно быть удобно. А вещи из гостиницы заберём завтра. И не забыть — купить ей сапоги... Икону бы надо! В вещах Дана есть его складень, он как раз хорошо поместится на тумбочку возле диванного валика...

О чём я думаю? Спальню приготовила... Она, ведь, вполне может возненавидеть меня, как своего самого главного врага и имеет на это полное право! Мальчик из-за меня остался в

городе. Меня он любил и меня защищал. Меня накрыл своим телом от пули. Из-за меня ему дали, перед этим, в бессознательном состоянии какую-то адскую смесь. Алексо, который мог его спасти, был у меня: на моей шее. Это я во всём виновата! Хорсу была нужна я, а не Дан! Господи! Почему я не умерла тогда? Или раньше, в детдоме... Или ещё тогда...

Стоп! Только не это! Про это — не вспоминать! Истерик сейчас не надо! Хороша же я буду, хозяйка, встречающая гостей! Мне всё приснилось! Привиделось в кошмарном сне! Это было не со мной! Или — вообще не было! Дышать! Ды-шать! Ды-ы-ы-шать! И-раз-и-два! И-раз...

Как бы она меня не возненавидела, а Дан останется со мной. Ему некуда идти. Значит, и ей тоже. А я потерплю... Перемолчу. Не велика барыня, выдержу. Я умею терпеть. Пережила же свекровь, которая была куда хуже атомной войны, и это переживу. У меня есть Док. И Ашот, и Маго, и все наши. А у неё никого. Совсем одна, с такой бедой...

Когда подошло время, я наполнила ванну, вылила в воду отвар полыни и спустилась вниз.

— Надо подняться в квартиру, вы совсем замёрзнете здесь... И Дана ждёт ванна.

Она ходила за нами с потерянным, усталым видом, а я рассчитано-спокойно, ровным голосом, рассказывала о том, как Дан пришёл, как ему однажды стало плохо, о своих экспериментах с травами, как мы «гуляем». Потом я мыла Дана и одевала его, причёсывала, а после этого повела наверх.

— Садись к окну, Дан. Там жалюзи и портьеры, всё закрыто, не беспокойся... А вам обязательно нужно отдохнуть. Вы пьёте на ночь снотворное? Что вам можно?

— Я всё равно не усну. И не говори мне «вы», девочка, прошу тебя! Я для тебя — Баба Саня. Старая, глупая, несчастная баба Саня, уготовившая своими необдуманными действиями настоящий ад для вас с Даном! Прости меня, Тина!

Она винила только себя. И жалела «бедную девочку», попавшую в ад. Меня сто лет никто не называл «девочкой» таким голосом...

— Всё равно надо лечь, Баба Саня. Просто полежать, это тоже отдых, я это по своему опыту знаю. И поесть. Я вам... тебе тут молоко подогрела. И бутерброды. Только не знаю, чего ты захочешь и что тебе можно. Пожалуйста, поешь! Ты, наверное, соблюдаешь посты?

Уже глубокой ночью я влила Дану новую порцию крови, и мы пошли к себе. Мы зашли в спальню, и я надела носки и свитер под костюм, а Баба Саня встала возле двери и смотрела на нас. Потом я легла, и Дан привычно устроился рядом, зарывшись в мои волосы лицом, расправляя на мне одеяло. Вид у неё был изумлённый, с примесью ужаса. Мне нечего было ей сказать, она всё видела сама. Я промолчала.

— И ты всегда так спишь, Тина? Почему? — спросила она и её голос почти не дрожал.

— Дану так теплее. И он слышит моё сердце. А мне спокойней, когда он рядом. Я всегда должна знать, где он — я погладила руку Дана на своём плече и улыбнулась его бабушке: Спокойной ночи, Баба Саня. Постарайся уснуть. Мы ведь всё переживём, правда? Нам не остаётся ничего другого. А потом я обязательно что-нибудь придумаю, не сомневайся...

Она снова тихо заплакала: Да воздаст тебе Господь, девочка... Спи, спокойной ночи, — и перекрестила нас.

Нина Сергеевна отравилась снотворным, спустя почти месяц после смерти дочери. Её похоронили тихо, без всякой помпы, на следующий же день. Осиротевший отец и муж исчез из поля зрения общественности, но мы нечаянно узнали — куда. Забежавший ненадолго

Иван Петренко, по секрету поделился с нами, что господин Азаров в настоящее время находится в закрытом от простых обывателей элитном пансионате Полянка с тяжёлым нервным расстройством. В ближайшее время его ожидает консультация важного медицинского светила, вызванного из столичного института психиатрии.

О кончине Маринкиной матери говорили тихо, с осторожностью, приглушёнными голосами. Наверное, незнание точных подробностей этого события приводило местное сарафанное радио в глубокую печаль и слухи в виде гипотез всё же распространялись, но скрытно и тайком. Соседей и понятых, ставших свидетелями этой кончины, оказывается, заставили дать подписку о неразглашении обстоятельств инцидента. Что там случилось, никто толком не знал, а лично я просто не хотела знать. Мне, почему-то, стало ясно, что несчастный вдовец много чего мог насмотреться перед тем, как ему отказал рассудок.

Одна Ленка чего стоит! Она вполне могла забежать «на огонёк» к маме и папе своей лучшей подружки, чтобы рассказать, «как ей холодно». Та Ленка, которую я однажды видела в нашем парке, была уже неживой и я чувствовала это, когда разговаривала с ней как с обычным человеком. Я ведь, к тому времени, уже успела увидеть Дана... Как ни плохо я сейчас помню все подробности, но главное — уяснила.

Я смогла не заорать и не броситься от неё, сломя голову: мой ужас был «анестезирован» или напрочь убит усталостью и отчаянием после появления Дана, но я всё знала. Я просто не хотела этого знать, заставляла себя не знать! Если Игорь Иванович тоже не захотел ничего знать, он мог выбрать для этого не тот же самый способ, что и я. Мужчины в подобных обстоятельствах часто бывают слабей женщин.

Да что там Ленка! И сама Маринка могла явиться в родное гнездо, чтобы обновить свой великолепный подвенечный наряд хотя бы одним, — хотя бы таким, — выходом в свет. Получить изумительное платье невесты — мечту каждой девчонки с пятилетнего возраста до самых седых волос, стоящее раз в двадцать дороже её зарплаты, и ни разу не пройтись в нём! Не взглянуть из-под фаты своими прекрасными голубыми глазами... Для девочки, которую я знала, это могло быть хуже смерти! Чудовище, которое я увидела позже, нашло возможность сделать это и после смерти.

Она шушукалась с Ленкой о прелестях власти тьмы, значит, вполне могла отдаться этой власти целиком и полностью. Мы с Даном стали для неё если не врагами, то уж точно, не самыми близкими людьми. И эта глупенькая тщеславная «мисс» выбрала себе в наперсницы Ленку, которая сумела приворожить своего негодного Санька! А я допустила это, и отстранилась, не стала заглядывать вперёд. Я беспокоилась за благополучие коллектива и почти успокоилась, когда Маринка от нас ушла!

Если бы она мне всё рассказала... Нет, она не могла, как раз — мне, не могла! Кому угодно, только не мне! И на кладбище она ко мне подойти не могла, не до того ей было... И что-то она там такое говорила... кричала... Кричала, что всё было зря! Что было зря? Что она сделала? Может быть, это с её подачи, Дан поднялся из могилы? Ведь позже она призналась, что «собирала травки по наказу „мамы Асты“». Что она могла сделать? — я рассеянно улыбаюсь медсестре, вколотившей мне очередную порцию витаминов, и терпеливо дожидаясь окончания процедуры. Док будет мной доволен. Надеюсь, у него в последнее время не было пациентов дисциплинированной и послушной меня.

Нет, на похоронах Маринка ничего сделать не могла, не до того ей было. Она даже не приближалась к гробу при последнем прощании, — её не пустила мать. Близко с Даном простились только я и священники, да Ашот с Витькой бережно прикоснулись к его руке.

Док поцеловал в лоб... Все остальные лишь по очереди обходили гроб. Баба Саня заверила меня, что все молитвы и печати должны были крепко-накрепко запереть могилу, а они не смогли этого сделать. Какая-то неизвестная сила заставила Дана вернуться в наш мир и это приводит в исступление бедную Бабу Саню, которая винит во всём себя.

Я в сотый раз вспоминаю отрешённое слинявшее лицо Маринки при нашей последней встрече в торговом центре. Она тогда не проявила ко мне особой симпатии, но и на конфронтацию не пошла. Почему я не поговорила с ней в тот раз? Почему не отнеслась к ней немножко внимательней и великодушной! Ведь мы с ней неплохо ладили целых три года, она ко мне привязалась и при всей своей эгоистичности, доверяла. Во всём виновато моё нежелание никого не подпускать к себе слишком близко. А она от каждого требовала всё, целиком и без остатка.

Теперь-то я знаю, чего нужно было добиться от неё в первую очередь: чтобы она немедленно, незамедлительно окрестилась. И я бы сумела её убедить, а тем самым — уберечь от того ужасного недопустимого греха, в который она скатилась. Почему об этом начинаешь думать только тогда, когда поверил сам, безоговорочно и навеки?

Я начинаю читать молитву, едва выйдя из процедурки, и встреченный мной старик в больничном халате с интересом всматривается в моё лицо, а потом ещё и глядит вслед. Наверное, он подумал, что у меня нервный тик: губы шевелятся, а глаза, конечно, горят. Я поворачиваюсь к нему и, пользуясь тем, что мы в коридоре одни, совершаю поступок, который раньше сочла бы нелепым и неуместным.

— Я просто молюсь, отец — говорю я: Со мной всё в порядке... И ты молись. Молись, если хочешь покоя и мира в сердце! Молись, пока не поздно и спасай свою душу.

— Ишь ты, молодая да пригожая, а ума палата! — растерянно бормочет удивлённый дедок, потом улыбается, светя поредевшими, через один, жёлтыми зубами: Молюсь, милая моя, молюсь, моя хорошая! Всегда молюсь! Дай тебе Бог счастья и милости! Такое ты чудо чудное!

Да уж, чудо... Я в последнее время перевидала столько чудес, что стала другой. Я та же самая, но совсем новый человек. Неужели, всё снова? Моё четвёртое перевоплощение... И самое главное чудо, которое со мной произошло — это моя вера в Бога...

Более тысячи лет назад юный отрок с забытым теперь именем отправился из Киева в богатый Царьград попытать счастья. И судьба обернулась к нему самой приветливой своей стороной — любовью красавицы-гречанки, дальней родственницы царствующей базилиссы. Девушка была образованной, неглупой и обладала хорошим вкусом, раз предпочла простодушного, статного русича более выгодной партии с кем-нибудь из хилой константинопольской золотой молодёжи. Парень принял крещение под именем Алексея и они поженились.

Среди многих прекрасных вещей, сработанных золотых дел мастером Алексеем, был им создан в подарок новобрачной редкостной красоты крест — венец всего его творчества? Но нашлись в царской свите сведущие люди, которые, высоко оценив работу нового придворного ювелира, посчитали, что владение такой искусной вещицей, явно затмевающей украшения властителей, недопустимо. Молодой новобрачной был дан совет преподнести редкое сокровище своей царственной родственнице от имени мужа и она, скрепя сердце, сделала это.

Базилисса приняла крест милостиво, но прохладно: при дворе изумруды были не в моде, да и светло-зелёный камень с креста глядел на повелительницу, как пустой неприветливый глаз, смущая и отпугивая. Она положила новое украшение в шкатулку и забыла среди своих многочисленных сокровищ. Прошло время, и, не первой молодости, но всё ещё красивая и пылкая царица стала тяготиться своим дряхлеющим, брюзгливым мужем. Однажды ночью в её опочивальню явился смазливый, грубоватый парень с парой подручных молодцов, и повелительница овдовела.

Никто не заметил, как в покоях случился пожар и его быстро потушили. От огня почти ничего не пострадало: несколько старинных варварских свитков, да ларь с драгоценностями, сплавившимися в кусок. Невредимым остался только тот самый крест. Но и на него пожар оказал странное воздействие. Изумруд в центре креста, привезённый, как говорили, ещё Александром Македонским из далёкой Индии, совсем побледнел. Зато темнее он стал в середине, и теперь выглядел, уже как настоящий глаз. Неизвестно, из каких соображений, базилисса вернула этот, теперь ещё более нелюбимый, крест, своей, в общем-то, не обласканной вниманием племяннице. Так ставший уже «притчей во языцех» подарок вернулся к своему создателю гораздо раньше, чем этого можно было ожидать.

Императрица внезапно скончалась от неизвестной болезни. Когда её отпевали, свечи постоянно гасли в светильниках, а ароматные курения чадили. Никто не обращал на это внимания — новый повелитель спешил заключить новый брак и скорее обзавестись потомством. Тело базилиссы похоронили не в храме, а в маленькой часовенке, на самом краю церковного сада. В часовню всё время ударяла молния, когда начиналась гроза, а потом ветхое здание загорелось и разрушилось. Его не стали восстанавливать и про могилу со временем забыли.

Слухи об отстранённом от царских милостей ювелире ходили разные, а легендарный крест его супруги даже считался несчастливым, тем более что у немолодой уже, любящей четы так и не было детей. Но через три года после смерти царицы у них всё-таки родился сын — белокурый мальш, похожий на мать, с синими, отцовскими, глазами. Он был окрещён тем же именем, что и отец, вырос, женился и завёл детей, а, овдовев, к старости

принял обет. Оказалось, что у него есть Дар — с первого взгляда различать Зло. Справедливый от природы и добросердечный, он не осуждал какую-нибудь вздорную ссору между соседями или нищего, крадущего у богача. Он игнорировал, пусть и с сожалением, даже процветающие вокруг корысть, злобу и разврат, не замечал супружеских, а, может, и государственных измен.

Всё это были людские грехи, и самые тяжкие из них — тоже. Согрешившие получают от Бога всё, что заслужили. Но неприятие самого Бога, покушение на бессмертную человеческую душу — вот что было для Алексея настоящим Злом. Говорят, что это он основал первую тайную Братию, ведущую вечную, непримиримую борьбу с колдовством и ересью. Говорят также, что Братия стала предтечей и образцом для последующей через сотни лет инквизиции, навеки запятнавшей славу новой римско-католической церкви.

Потомки Алексея не в Греции, а на Руси, куда уехал один из его правнуков, считают иначе. Братия уже была, и сама нашла Алексея, и помогла ему отточить Дар, и усовершенствовать его, и защитить от ошибок. А легендарный крест именно в Братии посвящён в особое, заветное таинство, позволяющего вечно резонировать стук сердца Алексея. Крест получил имя «Алексо», что значит «я очищаю». Он передаётся среди потомков Алексея из поколения в поколение, и каждый член семьи умеет в той или иной мере узнавать Зло.

Братия существует в Греции до сих пор. В России есть только Алексо и небольшая группа подвижников в далёком северном монастыре. Её особая деятельность, как и в Греции, не рекламируется в лоне официальной церкви. Те, кому о ней нужно знать, — знают, а для всех остальных это рядовой русский православный монастырь с обычным уставом и порядком.

— Баба Саня, почему Дан мне ничего не рассказал? Он что, совсем не доверял мне?

— Доверял, деточка, раз полюбил. Зачем ты говоришь такие вещи, когда чувствуешь, что всё совершенно не так? Наверное, он просто оберегал тебя от лишних забот.

— Раз оберегал, лучше было рассказать, от чего — упрямо настаиваю я, хотя, кажется, действительно понимаю, о чём она говорит. Я так часто брала всё на себя в надежде, что близкие даже не узнают о минувшей их неприятности. И это сбывалось...

— Пожалуй, но ведь ты не такая, какой кажешься на первый взгляд, Тина. Ты могла начать действовать самостоятельно, а это слишком опасно. Может быть, он не хотел причинять тебе лишнюю боль. Этот... Хорс, он не зря тебя приметил. Служители нечистого тоже умеют распознавать Дар... И использовать его для своих целей.

— Да какой Дар? Я хороший ювелир, но далеко не лучший. Хорс нашёл бы и лучшего, чем я мастера, если бы захотел.

— Этот грязный заказ был просто поводом. Тебя хотели заинтересовать работой. Задеть что-то личное, втянуть.

— Заинтересовать? Таким непотребством? Как раз то, что я не люблю пошлятины, на мне чуть ли не заглавными буквами написано! — подумав, выговариваю я вслух, а про себя начинаю прикидывать варианты дополнительных доказательств.

За месяц до знакомства с Даном, Ленка через Маринку приглашала меня на спиритический сеанс. Костик! А ещё эта, выставленная перед Даном напоказ, благодарность Вилова за простой эскиз. Не Витьке, который вырезал кубок, а мне, просто набросавшей его будущий вид...

— Я и так делала для Хорса эскизы кубков из мориона. Но работать на него всё равно

бы не стала. Я его увидела, и сразу ошетибилась...

— Как это «ошетибилась»? Что это такое?

— Почувствовала опасность. У меня перед опасностью всегда встаёт дыбом воображаемая щетина на затылке... Баба Саня... Это что, Дар? Вот это и есть Дар, который видит Зло? Но я же, перед заурядной дракой тоже так напрягаюсь, перед любой крупной неприятностью...

— Всякий Дар нужно развивать, миленькая. Может быть, это как раз тот Дар, который был у Алексея, очень похоже, Тина! Но он-то, как раз, и неприемлем для нечестивых. Как твоё особое умение чувствовать и предвидеть опасность, может быть нужным для Детей Сатаны?

— Это их так называют?

— По-разному их называют... — Баба Саня ласково гладит моё плечо, еле ощутимо касается волос, совсем как Дан: Сатанистов ведь не меньше, чем религий. Зло всегда Зло, в какие бы личины оно не рядилось. Как и Бог, для всех один, как его не назови. Дьявольский течений, что семечек в подсолнухе — по всей земле. У кого игра, у кого — преступление...

— И у нас, в России?

— Да, и в России тоже — вздохнув признаётся Баба Саня: И у нас всякое бывало...

— Это волхование, всякие заговоры, гадания и прочая чертовщина?

— Не всякий Дар, полученный не от Бога, приводит к Злу, девочка. Если знахарка призывает себе на помощь огонь и воду, траву и ветер небо и звёзды, она ещё не привлекла Зла. Зло нужно назвать его именем, осквернить свою душу нечистым деянием, сделать ему подарок, чтобы оно нашло себе место в сердце человека...

— Так же, как не всякая молитва доходит до Бога — продолжаю я.

— Нет, Тина, Бог слышит всё, не сомневайся. Это враг требует жертвы, чтобы приманить слабую душу, отторгнув от Божьих благ. И, тем самым, делает Господню милость недействительной...

— Дан им мешал... — раздумываю я вслух: Он сам говорил, что постарался оградить меня от происков Вилова. Он им очень мешал и они решили от него избавиться...

— Не избавиться — с тяжёлым вздохом поправила меня Баба Саня: У них появилась возможность использовать Дана для того, чтобы ты сама к ним пришла и они её пустили в ход. Подготовленный к тому, что он встанет после смерти, мальчик должен был явиться к ним. За ястом — специальным дьявольским составом, укрепляющим тело и дух в новом качестве, за примером и обучением. А ты бы не оставила его там одного...

— Но он не захотел идти к ним. Он сразу пришёл ко мне. Это я виновата... Всё это случилось из-за меня! — не осмеливаясь взглянуть ей в глаза, я с силой стискиваю кулаки, прижав их ко рту.

— Ты всегда будешь так думать, Тина и я не смогу тебя переубедить... — ласково прижимая к плечу мою голову, шепчет она: Только не забывай, что могло случиться с тобой, если бы Дан о тебе не позаботился. Всё было бы с точностью до наоборот, а этого бы он не пережил. Если из вас двоих приходилось кем-то жертвовать, то он решил рискнуть своей безопасностью. В случае твоей неудачи вы бы оба погибли... Он бы не простил себе твоего несчастья и наделал глупостей.

— Если он боец, как ты говорила, он намного ценней меня. Неужели ему любовь так глаза застила...

— Не только боец, Тина... Дан — Защитник, умеющий видеть всю картину в целом.

Боец Братии — это человек огромной силы духа и храбрости, способный преодолевать тяжелейшие нагрузки и побеждать Врага. От него зависит многое, но не всё. Иметь право именем Бога проклинать и загонять в пекло приспешников Тьмы — это особое качество, доступное только Защитнику. Кроме силы у Защитника есть ещё умение правильно оценивать вину каждого, вовремя удержаться на краю.

Проклинать — особое и очень тонкое искусство. Те, кто, вообразив себя сатанистами, устраивают нечестивые оргии и даже приносят кровавые жертвы — грешны и получают свою плату, но это дело Бога! Или их хозяина, если хочешь. Человек, имеющий право проклинать, не может быть пристрастным: он должен выстрадать это право и произносить проклятие в полной уверенности, что оно заслуженное. Что этого требует ситуация. Что Господь не зря дал ему в руки такое оружие. Что оно — последнее средство для защиты душ.

— Боец — это тактик, а Защитник — и стратег и тактик в одном флаконе — делаю заключение я. И Дан был... И Дан — Защитник. А я — то, тут каким боком вылезла? Зачем было меня так опекать, принося себя в жертву?

— Не думал он о жертве, милая! Надеялся, наверное, что всё будет хорошо. Ошибся где-то, позволил им подойти ближе, чем это допустимо. Защитник может дать правильную оценку своим соратникам и единомышленникам, а люди — отдельная статья. Кто-то из вашего близкого окружения пробил брешь в стене, которую он вокруг тебя возвёл. А в тебе он нашёл твой Дар. Я склоняюсь к мысли, что ты — прирождённый Защитник. Но, может быть, ты Целитель или Оплот очень большого потенциала... Такие и детям Сатаны нужны.

— Кто такие Целители и Оплот?

— Целители — собирательное понятие, чётко их обязанности не разграничены. Это те, кто в Братии неустанно молятся о Бойцах, находят новые средства для их защиты, самые убедительные и действенные слова для специальных молитв и обрядов. Те, кто излечивают телесные и душевные раны членов Братии, а так же пострадавших от Зла людей. Им тоже нужны особые силы и свойства. В Целители попадают люди, обладающие ясновидением, способностью врачевать, разными паранормальными качествами. Их, обычно, совсем немного... Ещё меньше, чем Защитников.

А Оплот — это близкие, знающие о Бойце и Защитнике всё. Друзья, родные любимые... Те, кто поддерживает их и заботится о них. Надёжный нерушимый оплот, совершенно необходимый для людей такой судьбы. Наша семья всегда была Оплотом. Она, время от времени, рождала Бойцов и было и три Защитника, начиная с Алексея... Но в целом, мы были Оплотом, способным принять на свои плечи любую тяжесть и ослабить её влияние на дорогого человека, обеспечить ему нормальную жизнь среди людей.

Неужели Дан видел во мне Оплот? — подумалось мне вдруг. — Это тяжело морально, но относительно безопасно физически. А для него — это спасение и счастье всегда возвращаться к любимой женщине и забывать возле неё свои страшные приключения... И знать, что с ней всё в порядке, что она есть и ждёт тебя... Может быть... Нет, не пойдёт: что тогда, во мне нашёл Хорс... Ему то, зачем моя преданность и забота?

— Как на фронте — говорю я вслух Бабе Сане: Бойцы — армия, Защитник — командование плюс военная разведка, Целители — медсанбат и штаб. Оплот — глубокий тыл.

— Дан тоже иногда так шутил — отвечает она со слабой улыбкой: У вас с ним так много общего, девочка... Ты даже смотришь иногда как он. И твои движения, когда ты не сдерживаешься, они такие же ловкие и неуловимые. Вы похожи друг на друга во многом.

Я, наконец, решившись, зажмуриваю глаза и прижимаюсь к её плечу: Я плохо его любила, Баба Саня! Я разучилась это делать и не была ему опорой и Оплотом. Я не могла любить его, как надо! Я всё время что-то в нём искала и... — подступившие к горлу слёзы не проливаются, но мешают продолжать.

— Ты не знаешь, как ты его любила, девочка... — успокаивает она, поглаживая мою повинную голову: Ты бы полюбила его навсегда, если бы лучше узнала. На всю жизнь. Это я тоже умею разглядеть вперёд. Судьба не дала вам времени на любовь.

Мы долго молчим, глотая невыплаканные слёзы. Сидим рядом, прижавшись друг к другу и думаем, каждая о своём. За окном медленно и неотвратно опускаются ранние ещё, весенние сумерки. Скоро встанет Дан. Баба Саня отрывается от меня и принимается за разбор трав, а я раскрываю маленький потайной холодильник в стене бытовки, приспособленный для хранения пакетов с кровью. Вынимаю один и оставляю на оконном подоконнике для того чтобы он согрелся.

Всё, как надо. Четвёртая отрицательная, готовая к употреблению. К правильному употреблению — раздумываю я, стараясь не вспоминать изнурённого моей замкнутостью встревоженного Дока. — Бедный Док с ума сходит от беспокойства! Он знает, что ничего из меня не вытянет, пока я сама не расскажу, а заниматься собственным расследованием, у него нет времени. До чего мне не хочется посвящать его в это дело — сил нет! А придётся, как ни выкручивайся.

Мы с Бабой Саней вместе высыпаем травяную смесь в кастрюлю. Я уже начинаю разбираться во многих хитростях ремесла травника — думаю я. Может быть, я — Целитель? Что тогда так пристально и увлечённо пытался разглядеть во мне Дан в Птичьем базаре, на нашем пяточке и в мастерской? Влюбился? Да, влюбился, наверное, почти сразу, это теперь понятно. Но что он искал во мне? Даже после Нового года, он задумывался, глядя на меня и — теперь я знаю — старался оттянуть окончательное решение. Какое? Оберегал... От чего?

— Баба Саня... Прости, но я должна спросить. То, что ты «привязала» Дану душу, это... ты считаешь, что это как-то зависит от Зла?

— Всегда считала, что не зависит. Поэтому и сделала. А теперь всё думаю, может быть, лазейку оставила, глупая самоуверенная старуха! Дала путь искушению...

Баба Саня всё же заплакала. Она часто плакала, и слёзы приносили ей облегчение. Я не принимаю это за слабость. Каждый человек справляется с трудностями, как может — лишь бы справлялся. Её сила полна мягкости и женственности, но она чувствуется. Она — Оплот. Ей — легче переживать свои несчастья так, а не иначе. Это я свои природные качества вывернула наизнанку и теперь часто забываю о том, что я женщина...

Мы жили втроём, если это можно было назвать жизнью для Дана — тихо, медленно, по распорядку. Баба Саня взяла на себя часть забот о внуке и по хозяйству, и я стала больше спать. Необходимых восьми часов всё равно не добирала, но хотя бы ослабло постоянное головокружение и мышцы потеряли свойство испытывать приступы «ватности». У меня перестало рябить в глазах от белых мух, огненных кругов и синих вспышек.

Весна хозяйничала во всю, и можно было подумать об отпуске. Весной у меня кончается годовой запас прочности. Когда всё живое пробуждается, идёт в рост, цветёт и плодится, моя анемия тоже начинает расцветать и требует отдыха. Док может сделать мне больничный лист, но зачем? Леонид Борисыч всегда меня отпускает «без содержания» на любой срок, с единственным условием — навещаться или звонить, хоть в неделю раз. Это у нас тоже закон: давать о себе знать. Я взяла отпуск, отоварились в аптеке на приличную

сумму, и стала поднимать гемоглобин и активно принимать укрепляющие препараты. Спала от рассвета до обеда, потом поднималась, ехала на уколы и процедуры, а к вечеру была дома.

Мы, как раньше, выезжали по ночам, иногда втроем. Баба Саня гуляла с нами. Дан шёл прямой, лёгкий, ещё более бледный в лунном свете... Я смотрела на них, и думала, как сложилось бы всё, если бы Дан женился на Маринке..., или, пусть даже, на мне. Если бы у него могла быть обыкновенная человеческая жизнь! Баба Саня не заслужила того, чтобы потерять и его, последнего!

Теперь мы трое, связанные вместе неведомыми страшными путами, бродим по ночному лесу, прячась от живых и опасаясь мёртвых. А Хорс где-то веселится со своей компанией, вынашивая грандиозные творческие планы сексуальной жизни... Я не люблю долгов. Долги нужно отдавать... Дан, Маринка, Ленка... Кто ещё?

— Баба Саня, ты знаешь, как их остановить? Хоть примерно, в общих чертах?

— Нас всего двое, Тиночка! Мы ничего о них не знаем. Где они собираются, чем занимаются. Кто им служит... Здесь не справиться вдвоем. Это не рядовой случай, который может решить один, даже самый опытный Боец. В такой сложной истории нужно хорошенько разобраться, наметить план действий и заручиться поддержкой Братии. А нас с тобой, двоих, на всё про всё просто не хватит...

Дан приостановился, повернулся к ней: Нас троих — его голос был почти не слышен... Слабое колыханье воздуха, шёпот ветерка. Я привычно покрылась холодной испариной, стараясь незаметно передёрнуть плечами.

Баба Саня прижала узкую ладонь к его щеке: Нет, мальчик, нет! Ты не можешь!

— Могу. Не могу оставить вас, без помощи и защиты. А это — могу.

— Господи, да ты даже не знаешь, любит ли тебя Бог по-прежнему — не сдержавшись, шепчет Баба Саня и пугается того, что произнесла.

Дан почти незаметно, но до боли знакомо сцепил челюсти. У него окаменело и застыло лицо. Я видела это явственно и вполне осознанно.

— Тина, Алексо. Пожалуйста! — попросил он, обращаясь ко мне, но глядя в лицо Бабы Сани.

Я послушно вынула крест, и Дан без колебаний нетерпеливо протянул к нему руку. Я не успела испугаться как следует, а он уже рассматривал свои пальцы. На них остался бледный, светящийся след. Дан сложил пальцы, поднёс ко лбу, потом на грудь, к правому и левому плечу: Верую...

Я удержала Бабу Саню за полу куртки, и слушала, затаив дыхание. Мне тоже было страшно. Очень страшно. Алексо вздрогнул у меня под свитером и потеплел.

— Во единого... Господа... Бога... нашего...

Слова давались ему с трудом, губы дрожали. Чем это кончится? Я впила ногтями в ладони и зашептала под гулкие удары в груди вместе с ним: Иисуса Христа...

— И отца... и сына... и святого... духа. — Он вздрогнул, покачнулся, но устоял.

— Аминь!

Ничего не случилось! Мы победили!

Я просто не могла сидеть в бездеятельности. У меня настолько нетерпеливая натура, что бороться с ней иногда неразумно, а временами и опасно: застоявшаяся энергия может просто пойти не тем руслом. Почувствовав себя лучше, я собралась выйти на работу раньше намеченного срока, но сначала проверить кое-какие свои соображения. Я хотела лучше узнать своего врага...

Мы уже обсудили план действий, на тот случай, если я не вернусь. Баба Саня наизусть повторила мне записанные номера телефонов, если я только успею подать сигнал опасности. Я вслепую прогнала в памяти план кирзавода, который Хорс пообещал отцам города вернуть к жизни. Трубка мобильного и электрошокер надёжно устроены в карманах куртки, чёрные слаксы удобно обтягивают ноги, старые туфли из тончайшей кожи ощущаются как носки... Баба Саня прочитала надо мной все охранные молитвы, официальные и факультативные, но никак не может отпустить.

— Ой, Тиночка, дорогая моя... Боюсь. Я никогда себе не прощу, если...

— Никаких «если» не будет, Баба Саня! Я не собираюсь давать бой. Просто посмотрю. Ты сама говорила, что мы ничего не знаем — вот я и разведую. Я буду очень осторожной, я это умею. Я помню, что должна вернуться к вам с Даном, я не могу оставить вас одних... Понимаешь?

— Понимаю, Тина, понимаю. Но всё равно, никак не могу успокоиться. Может быть, стоит кому-нибудь рассказать... Кому-то, кто сильнее нас, раз у нас сейчас нет поддержки Братии?

— Ну, вот, снова да ладом! Кому рассказать? Милиции? И Хорса со всей шайкой посадят в тюрьму... правда, если найдут, за что. А через год целая тюрьма, восставшая из могил, придёт штурмом брать психлечебницу, в которую нас с тобой упекут. А с кем останется на это время Дан?

Она молча смотрит на меня неправдоподобно синими глазами скорбящей иконы, и не отвечает.

— Я вернусь, Баба Саня, вот увидишь. — я обнимаю её за плечи: Ты только Дана не бросай одного, ни на минуту. Удержи его дома, пожалуйста! Скажи ему... я на свидании.

— Разве он поверит — укоризненно качает головой Баба Саня: Ну сама подумай, Тина. Как он в такое может поверить?

— Не поверит... Тогда скажи, что я у Дока. У меня проблемы со здоровьем, и я у Дока. Он знает, что Док часто работает по ночам. И не беспокойся. Прошу тебя! Я вернусь — поверь!

— А если Олег сам позвонит? Что я ему при Дане скажу?

— Док не позвонит. Ему велено беречь тебя и по ночам не беспокоить. Я ему сама регулярно звоню, чтобы обсудить всё что надо, в подходящее время. Тем более, он заезжал к тебе сегодня, пока я спала. Док не позвонит.

Я поцеловала её ещё раз, и сбежала по ступенькам. День был серый, дождливый, и прохожие не задерживались под раздражающе-однообразной, унылой моросью, стараясь укрыться в тепле. Я ехала на стареньком москвиче Васо, который не продавался, как память, но радушно сдавался всем желающим или предоставлялся для нужд «своим». Своих было — вагон и тележка, но машину холили, и бегала она хорошо.

Я рассчитала, что из густого перелеска, от которого начинался карьер и болотца, переходящие у завода в непролазную топь, москвич никто не увидит. Дальше на бугор поднимались чахлые деревья, а заводской дворик густо зарос акацией. Сквозь дождь забор был почти невидим, с болота надвигался, пока ещё редкий, туман. Я вышла из машины, и, крадучись, поднялась на пригорок. Никаких признаков охраны и подозрительных звуков, только слабое свечение электричества за стеной. В заборе, со стороны карьера, отыскалась брешь от выпавших сверху кирпичей, через которую я, подтянувшись, пролезла внутрь.

Замусоренный двор пуст, несколько машин у ворот. Я выждала, оглядывая примыкавшие к конторе формовочный цех: три стены и крыша, такая же сушильня. Только в углах темно, но вряд ли там кто будет сидеть в секрете. Если охрана есть — она в конторе, где окно сияло голубоватым светом телевизора. Единственный фонарь освещал дверь в помещение для обжига — новое и крепкое, с красными пятнами кирпичных заплат в стене. Если здесь кто-то есть, то за этой тяжёлой металлической дверью, больше нигде. А дверь прямо в стене формовочного, под крышей, до неё и нужно добраться.

Я продвигалась, прижимаясь к стене, до конторы, затем, пригнувшись, пролезла под светящимся окном, миновала ёмкость из-под угля, и затихла. Возле угольной ямы кто-то двигался. Приглядевшись, я подошла ближе. Там, в тени у стены, сидели в железной клетке собаки — чёрно-белый сеттер и две дворняжки. Я ожидала, что они залают, но собаки молчали. Сеттер попытался вильнуть хвостом, две другие смотрели угрюмо и обречённо. Сволочи! Заморили голодом... Собак отпущу... Не забыть отпустить собак... Вот гады, и не жалко. Хотя, если людей не жалко... Понятно, откуда эти ночные псы в поле. Эти, как будто, пока ещё просто собаки. Алексо предупредил бы... Вот и дверь. Я снова прошла вдоль стены, в тени. Формовочный был пуст. Из-за плотно подогнанной двери слышался гул голосов.

Ни единой щёлочки. Но кто-то там есть, это точно... Надо поискать свет. Не в темноте же они там... заседают-высиживают. Где есть свет, там есть отверстие. Снаружи сплошная стена, тоже хорошо заштопанная. А от обрыва? Я поискала подходящий разлом в стене формовки, протиснулась в него, и выглянула. Точно, есть окошечко в метре высоты от фундамента, и сам фундамент есть — узенькая полоска бута, на которой можно примоститься. Но сначала — собаки...

Они вылезали в приоткрытую решётчатую дверцу ползком, медленно, тяжело дыша и кося на меня настороженным взглядом. Одна из дворняжек оскалилась, но не зарычала. Сеттер поплёлся к отверстию под воротами, мотаясь из стороны в сторону, и еле переставляя ноги, дворняжки — чуть поживее. И всё — молча. Ну, падлы! Скоты! Живодёры! Это я тоже заношу вам в счёт, уроды...

Я вернулась к дыре в стене. До оконца добиралась долгих минут десять, соображая на ходу, за что цепляться, чтобы не свалиться в овраг. Почти у цели обнаружила крепкий кусок арматуры, закрепляющей фундамент, а через полметра другой. Значит, есть ещё. Если заводу около пятнадцати лет, фундамент делали крепко, крепче стен. Арматура тоже могла не проржаветь. Я встала на два прута, и, схватившись руками за оконный проём, выпрямилась. Окно оказалось на уровне груди и было отворено, заглянуть в него вполне возможно, тем более что пол в обжиговой оказался гораздо ниже фундамента.

В помещении горели свечи, чёрные и белые. Запах от них стоял затхлый и неприятный, но света хватало. За длинным столом, накрытым чёрной тканью, сидело человек двадцать, и во главе — вся компания Хорса, с которой он меня знакомил в Курятнике. Половины лиц

остальных я не видела, но из тех, кто был повернут в мою сторону, узнала несколько человек.

Торговец из коммерческого киоска в соседнем квартале, истеричная дама средних лет, кажется, служащая сбербанка, собачник Коля Жердев, видимо — основной поставщик сырья. Ещё одна... обесцвеченная медсестра доктора Митрофанова. А где же сам доктор?

Хорс говорил нараспев, своим гнусавым, сдавленным голосом, что-то знакомое и непонятное, а хор голосов повторял каждое его слово. У председательствующего был окинут на спину капюшон балахона вроде рясы, остальные — тоже одеты в бесформенные хламиды, но без рукавов. Хорс замолчал, и до меня, наконец, дошло, что он бубнил: молитву наоборот. После этого Мара, или как её там, высохшая красавица с голодными глазами, встала вместе с женой Хорса, и, сверкнув голым телом в разрезе балахона чуть не до подмышек, удалилась. Они вдвоём внесли знакомую чёрную чашу из хрусталя, наполненную мутной, белой жидкостью, поставили на стол. Хорс бросил в вазу горсть травы, неприятный запах которой слышала даже я, а потом, бормоча, чего-то долил из флакона.

Жидкость закипела, запахло ещё сильнее, немислимой гадостью. Заседавшие встали и запели.

— И вечным будет наш Отец! — провозгласил Хорс и все подхватили его слова.

— И вечными будем мы! — опять хор.

— И воцарится царствие его, а наша власть!

— И падёт на землю тьма!

Он снова что-то всыпал в вазу, и из неё пошёл дым.

Аста принесла бокалы из мориона, изготовленные Витькой, а Мара — поднос, накрытый красным парчовым платком. Хорс сдёрнул ткань, и под ней оказался труп младенца. Ребёнок был недоношенный, пяти-шестимесячный, скрюченный и уже почерневший. Хорс сделал надрез на крошечном тельце и перевернул его над чашей. Из разреза полилась струйка чёрной жидкости, закапала в сосуд. Хорс небрежно отбросил жалкий трупик, и поднёс двумя руками чашу ко рту. И он отпил от этого дьявольского причастия, мерзкий тамада!

Когда я немного отдышалась и снова припала к окну, он уже налил в кубки своим помощникам. И они тоже стали пить эту гадость! Затем Хорс подозвал их к себе, отступив от стола, и они облобызали его определённым образом, задрав полы балахона. Он налил кубки снова, и к нему подошла следующая пара почитателей — уже мужчины. Ритуал многократно повторился. «Причастившиеся» стаскивали одежду и направлялись в дальний угол зала, где в изножье какого-то подобия трона лежала обнажённая женщина, ей тоже, каждый по-своему, все оказывали знаки внимания. Когда «причастившихся» стал слишком много, они перешли на ублажение друг друга. Я оторвалась от окна, и присела над обрывом.

Я считала, что уже навиделась всякого, и меня ничем невозможно достать. Я ошибалась, и мой желудок мне дважды за сегодняшний вечер, это доказал. Внизу запели, я снова стала смотреть. Утомлённое наслаждениями собрание, организовало пляску вокруг завывающего Хорса. Стол исчез, а застолье превратилось в подобие срамной бани. Все плясали, скакали, кружились на месте. Хорс опять затянул речёвку, и все повторяли за ним.

— Он придёт!

— Он сделает мир совершенным и честным!

— Каждый станет жить по его законам!

— О, Хорс! О, Карачун! О, Чернобог!

— Мы ждём тебя.

— Мы отдадим тебе всё!

— Сгинут святоши!

— И сгорят лицемерные кумирни! (Вот они, Ленкины кумирни! Интересно, не тут ли она сама...) — И так далее, и тому подобное...

Члены компании навеселились, а забившихся в припадке отнесли в сторону. Двое подручных покрепче выволокли к «трону» железный столик с мраморной крышкой, и водрузили на неё большую собаку со связанными лапами. Пёс был тоже очень худой, с выступающими под серо-жёлтой шерстью рёбрами. У меня занули лоб, зубы и скулы, когда Хорс торжественно взял в руки что-то наподобие жезла, и поднял.

— Во славу твою, повелитель!

Он коротко и умело ударил собаку по лапе, потом — по другой. Пёс взвыл и задёргался, задрал к потолку морду с обмотанной тряпьем пастью.

— Тебе, отец. Тебе — навьё! — завывала толпа.

Этого я уже не могла вынести, и закричала: Сволочь, прекрати! Козёл!

Меня никто не услышал в хоре криков. Правда, Хорс повертел головой по сторонам, но отвернулся и ударил пса по голове своей железкой. Наверное, он при ударе, содрал тряпку, которой был завязан собачий рот. Собака изловчилась, и полоснула его зубами за кисть, стала биться из последних сил, кусаясь и рыча. Столик упал, толпа разбежалась. Вдруг одна из голых фигур дёрнулась, метнулась к очагу и на ткань, накрывавшую пол, упала горящая ветка из печи. Вспыхнуло мгновенно, и вся орава, забыв свои недавние восхваления сжигающему огню, ринулась к выходу.

Можно... Сейчас можно! Я успею!

Я поползла, цепляясь за арматуру, кусты, камни на противоположный конец обжиговой, где спуск к оврагу был неглубоким. Так и есть... Выходное отверстие печи, из которого много лет назад выгребали шлак, просто заслонили листом железа. Я его с усилием, но отодвинула, перескочила через обломки кирпичей, груды золы и какие-то железки, пролезла дальше, до конца печи, где было устроен очаг. Развернула шапочку с прорезями для глаз на лицо, и выпрыгнула через невысокий огонь. В цехе оставалось всего несколько человек. Трон и деревянный помост под ним горели, занялась дощатая перегородка. Замешкавшиеся танцоры-банники вылетели прочь, мелькая голыми задами. Я поискала собаку. Она сидела и дрожала в дальнем углу, роняя на пол окрашенную кровью пену из пасти. Перебитые передние лапы, с обрывками веревок, разъезжались на полу.

— Сгоришь, дурачок... Пошли.

Кто-то сзади схватил меня за рукав, и я, не оглядываясь, ткнула электрошоком в его сторону. Перчатка, слава Богу, была сухой. Мне некогда было вытаскивать беспамятное тело в откровенного покроя хламиде, да и не стоил он жизни собаки... Но полуголый грязный мужик очнулся и извиваясь пополз к окну, в которое я заглядывала... Не обращая на него внимания, я поискала, чем закрыть дверь, и подпёрла её жезлом Хорса.

Успею!

Собаку тоже пришлось «отключить», она меня куснула. Чувствительно даже через куртку. Огромная овчарка, хоть и исхудавшая до костей, что-нибудь да весит, и мне пришлось с ней в печи туговато, кроме того, и дым вытягивало именно туда, где для него открылась тяга. Наружу я выбралась почти одуревшая, с горящими веками и кислым вкусом во рту. Было уже совсем темно, и дождь полил как из ведра, поэтому нас не заметили. Мы

покатились прямо в овраг, по счастью — сбоку, где я удачно зацепилась за кусты. Сгибаясь от тяжести, я перевалила собаку через забор напротив цехов, прыгнула, и попала в чьи-то крепкие объятия.

— Ты кто? Откуда? — вместе с вопросом мне в нос ударил через плечо запах вчерашнего перегара, сдобренный чесночной закуской и свежей спиртовой добавкой.

Ясно. Сторожа стояли у другой стены. Там, где оврага нет.

Я пригнулась, и, выпрямляясь, с размаха заехала нападавшему затылком в лицо. В годы моего детства самой романтической нотой в жизни воспитанников детских домов нашего региона была блатная. Не горжусь своими достижениями в области изящной словесности тех лет, а наколки, к счастью, у нас делали на редкость уродливые для моих эстетических требований, но драться я обучена классно. Тем более что тренировал меня по уши влюблённый Рашик Галиулин, хрупкий и мелкокостный, а потому особенно умелый драчун.

Я надолго успокоила своего противника, и, уже волоком, потащила беспамятного пса по траве вниз. Обжиговая горела во всю, пылали балки и стропила крыши. Голые слуги Сатаны сновали по двору. Я шла, почти не таясь, но всё-таки сделала большой круг до «Москвича». Ехать без света возле болота было опасно, но я решила рискнуть. На всякий случай, позвонила домой. Стащила шапку с лица.

— Баба Саня, это я! Всё. Я еду, жди. От телефона далеко пока не отходи, есть небольшие сложности.

В темноте, чавкая по раскисающей земле, я еле донесла овчарку. Когда затаскивала её в багажник, она пришла в себя и снова попыталась ухватить меня за рукав, но совсем слабо. Я захлопнула задний клапан, вскочила в кабину. И всё-таки забуксовала. Пока «сушила» скользкую мыльную глину, меня, наверное, слышали. Откуда-то сбоку подскочил молодец в коже, измазанный сажой и с поцарапанной щекой. Он схватился снаружи за дверцу, а после этого начал вытаскивать меня из машины.

Я пнула наугад, но неудачно. Он уже почти стащил меня с сиденья, и внезапно его злорадствующее лицо перекосилось, глаза полезли из орбит. Ещё не понимая, в чём дело, я отлетела назад, потянула дверь на себя. И увидела зелёную, со свисающей кожей четырёхпалую лапу, обхватившую стекло в отверстии форточки. Это было отвратное чудовище, с мерзейшей, отдалённо напоминающей человеческое лицо рожей. С дряблым, в зловонной слизи телом. Голое, мужского пола, в интересном возбуждённом состоянии.

— Посмотрю, посмотрю, красивая!.. Уп — уп — уп... Полюблю... Чав-чав... Может, понравиться...

Белые, с плавающими узкими зрачками глаза похотливо закатились под жирные нижние веки. У меня обмякли ноги. Если бы «Алексо» не застучал, я бы упала, честное слово! Или завопила бы, и рванула куда глаза глядят — в лес, в огонь, в болото, куда угодно... Но моя рука уже доставала крест. Механически, сама по себе. Зелёный луч изумруда ударил этой гадине в глаза, и со вспышкой оттолкнул его на несколько метров. Я газанула, и рывком выскочила на гравийку. Уже не прячась, понеслась вперёд. Перед лобовым стеклом мелькнуло ещё несколько страшных тварей, которых я сбила, и они разлетелись по сторонам. Что-то мутное побежало по стеклу. Потом, набирая скорость, я увидела, что кто-то бежит за мной следом. Кажется, это был человек. Голый.

Уже у развилки я снова застряла в грязи, и на этот раз — очень прочно. На полтора метра отклонилась от края полосы, и почти «села» задним мостом в канаву. Не заглушая мотор, добежала до шоссе. Никого! Я стащила куртку, и, бросив на землю, нагребла в неё

гравий с обочины.

— Чёрт! Твою мать! Пропади оно всё, пропадом!.. Нет, нет! Не хочу, нет! Прости меня, Господи! Спаси и сохрани! Не дай этому случиться! Пусть я лучше умру! Попаду под поезд! Свалюсь с крыши! Утону, сгорю, или буду долго мучиться. Лучше заживо сгнить от болезни. В муках... Только не это! Только не это, Господи!

Не переставая бормотать вперемешку проклятья и молитвы, я несколько раз сбегала туда и обратно. Насыпала солидный настил из гальки, добавила наломанных крупных веток и сверху — осколки бетонного дорожного «пасынка», села за руль. И тут он до меня добежал. Голый человек присел за низким кустиком в лесополосе, стараясь отдышаться, и не спуская с меня глаз. Я схватила ближайший голыш.

— Сволочь! Не подходи. Убью и даже не подумаю жалеть об этом!

Алексо был тёплым, но постукивал в почти нормальном ритме. Так он реагировал на живых людей, имевших нежелательный контакт с нечистью.

— Кто ты? Ну, говори! Покажись! — скомандовала я низким угрожающим голосом, чтобы скрыть его дрожь.

Из кустов поднялось тело. Женское, молодое, со встрёпанными мокрыми волосами. Да это же Рыжая! Рыжая из «Паласа» — приглядевшись поняла я. — Грязная, с разводами сажи на теле, исцарапанная, с разбитыми коленями и босыми ногами, синяя от холода. Значит, это она тогда пропала... Девчонка встала перед светом фар, дрожа и прикрываясь руками, переступая озябшими ногами по земле. Я нагнулась за курткой, встряхнула её, попав в луч света. Она меня узнала, и шарахнулась в сторону.

— Стой! Не ссы, бить не буду... — прикрикнула я: Это ты бежала? Да встань ты спокойно, не колотись! Сказала же: не трону! Успокойся и отвечай на вопрос. Ты за мной бежала?

— Я... Я думала, не догоню. Ты... Вы, правда, не будете бить?

— Сказала же... Не буду, если не за что. Я без дела кулаками не размахиваю. Иди сюда. — Я бросила ей куртку. Сняла с себя свитер: Надевай, холодно... А куртку на бёдра повяжи. И замок застёгивай, он на ногах сойдётся, а выше — прикрой просвет рукавами и свитер выпусти сверху. Подтолкни меня сзади и заскакивай в салон. Садись.

— Спасибо... — она, запыхавшись, прибежала, когда я вылезла на шоссе и неловко забралась на сиденье рядом, трясясь как осиновый лист: Я уже и не надеялась... Убили бы и всё.

— Садись удобней, поедem. Надо отсюда сваливать. Догонит какая-нибудь сволочь... Мало не покажется!

В машине я посмотрела на неё внимательнее. Лицо сильно похудело и вытянулось. Нос... не такой красивый, как был, стал шире в переносице, но могло быть хуже... Шея и руки в синяках, пальцы ног и колени сбиты в кровь... Я включила печку и достала из бардачка полотенце.

— Вытрись. Обuvi нет... Так пока потерпишь. Ноги на полотенце поставь... Как ты там очутилась? Тебе тоже хотелось власти тьмы? — насмешливо скривив рот, спросила я, и она уставилась на меня с непонимающим видом.

— Какой власти... — она всхлипнула. — Я... Напели... Деньги хорошие обещали, я и поехала. С Танькой... Давно не работала. Так, мелочь... Совка в чёрном теле держал... После того... Ну, после той драки.

— Ага, и ты попёрлась неизвестно куда, неизвестно с кем.

— Так с виду приличный мэн, в золоте, одет хорошо, голос тихий, вежливый. Никогда и не подумаешь, что это жуть такая... — она еле сдерживается, чтобы не зареветь, но у неё получается.

— Ну а Танька твоя где? — спрашиваю я. Интересно, кто же там был Танькой, в том памятном туалете?

— А нет уже, наверное, Таньки, — она вытерла выступившие слёзы, и снова вытерпела. — Во вторник увели, а сегодня — понедельник. Вчера меня в дело пустили, а сегодня... вот такое.

— Тебе в первой, что ли? Такая же с...щина, как всегда.

— Не такая. Такого сроду не было. Там такие были... эти... А вчера... тоже, ужас какой-то. Но сегодня... Вонючую жижу из трупа пили. И собака... — она, наконец, заревела, беззвучно, с хриплыми вздохами.

— Это ты, что ли, пожар затеяла?

— Я... — призналась Рыжая: Я решила: пусть лучше всё сгорит... Чем вот так, как собаку. Собаку жалко... И зачем я с ними поехала?

— Раньше надо было думать. Когда жизнь себе такую выбирала.

— А из чего было выбирать-то? Мать пьёт... мужики не выводились... меня быстро к делу приставили... С детства по интернатам. А там тоже...

— Детдомовская, значит...

Мне не было её жалко. Я тоже была детдомовская, но не сдавалась никому и никогда. Билась в кровь и не гнушалась в безвыходной ситуации зубами выдрать у нападавшего кусок щеки или уха, попытаться выдавить глаз. Со мной не связывались, потому что знали мою беспощадную мстительность...

И если уж не нашла она в себе особых талантов, пошла бы просто на фабрику, на завод. Скучно и бедно? Почему Нина у Галии, красавица, воспитанная только что не в нищете, не отправилась на панель, а работает в детском саду няней за символическую зарплату, и ещё умудряется платить за педучилище? Жалко не было... Но Нина выросла среди любви и домашнего тепла. А эта девчонка всё-таки решила бросить горящую ветку...

— Ладно, не ной, утри сопли. Я тебя спрячу. Поживёшь пока в больнице. У меня там врач знакомый. Только штучки свои б...ские там забудь. Там это ни к чему! Он тебя санитаркой возьмёт. Тепло, еда, угол на время... Поработаешь, пока всё закончится. Но язык надо держать за зубами, понятно? Чтобы никому ни слова. Врачу — особенно! Усекла?

— Да, да! Я всё сделаю. А вы... простите меня за то. За того парня... Я буду работать. Хоть в полумойки, хоть в шахтёры, хоть куда... И молчать буду. Только... — голос у неё дрогнул: как же это может закончиться?

— Не твоя забота. Закончится, как надо и когда надо. Главное, сама не рыпайся. Не рисуйся нигде, не болтай лишнего. Ты хоть работать-то умеешь?

— Я раньше на рынке работала... Старалась. Не получилось. На кого работаешь — с тем и спи, да ещё друзей приведёт... Вот я и ушла...

— ... Куда полегче. Ладно, что-нибудь да получится. За тебя просто не брался никто. Поживём — увидим!

— А вы... простите меня? Ну, за то... На меня нашло тогда... Думаю, отлюблю хоть раз... Он на меня и не смотрел вовсе... Я ему не нужна была. Он только вас и видел...

— Его больше нет. Нет среди живых. Забудь!

— Она вздохнула-всхлипнула, и посмотрела на меня сбоку, судорожно прижав ладонь

ко рту. Охнула, помотала головой. Я сцепила зубы, до боли сжала руль.

Не твоё это дело... Ясно? — голос у меня был глухой и почти спокойный.

— Ясно. Простите... — она протянула было руку, но уронила её на колени: Простите меня.

— Нечего прощать... И не говори мне «вы». Я тоже детдомовская... Звать-то тебя как?

— Софи... Нет, Зойка. А вас... тебя?

— Тина. И, запомни, Зойка... Сейчас ты можешь для себя всё изменить. Редко кому так везёт, как тебе сегодня. Считай, что ты снова родилась, и снова выбираешь. Ты уже посмотрела, куда можно сдуру забрести.

— Да, Тина. Я знаю... Ой, какая... вы... ты! А ты, правда, детдомовская, Тина?

Притормозив возле хирургии, я оставила Зойку в машине, и отошла с сотовым к стене.

— Алло, Баба Саня, это я... У меня всё в порядке. Я уже рядом, но задерживаюсь. Не переживай, я уже в городе. Ещё около часа потерпишь?

— Тина, где ты? Приезжай скорее, девочка. У нас тут война — Дан рвётся из дома. С тобой всё в порядке?

— Да, я жива-здорова. Баба Саня, не отпускай его. Куда он без Алексо? Пожалуйста, удержи его. Мне, в самом деле, очень нужно. Нужно увидеться с Доком. И я постараюсь вернуться побыстрее. Знаешь, что, дай ему трубку, я сама с ним поговорю... Дан! Дан, ты меня слышишь?

— Тина... больно... холодно, Тина!

— Миленький, Дан, подожди. Я в полной безопасности, но не могу сейчас подъехать. Я у Дока, Дан, мне очень нужно... Подожди ещё немного, совсем чуть-чуть... Я вернусь, и всё будет хорошо.

— Тина... Берегись... Ты в опасности, Тина...

— Всё нормально, Дан. Мне в самом деле ничего не угрожает. Ты скажи: Жду тебя. И жди! Ну, скажи... Дан, не заставляй меня волноваться, мне и так плохо пришлось... Пожалуйста, побудь с Бабой Саней. Хорошо?

— Да... Я жду... Жду тебя, Тина.

Док был измотан до предела, и я поняла это, как только он улыбнулся. Его улыбка была не бледной, а бесцветной.

— Тинатин, привет! Ты... У тебя всё в порядке? Почему ты в майке? — забеспокоился он: И грязная... Что случилось?

— Случилось, но уже прошло. Ещё поговорим об этом, но потом, не сейчас, Док. У меня к тебе дело. Нет, даже два. Ты, как-то, говорил, у вас санитарок не хватает, я тебе привезла одну гражданку... Возьмёшь? Её надо спрятать ненадолго от нежелательных взглядов и контактов. Ну, как, сделаешь?

Вот что мне в Доке больше всего нравится, так это его полная невозмутимость в подобных ситуациях. Он сразу всё сообразил, и Зойку разглядывал с чисто академическим интересом.

— Так... А работать-то, она будет? У меня ведь больные... и нелёгкие, кстати сказать. За ними ухаживать надо, как за малыши детками.

— Будет — пообещала я: Ещё как будет! Ей деваться некуда, она всё что нужно будет делать.

Зойка смиренно стояла в извоженной куртке, обвязанной вокруг бёдер, в моём свитере на голое тело, и даже не перебирала босыми подошвами, смотрела истово.

— Хорошо, попробуем. Пошли, гражданка... Поищем тебе что-нибудь одеться.

Они зашли по коридору в подсобку, а я вернулась к москвичу. Овчарка забилась в дальний угол, и оскалилась.

— Не бойся, я друг. Я — свой, не бойся! — При слове «свой» она дёрнула разорванным ухом, но рычать не перестала.

— Нам с тобой нужно выйти из машины. Ну, иди ко мне! — Команду «ко мне» она тоже знала, но не двинулась с места. — Ну, что мне с тобой делать? Выходи же, дурашка... — Я попыталась дотянуться до неё рукой, но она забилась в дальний угол, и клацнула зубами. — Вот тебе и благодарность... Любят же некоторые дающую и ласкающую руку укусить... Ну, не бойся, хороший, не бойся. Иди ко мне.

— Стой, Тинатин, я помогу, — подошёл сзади Док. — Что с ним?

— Не знаю. Кажется, лапы перебиты. И голова...

— Где ты его подобрала? Здоровенный кобель, хороший. Худой только очень, бродячий, что ли? Его, что, на дороге сбили?

— Нет... Не знаю. Док, я так спешу... Как ты думаешь, найду я сейчас ветеринара?

— А я тебе чем не ветеринар? Какая разница... Нет, Тинатин, так ничего не выйдет. Стой, я принесу шприц, укол сделаем. Не трогай его пока.

Наконец, мы подтащили бедного кобеля поближе, и Зойка выбежала с лотком инструментов. На ней был больничный халат поверх подвёрнутых снизу джинсов, и огромные больничные шлёпанцы. Лицо у неё ещё подёргивалось, а губы мелко дрожали, но она очень старалась. Я подумала, что, может быть, у неё и получится.

Док осмотрел собаку, наложил шины на сломанные передние лапы, зашил ухо и рваную рану на затылке, смазал ссадины. Пока пёс не пришёл в себя, мы снова удобней устроили его в машине. Я накинула на плечи, кое-как отёртую Зойкой, куртку.

— Док, я поехала. Ты купи Зойке одежду с утра, или поручи кому-нибудь, ладно? Деньги я верну.

— Нам нужно поговорить, Тинатин. Давно уже нужно, обязательно и обстоятельно. А времени не хватает катастрофически!

— Да, Док, хорошо. Только не сейчас. Баба Саня с ума сойдёт...

— Как она, кстати? Давление нормализовалось?

— Лучше. Давление в порядке. Передать ей привет? — я закрываю дверцу багажника и спешу за руль: Пока, Док! Извини, не хочу её волновать зря.

— Да, привет ей, конечно. Ты заедешь, Тинатин? Или мне самому?

— Лучше я. Ну, всё, Док, пока — прощаюсь я с ними обоими уже из салона и он наклоняется к окну: Не затягивай, Тинатин. Разговор важный.

— Хорошо, Док. Завтра договоримся, я звякну.

— Обязательно, Тинатин! Позвони. Я не отстану, не забудь — кричит мне вслед Док.

Дома было беспокойно. У Дана тряслись руки, а в глазах было столько тоски и отчаяния, что я первым делом кинулась к нему. Сразу же взяла за руку: Дан, всё хорошо. Я здесь, с тобой. Успокойся, Дан.

Я обняла его, прижалась к холодному податливому телу.

А он стал ещё гибче, и руки ловчей, и спина гнётся... Почти как раньше. Я его сильно встревожила. Господи, что он тут передумал, бедный...

— Я с тобой, Дан. И никуда не уйду. Ты волновался? Тебе было плохо без меня?

— Холодно... Ты была... Где ты была, Тина?

— У Дока. Мне пришлось к нему обратиться... из-за одной девчонки. Рыжая, помнишь? Ну, та, что устроила мне драку в «Паласе». Она... заступилась за собаку, и... ей досталось немного. Я отвезла её к Доку.

Я уже давно догадалась, что Дан не может знать ничего о настоящем положении дел. Видимо, не став тем, кого из него собирались сделать, он не приобрёл никаких навыков «навья» — новообращённых покойников. Душа у него осталась человеческой, с человеческими понятиями. И она страдала. Из-за опасностей, которые меня окружали, из-за собственного бессилия.

— Дан, тебе больно? Скажи, где?

Он молча положил руку на левую сторону груди, и я погладила «больное место». (Мама, поладь!).

— Здесь? Сейчас пройдёт. Легче? Это ничего, Дан... Пройдёт. А я больше не уйду.

— Не уйдёшь? Пожалуйста, не уходи!

— Нет, не уйду, без крайней необходимости. Я ведь осторожная, ты знаешь. Я всегда буду с тобой. Успокойся, Дан, милый.

Я больше не называла его мальчиком. Не могла. Дан всегда был настоящим мужчиной. И теперь — больше, чем всегда.

— Баба Саня, ты тоже волновалась. Прости, — я её обняла, увлекая за собой к двери. — У меня там собака, раненая. Помоги занести. Меня ноги не держат...

Мы уложили пса в первом коридоре под лестницей, подстелив коврик. Он начал приходить в себя, открыл глаза. Увидел меня, и негромко тьякнул.

— Наверное, его надо покормить — сказала Баба Саня и я задумалась.

Это была проблема: мяса в доме давно не водилось. Баба Саня вегетарианка, а я в последнее время ела только овощи и рыбу.

— Молоко, — сказал Дан, и кобель перевёл на него взгляд. Заскулил, вздыбил шерсть и попятился.

— Чует мертвечину, — со спокойной холодностью произнёс Дан, и сердце у меня ухнуло в желудок льдистыми осколками. Я испугалась, что упаду, и завизжала про себя тонким, пронзительным голосом. Вздохнула, помяла пальцами гортань.

— Дан, прошу, не мучай себя. И нас тоже. Всё уже случилось. Мы не можем ничего изменить. Это уже есть. Нужно жить с тем, что есть. — Я взяла его под руку, и повела вверх: Мне нужно умыться, Дан, принять душ. Пойдём, я замёрзла.

Он встретил меня из душа возле самой двери, с махровым пледом в руках.

— Замёрзла... Тина...

— Со мной... Со мной холодно, Тина. Ты всегда замерзаешь рядом со мной — сказал мне Дан ночью, почувствовав, что я не сплю. Я легко похлопала его по руке, обнимавшей меня за талию.

— И с этим мы тоже научимся жить, Дан — успокаивающим тоном пообещала ему я: Обязательно научимся.

— Тебе жить, Тина! Я не живу. Я не знаю, зачем я. Я есть, но без меня уже можно обойтись.

— Не говори так, Дан! Особенно сейчас, когда я так вымоталась и у меня не хватает сил с тобой спорить. Но ты ведь любишь меня, Дан. Ты меня любил. По крайней мере, ты так говорил. Скажи, а сейчас... Сейчас ты меня любишь?

— Больше жизни. Назло смерти. Больше всего, что есть на свете. Я люблю тебя, Тина.

— Ну так о чём тогда говорить? Ты меня любишь, ты со мной. Твоя любовь оказалась сильнее смерти. Ты пришёл.

— И я тебе нужен такой? Неживой...

— Нужен. Какой бы ни был — нужен. Я должна тебе, Дан... Я многого тебе не сказала и многого не сделала для тебя. Я тебе многого не отдала. Миллионы людей на свете позавидовали бы мне, получившей от судьбы такой шанс. Шанс отплатить за ту любовь, которой ты меня одарил — ответила я замолчала. Усталость навалилась сразу, накрывая сплошной тягучей волной. Дан услышал это по голосу и тоже притих. Он начал быстро восстанавливать свои человеческие навыки — это становилось всё более понятно.

Он снова слушал целую ночь моё сердце, а я всё-таки уснула, хоть и боялась заорать во сне в голос, если мне приснится какое-нибудь чёртово камлание. Так и не знаю, как он воспринял тогда мои слова....

Без Бабы Сани я сошла бы с ума от своих ночных посиделок и дневных мыслей. Она умела слушать. Слушать и сочувствовать. Я достаточно рациональный человек, и, отведав не очень сладкой жизни, теперь внешне веду себя суховато, без излишних эмоциональных излиятий и заскоков. Все междометия, всхлипы, стоны и крики обычно остаются за кадром, у меня в голове. Они никого не касаются и не вызывают ничего, кроме нездорового любопытства, или, даже, злорадства.

Дан умел чувствовать то, что я в себе подавляю, Баба Саня тоже. Я рассказала всё, что видела, и она шестым чувством поняла всё, что я «проорала». Вопросов у неё было мало, по существу, и касались они только сверхъестественного.

— Славянские сатанисты — задумчиво сказала она: Они основывают свои бесчинства на мифологии древних славян. Не просто возрождают традиции старинных верований, а стараются использовать их в своих целях. Бывали и такие, это не новость. Так ты говоришь, что язык знакомый и, одновременно, не очень понятный?

— Да, похож на старославянский. Некоторые слова, по крайней мере. Я его плохо понимаю... Зачем это, Баба Саня?

— Такие вещи чаще всего делаются из корысти, как и любая другая подлость. Или из гордыни... Но преимущественно — из — за желания получить власть. Из стремления возродить Врага на свой лад и вкус. Стать создателем... Власть, да ещё такая — великое искушение. — И часто подобное бывает?

— Мне попадалось и такое... Я, ведь, филолог-славянист по образованию, поездила я по России... Много чего навиделась. Я записывала обряды, сказания, собирала старинные песни, молитвы, заговоры, а среди них немало языческих. И они нередко используются на земле, которая их породила.

— И нечистая сила тебе попадалась? — любопытствовала я, наливая чай в тонкую фарфоровую чашку из подаренной Львом Борисычем антикварной тройки: чашка с блюдцем и овальная тарелочка для пирожных. Она очень понравилась Бабе Сане, напомнив что-то похожее из ранней молодости.

— Всё было, Тиночка...

— Как ты с ними обходилась? Справлялась?

— С одной ведьмой, с колдуном могла и я справиться. Если оступившихся или перешедших грань было больше — подмогу звала.

— Как часто это случалось?

— Ну, не очень уж и часто. Зла много, но до настоящей силы не каждый доберётся... По мелочи, какую-нибудь пакость отвести — это мне удавалось. Но такой силы, как у тебя, Тина, у меня нет.

— А у меня есть? С чего ты взяла? Да я и не умею ничего, а самое главное — не понимаю...

— Я об обычной силе говорю, Тина, о человеческой. Твоё упорство, верность, мужество — это только канва. Ты можешь стать хорошим Бойцом, ничуть не слабей Дана. У женщин это реже бывает. Женщина бережёт, да отмаливает, а ты — воин. Ты можешь многое, если захочешь.

— Я ещё не знаю, хочу или нет, Баба Саня. Я хочу разобраться именно с этой сволочью, а на всю жизнь — не знаю... Беречь — мне по духу ближе. Правда, чаще-то, приходилось воевать... И пока Хорс за царька, мне хочется только громить и рушить. Я не забываю ему всего, что он сотворил.

— Имя Хорс — это тоже со старославянского. Это бог из высшего пантеона, не самый плохой, между прочим.

— Они ещё кричали Вельзевул и Асмодей, и Василиск...

— Это на всякий случай, для верности. Руку даю на отсечение, что конечная цель у них — создать русский оплот Сатаны. Какие патриоты, надо же! Прямо историческое общество, любители русской старины... Вообще, считается, что Хорс — производное, имеющее древнеегипетские, иранские и иудейские корни. Шло-шло это имя по земле, да в России и остановилось. Светлое божество с солнцем связанное, ничего слишком злодейского за ним не числилось. Что их привлекло к нему, непонятно. Самонадеянность или желание судьбу обмануть?

Он говорил, что его так мать назвала... Как он набрал столько сил, Баба Саня? Из книг? — спрашиваю я, пододвигая поближе к ней абрикосовое варенье, которое она любит, как диковинку, редкую в северных широтах. Мы варили его прошлым летом вчетвером: с Галией и её Ниной. Потом пришла Маринка...

— Не думаю, что из одних книг. Наследственное это, через несколько поколений. Таились, прятались, копили... А тут время такое, подходящее. И почему это свободу нужно сразу понимать, как свободу к чему угодно? К погружению в Зло?

Баба Саня задумалась с ложечкой в руке, а у меня начала складываться в воображении новая мозаика, страшная в своём циничном кощунстве.

— Кажется, я кое-что понимаю... Понимаю, зачем все эти ужасы. Хорсу хочется быть божеством в окружении верных соратников. По принципу: что хочу, то и делаю. Я хочу иметь власть над людьми и достигаю этого так, как мне нравится. У меня есть своя свита. Ведьмы и колдуны — это живые. Для них — шабаш. Вставшие из могил — это тоже из старых страшилок... Ленка, которая мёрзнет и хочет «к сердцу» — вампир...

— Упырь.

— Упырь, хорошо... А этот урод из болота, который рвался меня полюбить...

— Похоже на Водяного... Или Лешего. В народном фольклоре он необязательно злой — бывает, просто забавный.

— Ну, так это в фольклоре. А у Хорса он запрограммирован на зло. А Маринка — русалка, заманивающая случайных «ухажёров» в воду...

— Есть ещё вилы, злыдни, ламеи, керемети... много ещё кто или что...

— Как это у них всё получилось, всё, что хотелось, Баба Саня? С помощью Сатаны?

— Обязательно — Сатаны, но не только. Использовались и зелья, и ритуальные убийства, и заговоры. Чтобы заложный стал чудовищем, много подлости надо вложить.

— Заложный — это покойник, умерший «нечистой» смертью?

— Да, и подготовленный к ней заранее. Колдун и ведьма — первые кандидаты. А так же грешники, поддавшиеся Злу, люди, отрицающие веру, многие...

— А... Маринка — так же? Она не была злой или слишком грешной. Ну, может, излишне тщеславной и себялюбивой.

— Ты говорила, она некрещёная — раз, к сатанистам пошла — два, с собой покончила — три. Она решилась на злое дело. Ну, и опоили чем-то, ванну с травами посоветовали. Для большей красоты, или какой-то другой благовидный предлог. А состав трав — сатанинский, может быть, запрограммированный на самоубийство. Очень подходящий кандидат в заложные. После смерти её вызвали из могилы, провели обряд. И послали в реку.

— В это просто невозможно поверить. Ну невозможно, и всё...

— А мало ты видела невозможного, Тина, за последние месяц-два?

— И занималась этим вся компания. Хорс бы не успел один, — продолжаю я, думая о своём.

Маринка, всё же, совершила свой тяжкий грех: она участвовала в компании против Дана, сознательно или невольно, и оказалась причастной к его смерти. И Митрофан — тоже, гадина! Ты мне заплатишь, доктор Митрофанов! Помни, что я есть, потому что я про тебя не забываю...

Баба Саня, будто угадав мои мысли, горько вздохнула, прижав ладонь ко лбу.

— Кем-то должен был у них стать наш дорогой мальчик.

Эту тему я обсуждать не могу! И резко вскакиваю из-за стола, опрокинув стул: Никем! Он не стал у них никем! Ни-кем! Он остался собой, и никогда никем не мог быть для этого поганца и его подлой компании! Ты себя винишь, Баба Саня, за то, что он встал из могилы благодаря «пришитой» душе? Так вот: я не думаю, что это важно! Эту душу не надо было пришивать, она всегда с ним! Навеки!

Измученная моим взрывом, Баба Саня роняет носовой платочек, украдкой вынутый из кармана, и бросается меня успокаивать. Обнимает, прижимает к себе и усаживает на своё место. Потом поднимает упавший стул.

— Тиночка, ты говорила «не могла любить Дана». Не могла, или заставляла себя «не мочь»?

Я мотаю головой и залпом допиваю горячий чай из своей кружки. Сажусь прямо, медленно выдыхая воздух, ставший подобием пара. Долго молчу, прислушиваясь к тому, как успокаивается обожжённый пищевод.

Если бы кто-то сказал мне, что такое может быть, я ни за что бы, не поверила. Никогда!

Туманный, сырой день загорался за окном, и люди собирались смириться с ним, прожить его удачно, с наименьшими потерями. Зажигали свет и включали с утра телевизоры, спешили на работу, бродили по магазинам, чтобы накормить семьи, с нетерпением ждали вечера, когда можно расслабиться и отдохнуть.... А в полутёмной кухне старого губернаторского дома сидели за столом две измотанные донельзя женщины, и говорили о вещах, которых не может существовать в жизни: о ведьмах, русалках, оживших покойниках и о любви.

В чулане за дверью уже улеглось в деревянный ларь то самое «невозможное», а под лестницей беспокойно ворочался избитый до полусмерти пёс, который всё невозможное уже видел и знал.

Город упорно не хотел разглядеть очевидное. Ни у кого не было желания удивляться, интересоваться, ужасаться волной убийств и самоубийств, загадочных исчезновений людей. Даже странные происшествия, вроде набегов на окраины воющих по-волчьи собак никого не удивляли. Всем были безразличны праздношатающиеся тени на ночных кладбищах, и подозрительные силуэты, ожидающие чего-то в самых безлюдных местах парков.

Жертвами трагических происшествий, становились, за малым исключением, те, кто принадлежал к «группе риска» — алкоголики и наркоманы, проститутки, бомжи и прочая шваль. Среднестатистический обыватель, отработав положенные часы, толпой пронёсился по магазинам, и запирался под вечер у себя в квартире перед телевизором. Немногочисленная элита отвечала на тяготы жизни также, но в условиях пошкарнее. Бандиты кучковались по кабакам и «малинам». Занужённые и всюду опаздывающие, из-за вечной нехватки бензина, менты, с разным успехом отрабатывали версии клановых разборок, национальных конфликтов и бытовых драк.

«В народе» поговаривали о маньяке-убийце, но никто не мог подвести к общему знаменателю исчезновение нескольких десятков «антисоциальных лиц», и, почему-то, ночную активность кучки заурядных бизнесменов, недавно аккредитованных в местном банке, со скромными фирмами различных бытовых услуг. Слухи ходили из дома в дом, от улицы к улице, но ничего конкретного никто не знал. Те немногие, кто знали или догадывались, молчали. Во-первых, кто поверит, а во-вторых, молчать заставляли, и каждого — по-своему. Моей гарантией молчания был Дан. Мы жили тихо. Баба Саня ожидала писем из заветного монастыря. Я набирала сил, и «подтягивала» нервы.

Высшее начальство молчало, и в нашей запертой церкви не появился новый священник, взамен изгнанного отца Павла. О сатанистах не говорили, центральную церковь и мечеть посещало обычное число верующих, а самой главной заботой населения стали теперь сады и огороды.

Дан стал чаще задумываться. Однажды я застала его перед зеркалом, но он уклонился от прямого ответа. Я внимательнее присмотрелась к нему... Он изменялся. Кожа лица медленно, и, почти незаметно, но желтела и подсыхала. Резче обозначились скулы, а тени под глазами стали гуще. Несмотря на все мои старания, он изменялся... Я не стала об этом говорить ни с ним, ни с Бабой Саней. Зачем? Я уже всё приняла, как есть. Что будет, то и будет. Я приложу все силы, чтобы затянуть его увядание на как можно более долгий срок, и

стану искать новые средства. А что, кроме новой седины в волосах, даст такое открытие Бабе Сане? И чем мне успокоить Дана? Он всё знает обо мне и просто не поверит, если я скажу, что он выглядит по-старому.

Пришёл долгожданный ответ, и Баба Саня, нетерпеливо разорвав конверт, развернула несколько листов, исписанных мелким почерком. Жадно забегала глазами по строчкам, откладывая прочитанное. Прочла, и вновь взялась за первый лист, уже медленнее. Я не спрашивала, я уже знала, о чём письмо. Не конкретно, конечно, а, основную суть — то, что меня волновало.

Я не могу ждать! И Дан не может. И беззащитный перед такой напастью город тоже не может ждать. С его работягами, стариками, начинающими вылезать из душных домов в прогретые скверы, с влюблёнными, для которых «темнота — друг молодёжи», с его детьми... И Хорс не может и не будет меня ждать. И Митрофан... Он «отработает» своё, и превратится в какого-нибудь неузнаваемого монстра, а моих тщательно сберегаемых сил просто не хватит на поиски...

— Тина, мы должны подготовиться. Пройти очищение, прослушать краткий курс наставлений и рекомендаций — начала разговор Баба Саня, покончив с чтением.

— А они сами? Они же могут приехать и помочь разогнать всю эту нечисть.

— Могут, и обязательно приедут. Даже если это будет стоить больших жертв... — она отложила письмо и села, выпрямившись в кресле: Тина, девочка моя! Меня попросили сберечь тебя любой ценой. Алексо — очень могущественное оружие, и он поддерживает тебя. Только тебя, на сегодняшний день. Ты должна выжить.

— Так это и есть Дар? Я — Боец? Они подтвердили?

— Дар уже есть... Алексо отличает Дар, и сам выбирает Бойца и Защитника. Он тебя выбрал.

— Баба Саня, а он отличает тебя?

— Не с такой силой. Мне он может быть только защитой. С тобой он — оружие.

— Тогда почему нужно ждать? И сколько ждать?

— Скоро наступит май. Первая майская ночь считается у нечестивцев всего мира самой благоприятной для их грязных дел... — она умолкла, подбирая нужные слова.

— А это не так?

— Ну, не совсем. Не одна она, по крайней мере.

— Я тебя перебила, прости — терпеливо признаюсь я: Продолжай, пожалуйста. Что дальше?

— В эту майскую ночь у Братии есть противостояние. Очень серьёзное... Речь идёт о покушении на государство... на светскую и церковную власть.

— У нас, в России?

— Этого мне не сообщили. Да и зачем? Это ведь, не имеет значения — где? Главное — это нужно предотвратить. Это дело людей, а не Сатаны... Они там справятся, я уверена. Но мы должны подождать.

— Я не могу ждать, Баба Саня! Это теперь мой город. Здесь живут близкие мне люди: друзья, знакомые, их семьи и дети.

— Они приедут обязательно, Тина! Это их долг, и они его всегда выполняют. Но настоящих Бойцов немного. Их становится всё меньше, к несчастью. В Братии несколько новых потерь... Сюда был выслан Дан...

— И они надеялись в такой ситуации только на одного Дана?

— Дан — самородок. Он прямой потомок Алексия, и мог сражаться по наитию, без подготовки. Вместе с Алексо им не было равных. Дан был Защитник. Искоренять Зло — его Дар. Он должен был разобраться здесь, что к чему и рассчитать силы. Он просто не успел...

— В Чечне он тоже был Защитником? Искоренял чеченское Зло?

— Почему же чеченское? У Зла нет национальности, как у самого Врага. Оно ходит по всему свету, и ищет благоприятную почву для себя. Туда, где война, оно стремится в первую очередь. Кто угодно может привнести Зло на землю, израненную взрывами и политую кровью. А оно-то уж отыщет для себя чёрные души. Или заблудшие, способные поддаться искушению. Война многих выбивает из колеи...

— Он был там ранен. И Алексо получил повреждения. Это было Зло, Баба Саня?

— Зло. Это было Зло. Дан уничтожил самого страшного противника Братии за последние пятьдесят лет. Это чудовище натворило столько...

— Это был не человек?

— Человек. Старик, седой и сгорбленный. По виду — развалина.

— Ты, что, его видела? Ты тоже была там?

— Я его видела ещё в свои молодые годы, давно... Он и тогда был старик... Я не знаю всего, Тина. И не хочу вспоминать даже того, что знаю. Его больше нет. Память о нём проклята, а его последователи по всему свету — теперь просто пародия на былую силу.

— Хорс его последователь? Дан из-за этого попал в город?

— Хорс возвысился в своём тёмном ремесле случайно — такое бывает. Особенно, если наследственность подходящая... А Дана специально послали долечиваться сюда, потому узнали, что здесь стало нечисто.

— Кто же это узнал? И не слишком ли просто решаются вопросы о переводе военнослужащего туда, куда ему нужно?

— Везде есть верные люди, Тина. Они умеют выполнять свой долг.

Мне почему-то, вспомнился отец Павел, попавший в немилость из-за Маринкиной смерти. Я плохо его знала, но видела часто. Невысокий, спокойный, выдержанный и задумчивый, в очках, которые он иногда снимал, прогуливаясь с дочерьми по скверу в Новом городе... Он был примерно моего возраста и вполне органично смотрелся как в рясе, так и в простых джинсах. Даже — спортивно, я бы сказала... Интересно, он знал, что творится рядом с ним? Почему я думаю, что знал? И почему меня не покидает мысль, что он может иметь отношение к Братии? Я не видела его рядом с приехавшими Целителями, но на похоронах он, кажется, был. И был очень расстроенным.

— И здесь связи... Да, земля круглая.

— Все люди — люди, ты сама так часто говоришь, милая. И о тебе теперь уже знают там, где надо, и молятся за тебя. И ты о многом получишь точные сведения, если примешь миссию.

— Миссию? Это что — навсегда? Жить по определённом уставу, выполнять предписания, отчитываться?

— Нет, конечно, девочка, нет! Разве Дан был похож на подотчётного? У тебя будет обычная жизнь — своя собственная, и всё остальное, как тебе угодно. Твой духовный брат, которого ты выберешь, станет молиться за тебя и поддерживать. Он — твой Брат перед Братией и Богом, и ты можешь никогда не увидеться ни с кем, кроме него. Он скажет тебе о том, где ты нужна, или ты ему сообщишь о своих проблемах, касающихся миссии. Ты можешь отказаться в любой момент, или обойтись одним единственным боем. Ты всё равно

для него родная, навсегда.

Братия ценит выше себя каждого Бойца и Защитника, и даёт ему Брата только для того, чтобы сберечь. Человек, способный вынести настолько тяжёлый бой — драгоценность, своим подвигом он делает мир лучше, а окружающих — чище. Ты понимаешь меня, девочка?

— Да... Баба Саня, а ты Боец?

— Я — Опора, Тина, а Боец — по мере сил, очень посредственный. Раньше была сильней, теперь ослабела, после стольких потерь. А у тебя всё наоборот, Тина. Ты от потерь только мужаешь. И не боишься... Даже опытные Бойцы боятся, Тина, и перебарывают себя. А ты не боишься...

— Я тоже перебарываю... Если не боюсь — значит, ума маловато... Баба Саня, главное, что мной движет в данный момент — желание мести. Поэтому я и не боюсь. Почти. Это же грех — месть. Как на это смотрит Братия?

— Для определения греха есть церковь, Бог. Братия — для страшнейшего из грехов — Зла. Я произвела над Даном обряд, и моему Брату даже не пришло в голову, что он может меня судить. Он только попросил разрешения отмаливать это перед Богом, если я сама считаю, что согрешила..

— И кто будет мой Брат? Когда я его увижу?

— Ты выберешь сама. Но за тебя уже кладёт поклоны отец Андрей. Он был Братом Дана. Если ты согласишься на его целительство — это будет честь для него. Он так сказал.

— Как он может считать честью молиться за незнакомого человека? Он меня совсем не знает.

— Он судит по делам. Я писала о тебе. И с Даном они тоже это обсуждали, я не сомневаюсь. Я только не знаю, что они решили конкретно.

— Всё равно нам надо увидеться, узнать друг друга.

— Он тебя видел, Тина. Он отпевал Дана.

— Старший из них? — Я вспоминаю печальные глаза, морщины на тёмном, узком лице, густую седину в смоляных волосах и бороде, худые, костлявые пальцы благословляющей руки. Мягкое невесомое прикосновение к моему плечу во время прощания... Брат...

— Да это мне честь, а не ему. Благородный, почтенный человек, вдвое старше.

— Ему только сорок три, Тина. Дан у него был четвёртым. Три бойца, один Защитник... Это тяжкое бремя.

— Я согласна, Баба Саня, напиши ему об этом. Только напиши, что это для меня — честь. Так и напиши: честь и надежда. И ещё я очень хочу с ним повидаться. Это возможно?

— Да, но не сейчас. Они приедут, и у нас будет поддержка.

— Я не могу ждать, Баба Саня, я уже сказала... Честное слово: я не могу! Я не буду ждать... Вспоминай все обряды и наставления, которые производились с тобой, и Даном, и начинай, прямо сегодня. То, чего я не узнаю, само придёт, по необходимости.

— Что ты городишь, девочка! Само придёт! Люди годами учатся, а готовятся — месяцами... Я не имею ни сана, ни права тебя готовить.

— Представление имеешь — и достаточно. Не было бы этого — я всё равно бы пошла! И без Алексо — тоже. Так что не спорь, Баба Саня. Делай, что умеешь, учи тому, что знаешь пиши обо всём... Но ждать я не буду.

Возражений и уговоров я слушать не стала, и Баба Саня уступила. Не скажу, что я всё схватывала на лету, но я очень старалась. Тексты мне давались сравнительно легко, некоторые правила — тоже, остальное — посложнее. Особенно тяжело было с отрешением

от суеты и самоуглублением, но за это я не беспокоилась: я человек момента. Когда придёт настоящая необходимость, я забуду даже своё имя. Главным станет только цель. Я так умею. Я знаю, что — месть это блюдо, которое надо подавать холодным... Но моя миссия не может быть мезтью. Она — возмездие.

Глава 25

Баба Саня ревниво наблюдала за моими банно-спортивными оздоровительными мероприятиями, но против ничего не имела. Массаж и прочих процедур от Дока она тоже не отменяла. Док относился к моему рвению и послушанию с некоторой подозрительностью, хотя и был доволен. На Зойку он не жаловался. Она вела себя тихо, и старательно выполняла работу, которую ей доверяли. Я находила для неё десятков-другой минут, и она всегда дожидалась их с ангельским терпением.

— Тина! А я тебя жду. У Дока больной, а я знала, что ты подъедешь... Хочешь чаю?

— Давай, сегодня сыро. Продрогла... Ну, как ты, обживаешься?

— Да... И не тяжело нисколько, хотя, бывает, передохнуть некогда. Зато и раздумывать тоже времени нет.

— Ну, это ты зря. Думать никогда не помешает.

Мы поднимаемся в дежурку на втором этаже — здесь у Дока кабинет и крошечный чуланчик, где Зойка спит и переодевается. В комнату, длинную и узкую, вошли только кушетка, типовой больничной шкафчик и тумбочка между постелью и стеной.

— Так мысли-то какие, Тина! Одни ужасики... Ты с чем будешь? У меня варенье малиновое есть, хочешь?

— Откуда такая роскошь? Больные угощают? — Нет... то есть угощают, но не меня, Дока. А он нас подкармливает, — сестёр, нянечек.

— Ты сдружилась с ними? Много не надо... Мне много малины нельзя. Она пот гонит, а я тогда мёрзну.

— Нет, просто сработалась. — Зойка садится рядом со мной, и вздыхает. — Боюсь я! Всех боюсь. Только Доку верю, от остальных шарахаюсь. Тина, ты их различаешь? Ну... этих?

— Да, начинаю различать... А что, у тебя подозрения?

— Нет, определённого ничего нет. Только ночью кажется: то в окно стучат, то в дверь скребутся. Как вскочу посреди ночи, хоть волком вой... Знаю, Док рядом, через комнату, а всё равно страшно.

— Окошечко тут небольшое, не пролезет никто, а дверь на ключ закрывай.

— Это человек не пролезет. А какая-нибудь тварь... Я тут всё посвятила, каждый угол. Как ты думаешь, это хоть немножко помогает?

Она сидела рядом, и смотрела на меня карими глазами бродячего щенка, ищущего хозяина. Обыкновенная испуганная девчонка, совершенно не похожая на шлюху, с волосами, собранными в тёмно-русый хвостик, рыжий уже только на самом конце. В моих джинсах и голубом джемпере, под пёстрым тёплым халатом, в котором санитарки выходят на улицу из корпуса. В меру хорошенькая, в меру неглупая и перепуганная на много лет вперёд. Я вспомнила Маринку, которая иногда тоже могла так посмотреть... Успела она испугаться или нет?

— Как это «посвятила»?

— Ходила с молитвой по всем углам, и крестила их горящей свечкой, а потом сама перекрещивалась. Так моя бабка делала дома, когда живая была. Это помогает, Тина? Как ты думаешь?

— Не знаю... Наверное. А где ты свечку взяла?

— Док принёс, я попросила. И молитвенник, и икону. А свечек — десятка два. Как проснусь — зажигаю и сажу. Молюсь.

— Это хорошо, молись... Да, я же тебе вещи привезла, и еду, в машине забыла.

— Ой, Тина! Ты меня задарила совсем. Так неудобно...

— Чего неудобного? У тебя же нет ничего. Вместе пойдём, или одна сбегает? Светло ещё.

— Сбегает. Конечно, сбегает. Ещё не стемнело...

— Ну, вот тебе ключ. На пассажирском сиденье два пакета, осторожней носи: там, в большом, — рыба и блинчики, не рассыпь.

Она, с готовностью, хлопнув дверью, побежала из каморки, и мне это понравилось. Несмотря на страх, здравый смысл и храбрость у неё есть, да и желание действовать не пропало. Я вынула Алексо, и запечатала в её комнатке окно, дверь, стены. Вышла в дежурку, и там сделала то же самое, прошла в кабинет Дока, и повторила всё снова, потом прошла коридор до люка на чердак, и назад, до самой лестницы.

Я уже разбиралась в разученных молитвах, и прочитала охранную обители и обитателям, после них — укрепляющую святой дух... В процедурном кабинете слышался шум и в него я не стала заходить, в операционную — тоже, только наложила печать на двери. Вход на станцию переливания крови был уже заперт: рабочий день закончился. Окна можно защитить снаружи, а дверь запечатаю... Здесь, конечно, нужны регулярные меры: кто только не бывает за день...

На ум пришли слова пограничной, но её нельзя произносить вслух без веской причины. В уме она всё время есть, но тут уж ничего не поделаешь. Про себя можно, вслух — нельзя. Я успела дойти до вестибюля, и встретила Зойку.

— Тина, ты решила встретить? Не стоило беспокоиться... Спасибо.

Боялась всё-таки. Боялась, но пошла. Правильно говорят, что за двух небитых одного битого дают. Я бы троих не пожалела.

— Я тоже тебе тут всё «посвятила», по-своему.

Теперь мне тебя жалко, девочка! Жалко, потому, что ты мне понадобишься. Вдвоём с Бабой Саней мы не потянем эту чёртову репку, даже с Даном. Три женщины — это всего три женщины, но ведь, не две.

— Тина, ну что ты... Я же просила тебя не тратиться.

Ей приятно, что новая куртка выбрана с заботой и тщательностью, но, в самом деле, неудобно.

— Надень, хорошо? Угадала, всё в самый раз. Там ещё сапожки, прикинь.

— Тина! Я с тобой не расплачусь.

— А мне и не надо. Это мне в радость. Знаешь, Зойка, если бы я была миллионером, то покупала бы сапожки каждой женщине... — не удерживаюсь я от комментария.

— Каждой? А почему сапожки? Не пальто, не платье, а именно сапожки?

— Не знаю. Пунктик такой. Как увижу на женских ногах потрёпанную обувь — весь белый свет ненавижу. За что?

Зойка задумчиво смотрит мне в лицо, а я начинаю с опозданием ругать себя за дурь и сантименты вслух. Она смущается, снова ставит чайник на плитку в углу.

— Ты бы тогда не была миллионером, Тина. Ты бы разорилась на сапожках... Ой, здесь ещё кофе, пиво... Тина, зачем?

— Кофе Доку будешь заваривать — это его любимый. Варить здесь некогда, да и

неудобно, а заваривать — это самый подходящий сорт. Пиво тоже ему. Может, ты захочешь...

— Не захочу! Добра-то.

Это правда, и Док подтвердил: спиртного Зойка не любит. При такой профессии, да ещё при матери-алкоголичке, она терпеть не может горячительных напитков, и всегда страдала с похмелья, когда приходилось «по долгу службы» пить, а то и перепивать.

— Нет — так нет, Доку больше останется. Зато шоколад тебе, и фрукты тоже. Ешь, поправляйся. А то ты выглядишь ещё хуже, чем я, задёрганная вся.

— Ещё бы не хуже. Мне до тебя, как до Китая... ползком.

— Ага, какие-нибудь лет пять — десять... Нашла образец. Правда, что Китай...

— Тина, ты не спорь! Ты не понимаешь... Если бы ты себя видела там! Я за всю свою жизнь никого красивее не видела. Не успеваю за машиной, бегу, бегу. Думаю: вдруг там такое же сидит... А там ты... аж глаза слепит, вся белая, волосы растрепались, глаза такие... и лицо... и светишься вся! Прямо — смотреть больно. Как звезда!

— Да, звезда... Афина Воительница... Болтаешь ты много, Зойка, вот что. Глупости городишь. Не люблю я этого.

— А что ты вообще любишь, самодержица? Командуй у себя в Изумруде на здоровье, а мне нечего тут кадры распугивать! Девчонка к ней со всем восхищением...

Док пытался шутить, но его голос выдавал такую усталость, что «рухнуть» захотелось мне.

— Выглядишь ты совсем паршивенько, Айболит. Глаза красные, голос как наждачкой пошкурили. Что, так тяжело? Устал?

— Как папа Карло... Этот город сбесился! Все бьются, режутся, колются и стреляются. Я уже сто лет не видел простого фурункула на заднице или какого-нибудь вульгарного перелома пальцев после соседской драчки. Сплошные раны — резаные, рваные, рвано-разможженные, вырванные.

— Брось всё, и отоспись. Найди себе подмену.

— А левых куда? Митрофану?

При этом имени, ежедневно лелеемом моей ненавистью, я незаметно, как мне кажется, передёргиваюсь.

— А у тебя как дела, Тинатин? На вид ты чуть получше.

— Получше, получше, и не «чуть»! Ничего не болит, сплю нормально, ем регулярно. Пульс дать послушать?

— А нервы как? Дёргаешься чего?

— Это не нервы. Это Митрофан. — Врать не имеет смысла, тем более, Доку.

— Не любишь Митрофана?

— Слабо сказано... Гемоглобин, кстати, почти девяносто. Это хорошо? — отвлекаю я Дока от опасной темы.

— Для тебя — ничего. Но можно больше... Ну, ладно, иди пока к сестре, на массаж, а я скоро освобожусь. У меня там коммерсант один, от наркоза отходит. Зашпопал, собрал — теперь забирать будут.

Коммерсант мне не понравился, а Алексо потеплел, когда я столкнулась с тележкой возле процедурной. Здоровые, красномордые верзилы, осуществляющие вывоз тела, были свои, зареченские. Больной хозяин — незнакомый, с жирным подбородком и рыбьими глазами, посмотрел на меня, и собрался падать в обморок.

Залётный чужак. Новообращённый, но пока не подложный. Это впереди. Где же их так обрабатывают? Ой, как нам не нравится, как нам плохо...

Шестёрки засуетились, Док поднёс к носу больного нашатырь, но я остановила его жестом: Ему станет лучше на свежем воздухе. Пошли, Док, я спешу.

Верзилы наградили меня взглядами без проблеска симпатии, но промолчали. Док засмеялся, и склонился в картинном поклоне: Царица — что я говорил! Только слушать дуракам некогда. Прошу вас, ваше величество! — и распахнул дверь процедуры, оставив троицу выбираться на воздух.

За закрытой дверью я всё-таки не удержалась: Не бери его больше, Док! Пусть везут к Митрофану.

— Что, этот тоже не нравится? Интересно, чем?

— Не нравится, да и всё. И не спрашивай. Раз сказала, не бери, значит, не бери. Понятно?

— Понятно. Ох, Тинатин, суровая же ты, матушка! Интересно, кем ты была в предыдущем рождении? Екатериной II или Елизаветой Английской?

— Никем. Я православная. И ты, Док, тоже не индуист. Или перековаться решил?

— Нет, тоже православный, сама знаешь. Чего спрашиваешь?

— Крестик носишь?

— Раньше носил, ты же видела. Теперь, бывает, забываю надевать.

— Носи всегда. Я тебе свой подарю, коллекционный. Помнишь, серебряный, новгородский.

— Помню. А что ты всё время командуешь, Тинатин? Если бы я раскомандовался, куда бы ты меня, интересно, послала?

— Никуда бы я тебя не послала, Док, если бы это на пользу шло.

— А, на пользу?

— Да, пригодится. Делай, как прошу, Док, пожалуйста.

— Вот только не проси, Тинатин! Тебе это не идёт! Лучше — командуй. Это я так, пококетничал, что недоволен. Командуй, государыня. А теперь не изволите ли Вы обрушить свою милость на эту кушетку, матушка государыня? Будем ваши жизненные ресурсы обогащать...

Док тоже изменился. Вернее, очень заметно изменил своей «политике невмешательства во внутренние дела». Он стал бояться за меня после похорон, стараться уберечь. Это плохо. На сердце теплее, конечно, слов нет, но расслабляет. Мне нельзя расслабляться.

— Как наш пациент с хвостом? Не кусается? — поинтересовался он, взбалтывая бутылочку с приготовленным физраствором.

— Оживает. Двигается ещё плохо, но стал съедать всё, что даём. «На двор» с трудом, но сам ковыляет. Мы зовём его Рексом.

— Гладить себя даёт? Так... Лежи спокойно. Включаю. Не щиплет?

— Нет, нормально... Когда как. Сегодня погладила, когда ел. Ничего, вышло... Сначала вздрогнул, а потом успокоился. Любит, когда я ему лапы поглаживаю. Наверно, чешется. Если во сне поглаживаю, аж вытягивается весь.

— Совсем как я... Я тоже люблю, когда ты мне лапы поглаживаешь. Надо ещё во сне попробовать. Не напрягайся, это не больно. Пошло тепло?

— Размечтался — ворчливо заявляю я ему в ответ: Надо ещё тебя спать уложить, для начала. По-человечески, а не три раза в день по полчаса...

Мы распрощались до завтра, и я уехала. А ночью Док явился сам, уже под утро. Мы лежали в постели, и я успела подремать часа три. Мне снились непролазные сугробы вдоль дороги. Я продиралась по ним, окоченевшая до самых костей, и всё время думала, как хорошо, наверное, идти по дороге — ровно и гладко. Но на дорогу нельзя, там Дану будет опасно. Лучше помёрзну я, — не барыня...

А он стоял рядом, живой, но очень грустный, с непролитыми слезами в глазах, и шептал голосом Бабы Сани: Тина, Тиночка, проснись! Стучат. И Рекс лает. Мне открыть?

Я включила свет и кое-как натянула халат прямо на костюм.

— Я сама. Не волнуйся, Баба Саня, это кто-то свой: Алексо молчит. Я сама открою Дан, пожалуйста, оставайся здесь. Баба Саня посидит с тобой.

Док вихрем ворвался в холл, схватил меня за руку горячей ладонью, и потащил за собой наверх.

— В гостиную, Док. Или на кухню. Да не топай, как слон, Бабу Саню напугаешь...

Мы зашли в гостиную, я села на диван, подобрал ноги.

— Что с тобой, Док. Ты сдурел, что ли? Вламываешься посреди ночи... Садись в кресло. Разденься, я чайник поставлю. Кофе? Или поешь?

Я поискала в кармане сигареты. Док поднёс зажигалку, пальцы у него дрожали.

— Тинатин, что происходит? Я думаю... да нет, я знаю, что ты можешь кое-что объяснить. Теперь я уверен, что и ты к этому имеешь отношение.

— К чему я имею отношение, Док? Что ты имеешь в виду?

— Тина, перестань! Ну, пожалуйста, перестань! Ты знаешь, что я имею в виду. Все эти дикие смерти и ненормальных больных! Намёки Митрофана и анонимные телефонные звонки. Уродов, шастающих по кустам... Вещие кошмары и оживающие коматозники! Я имею в виду ВСЁ! Я днями не живу дома, а своих отправил в Загорск, к Светкиному дяде, и их сам отвёз к поезду, специально. Я за них боялся. Как ты думаешь, почему?

— Почему, Док? Скажи мне.

Лицо у него почти спокойное. Молодец, Док. Хороший бы был Боец. Но он врач от Бога, а это гораздо важнее. Он — Целитель.

— Хорошо, скажу, если ты хочешь. Но ты и так всё знаешь. Потому, что у нас здесь нечисто! В датском королевстве играют большой шабаш!

— Почему ты решил, что нечисто?

— Тинати-и-и-и-н! Ну хватит! Ради Бога, прекрати! Моё профессиональное терпение тоже имеет пределы. А человеческое — давно в глубоком обмороке! Не надо меня оберегать, Тина! Говори, как есть, всё, что знаешь. Я вполне могу справиться с любой информацией.

Да, он может. Я его чувствую больше чем всех остальных близких: он умён, с хорошей интуицией и реакцией. Он умеет управлять своими эмоциями, но не сухарь. Он надёжный, проверенный друг... Он мне давно ближе брата.

— Чего ты молчишь, Тинатин? Мне начать? Помнишь, я тебе говорил, что работал за границей?

— Да, помню... В бывших соцстранах. Как мой дядя Костя. Он бывал на Кубе, в Монголии, в Китае... строил. А ты лечил.

— Я работал в Африке, Тинатин. В глухих деревушках, где даже слово «город» неизвестно. Да и города там чуть побольше да почище деревень, но разницы мало. Я еле выбрался оттуда, Тинатин! Ушёл через пустыню, прервав контракт. Меня потом никуда брать не хотели за то, что я родину скопрометировал. Пять лет разбирались, а я почти всё

это время беспробудно пил. Знаешь, почему, Тинатин?

Я обожглась о чайник, достала прихватку... Повернулась к Доку: Догадываюсь. Но ты всё равно скажи.

— Мне не понравились некоторые национальные обычаи и обряды. Я не захотел поднимать умирающих, с помощью того, что не имеет отношения к медицине. Я всё это уже видел, Тинатин. Только лица были чёрные, и язык чужой. Говори, Тинатин!

Я выбросила потухшую сигарету, начала новую, и стала рассказывать. Всё. О Дане с его крестом, о Хорсе с чёрной вазой, о непристойной кассете, об аварии, о молитвах, которые выучила, о своих подозрениях и догадках, о Митрофане. Когда я дошла до возвращения Дана, он не шелохнулся, только заметно сцепил зубы. Я продолжала уже о переливании крови, о том, какой Дан холодный. Док это тоже стерпел, и не сказал ничего. Он единственный из моих друзей, кто не охает и не сочувствует вслух. Если не может помочь делом — молчит, и я знаю, что он умеет прикинуть мои возможности трезвее, чем я сама.

Я рассказала о приезде Бабы Сани, чуть-чуть о Братии, о моём непонятном Даре. До рассвета оставалось совсем немного, и я прервалась, чтобы отвести Дана в чулан. Док шёл за мной, и молчал. Он не стал проверять у Дана пульс или ещё что-то в этом роде... Встретился с ним взглядом, кивнул, не отводя глаз. Я сделала успокаивающий жест рукой Бабе Сане и Док вернулся за мной на кухню. Я разлила чай, пододвинула к нему капустный пирог. Досказала всё до конца, про кирзавод, про Зойку.

— Я запечатала тебе весь верхний этаж, до вестибюля. Никто не сможет туда зайти, мёртвый. А живому, подготовленному к обращению или полуобращённому, станет так тошно, что он сбежит, не поднявшись до первого пролёта. Поплохеет, даже если он слегка, но осознанно, прикоснулся к этой... ко всей этой мерзости. И что же случилось, Док? Кто пытался добраться до тебя этой ночью?

— Добираться не пытались... Просто тот коммерсант, которого ты забраквала, вдруг взял и пришёл своим ходом, несмотря на раздробленный таз. Встал у двери, и попросил у Зойки вынести ему водички.

— И она вышла? — задохнулась я: Что с ней, Док?

— Ничего, успокойся. С ней всё в порядке. Но снотворное, конечно, вкатить пришлось. Сейчас она спит.

— Это она тебе сказала про меня?

— Примерно... Ничего конкретного, просто звала по имени, обещала не подвести.

— И ты сложил один плюс один.

Док тяжело вздохнул, взялся за чашку.

— Я очень надеялся, что тебя это не коснётся. Хотя, конечно, догадывался, что ты-то как раз в первых рядах и окажешься... Что ты собираешься делать, Тинатин? Насколько я тебя знаю, ты всегда всё делаешь сама.

— Здесь не Африка, Док, бежать мне некуда. Конечно, я готовлюсь... Но тебе-то это зачем, Док? Ты можешь уехать. У тебя есть жена, сын.

— Это мы даже не будем обсуждать, Тинатин. Ты тоже «у меня есть», и не говори ничего бесполезного. Раз так, значит, так тому и быть. Вдвоём — веселее. Или со мной нельзя ходить в разведку?

— С тобой можно отправиться даже в адское пекло, Док. Только почему вдвоём? Баба Саня тоже не отступится.

— Тогда вчетвером. А это уже компания.

— Нет, Дан не сможет!

— Дан сможет, Тинатин. И ты его не отговоришь. Ради тебя он сможет абсолютно всё, и я всегда это знал. И он нам слишком нужен. По невероятно счастливой случайности, у меня уже был такой союзник... Вернее, союзница. Поверь, она стоила целого десятка жив... простых смертных. А то и сотни.

— Но для него это слишком опасно.

— Самое опасное и невыносимое для него — это вред, который могут нанести тебе. Запомни это, Тинатин! И не отговаривай его, лучше положишься на его знания и опыт. А теперь поцелуй меня и отправляйся спать. Копи силы, царица. Они тебе понадобятся.

— Оставайся, Док. Хоть выспишься по-людски. Я тебе в гостиной постелю.

— А Зойка там одна останется? Нет, поеду. Ложись сразу, Тинатин. Я к вечеру подскочу.

— Осторожнее, Док, пожалуйста! Осматривайся постоянно, не влипни никуда! Прошу тебя, берегись...

Днём ко мне заявила Серафима Антоновна, тётя Сима, из моих так называемых родственников, в сопровождении Валюшки. Уж не знаю, кем они мне приходились по седьмого киселя семейному списку, но эту здоровенную дылду лет двадцати восьми, «тётя Сима» упорно называла моей сестрой. Седьмая сестра по двоюродному плетню, как сплетничали у нас в Бытсервисе, всё никак не могла закончить свой заочный институт пищевой промышленности, и выйти замуж. Брачное свидетельство стало бы для неё вполне законным дипломом, отражающим отличное знание единственно любимого предмета, но папа с мамой считают «донечку» невинным и неопытным подснежником. Наверное, поэтому она щеголяет в платьях на полметра выше колена, и носит пушистый каштановый хвостик на голове.

Лицами и тётка и племянница похожи на лис: остренькие носики, вытянутые ото лба вперёд, быстрые, тёмные глаза, маленькие подбородки, узкие, беспрестанно облизывающиеся рты. Валюшка, кстати, совсем ничего, только слишком усердно запудривает веснушки. Тётя Сима рыхлая, тоже с рыжинкой, но пошустрее, особенно если есть, чем поживиться.

— Ой, Тиночка! А ты не одна... А мы думаем, дай зайдём, раз уж по пути... Что же, ты нас познакомишь?

— Это моя бабушка — не слишком приветливо заявляю я в её хитрый, бегающий по окружающему пространству, взгляд: Она у меня живёт. Её зовут Александра Гавриловна. Чего вы хотели? — Ой, Тина! Шутница. Откуда же бабушка...

Быстрый встревожено-пытливый взгляд: Родственницу отыскала, Тина? Дальняя? А мы-то здесь, рядышком... Родня — это хорошо.

Тётя Сима никак не расстанется с мечтами насчёт наследства, которое светит в случае моей внезапной кончины. Знай она, насколько это теперь вероятно — ночевала бы в моём подъезде.

— Это бабушка Дана.

— Ах, этого молодого человека... — лицо у тёти Симы становится скорбно-озабоченным, а голос сочувственным. — Мои соболезнования, дорогая! Нелепая, ужасная смерть. Такой молодой, такой красивый юноша...

Баба Саня на «дорогую» не реагирует, сухо кивает, и направляется на кухню к Галие. Тётя Сима, сообразив, что на консолидацию с ней надеяться нечего, пытается пробить брешь в наших рядах, и со скоростью пулемёта частит ей в спину: Жалко, очень жалко. Геройски защитил тебя от пули Тиночка, заслонил собой... Такой благородный парень, не пожалел ради любви своей молодой, цветущей жизни. Ведь совсем мальчик...

— Серафима Антоновна, что вам нужно? Мне некогда, я спешу.

— Какая ты, Тина... Нехорошо так. Ведь не чужие. Держишь у двери, даже чая не предложила.

Валюшка переминается с ноги на ногу, разглядывая прихожую, и сжимает губы, когда тетя Сима подносит к лицу носовой платочек.

— Вы так много взяли у меня «на чай» после смерти моего дяди, Серафима Антоновна, что я до сих пор пью его через раз.

— Ну что ты говоришь, Тина, как можно... среди своих. Ты ведь получила эту квартиру.

А у нас на четверых — трёхкомнатная, всего не хватает. У Валюшки, вот, брат женился, им так тесно... И что ты меня всё по имени-отчеству. Как чужая...

От обиды и волнения она начинает поскуливать, и Рекс отзывается снизу.

— Валюшкиному братцу купили дом в Заречье, а у ваших сыновей тоже есть квартиры, насколько я знаю. Всем хватило, Серафима Антоновна, и перестаньте ныть. Не вам ныть — не мне слушать.

— Купили, купили... Там работы — на тысячи! Ванечка сам заработал, а Виктор ссуду взял. А нас много... Тебе хорошо говорить, Тина, ты одна. Как сыр в масле катаешься.

— Я не одна.

— С этой старухой, что ли? — понизив голос усмехается тётя Сима: Да ладно, Тиночка, не смейся. Она тебе чужая...

Мне в голову вдруг приходит шальная мысль предъявить «родственницам» всех обитателей нашей квартиры. Конечно, я этого не сделаю, но как бы было здорово! Я не увидела бы их после этого лет десять.

Рекс, неуклюже переставляя ноги, наконец, одолел лестничный пролёт, и начинает подниматься по последним ступенькам. Тётя Сима замечает его в приоткрытую дверь.

— Ой, Тина, убери! Я с детства собак боюсь. А страшный-то какой... Господи! Настоящее чудовище. Оборотень какой-то.

Оборотней ты не видела, тётушка. А хорошо бы... Чтобы носа из дома не высовывала. Валюшка тоже волнуется. Забивается в угол, и низко, по-бабьи, охает.

— Спокойно, Рекс.

Я помогаю собаке подняться, и запускаю в коридор: Иди, Рекс. Иди на кухню. Найди Бабу Саню, она тебя покормит. Ты хороший, Рекс, хороший.

Рекс лижет меня в нос, и любовно, по-человечески, заглядывает в глаза, прежде чем неторопливо отправиться дальше.

— Так, мне пора, Серафима Антоновна. Если у вас всё...

— Стерва ты, Тинка! — просыпается вдруг Валюшка. — Сама не гам и другому не дам! Собаку приветила, а нам — шиш! С жиру тут пухнешь, а мы перебиваемся...

— А ты, Валя, с чего пухнешь? С голода? Платьце-то, смотри, лопается.

— Сука жадная! Ничего, подожди! Отольётся тебе... — зло выкрикивает Валюшка, а тётя Сима хватается её за локоть.

— Тина! Валюшка! Стыдно вам! Слова-то какие, девочки! Как не совестно, при тётке! Не затем шли... Тиночка, ты не обижайся. Она молодая ещё, горячая. Это она с горя... Горе у нас. Дядя Вадик болеет, плохой совсем. Ты бы пришла, повидалась. Он тебе не чужой.

— Да, вот дядя Вадик как раз моему «богатству» и не чужой. Если бы не он, вы бы с моим наследством и не породнились бы.

— Какая ты злая, Тина. Дело прошлое, чего теперь поминать. Нельзя так, прощать надо. Если родных не прощать — тогда кого же?

— Да какие вы мне родные? Вы и дяде Косте-то были никто! Он был женат на вашей троюродной сестре, а потом овдовел. Это что, родня? Они прожили пять лет, его жена умерла, а вы-то тут причём? Какая вы мне родня?

— Какая-никакая, а родня! Родственники должны друг за друга держаться, поддерживать, помогать.

Валюшка снова не выдерживает: Дай три тысячи, сука! Добром прошу, не тяни. А тс хуже будет. Пожалеешь ещё, зараза!

— Лучше сожгу торжественно, или алкашам подарю. Вы этих денег, не три, а все триста тысяч захапали! Распродали кому попало коллекцию, которую дядя Костя всю жизнь собирал. Что же не приберегли на чёрный день? У сироты украденное!

Я уже завожусь, во рту начинает сохнуть, горло прихватывает спазм. Как же их дядя Костя терпел, даже при всей своей простоте и безотказности? Наверное, за границу от них и убегал.

— Сука! — не блещет в выборе ругательств Валюшка: Да я на тебя всю шпану городскую натравлю. Как прижмут где-нибудь в тёмном углу, не так запоёшь!

— Я, как ты, от прижатий петь не умею! Это твой конёк! И шпана бы твоя не запела! Спасибо они тебе придут сказать.

— За тебя, что ли? Да за тебя в голодный год копейки никто не даст.

— Зато за тебя дают, каждый по копейке. За неделю и соберёшь себе три тысячи. Всё, хватит. Вон отсюда. Или собаку позвать?

— Да что же вы, девочки... — голос у тёти Симы уже плаксивый, но ещё громкий, может быть, в расчёте за Бабу Саню: Вот горячки-то две! Горячки да горячки! Нельзя же так, родные вы. Тина, ты постарше, перестань. Она от горя такая нервная. Пойми и её тоже... Сестра ведь.

— Тамбовский волк ей сестра. А вам — племянница. Всё, уходите... Рекс, ко мне!

Валюшка стремительно слетает по лестнице, матерясь и перебирая всю мою родню. Тётя Сима идёт следом и бубнит. Потом вспоминает свою роль, и уже снизу говорит мне торжественно, трагическим голосом:

— Ну, что же, Тина... так я всем и скажу. А если мой брат, а твой дядя Вадик станет тебя проклинать, я и заступиться не смогу. Так и уйдёт, с проклятием.

— Видела я вашего дядю Вадика! В гробу, в белых тапочках!

Дока не зря считают блестящим профессионалом. И не потому, что безошибочно диагностирует всё, начиная от детского насморка и кончая старческим склерозом. Он первоклассный психолог, и умеет найти верный тон с кем угодно. Просто не представляю себе людей, которые могли так безжалостно обработать его в Крыму. Вряд ли это было сверхъестественное существо: как раз с Даном у них сразу сложились нормальные отношения. Никто из них не волновался, не отводил глаз, не умолкал без причины. Я не стала жалеть о том, чего уже не будет, и оставила их вдвоём.

Баба Саня мудрила над бумагами у себя в комнате, а Рекс просился гулять. У него появилась странная тяга рваться на улицу и, обязательно, вечером. Видно было, что память о страшных ночных событиях глубоко засела в его памяти: он не уходил далеко и сразу прибежал на зов, но на свежий воздух тянулся больше всего после наступления темноты. Может быть, искал запахи своих мучителей, которые приходили к нему только ночью, может быть, хотел убедиться, что его дом в безопасности, и нам с Бабой Саней ничего не угрожает. К Дану Рекс не ласкался, но и неприязни не выражал, сторонился, не теряя достоинства. Бывают на белом свете собаки умнее многих людей.

Мы гуляли часа полтора, и Рекс вёл себя выше всяких похвал, умеренно-резво, спокойно, но не беспечно. Он обнюхал, и, надо верить, запомнил Васо, немного поиграл с его семилетним Теймурчиком, прислушался к моим интонациям в разговоре с другими соседями, обследовал подъезды, гараж. Команды, которые я знала, Рекс выполнял с бодрой готовностью, и, почти по-человечески, досадливо ворчал, когда запинаясь на заживающих ногах. Я где-то слышала, что, обычно, собаки принимают улыбку за угрожающий оскал. Рекс

принимал мою улыбку с радостным повизгиванием.

Вернулись домой, вполне довольными прогулкой и друг другом, мы занялись собачьим кормом и площадками, а потом Рекс улёгся на свой тюфячок под лестницей, и я поднялась наверх. На столе перед Даном лежал лист бумаги, над которым оба склонились.

— Что это у вас тут, заговорщики? — подходя, поинтересовалась я.

— Старая баня в Заречье. Ещё одно место свиданий нечистой публики — ответил Док.

— Это какая? С бассейном? Она не работает уже лет пять. Я даже не помню, чтобы она работала. Когда я приехала, она была закрыта по причине нерентабельности.

— Да, было такое... Дорого обходилось содержание, её и закрыли. Теперь сделали ремонт. Некая госпожа Вилова арендовала здание под центр нетрадиционной медицины: мануальная терапия, выявление ауры, наличия порчи, а так же травы, грязевые ванны, морские купания. Ну, и прочее, вплоть до гаданий, гороскопов и заговоров.

— И клиенты есть? Часто ходят? — не скрывая своей заинтересованности, я подхожу ближе и, чмокнув Дана в макушку, встаю за его спиной. Док без малейшего усилия над собой и с одобрением наблюдает, как Дан целует мою ладонь, переводит на меня взгляд.

— Ещё как ходят. Несмотря на бешеные цены. Это становится модным. По ночам там работает ещё один салон. Клуб исполнения желаний. От клиентов отбоя нет. Сначала массаж, грязи, потом — купание в настоящей морской воде со стоворчивыми нимфами.

— Ясно. Зойка там в качестве нимфы и побывала.

— Именно так. И так, как пьёт она мало и неохотно, в её памяти остались образы странных клиентов, собирающихся в помещении над бассейном, которые иногда наблюдали сверху за весельем. Девочки, которых туда приглашали, больше не возвращались.

— Откуда у тебя этот план?

— Нашёл среди банной услуги своего пациента. Он там не на главных ролях, так, старший помощник младшего слесаря... Почти ничего не знает, но кое о чём догадывается. Хорошо знает здание, коммуникации и расписание забав. План он скопировал с документов на случай эвакуации.

— Понятно. Ещё что? — спросила я, разглядывая бумажные листы с чертежами.

— По его словам, госпожа Аста готовит какую-то «генеральную репетицию», а баню закрывают на профилактику. С 19 по 22 апреля.

— Как это называется? Генеральная репетиция? Интересно...

— Да, или ещё, в своём кругу — парадом. Как ты думаешь, что это такое? Ещё мой дружок слышал слово «новь» или «нова», что-то в таком духе.

— Навьё, — подсказал ему Дан. — То же самое, что «подложный». Покойник, умерший не своей смертью — сырьё для нечистой силы.

— Парад навья. Интересно. Надо Бабу Саню позвать. — предлагаю я, перебирая в уме легальные варианты посещения бассейна.

Баба Саня подтвердила, что присутствие навья используется иногда для подготовки сложных сатанинских обрядов.

— Но это очень опасно, даже для самих сатанистов. Это же неуправляемая масса чудовищ. Они могут накинуться на кого угодно. А «парад» — это не один десяток монстров.

— Как-то же Хорс собирается с ними справиться... — спрашиваю и я сама догадываюсь как: Бассейн. Какая там высота, Док?

— Глубина бассейна метров пять, если от края зала... Да от пола до верхней интимной галереи — столько же.

— А объём? То есть площадь. Площадь бассейна? Что там, в плане? Указано?

— Девять метров на двенадцать... Почти сто квадратов. Если без воды — идеальная арена — прикидывает Док.

— Ого! Ну и баня! Прямо — Бахчисарайская роскошь. Бассейн для одалисок.

— Оно и задумывалось, как плавательный бассейн, баню потом оборудовали, рядом, вместо спортзала. Я там бывал. Места много...

— Так, всё понятно. Навье будут встречать у двери по одному, и провожать в бассейн. А там они и проществуют. Парадом.

— Правильно. — Дан коснулся моей руки холодными пальцами. — А для спокойствия им дадут зелье.

— А у нас есть своё, — подхватил Док, недобро усмехнувшись. — Сохранилась парочка рецептов.

Я подумала, каково ему было в Африке, одному. Да примет Бог его союзницу, которая поддержала, не бросила. Может быть, любила?

— Ты в них уверен, Док? Какое они оказывают действие?

— Непродолжительная активность, а потом долгий сон. До самого солнца.

— А потолок и верхняя часть стен там из стекла?

— Да. Мы можем разом избавиться от всей нежити. Да и живым тоже нанесём очень не маленький урон.

Баба Саня вздохнула, подумала: Хороший план, только где же мы возьмём так много осинового листа? Сейчас весна. Ранняя, хоть и южная, но листвы ещё нет.

— Зачем? У меня в рецепте нет осины. Кровь, мёртвая плоть, растёртая в муку, травы.

— Откуда у тебя такой состав, Олежек? Я про такие слышала, но точных рецептов не знаю.

— Африканский, Александра Гавриловна. Я работал в Африке.

— Он надёжен?

— Вполне. Я видел его действие. Только благодаря ему, я и смог остаться в живых.

— Слава Господу! Ты мне дай список трав, сынок, а я найду всё, что нужно. Остальное поищем в окрестностях. А что, она читала, эта женщина? Примерно?

Баба Саня тоже отличный психолог. Она сразу догадалась, и, главное — не побоялась спросить.

— Не заклинания — это точно. Молитву или что-то подобное. Что могла бы прочесть девочка двенадцати лет? Католичка.

Боже ты мой, милостивый! Док... — я молча сглотнула горькую слюну. Почему-то порядочным и справедливым людям достаётся в этой жизни больше всех.

Я уже неплохо научилась «чувствовать» не только Дана, но и Бабу Саню, она тоже ужаснулась про себя, но голос у неё спокойный: Хорошо, Олег! Ты сделаешь состав, а я почитаю. Я или Тина.

— А время? День, когда это будет? — Дан был таким заинтересованным и оживлённым, каким я не видела его... целую жизнь назад.

— С 19 по 22 апреля... По дню откинем, значит, 20-го, или 21-го. Нужно же им подготовиться, а потом замести следы... Митрофан ищет себе подмену с 18 по 21-е.

— Значит, двадцатого... Кстати, двадцатого апреля день рождения одного чудовищно известного человека, знающего толк в парадах и мистериях. Может быть, для его духа и устраивается праздник? Парад из мёртвых, значит, естественно предположить, что

принимать его станет дух. Но, Дан, тебе не надо ходить с нами.

— Почему, Тина? Я не буду кричать «Хайль!» — он даже слегка улыбается и мне становится тепло, как раньше. Эта потрясающая улыбка! Неизменно сметающая с пути все мои сомнения...

— Для тебя это опасно. Эта приманка... Она ведь может повлиять на тебя — пытаюсь уговорить его я.

— Если я усну, вы меня унесёте. Зато, когда я стану её раздавать, мне поверят. Я такой, как они. Из моих рук нежить схватит даже серебряный крестик.

— Я не допущу, чтобы ты к ним приближался.

— А этого и не надо. Навье будет внизу, в бассейне, я на полу зала, а вы заблокируете галерею возле кабинета сверху. Ни те, ни другие меня не достанут. У Хорса нет надо мной власти, его заклинания меня не возьмут. Я в полной безопасности.

Значит, были, всё же призывы. Он не откликнулся...

— Это хороший план, Тинатин, — поддержал Док. — Дверь прямо из зала, под галереей ведёт на улицу, Она есть в плане. Дан может выйти из неё, пока мы сражаемся сверху.

— А твой человек, Док, он верный парень? Ты уверен в нём?

— Их двое. И я им верю. Не стал бы я подвергать нас такому риску, если бы не был уверен. Кроме того, один из них уже прошёл испытание. У тебя.

— Зойка? — догадалась я: Ты хочешь взять Зойку?

— Ты что-нибудь имеешь против? — Док удивлённо смотрит на меня, оторвавшись от очередного листа.

— Нет, пожалуй...

Я имела против... одну-единственную мелочь. Зойка ещё не видела Дана... таким. Но говорить об этом при всех мне не хотелось. Потом попрошу Дока подготовить её. В конце концов, у девчонки тоже есть собственный счёт. И сил у неё хватит, теперь я это вижу...

— Нет, я не против. Значит, нас будет шестеро. Против целой оравы навья.

— Про теплокровную нечисть не забывай — предупреждает Док: Они опасней! Нужна не допускать их к бассейну ни в коем случае.

— Значит, пленных не берём... А охрана, Док?

— Человек шесть, снаружи и в здании. Они могут быть с оружием. Но их в зал не пригласят.

— Бандиты?

— Думаю, что зареченские. Они обычно патрулируют на стоянке, у входа. При необходимости допускаются внутрь, но постоянно там не бывают.

— На параде их тем более не будет. Такие вещи не афишируются. У Хорса и Ко, конечно, есть личная охрана, из посвящённых. А двери-то там какие?

— Вот эта, в зал, полмесяца назад переделана. Она сплошная, из стального листа, закрывается автоматически, от пульта. И в коридоре тоже массивная, но узкая дверца для входа в зал.

— Вернее всего, коридор будет пуст, для изоляции звука — делаю заключение я: Значит, охрана за двумя дверями и опасна она только на улице, со стороны входа. Скверик, в который выйдет Дан с другой стороны. Как мы туда войдём?

— Через подвал котельной. Сзади есть люк для топлива. С тех пор как котёл перевели на газ, им никто не пользуется, там висит обычный амбарный замок. И этой частью двора

тоже не пользуются, там всё сплошь затянуто кустарником.

Док медленно ведёт палец по плану: Здесь через забор (один прут будет подпилен заранее), потом в люк, и по подвалу на служебную лестницу, подводящую к галерее. Запасная дверь из зала открывается засовом изнутри, замок на нём кодовый. Комбинация известна. А с галереи в зал — вот этот спуск. Он один, и его мы прикроем, если встанем по обе стороны от кабинета.

— Что это за кабинет?

— Судейская кабина или что-то в этом роде, тридцать пять квадратов, стекло заменили непрозрачным пластиком. Выход только один, на галерею. Мой человек заклинит главную дверь, и в зал с бассейном после нас уже никто не сможет войти. А выйти можно только изнутри, через узкую дверь для эвакуации. Подвал наш парень тоже заклинит, после того, как мы его пройдем.

— Нам нужно оружие, Док — сообщаю я и он задумывается.

— Против мёртвых оно бессильно, я знаю. Для живых есть электрошок и газовый пистолет. Там нельзя стрелять, Тинатин, всюду стекло. Если оно начнёт биться, снаружи услышат шум.

— А если оружие есть у охраны Хорса?

— Нам остаётся только надеяться, что его нет, и это самое слабое наше место.

— Сатанисты предпочитают пользоваться ножом, — подала голос Баба Саня. — Со своими жертвами они обходятся без помощи огнестрельного оружия. Навье забивается ножами, палками, ядом, но не пулей. Иногда натравливают готовую нечисть — тогда в ход идут зубы и когти. Пуля убивает сразу и не даёт времени для заклятий. Стрелять им можно только в подготовленного заранее человека, опоенного.

Я помяла языком едкую горечь во рту, и мысленно помассировала занявшуюся мурашками спину. Никто ничего не сказал. Дан был такой, как всегда. Больше всего мне хотелось обнять его, прижать к моему живому сердцу холодную голову с золотыми волосами, и покричать, но я этого не сделала. Пододвинула к себе план, рассматривая тонкие линии чертежа.

— Значит, будем надеяться. Они уверены в своей безнаказанности и безопасности, и бояться могут только случайных людей, которых не будет. На нас ведь они не рассчитывают. В конце концов, сатанисты тоже не заинтересованы в том, чтобы стрелять в стекло. Им лишний шум ещё больше навредит, чем нам. Теперь определим, что для нас самое главное.

— Навьё, — сразу сказал Дан. — Убрать всё навьё, уничтожить. Его слишком много, чтобы сейчас можно было добраться до Хорса, и оно уже начинает само собой пополняться. На то, что у Хозяина занимает две-три недели, стихийное навьё тратит ночь-другую. И это нужно делать сейчас, пока они послушны ему. Над третьим поколением он уже может потерять контроль.

— А сейчас они послушны?

— Может быть, уже есть отколовшиеся, но их единицы. Основная масса всё равно явится на зов. У них ещё слабые инстинкты самосохранения, а Хозяин учит выживать.

— Ну, вот, это и будет главная цель. Усыпить навьё до первых солнечных лучей и не дать Хорсу их спасти. Оставить его без основной армии, и попытаться проредить главный штаб. Ещё раз повторяю: пленных не берём. Лично о себе могу сказать, что никакой жалости к ним у меня в помине нет, не осталось ни капельки. Я не собираюсь анализировать причины, приведшие личность к катастрофе, и искать пути для её реабилитации. Я хочу

крови!

Мне никто ничего не ответил.

Я так неудачно устроена и задумана, что накануне важных дел не могу ни есть, ни спать, ни жить спокойно. Слава Богу, умею, хотя бы, не баламутить окружающих... Сна не было ни в одном глазу. Дан, как всегда, обнимал меня со спины, и, кажется, был спокоен. Я перестала считать баранов, слонов, врагов и обиженных. Просто лежала с закрытыми глазами. Если смогу — высплюсь днём. Для этого нужно всего-навсего очень устать.

— Ты не спишь, Тина.

— Нет, но это ничего. Так бывает... — отвечаю я: Дан, Баба Саня говорит, что у меня Дар. Ты знаешь, какой у меня Дар?

— Конечно — после некоторой заминки отвечает он: Это твои руки.

— Руки? А что с моими руками?

— Они лечат. Рекс уже на ногах, разве ты не заметила? Он бегаёт и может подниматься по лестнице.

— Почему же я тогда не смогла вылечить своего сына?

— Тогда ты ещё не могла. Тогда ты только снимала боль. Ты сумела продлить его жизнь, и он не мучился угасая.

— Это Алексо? — спрашиваю я, пожевав губы, ставшие сухими и непослушными. (Мама, поладь!).

— И Алексо тоже. Ты лечила Алексо, он давал тебе силы. Но ты сама. Твои силы растут.

— Зачем Хорсу такой Дар?

— Ты вылечила и меня тоже, без всяких зелий и колдовских чар. Мои раны затянулись. Для навья это великое умение. Повреждения, полученные от святой силы, почти невозможно лечить — ответил он и изменил тему разговора: Тина, завтра будет тяжёлый день. Ты должна отдохнуть.

— Мне не спится. Для меня всегда тяжкая забота уснуть, когда это необходимо. Я, обычно, и не пытаюсь...

— Раньше я мог... Сейчас попробую...

Он положил холодные пальцы, большой и указательный, мне на ключицы возле самой ямки и стал медленно проговаривать слова знакомой греческой молитвы, поглаживая в такт косточки от центра к краям. И я мягко, неторопливо стала проваливаться в лёгкий ласковый сон...

— Значит я — Целитель? — невинным голосом спросила я у Дана перед рассветом, поднявшись с постели. Он присаживается на край кровати, и молча смотрит на меня. Я вижу, что ему не по себе. Его лицо уже обрело все обычные человеческие свойства и теперь непросто что-то от меня скрывать.

— Это ты сразу и разглядел во мне там, в Курятнике? А потом пришёл в Изумруд, чтобы убедиться, что не ошибся?

— Чтобы окончательно влюбиться, Тина. Погрузиться в это с головой... Я уже знал, что ты Целитель. И чувствовал, что ты единственная на свете... Я пришёл, чтобы тебя увидеть. Всё остальное тогда отступило на задний план.

— Но долго так продолжаться не могло, сколько не надейся. Целители в Братии на вес золота и приносят огромную пользу. Я вернула к жизни Алексо и ты был готов привлечь меня в Братию... В качестве Целителя, да? Ты рассказал мне всё о своих ранах и группе крови, о своей семье...

— Я мечтал о том, чтобы ты стала моим драгоценным Оплотом. Я видел, что могу тебе понравиться... Но никак не мог понять, почему ты не хочешь себе в этом признаваться. Понял позже... Братия — это было не к спеху и это вопрос выбора. Ты могла стать Целителем, или отказаться, это неважно.

— Это важно, Дан и я бы не отказалась. И это было бы чудесно для нас обоих. Но тут появился Виллов и заставил тебя волноваться. Ты старался сбросить меня от него всеми силами. Я никак не могла понять, почему ты иногда бывал таким напуганным: тебя ведь очень трудно испугать, Дан... Когда произошла та драка в Паласе ты испугался до того, что выдал мне напрямик все свои чувства... Почему ты тогда так встревожился, Дан?

Он молчал, опустив голову, и мне пришлось поднять её за подбородок, чтобы увидеть его лицо. В нём было столько муки...

— Кого ты увидел во мне тогда, Дан? Кто я, скажи. Я Боец или Защитник?

— Прошу тебя, Тина... — Дан попытался встать, но я мягко удержала его на постели, обняв за плечи.

— Я теперь всё знаю, Дан и могу сделать выводы самостоятельно. Это уже лишь вопрос времени. Скажи мне, Дан, кто я?

— Ты... Тина, ты — всё. Ты Боец и Защитник, Целитель и Оплот. Так не бывает и не было никогда, я могу ошибаться, но я не ошибаюсь: ты — всё сразу.

— И ты этого не хочешь — заканчиваю я, даже не пытаюсь анализировать всю силу тяжести, которую начинаю чувствовать при этом ошеломляющем известии: Ты не хочешь для меня жизни, в которой мне некогда будет даже найти время для отдыха.

— Пожалуйста, Тина, не бери на себя всё, что можешь, и всё, чего не можешь. Ты сама сказала, что самое ценное для Братии — это искусство Целителя. Я... Я не смогу оставаться с тобой так долго, как всегда хотел. Но я должен быть уверенным, что ты в безопасности...

— Нет, только не говори о том, что ты... что ты исчезнешь! Прошу тебя, не надо! Ты будешь всегда со мной, Дан! Мы не можем расстаться! — наступила моя очередь паниковать и я начинаю сходить с ума от страха. Ну куда он собрался!

— Это то, чего мне больше всего хотелось... Но Тина, у тебя должна быть нормальная человеческая жизнь. А я... ты знаешь, что я такое теперь. Я никогда бы не смог отказаться от тебя раньше. Не знаю, чтобы я делал, но я просто не сумел бы без тебя жить. Ты, может быть, и не любила меня, но полюбила бы — я уверен. А сейчас для тебя лучше, чтобы рядом с тобой был живой человек...

— Любила или не любила, Дан, это же неважно! Я уже никогда никого не полюблю больше, чем тебя. Я всё про это знаю: про себя и свои чувства... Я никого не смогу любить кроме тебя, поверь мне!

— Тот, о ком мы оба думаем сейчас, сможет обеспечить тебе полную безопасность. И я буду спокоен за твою жизнь в монастыре, где мне найдётся место. Он...

— Нет никакого «он»! И не может быть! — прерываю его я: Даже если ты оставишь меня, ничего не изменится! Может быть, я стала бы встречаться с другими, много лет спустя... Но я тебе уже сказала: мужчина всей моей жизни — это ты! Ты, Дан! Никто никогда не сравнится с тобой и ты напрасно стараешься сейчас быть таким бессердечным...

— Я не бессердечный, Тина — Дан старается улыбнуться, покачав головой. Он всегда знал, как на меня действует его улыбка...

— У меня есть сердце, Тина... Послушай...

Он прикладывает мою голову ухом к своей остывшей груди. И я слышу, как в ней что-то

шуршит, шелестит и постукивает с неправильным, но отчётливым ритмом.

Я сразу забываю о том, что мы только что обсуждали и потрясённо вслушиваюсь в этот тихий, еле различимый звук.

— О-о-о, Дан! Дан! Я счастлива, если смогла помочь тебе... У меня нет слов, чтобы объяснить тебе, как я счастлива...

— Спасибо, моя золотая! Я уже никогда не стану прежним, но сердце у меня есть и оно бьётся. У единственного, среди неживых. Благодаря тебе, Тина... И оно твоё. Я весь твой. Всегда.

Мы прошли подвал, и шустрый, истощённый парень, на лице которого оставила неизгладимые отметины активная жизнь отпетого наркомана, закрыл дверь. Он жестом указал нам путь на лестницу, а сам приотстал, и слышно было, как он разбивал пульт, надёжно заклинивая вход.

— Теперь сюда. Стойте... — парень ловким бескостным выюном проскользнул мимо, заглядывая за угол.

— Тишина и покой... Все в кабинете мамы Асты. Дверь в зал закрыта, её теперь только автогеном резать... Если вы хотите взять их в кольцо, надо встать по обе стороны двери в кабину. Они не услышат, медитируют, или что там...

— Хорошо, Юрик, спасибо, — отозвался Док. — Мы остаёмся, а ты иди вниз, и... ты знаешь, что делать.

— Да, я Док, помню. Будь спок, сделаю всё как надо.

У меня есть глупое предубеждение насчёт несчастливых имён. Имя Юрка уже запечатлено в их списке моей недоброй памятью о бывшем муже. В любой другой ситуации одно это заставило бы меня всё бросить и уйти. Но Док неслышно пробежал вправо, и встал в тени, а Юрка и Дан с Зойкой спускались вниз. Под галереей послышался звук открываемого замка, лязг засова. Потянуло ночной свежестью, и дверь снова закрылась. Выход на улицу есть и Дан сможет воспользоваться им в любой момент.

Потом Зойка с Юркой, укрываясь в не слишком надёжной тени стен, пробежали по залу, над бассейном, и вынесли лестницу из дверцы подсобки. Бассейн без воды и железных боковых лесенок выглядел огромным и глубоким. Сухое дно хорошо просматривалось при свете многочисленных лампад и свечей, наставленных по периметру у самого края, и было густо застелено травами.

Это базилик и ещё кое-что, я теперь знаю, почти наперечёт. Так пах Дан после ванны чёртова доктора той злополучной ночью.

Зойка, спустившись вниз, быстро и ловко рассыпала поверх старой подстилки сухую полынь. Открыла новый пакет. Потом ещё один: Баба Саня сказала, что полынь в общей массе незаметна, но она лучше всего отбивает нюх у навья и нечистой силы.

Зойка была такая ловкая, деловитая и серьёзная, готовая к любым испытаниям. Даже, кажется, — гордая. Я поморщилась: слишком уж она увлечена, только бы не переборщила! Я буду так далеко от неё, что не смогу помочь. Зря, зря я её взяла! Но она так просила, умоляла и даже плакала, хватая меня за руки и с умоляющим видом заглядывая в глаза.

— Тина! Я возле тебя ничего не боюсь! Я с тобой хоть куда могу пойти без опаски! Одной мне будет гораздо хуже. Да я от беспокойства умру... Ну, Тиночка, вас так мало... Я же молодая и здоровая, я пригожусь!

Хоть бы ты осталась такой же молодой и здоровой... И не попала в самое горячее место. С меня и Бабы Сани Док взял торжественную, подкреплённую святым крестом, клятву беречься во что бы то ни стало, а с Зойки, интересно, он догадался её взять? Я-то из-за Дана буду стараться выжить... Хотя... Док его не оставит. Не бросит никогда. Об этом даже и разговора не было, да и не стоило заводить... И так всё ясно. Доку можно доверить всё что угодно! Нет! Нет, нельзя об этом думать. Дан без меня не сможет. Он просто не захочет...

Зойка заканчивает, и поднимается, переходит к Доку. Лицо у неё серьёзное, сосредоточенное. Юрка убирает лестницу, уходит в подвал. У них с Доком есть запасной вариант, в который меня не посвятили потому, что не было времени. Он возник внезапно и обсуждался втроём с Даном, прямо на ходу. Главное — для нас он безопасен, сказал Док, и этого хватит. А я всё боюсь и боюсь... За Зойку с Бабой Саней, за почти беззащитного Дана, и это очень мешает. Отвлекает от самого важного.

Мы, затаившись, ждём в своих углах почти час, и он кажется бесконечным. Из кабинета доносится пение — наконец, вся ненавистная компания выходит в зал, сгрудившись на балкончике под потолком. Сначала Хорс с торжественно-довольной физиономией, за ним остальные человек пятнадцать, видимо, партийный актив, доверенные лица. Все в тёмном, но обычном платье. Значит, секса на этот раз не будет. И то, слава Богу! Я пытаюсь взглядом отыскать Митрофана, но не нахожу — они слишком тесно стоят.

Аста останавливается чуть позади Хорса, а Мара с Вестой выносят что-то вроде курильницы на трёх ножках, величиной с таз. Толпа сжимается ещё плотней, освобождая место для предстоящей церемонии. Сзади подают чашу из чёрного хрусталя, и Хорс, зачерпнув из неё, бросает полную горсть травы в курильницу. Она вспыхивает, и Аста тоже начинает добавлять чего-то из кубков. Под поощряющие возгласы свиты, они попеременно подсыпают в курильницу всё новые и новые порции разной дряни, и из неё валит вонючий чёрный дым.

— Я жду тебя, мой друг и учитель, — радостно возвещает Хорс, и продолжает уже на фоне негромкого заунывного пения. — О! Мой Повелитель, вечный и вездесущий, дай нам встретиться! Я ждал своего наставника долгие годы, и хочу доказать ему свою дружбу и уважение. О, Властитель мира, яви нам его.

Хор звучит громче, вполне профессионально, на старославянском. Баба Саня сзади тихо охает, падает на колени, и молится. Я уже тоже знаю, что нужно читать, и шепчу негромко, но вслух. Это читается только вслух.

Аста выходит вперёд с новой порцией топлива. Голос у неё низкий и сильный. Она вертит головой по сторонам, совершает обеими руками жесты, притягивающими что-то невидимое и совсем не лёгкое. Напрягается всем телом, как будто приняла большую тяжесть.

— Я слышу его, я его чувствую... Вот он идёт, могучий и прекрасный. Ответивший на наш призыв... Он здесь...

Мне некогда анализировать происходящее, но мысль о том, что эта упитанная дама в чёрных шелках является кем-то типа Целителя в этой шайке, всё же, успевает проскочить в уме. Если это неважно в настоящий момент — может пригодиться в будущем.

Снова что-то квакает Хорс, и дым становится едким. Я прикрываю нос платком, и делаю знак Бабе Сане. Док с Зойкой догадались сами: девчонка повязывает нижнюю часть лица шейной косынкой, а Док поднимает до глаз воротник свитера. Дышать, действительно тяжело и пред глазами начинает мельтешить.

Дым поднимается клубами и направляется в бассейн. Перетекает из чаши кадила с почти десятиметровой высоты, как вода, собираясь внизу сизым клубком. Потом сворачивается наподобие вихря, крутится, подхватывая травинки со дна. Воздух становится чище и я отнимаю от носа платок.

— О, мой учитель! Я ждал тебя! — восторженно выкрикивает Хорс, уродливо извиваясь всем телом: Я приготовил тебе подарок, достойный твоей славы. Сейчас мои рабы будут

славить тебя, и принесут жертвы в твою честь.

Он кричит своим неприятно режущим слух голосом уже совершенно непонятное, и из отверстия, по которому в бассейн поступает вода, начинает просачиваться новая струйка дыма. Решётка на дыре дрожит, слетает, и они идут...

Чудовища и уроды всех цветов и конфигураций: люди, не похожие на людей, собаки, какие-то ползучие твари, один за другим появляются из трубы как в кошмарном сюрреалистическом сне, и арена начинает наполняться. Эти существа не напоминают ничего из ранее виденного. Я узнала среди них Ленку с иссиня-бледным испитым лицом и ртом, налитым кровью над четырьмя рядами острых акульих зубов: по два ряда в каждой челюсти. Ей составляет пару Санёк, у которого левая нога и правая рука поменялись местами, а вылупленные глаза почти висят на щеках с чёрными провалами щёк.

Ещё там был наш сапожник-алкаш, уволенный за прогулы, чёрный, как смоль, с обезглавленным торсом и головой под мышкой, два боевика Маго со свисающими до пола огромными руками, сплюснутая, как утюгом с обеих сторон, продавщица мороженого из центра, официант из Поплавка, с гниющим, сочащимся фиолетово-красной сукровицей лицом, насаженным задом наперёд, и ещё, ещё. Они шли и шли, выравниваясь, как на демонстрации, в ряды по шестеро, и, казалось, им не будет конца. Огромная, сопящая и хрюкающая, смердящая толпа голов в триста (язык отказывался называть их людьми), тащилась по кругу в центре бассейна, задрав кверху морды с белесыми, кровавыми, пустыми и вообще отсутствующими глазами.

Как они протискивались в сорокасантиметровый диаметр отверстия, я даже не задумывалась. Лицо заливал холодный пот, глаза слезились от ядовитых испарений. Баба Саня неслышно молилась в трех шагах от меня, не вставая с колен. У меня тоже уже подгибались ноги, но Алексо мягкими, горячими толчками поддерживал меня, не давая свалиться без сил.

— Вы пришли? — прогнусавил Хорс, задрав короткий тупой подбородок и подняв руки на уровень грудной клетки ладонями вверх.

— Мы пришли, Хозяин! — почти внятно, но не слишком дружно ответил ему снизу хор голосов.

— Вы послушны моей воле, и я вами доволен. Те немногие, что не явились на мой зов, тоже покорны мне, и нужны в другом месте. Запомните это! Они не пришли по моему разрешению! Так нужно мне!

— Мы помним, Господин! — с готовностью откликнулось три сотни глоток.

— Главное — покорность, и вы получите свою пищу. Я лучше всех знаю, что принесёт вам наслаждение!

— Мы покорны, Господин! Ты знаешь!

Весь этот мерзкий шёпот, хрип, клёкот, эти скрип и хлюпанье уже давили на перепонки, всё труднее становилось сосредоточиться. Господи, дай мне силы! Помогите, Боже, спаси и сохрани! Я сжала покрепче кулаки, начала ритмично дышать, согревая обмякшие мышцы.

— Покорность — ваша безопасность. Помните! — поучал Хорс свою фантазмагорическую паству...

Мягкий, глуховатый голос Дана, невидимого сверху, прозвучал как небесная песня.

— Он врёт!

Хорс вздрогнул, а его окружение зашумело, подалось к перилам. Я осторожно

переместилась к щиту вдоль галереи. Дан стоял почти прямо под Хорсом: бледный, светлый и прекрасный, с пакетом в руках. Мне хорошо было видно сбоку его лицо, по-особенному чистое и ровное после всех этих мерзейших рож. Белая кожа делала его восковым, а золотые волосы напоминали в полумраке пламя свечи. Он стоял, как свеча, и даже, кажется, светился, сиял как свеча.

— Он врёт, потому что я тоже подложный. По его воле. Но, по своей собственной воле, я не подчиняюсь его приказам, и существую. Я есть сам по себе, и живу так, как хочу. Я свободен. Сказать, почему?

Мразь внизу заволновалась, пожирая его глазами, и выдохнула: Дааа-а-а-а!

— У меня есть пища! — Дан поднял над головой пакет.

— Не верьте ему, он перевёртыш! — заорал Хорс высоким фальцетом, а Аста, перегнувшись через перила, попыталась достать Дана клюкой, вырванной из рук почтенной, на вид, старушки из Скворечника. Старуха взвыла, и, стащив башмак, швырнула вниз. Он тут же исчез, схрумантый чьими-то железными челюстями.

Хорс снова что-то орал, но его уже не слышали. Уроды внизу вопили и кидались на стенку, пытаясь дотянуться до Дана. У горбатого старика, с собачьей лапой вместо ноги, стала вытягиваться из рукава рука с искривлёнными звериными когтями. Она выглядела истончённой верёвкой метра в полтора длиной и когти на ней шевелились, хватая воздух... Её сбили, и она упала под ноги, запутавшейся толпы. Сердце у меня застучало так часто, что дрожь почти перешла в судороги.

Дан размахнулся, и бросил пакет в дальний конец бассейна. Свёрток исчез среди голов, морд, рук, клешней и хвостов. Там началась свалка. Дальние лезли на ближних, ближние сопротивлялись. Во все стороны полетели опшётки зелени, черноты, обескровленной бледной плоти, забрызгивая белую кафельную облицовку стен.

Виллов надрывался от крика, его подружки визжали, адепты отшатнулись назад. Два крепких парня со зверским выражением лица кинулись к лестнице. Одного из них вырубил Док, а второму я сунула электрошоком прямо в лицо. Он перевалился через перила вниз. В бассейне радостно захохотали, раздался хруст, чавканье. Уже тёплая, алая струя крови брызнула фонтаном.

Мне некогда было смотреть, что творилось внизу. Я тыкала электрошоком, в кого попадёт, стараясь выбирать противников покрепче. Баба Саня молилась уже в полный голос, и две сатанистки, сами по себе, затряслись, забились на полу при звуке её молитвы. Зойка, поднатужившись, скинула вниз охранника, пришедшего в себя после удара Дока. Дверь в зал никто не трогал, хотя шум вокруг стоял адский. Док добрался до Хорса, и прочно припечатал ему кулаком в скулу. Хозяин, сбитый с ног, отлетел в угол, и тут я увидела Митрофана, который кинулся его заслонять.

Моя радость была даже сильнее ненависти... Но Аста сзади ударила Дока клюкой по спине, и он покачнулся, зашатался. Я оттеснила его плечом от края площадки, вырвала из рук Асты палку, упираясь ногой ей в живот. Она упала, опрокинув треногу. Меня сильно толкнули слева, и я отмахнула в эту сторону кулаком, попав в чьи-то зубы. Ещё одного сбросила вниз.

— Пятый! — напряжённым голосом выкрикнула Зойка. И снова только хруст и смачное чавканье снизу в ответ на её голос.

Митрофан, поддерживая Хорса, тащил его в кабинет. Я кинулась следом, но мне навстречу вылетели две зарёванные девчонки в подобии белых рубашек на голое тело, и с

визгом помчались по галерее вдоль стены. Жертва. Это обещанная жертва. Пища для рабов.

— Зойка, догони их. Успокой и не давай смотреть. Пусть они не смотрят, слышишь? Накинь им куртку на голову. Они совсем зелёные, лет по тринадцать, не больше. Выруби электрошоком, если не справишься.

Она кивнула, и убежала в темноту. Я оглянулась вокруг. Галерея была пуста, большинство уцелевших «активистов» скрылось в кабинете.

Аста, прислонив побелевшего, как стенка, Дока к перилам, пыталась спихнуть его вниз. Рядом валялся толстый мужик с железным прутом в руке, и уже помаргивал, отходя от шока. Я на ходу пнула ему под ухо, и вцепилась в Асту, стягивая на шее гематитовые бусы. Она попыталась ударить меня ногой, но промазала, забилась, вырываясь и визжа, потом захрипела. Я перехватила правой рукой удавку, а левой заехала ей со всей силы в переносицу, вдавливая костяшки пальцев в веки. Она, наконец, отпустила Дока, и он сполз на пол, цепляясь за перила. Я бросила Асту спиной на тонкую никелированную перекладину и за ноги перекинула вниз.

— Док, ты как?

— Ничего, Тинатин, переживу.

— Что она тебе сделала? — я присела рядом, заглядывая ему в лицо. Док терпел, но было видно, как ему больно.

— Не она, этот тип с железкой... Кажется, у меня перебиты колени, Тинатин. Но это пройдёт, это ничего. Что там, внизу?

Я вспомнила, что после падения Асты не слышала хруста. Внизу царил тишина.

— Они уснули, Тинатин?

Они не уснули. Бассейн застилало серым туманом, образованным дымящейся камильницей, свалившейся вниз и нежить, передавая здоровенную чашу из рук в руки, вдыхала её с видимым удовольствием. Док с усилием подтянулся ближе, тоже взглянул.

— Они не будут спать, — произнесла Баба Саня. — Это ясто в чаше, он него набираются сил. Они приняли приманку, но после неё была кровь, а теперь ясто. То, что мы им приготовили, — ядзо, теперь не подействует.

— А как же Дан?

Он стоял возле самого бассейна и искал нас взглядом. Тонкое щупальце дыма, похожее на верёвку, опутав Дана по ногам, медленно подтаскивало его всё ближе и ближе к краю. Дан молчал. Вот он перевалился через край, и не упал, а медленно опустился в кучу этой мерзости внизу, и они расступились, рассматривая.

— Он, как мы? — просипел кто-то, и другой голос, писклявый, ответил.

— Ну да, такой же! Мы заберём его с собой, не надо его повреждать. Он умеет достать ясто, и научит нас. А мы обучим его охоте и повиновению.

— Но у него сердце стучит, я слышу.

— Он всё равно такой, как мы. Наш Господин даст нам за него всё, что хочешь. Это тот, кого ищет Хозяин.

— Повелитель наградит нашего Господина, а Господин — нас.

— Зачем он Хозяину?

— За ним придёт женщина. Живая. Она хоть куда за ним придёт. Она нужна Повелителю.

Это было хуже любого кошмара. Я колотила кулаками онемевшие, непослушные ноги, и не чувствовала их. Попыталась встать, и не могла. Я пробовала ползти, опираясь локтями, но

Док удержал меня, прижимая к себе.

— Не делай этого, Тина! — громко и ясно сказал Дан. — Док, давай!

У обычно бесстрастного Дока был потрясённый несчастный вид.

— Док, ты пообещал! — позвал его Дан: Прошу тебя...

— Чёрт, чёрт, чёрт! — выругался Док сквозь зубы: Будь я проклят... — а потом свистнул.

Я услышала шум воды. Юрка, как и было задумано, не подвёл. Пеннистая струя хлынула из трубы, заливая пол бассейна. Твари внизу заволновались, засуетились. Морская вода, привозимая ежедневно за сотни километров в подземную ёмкость, сначала залила им ступни, потом поднялась до щиколоток и выше. Они орали, стонали, шипели, выли — и растворялись в солёной, пахнущей простором, свободой и надеждой, воде. Сначала рассыпались ноги, и уроды пытались прыгать, вскидывая над водой обрубки тел, некоторые балансировали на плаву...

Я уже не билась в руках Дока, а, обессилев, без слов, смотрела вниз. Дан не отрывал от меня синих-синих, как майское небо, глаз. От растворяющихся тел пошли чёрные вонючие испарения, стелившиеся над поверхностью и исчезающие в канализационных решётках. Дан стоял неподвижно, и смотрел на меня, а вода вокруг него становилась белой, как молоко. Он был, как свеча, среди этой чёрной копошащейся жижи, и таял как свеча, белая, прямая, с жёлтым огоньком волос. Потом вода сомкнулась над его головой, и синий светящийся луч вырвался вверх, к потолку. Треснуло и разлетелось на кусочки стекло в крыше. Всё кончилось...

Мне было жарко. Я ещё переносила это днём, когда хлопоты по хозяйству и другие дела, уход за Бабой Саней отвлекали, а, вернее, выматывали. Баба Саня «ушла в себя». Она часами просиживала молча, глядя в пространство, иногда бормоча что-то, или молилась, отбивая поклоны в пол, и снова застывала. Мне приходилось чуть ли не силой вливать в неё молоко, соки, грибной бульон, да и то через два раза на третий. Я дотягивала до вечера, и укладывала её в постель. Она долго лежала с открытыми глазами, потом забывалась в тревожном, похожем на бред, сне.

А я спать не могла. Мне было душно в неласковой кровати, среди скомканных шёлковых простыней. Я откидывала подушки и одеяла, вставала к бару отпить из заледеневшей бутылки, ложилась снова, и опять начинала вертеться, как заводная. Я пробовала принимать холодный душ и обтираться снежным налётом из холодильника. Это приносило недолгое облегчение, но в постели мне снова становилось жарко. Иногда я задрёмывала днём по паре раз, на полчаса-час, и только это позволяло мне кое-как управляться с делами.

Дел было навалом. Я еле уговорила Дока уехать в Пятигорск, и за ним прибыл друг, на машине «Скорой помощи», военный хирург. Он ехал к нам ночью, почти десять часов, подменяя шофёра, когда тот уставал, и хотел оплатить все расходы сам, и я поверила в его надёжность.

— Ты будешь только мешать, Док, и я ослабею. Я начну бояться за тебя, и шарахаться от каждой тени! А у меня ещё Баба Саня и Зойка. Ни о чём не беспокойся, выздоравливай звони каждый день и справляйся о нас. Это всё, что тебе пока осталось. Твой Николай поднимет тебя за два месяца, как обещал. Я ему верю. А я буду осторожна, и дождусь тебя. Договорились, Док?

— Только ты сама подходи к телефону, Тинатин. Я буду звонить вечером, часов в восемь. Будь на месте всегда, или я не знаю, что натворю — уныло пригрозил он: Я всё брошу и прилечу.

Юрка уезжал с Доком — в городе ему было оставаться нельзя. За ним уже охотились, а прятаться ему негде.

Зойка повезла спасённых девчонок к двоюродной бабушке, на побережье. Как я и предполагала, они были сиротами из детдома в соседнем городке. Сбежали покататься, и попали в руки доброй тёти. Их тоже нужно было спрятать, но Зойка вернётся, я знаю. Она прибежит даже из тюрьмы, упрямица, лишь бы не забыла мер предосторожности, которые я ей вдалбливала целую ночь.

Ноги меня слушались ещё плохо, заплетались и слабели в коленях. Док сказал, что у меня случился редкий вид истерии, отошедший в прошлое ещё в начале века, и я сенсационная находка для любого психиатра. Раньше утончённые дамы голубых кровей обезноживали от каждого потрясения, чуть ли не по десять раз в году, и продолжается такой припадок не меньше недели, пока ноги обретут чувствительность. Я ответила, что болеть мне некогда, и промолчала о том, как первый раз со мной случилось подобное в кладовке детдома, после визуального знакомства с физической стороной любви, и провалялась я тогда в изоляторе больше месяца.

По квартире я двигалась без особых проблем, но на рынок поехала с Васо, и нас сразу же обстреляли в безлюдном переулке. Стреляли, правда, по колёсам. Я не стала разубеждать

Васо в том, что охотятся не на него. Всё, кто мне близок, могут стать мишенью, пусть лучше побережётся. Губернаторский после этого взяли под охрану, а кроме него Курятник, Изумруд и ещё кое-какие объекты. Детей Васо пасли боевики до самой школы, а с ними попутно подбрасывали и пацанов Галии.

Зойка вернулась на третий день, и я наказала ей шагу не ступить дальше пяточка. И никого не впускать в дом. Теперь можно было оставлять с ней Бабу Саню, и я поехала к Маго.

— Зачем тебе это, Тина? Женщина не должна учиться убивать, это дело мужчин. Да ты только скажи, и я сам голыми руками задушу любого, кто на тебя хотя бы один косой взгляд бросит.

— Не надо никого убивать, Маго. Никто не бросает на меня косых взглядов. Я просто сама хочу быть уверенной, что смогу за себя постоять. На всякий случай, лучше быть готовой. Вот Васо обстреляли, он был за рулём, а охрана отстала почти на километр. Могла бы и я отстреливаться.

Он поднимает тонкие, волосок к волоску, выписанные брови, и задумчиво смотрит мне в глаза: Ты часто попадаешь в чужие переделки, Тина... Это, в самом деле, плохо. Плохо, что никто не бережёт тебя... — потом замолкает, и опускает голову: Я перед тобой в вечном долгу, и на мне кровь твоего чудесного мальчика...

Нет, только не это. Не это, нет... Нет... Нет. Я дала себе слово не говорить об этом ни с кем. Не сейчас. У меня мало времени, очень мало... Только не сейчас. Всё потом! Слёзы, тоска, бесконечная пустота — это всё потом...

— Маго, пожалуйста... Не сейчас! Так ты найдёшь мне учителя? Или для твоих ребят это будет зазорно?

— Зазорно! О чём ты говоришь, Тина! Я тебе лучшего стрелка дам, чемпиона. И для него это будет честь! Зазорно... Да мои мальчики тебя на руках будут носить каждый день, куда скажешь!

Может, и придётся, — на руках. Красотка к старости слаба ногами стала... Нет, вроде, ноги уже держат, колени только немного дрожат. Но мне некогда. У меня есть всего неделя. За неделю я соберусь. Уколы теперь будет делать Зойка, да и утренний массаж тоже. Док её хорошо обучил... Ничего, я соберусь.

Сначала у меня ничего не выходило. Я не справлялась с отдачей, плохо чувствовала курок и задирала мушку. К концу второго часа я первый раз «достала» мишень в самом углу, потом ещё раз. На второй день я уже всё время попадала в мишень, но в круг — только два раза. Учителя помалкивали и переглядывались. Мне на это было плевать. Я всё могу, если захочу. Тем более, руки у меня послушные, я художник. В детдоме меня дразнили: «Тинка-скотинка, на сто рук машинка».

И, стоило вообразить себя сторукой машиной, я стала попадать в круг через раз, а потом три раза из четырёх, только в россыпь. Лучший стрелок Маго, Аскер, уже немолодой, но очень молодцеватый на вид, сказал: Хорошо, женщина. Очень хорошо. Глаз у тебя острый, а рука верная. Через неделю в яблочко попадёшь.

В яблочко я попала на следующий день. Два раза из десяти. Остальные — кучно, только две немного дальше других. Аскер был в полном шоке, о чём, кажется, и сказал Маго, подошедшему с группой сопровождающих.

— Аскер, говори по-русски, а то я не понимаю, какими словами ты меня хвалишь.

— Я хвалю Тина, очень хвалю! Только спрашиваю: зачем такой красавице стрелять? Ты

одним взглядом наповал можешь убить.

Я отшутилась насчёт слепых, которых моя красота не волнует, а это преступление, караемое смертью, и все засмеялись.

— Завтра подарю тебе пистолет, Тина, — сказал Маго. — И разрешение на его ношение тоже предоставлю.

Он не смеялся, окинув меня внимательным взглядом, от которого мне стало не по себе. Я молча кивнула, и дала себе слово сегодня же посмотреться в зеркало.

Меня высадили на «пяточке», и я немного поиграла с Рексом, чувствуя себя скованно под пристально-задумчивым наблюдением Маго. Зойка только вышла, и я не стала её дожидаться, отправилась в дом.

Баба Саня сидела на кухне над остывающим чаем, с библией в руках. Я поцеловала её в седой пробор, и поставила чайник снова, достала из холодильника сыр, потянулась к хлебнице, потом взглянула в зеркало на стене.

С первого взгляда мои волосы, с остатками серой платины на концах, на фоне бледно-голубой стены, полыхнули соломенным пожаром. Я подошла ближе. Призрачно-светящееся лицо с отчаянными кошачьими глазами, заострившиеся скулы. Нещипанные два месяца тёмные брови со своевольно-непреклонным изломом, как острые крылья дуры-чайки, рот, как свежая рана...

Будь я нормальным мужчиной, я бы от этой особы в зеркале бежала бы, как чёрт от ладана, куда глаза глядят, и со скоростью ветра. А в этом «куда глаза глядят» постаралась бы закрыться на все запоры в доме, чтобы воспоминания о ней не мешали мечтать про нежных и спокойных, мудрых в своей обыкновенности девушках, которых не глупо и не опасно называть красавицами.

От созерцания останков несостоявшейся леди меня оторвала Баба Саня, сказав тихим надтреснутым голосом: Пора мне, Тиночка... Уже пора.

— Куда тебе пора? О чём это ты, Баба Саня?

— Домой, к себе. Загостились я тут.

— Как это «домой»? А я?

— Ты? А что ты? Живой думает о живом...

— Если «живой» — это я, то я о тебе думаю. И ты ещё лет тридцать потянешь, в трезвом уме и твёрдой памяти... Потом ладно, начинай чудить... Почему же тебе пора? А меня ты куда денешь?

— Так что же, Тина... всё кончилось. Пора!

— Ничего ещё не кончилось. И я не собираюсь вот так тебя отпускать. Мы, что, расстанемся с тобой, что ли? А Братия? Алексо? Ты говорила, он должен перейти в достойные руки.

— В достойные и перешёл. И Братия тебя не оставит. Ты — Защитник. Дальше — всё в руках Божьих.

— Баба Саня, ты ведь одна, и я тоже. Нам надо быть вместе. И судьбу Алексо тоже нам решать — больше некому.

— Когда придёт час, ты сама всё будешь знать, милая, и Братия поможет. А я... Я хочу домой, к себе.

— Я тоже хочу домой, к тебе. Подожди немного, вот разделаюсь тут с увольнением, продажей квартиры, и поедем.

— Зачем всё это, девочка?

— А на что мы будем у тебя жить? Продам квартиру, соберусь, а там и устроимся.

— Тина! — Баба Саня отодвинула чашку, и сложила на груди тонкие, сухие руки. — Зачем я тебе нужна?

— Затем, чтобы ты у меня была! Я одна. У человека должен быть кто-то родной. Теперь у меня есть ты. И, знаешь, странные у тебя вопросы, нет, прости, дурацкие даже. Или я для тебя обуза?

— Как ты можешь быть обузой, Тина? Это я тебе обуза...

— А вот это уж мне решать, кто ты мне. Баба Саня, не спорь! Давай, ты немного подождёшь, и мы поедем вместе. Или останемся, там поглядим... Ты только не забывай: кроме тебя у меня никого нет, только ты... и Док.

— У тебя есть друзья, Олег, эта девочка тоже.

— Зойка? Она будет искать свою жизнь, как только всё наладится. А друзья, конечно, останутся друзьями, но это же не родные.

— И я тебе не родная по крови, Тина.

— У меня не осталось родни по крови, а родня по свойству такая, что... Да ты сама видела. Зато у меня есть родня по сердцу — это ты и Док. Я сама вас выбрала, и не собираюсь терять... Ты — моя Опора. Прошу тебя, Баба Саня, не бросай меня пожалуйста. Будь со мной всегда! А теперь давай-ка я сварю овсянку, мы с тобой поедим, и я немного посплю. Я устала на своих стрельбах, и, может быть, сумею задремать.

Баба Саня смотрит на меня внимательно и задумчиво. Совсем как... Хорошо смотрит, как будто вспоминает что-то важное и близкое своим мыслям. И слабо улыбается, погладив меня по щеке.

— Ну и правильно, отдохни. А кашу я сама сварю. Может, мясо поджарить, Тина?

— Баба Саня, сейчас же пост.

— У Защитников всегда есть разрешение полноценно питаться в пост. Им нужна сила... А ты вся прозрачная уже, откуда силы.

— Не могу я мясо... Воротит.

— Ну, значит, рыбки. Васо такой рыбки прислал, лучше мяса. Осетрина. Запеку, в сметане. Это быстро. Полчаса подождёшь?

— Да, подожду, спасибо, Баба Саня. А ещё спрашиваешь, зачем ты мне нужна. Кто бы обо мне заботился, если не ты? Я твою рыбку в сметане так люблю, что умну всю, сколько бы ты не запекла...

На следующий день меня прямо в подъезде остановили две девушки.

— Это вы Шувалова Кристина Аркадьевна?

— Да, я, а в чём дело?

— Мы из поликлиники. Вы пропускаете сроки прививок... А у нас план — вежливое сообщает мне одна из них, та что повыше ростом.

— И что же? Мне следует прийти на прививку? Когда?

— Нет, мы ходим по домам, сверхурочно. Не все приходят в больницу: дела заботы. Вот мы и работаем по месту жительства.

— А вы медсёстры?

— Да, у нас документы с собой, и всё необходимое. Вам нужно только заплатить за одноразовый шприц.

— А что за прививка?

— Дифтерит, столбняк. Как обычно.

— Хорошо, проходите — я жестом предлагаю им подняться наверх.

— Можно здесь, укол делается в руку.

Я насторожилась только тогда, когда они с видимым усилием зашли в нижний холл. Обыкновенные девчонки, лет по восемнадцать-двадцать, ничем не приметные. Документы у них, вернее всего, в порядке, и задание, и план от поликлиники есть... Но всё же...

— А в нашем доме ещё кто-то есть по плану? Ну, из злостных уклонистов? — как бы между прочим спрашиваю я, скидывая на угловой столик пальто.

— Нет, только вы. Вы, и в доме номер восемь, Пономарёва.

— Что, на весь квартал только два человека недисциплинированных? Надо же...

— Мы получили задание от процедурного кабинета. Куда сказали, туда и идём.

Самые обычные девчонки. Они просто выполняют то, что им говорят. Возможно, это, в самом деле, простая прививка. Пономарёва — знакомая мне молодая вдова из Скворечника. У неё малыш лет двух, и, конечно, не может быть никаких связей с сектами, я её видела выходящей из церкви сто раз. Скромная, тихая, замкнутая.

Я начинаю неторопливо закатывать рукав.

— А у Пономарёвой тоже прививка против дифтерита?

— Нет, для неё другая ампула. Встаньте ближе к свету, пожалуйста.

Когда она достаёт ампулу, Алексо ударяет мне под сердце. Я знаю, что нужно делать: такой фокус в нашей Радуге все выполняли с непревзойдённым мастерством, из года в год, из поколения в поколение. Я наклоняю голову, и начинаю кашлять. Кашляю долго, умело и глухо, как после бронхита, с отсутствием мокроты. Одна из девушек застывает с полным шприцом, а вторая отрывается от блокнота, где собиралась делать пометку.

— А вы нездоровы, Кристина Аркадьевна?

— Уже отгрипповала. Второй день на ногах.

— Температура есть?

— Вчера уже было всего тридцать семь и три, сегодня, кажется, нет.

— Вы ещё больны. Температуру когда мерили?

— Разве тридцать семь — это температура? Да я всю неделю под сорок сбивала...

Мерила вечером.

— Сейчас вам прививку делать нельзя. Придётся месяц подождать.

Момент истины... Девочки, на самом деле, не причём. Они пришли с тем, что им дали. Использовали втёмную. То, что им не нравится мой запечатанный холл, зависит от их контакта с сатанистом. Прямого контакта.

— Куда мне выбросить шприц? — огорчённо спрашивает медсестра.

Я вздыхаю с искренним натуральным сожалением: Ах, как неловко... Извините, что так получилось. Сюда, пожалуйста, вот корзинка для мусора.

— Ничего, бывает... Но за шприц...

— Конечно, конечно, я заплачу. — Я сую полтинник девушке с блокнотом.

— А мелких у вас нет? Поищите, пожалуйста. Мы только начали... Я сдачу не наберу.

— Господи, какая сдача? Я вас так подвела... Не надо никакой сдачи, на автобус себе оставьте. Вам хотя бы доплачивают за такую работу?

— Да, это ещё полставки. Получается две — с видимый удовлетворением говорит одна, а вторая кивает.

— А полторы в поликлинике? Вы в процедурном кабинете поликлиники работаете?

— Нет, в отделении. В процедурном свой штат, всего две единицы. Им на весь день

работы хватает, а сверхурочно — это уже мы.

— И кто же вами командует? Процедурная сестра?

— Старшая там фельдшер, но она старенькая уже, на пенсии. Руководит, конечно, Алла Семёновна, сестра.

— Ну, и как она, сильно гоняет?

— Да нет... — Девчонки переглянулись, помялись. — Строгая, конечно, но справедливая. Зря не накричит.

Значит, Алла Семёновна... Процедурная сестра. Что-то с ней не так. Хорошо, узнаем. Обязательно узнаем. Вечером спрошу Дока, когда позвонит...

— Вы уж простите, девочки, что так получилось. А в поликлинику я зайду, обязательно.

— Ничего, бывает. Но вам лучше не выходить, побережься — грипп сейчас коварный.

— Я на машине, меня подвезут. Да и недалеко здесь, минутное дело. Вас подкинуть?

— Нам же ещё к Пономарёвой. Нет, спасибо.

Вот так... Обложили. Если бы я сейчас работала, эти девочки пришли бы в Бытсервис с какой-нибудь прививкой от гриппа, и там под сурдинку, вкололи мне всё, что даст Алла Семёновна. И я бы даже не насторожилась в общей массе сотрудников. Или, меня предупредил бы Алекс? Да, он бы меня предупредил. Я уже не раз проверяла свои впечатления о людях его поведением. И очень нередко оказывалась права. Но не всегда... Валюшкиных дружков, например, я запросто смогу не узнать, если эта зараза решит осуществить свои угрозы... Нужно уделять больше внимания тренировке сознания и воли — Баба Саня права!

Всю дорогу до «Сервиса» Маго, я незаметно поглядывала по сторонам. Явной слезки не было, а всех фокусов этого хитрого дела я не понимаю. Но и так уже было ясно, что в покое меня оставлять не собираются. Убирать пока тоже, кажется, не спешат, но это «пока». Пока не убедятся, что голыми руками меня не возьмёшь, не уговоришь, не заставишь. Моё каменное упрямство ужасает порой даже меня саму, но Хорс об этом ничего не знает...

Зойка боится спать одна, и это вполне понятно — слишком много ей пришлось пережить. Но она отлично держалась, не всякому мужику такое под силу. Я приютила её в своей спальне на раскладном кресле, чтобы не тревожить попусту Бабу Саню. Что самое удивительное, Зойка прекрасно чувствует себя, когда я брожу по ночам, без конца залажу в бар за минералкой, выглядываю в окно. Стоит мне замереть — и уже она начинает метаться в постели, тяжело дышать, всхлипывать во сне.

Ей спокойней при звуках человеческого движения, чем в тишине. Она рассказала, что почти неделю провела в комнатухе возле склада, где по ночам стояла жуткая мёртвая тишина, иногда прерываемая невнятным шёпотом и царапаньем стен. Тогда она сбивалась в комок на кровати, и колотилась всем телом, пялясь в темноту.

— Это были неживые, Тина! Целый подвал нежити. Как раз за тем поворотом, до которого мы не дошли. Перед выходом на лестницу, в той бане. Может, и Танька среди них... Ненавижу, ненавижу этот бассейн.

— Он теперь закрыт. И надолго, я думаю, если не навечно. На дне там должна быть такая каша, что за десять лет не соскоблишь... А работничков у Хорса поубавилось. С охраной он тоже разругался. В Автосервисе, ребята болтали, отказался платить охранникам. А когда прижали посильнее, рассчитал всех своих рабочих и служащих до последнего.

— Значит, мы ему всё-таки пощипали перья?

— Конечно, и очень чувствительно пощипали: армию наш Фюрер потерял, охрану разогнал, соратников не досчитался.

Зойка уже отоспалась после поездки, и теперь иногда просыпается среди ночи, садится в постели, обхватив руками ноги, и смотрит, как я тяну глотками холодную воду.

— Нас теперь тоже только трое осталось, Тина — с опаской заглядывая мне в глаза, говорит она.

— Зато мы все в тельняшках! И стоим десятка! — я иду к окну, и дотягиваюсь до форточки, вдыхаю пахнувший сыростью воздух: Морем пахнет. На севере весенняя ночь пахнет травами, на юге — морем.

— Ты думаешь, мы справимся, Тина?

— Нет, не думаю. Нужна подмога. Это вопрос, о котором я думаю в последнее время.

— Ты бандитов хочешь нанять? Или...

— Или. Хотя, бандиты, тоже, не самый худший вариант. Никаких хлопот, никаких обязательств, заплати пощедрее — и всё. Но времени на их отбор и подготовку мало. И объяснения придумывать — тоже масса лишних хлопот.

— Тогда, что, у Маго будешь просить помощи?

— У Васо.

— Почему у Васо? У Маго самые лучшие джигиты в городе.

— Во-первых, Васо православный грузин, для которого женщина статусом всё же повыше домашнего животного...

— У Маго тоже есть православные. И статусом ты для него повыше многих мужчин.

— ... А во-вторых, Васо отец троих детей, и ждёт четвёртого, от любимой жены.

— Вот так всё запущено, да? Думаешь, что Маго... Конечно, он к тебе равнодушен, козе понятно. Я просто никогда об этом не задумывалась, а это невооружённым глазом

видно... Наверное, это потому, что ты ведёшь себя так, будто ничего такого нет... Но он же готов ради тебя вдребезги разбиться. И потом, ты его от пули спасла, и имеешь право...

— С кавказскими мужчинами никогда не знаешь, где находится грань, за которой права переходят в обязанности.

— Значит, ты ему не доверяешь?

— Я ему доверяю. Доверяю всё, что могу доверить. Он, в самом деле, лучший в городе. И хороший человек, и надёжный друг, и неотразимый мужчина. Но он из той породы людей, для которых внешняя умеренность не является гарантией внутренней. От близких людей ему нужно всё: их счастье, их горе, чувства, мысли, секреты...

— Так он и сам всё отдаст.

— Нет, потому что он мужчина. Кавказский мужчина, а, кроме того, ещё и глава клана. Мы с ним можем дружить только так, как дружим — с корректной прохладцей, издалека.

— А Док тебе всё доверяет? Каждую мелочь?

— С Доком совсем другое. Мы с ним родные по духу. Птицы одного полёта. Думаешь, он за меня не боялся там, в бассейне? Да хуже проклятого тряся, но он знает, что меня не удержишь. И я за него боялась, но тоже молчала. А Маго окружил бы меня двойной цепью боевиков, готовых сдувать пылинки, подать «Кока-колу», и, главное, прикрыть виды на самое страшное. И бояться за него я не имела бы права — женское дело беречь красоту, а не умирать от тревоги. Понимаешь?

— Да, кажется, понимаю...

— Теперь представь себе, что Маго идёт со мной на Майскую ночь. Всё сам, только сам! Какие там джигиты! Кому меня можно доверить? А ведь это уже не просто уничтожение нежити. Это противостояние двух сил, и я главное лицо с нашей стороны. Я на это нацелена, специально обучена, и готова на всё. И рядом Маго, оберегающий каждый волосок на моей голове. Комментарии требуются?

— Не требуются... Но мне было бы спокойнее, если бы он тебя оберегал.

— Меня уже оберегали один раз, и сберегли... Такой дорогой ценой, что у меня на эту тему до сих пор слов нет... одни вопли.

Зойка передёргивает плечами, закутывается в одеяло. Отводит глаза в сторону.

— И не мудри, Зойка, предупреждаю. Если ты скажешь Маго хоть одно слово, я этого не забуду. Есть вещи, которых я не прощаю, слышишь? Я тебе этого никогда не прощу!

— Слышу. Я не скажу, Тина, честное слово, не скажу. Ну, хочешь, перекрещусь?

— Не надо, я и так верю. А перекрестись лучше на сон грядущий. И спи давай, у нас завтра день трудный...

Звонок Льва Борисыча ворвался в мой беспокойный сон, когда я искала и не находила кого-то в тёмном густом кустарнике. Я продиралась сквозь заросли, путаясь ногами в траве, а воздух вокруг был жёлто-оранжевого цвета, сухой и душный. Бордово-грязные тени перемещались с двух сторон от меня, и от них тоже несло жаром. Прохлада маячила впереди, но я никак не могла до неё добраться, до нежной, желанной, голубовато-зелёной, как вода, ласково журчащая в жёлтом тумане...

— Алло, Тина, это ты? Здравствуй. Нам нужно поговорить. Ты давно не звонила... Ты можешь подъехать в салон?

— Что случилось, Лев Борисыч? Важный заказ?

— Нет, не заказ... Здесь у нас такое... В общем, ты очень нужна здесь. Приезжай, мы ждём. Все вместе. Пожалуйста, если можно, поскорей. Мы не пойдём на обед, так что лучше

прямо сейчас.

Я собиралась минут двадцать, успев отмочить лицо в холодной воде и выпить кофе, насильно всунутый мне Зойкой, вместе с пирожком. К Изумруду подскочила после двенадцати, и на всякий случай поручила свой рено знакомому охраннику.

— Глаз не спускай. Сюрпризов что-то, в последнее время много стало...

Мастерская выглядела по-прежнему, но чувство было такое, как будто я вернулась сюда через много лет. Производственно-художественные хлопоты остались позади, как сладкий сон, и были дальше Северного полюса.

Они откликнулись на моё приветствие, и я сразу засекала озабоченность Льва Борисыча и замкнутое одиночество Ашота. Ильяс растерянно вертел в руках серый рабочий фартук, и хмурился. На Витьке лица не было. Таким ошарашенным и перепуганным я его не видела никогда.

Витька в шоке, Ашот отводит глаза. Ясно, он не хочет меня впутывать, это Лев Борисыч настоял. А Витька... Кажется, я знаю, что с ним. От его новостройки до реки — всего ничего. Сад-огород как раз выходит к плёсу.

— Рассказывайте! — предлагаю я, встав перед Львом Борисычем: Что случилось?

— Тут такое дело, Тина... Садись, пожалуйста, разговор долгий... — приглашая меня устраиваться поближе шеф запнулся, снял очки и достал платок из кармана. Протёр стекла очков, уложил их зачем-то в футляр, потом достал и снова надел. Таким я его ещё не видела... Ашот поднял на меня глаза, сцепил над столом руки: — Тина, тебе придётся поверить в... то, что услышишь.

Лучше бы мне не слышать, а тебе не говорить, но я поверю — думаю я. — Конечно, поверю. Что мне ещё остаётся?

— Я поверю, Ашот. Поверю всему, что услышу. Теперь говорите. Ну, Виктор, рассказывай.

Витька очень дружно живёт с родителями и всей роднёй жены. Это среди корейцев не редкость, они умеют не демонстративно, но основательно обособиться в своём семейном клане, сделав его «государством в государстве». Для таких целей и строится на том берегу огромный двухэтажный дом, предназначенный соединить многочисленную родню под общей крышей. Только спален в нём спланировано около дюжины, а земельный участок рассчитан на целую подсобную фабрику: на земле все корейцы трудяги и кудесники.

Витька пропадает на стройке все выходные и праздники, и в будни прихватывает час-другой, до темноты. И, конечно, ставит мелкие ловушки для рыбы по берегу. Вчера перед заходом солнца он обошёл свои морды (так они называются), вниз по течению, и, набрав целое ведро рыбы, решил проверить возле своей лодки в камышах. Уже подходя, он заметил что-то белое через сухие стебли, и подумал: местное ворьё из бомжей или малолетняя шпана. Но это были не воры.

В лодке сидела Нина Сергеевна, обнажённая по пояс, а ниже — обросшая серо-бурой травой или шерстью. На дне, положив ей голову на колени сидела голая Маринка. Нина Сергеевна поглаживала дочь по длиннющим седым волосам, и пела известную телевизионную колыбельную, снабжая песню непристойными идиоматическими оборотами. Маринка жеманно закатывала бледные глаза, и тоненько хихикала в самых пикантных местах. Витька застыл, и, уронив ведро, с размаху сел прямо в лужу от пролитой воды. У него отнялся язык, а ноги стали невесомыми. Маринка оглянулась на него с деланно-скромным выражением синеватого, с чёрными пятнами лица, и пропищала:

— Ой, Витя... Не ждали, Витя, не ждали... Ну, привет, Витёк! Как ты поживаешь?

Витька сумел только раскрыть рот и вдохнуть немного воздуха, чтобы не сдуреть окончательно.

— Как там наши? Все здоровы? А Тина? Ты её трахаешь, Витя? — весело спросила Маринка.

У него ещё хватило сил отрицательно помотать головой, а Маринка, раздражаясь, уже завела, капризно шепелявя и картавя, как дошкольница: Трахаешь, трахаешь, не отпирайся. Ты у нас такой проказник, Витя... — Она шаловливо пригрозила пальчиком, и переменила возмущённый тон на обиженный.

— А меня никогда не трахал, Витенька! Как не стыдно! Я же красавица! Не чета вашей Тинке. Я — мисс!

— Молчи, бесстыдница, — с шутливой строгостью пропела Нина Сергеевна, и шлёпнула дочь в готовно подставленный голый зад. — Порядочные девочки так не говорят.

— Я не порядочная, не порядочная. Это у нас Тинка порядочная. Зато у меня, непорядочной — тёплые мальчики, а у Тинки — подложный. Она из него домового сделает, ха-ха-ха!

Витька продолжал без сил сидеть среди дёргающейся, подпрыгивающей рыбы, и так же, как рыба, беззвучно раскрывал рот.

— Иди ко мне, Витя! — ласково поманила Маринка, отводя волосы от своей белой груди и встав на лавочке лодки на колени. — Я сейчас тёплая. А внутри — пожар, — а потом, кривляясь, заламывая руки, пропела: Тебя я лаской огневою и обожгу и уголю!

— Нет, я уголю. — Нина Сергеевна кокетливо улыбнулась, демонстрируя щучьи зубы. — Я умелая женщина, с опытом, и очень прохладная. Не надо никакого огня — ласки должны быть холодными. Огонь — это плохо. Тинка своим огнём мою дорогую девочку уже обласкала, хватит. Но ей мои слёзы материнские ещё отольются, молодой человек! Кровью смоем — клянусь! Но не хотите ли вы, наконец, приступить к любви, юноша? Я вся ваша!

Маринка заартачилась: Да пошла ты, старая... к себе, в болото.

— Не смей так с матерью разговаривать!

Нина Сергеевна отвесила дочери крепкую пощёчину, и у Маринки выпал, повис возле носа левый глаз. Она преувеличенно-спокойно и аккуратно вставила его на место, и в ответ дала матери ногой в живот. После этого жуткая парочка затеяла драку, раскачивая лодку, вырывая друг у друга клочья шерсти, волос и кожи. Потом оторванная корявая рука в чешуе упала возле Витьки, и уцепилась длинными загнутыми когтями за его высокий резиновый сапог. Это вывело беднягу из состояния ступора. Он вскочил на четвереньки, а затем, уже на ногах, рванул к машине, оставленной на берегу... Обманутые в своих вожделениях дамы, поначалу не заметили в пылу драки его бегства, но, спохватившись, попытались догнать. Отстали только на мосту. Витька помчался прямо ко Льву Борисычу.

Мы помолчали. Ашот уже не спускал с меня глаз и был заметно расстроен, что я не удивляюсь. Не удивилась — значит, знаю.

— Тина, это в самом деле ты обожгла Маринку? Как? — спросил Лев Борисыч.

— Навела на неё свой крест. Тот самый. Мне отдал его Дан.

— Что это было, Тина, скажи? — выдавил из себя бледный Витька, поднявшись с места и встав возле стола Ашота, лицом ко мне. — Почему они такие? Как это случилось?

Ильяс отбросил свою тряпицу, и тоже придвинулся, испытывающее буравя меня глазами в пол-лица. Все были встревожены, ошеломлены. Все, кроме Ашота. Он тоже

знал...

— Почему же ты молчала, Тина? — Ильяс уже не скрывал нетерпения. — Почему не сказала никому?

— А кто бы мне поверил? В дурдом не хотелось — вот и молчала.

— Так расскажи теперь. — У Льва Борисыча было несчастное, но, как всегда, доброжелательно-сдержанное лицо, а голос твёрдый и почти спокойный.

Не нужны никакие боевики Васо! — внезапно пришла мне в голову мысль. Вот она — команда, которую я знаю и люблю, в которую верю. Каждый стоит отряда. Я могу пойти с ними хоть куда... Я могу... и не хочу... но я пойду! Если я им откажу, они меня свяжут и понесут на руках, как боевое знамя.

И я рассказала всё в третий раз. Медленно, спокойно и сухо, без эмоций, с оценочными комментариями, расчётами, догадками. Я говорила обо всём, кроме Братии, которая была тайным союзом. Когда я закончила, в мастерской стало тихо. Лев Борисыч снова протёр очки белоснежным платком, Ильяс пробормотал слова молитвы, Витька помял лоб и щёки ладонями. На Ашота я не взглянула ни разу за всё это время. Мне кажется, он тоже иногда кричит про себя, а это только его личное дело...

— И что теперь делать, девочка? — прервал молчание Лев Борисыч.

— Подождать.

— Чего ждать? — Витька вскочил и забегал по мастерской. — Как ждать? У меня семья! Одних детей одиннадцать человек. Чего же ещё ждать?

— Майской ночи. С тридцатого на первое наступает ночь Большого шабаша. На шабаш в честь неё соберутся все сатанисты города. Тогда, даст Бог, мы и встретимся. Лицом к лицу.

— И что? Они будут стоять и ждать, когда ты разобьёшь их своим крестом? — Витька остановился напротив, наклонившись ко мне помятым от недосыпания, серым лицом.

— Не думаю... Но я тоже не собираюсь просто стоять. Я готовлю на это случай целый сценарий. И оружие.

Он успокоился так же внезапно, как и вспыхнул. Принёс свой стул и уселся передо мной.

— Говори, Тина! Я хочу получить роль в твоём сценарии.

— Тиночка, надо хорошенько всё обдумать, очень хорошо! Я знаю, у тебя светлая голова, — подал реплику Лев Борисыч. — Только одна голова хорошо, а две... три лучше.

— Четыре, — отозвался Ильяс, а Ашот, молча подняв руку, отметив своё участие, переменял позу и успокоил обе руки на коленях.

— Говори, Тина! Хоздравати!

Это странное слово — волшебное. Оно приносит мне покой. Как давно я его не слышала... Как-то пыталась сказать сама себе хоз-дра-ва-ти, но эффект был совсем не тот. Без характерных Ашотовых растяжек и придыханий это просто слово, у него — как прикосновение.

— В первую очередь нужно выяснить, где прячется Хорс. Он затаился, но из города не уехал — слишком много наворочал, бросать жалко. Прячется где-нибудь на окраине. Там его не достанут зареченские, с которыми у секты вышел конфликт. Это лучше узнать тебе, Ильяс, через ребят Маго. Мне нельзя — Маго сразу насторожится и начнёт «принимать меры». А ты можешь придумать что-нибудь, про предполагаемый заказ, например...

— Да я вообще к ним не полезу — обещает Ильяс: Через дядю всё узнаю. Он теперь у Маго в Сервисе работает.

— Так... Хорошо! Мы установим слежку. Время терпит и несколько дней ещё есть.

— Оружие я возьму на себя, — предлагает Витька.

— Много его не понадобится. У меня своё, у Ильяса, наверное, тоже... — отвечаю я.

— Да, есть, как без оружия. Охотничье есть и боевое найдётся, если поискать. — Ильяс на мгновение опускает глаза в пол и, стряхнув какую-то невесёлую мысль, с лёгким вздохом говорит: — Уж чего-чего, а оружия-то, кругом достаточно...

Мне хочется погладить по голове этого мальчика, который насмотрелся на боевое оружие к своим 23 годам до упора, но я продолжаю: — Обязательно понадобится взрывчатка. Особая, чтобы огня и шума побольше, но в одном месте. И чтобы с её помощью можно было распылить особое снадобье.

— Огонь, шум — это я устрою, — говорит Ашот, неподвижно сидящий на своём стуле.

Я даже не спрашиваю про взрывчатку. Если Ашот говорит, что может, значит, он может. Только, — откуда?

Лев Борисыч настаивает на соблюдении секретности, и мы соглашаемся. Посвящать будем только самых близких, в минимальном количестве. Огласка ничего хорошего не принесёт, да и кто поверит. Для Витьки такое решение, конечно, проблема, а мне и выбирать нечего. Мои близкие знают всё. Мы расстаёмся в конце рабочего дня, и я подвожу «безлошадного» сегодня Ашота. Ехать далековато, но я и не спешу. В три меня ждёт Аскер, у меня есть ещё более получаса.

Рядом с Ашотом, даже расстроенным, как всегда, хорошо. Он излучает прямо осязаемое тепло и симпатию, и я по привычке жалею, что не провела рядом с ним всю жизнь. Мне хотелось бы ходить с ним в один детский сад, а потом сидеть за одной партой в школе, и, если можно, жить по соседству. Лет в шестнадцать он бы, возможно, в меня влюбился, а лучше раньше — чтобы мы успели это пережить, и поняли, что есть вещи куда важней и дороже любви...

— Скажи, Ашот, ты знал? С тобой что-то было... подобное?

— Не со мной, с Мадиной, младшей сестрой. Она соцработник, работает с бомжами. После благотворительной раздачи в Сарае её провожали до остановки наркоманы... И в безлюдном переулке на них напали два чудовища из фильма ужасов. Одного парня сразу разорвали на куски, а второй дал ей время убежать. У него был крестик на шее и нож.

— И ты ей сразу поверил?

— Не сразу. Думал, игра воображения со страху. Съездил, посмотрел... и поверил. Это не могли сделать люди... Я скажу только Мадине, Тина. Больше — никому.

— А ведь тебе нельзя собой рисковать, Ашот. Ты старший в семье.

— Племянник через два месяца получит паспорт, двоюродные дядья живут на побережье, у них есть сыновья. Будет, кому зажигать огонь, если что... И потом, Витька тоже старший, хоть и не годами, а у Льва Борисыча вообще одни женщины: тётки, жена с сестрой и три дочери на всех. Незаменяемых нет, Тина, ты же знаешь. Со мной полный порядок, поверь. Ужасно, что в этом придётся участвовать тебе.

— Что же тут ужасного? Я достаточно сильная, будь уверен. И мне-то как раз некого сиротить. Моя родня, в отличие от всех вас, осиротеет благополучно и счастливо.

— А старушка? Твоя Баба Саня?

— Она не старушка, у неё ещё хватит пороху... Но ты прав, я не могу оставить её одну. Значит, я должна выжить, и я буду об этом помнить. У меня получится, Ашот, вот увидишь. Я хорошо подготовилась — в огне не горю, в воде не тону... Я выживу.

Навстречу Ашоту из дома по ступенькам, слегка припорошенным лепестками абрикосовых деревьев, сбежала дивная красавица, худенькая, в свободном длинном платье цвета бордо. Я поняла, что это Мадина. Они были очень похожи, только он блондин, а Мадина — с чёрными, как ночь, глазами, с волосами, отдающими синевой. Я поздоровалась с ней, и невольно улыбнулась тому неподдельному искреннему восхищению, с которым меня рассматривала эта сказочная восточная пери.

Женщины национальных меньшинств странные существа. Даже самая несравненная красавица всегда с восторгом воспринимает светлые волосы и холодные северные глаза. Одного этого достаточно, чтобы прослыть среди них совершенством. Представляю, как семья гордится белокурым Ашотом — он, наверное, завидный жених, несмотря на недостатки осанки.

Мы познакомились и немного поболтали. Мадина стала приглашать в дом. Мне очень хотелось с ней подружиться...

— Простите, я спешу. Может быть, в другой раз. Ты же знаешь, Ашот, мне нужно ехать, заступись за меня.

Она внезапно нагнулась и поцеловала меня на прощанье, обдав сладко-горьким запахом пряностей: Тина, до свидания! Мы ещё увидимся. Я это знаю...

Я обязательно к ней приеду. Потом. Кто сказал, что друзей должно быть мало? Это я всегда говорила... Ну да, это так: друзей должно быть мало. Но они обязательно должны быть.

Вообще-то мне хотелось только стрелять. И как можно лучше. Разговоров на сегодня уже хватало. Но Маго стоял нахмуренный, не разделяя шумной радости своих ребят по поводу моих достижений. Ну вот, новые осложнения... Почему бы ему не бросить эти свои замашки сеньора? И где же я опять «наследила»? Может, он всё знает? Всё-всё. Например, кто-нибудь подслушал наше совещание в мастерской? Или он вычислил похитителя кассеты и сам добрался до Хорса?

Что он вообще знает о секте? Что-то, конечно, знает. Док сам узнал, и Ашот, и Витька... сколько ещё таких по городу. А Маго положение обязывает, у него целая община. Про побоище в бассейне ему, возможно, донесли. С зареченскими у него зыбкое перемирие, да они и сами толком не разобрались, что к чему. Ну, сатанисты, ну фокусы, ну с трупами возятся. Загадили баню? Так свою же, арендованную. Чего-то там сожгли на своих дурацких бдениях? Я там не засветилась, мы по-тихому ушли... Кто стрелял, кого убили? Никого!

Я подбиваю новую «тарелочку», и снова шум, восторги, одобрительные возгласы.

Ничего конкретного он не знает. Не может знать, только слухи. Он, вернее всего, пытается связать мою боевую активность со многими разными происшествиями, и не знает, на чём остановить выбор. Если бы он знал всё о секте, давно попытался бы разогнать её. Разогнать... а не перебить. Вот тут-то и весь Маго. Справедливый. Сначала разобраться, выслушать все «за» и «против», потом экзекуция, желательна, бескровная. Маго и так сильный, зачем стрелять? Кровь не вода, а все люди — люди. Так люди же! Гос-по-ди!

Я представляю себе какую-нибудь субтильную красотку из навья, смыкающую заточенные зубки на этой высокой смуглой шее... И мажу. Мальчики огорчённо цокают. Ладно, ещё шгук шесть, и хватит!

— Чего такой хмурый, Маго? Заботы одолели? — спрашиваю я, закончив со стрельбами.

— Много всего. Дела...

— Ну так не взваливай всё на себя. Делай, как Екатерина II. Ставь нужных людей на нужное место, и с них спрашивай.

— А ты так и делаешь, Тина? Да? — он бросает на меня исподлобья испытывающий взгляд: Всегда?

— У меня царство крошечное, Маго. Я да Баба Саня с Зойкой. А у тебя империя.

— Так примыкай к нам. Не дадим друг другу погибнуть.

— Ага, мы будем вашей колонией... А там ты Зойку за своего джигита замуж возьмёшь. Засватаешь.

— Это плохо?

— Чего же хорошего? Приду к ней в гости, она меня за стол рядом с мужем посадит, и будет угощение подносить, вся в золоте, в хиджабе из дорогой парчи... И ждать за занавеской, пока позовут.

Он темнеет лицом, но молчит. Потом меняет тему: Ты стала выезжать, Тина, на работе была. Как там ваши, все в порядке?

Вот оно что... Боевик из охраны. Я ему сказала: глаз не спускай с рено. Маго хочет знать, чего я боюсь. Стрелять научилась, живу с оглядкой... На кого вообще покушались: на Васо или на меня?

— Там, как будто, всё нормально. Все живы-здоровы...

А Витька явился, как с креста снятый. Это боевик тоже мог видеть. Потом вызвали меня, и это, кстати, ясное дело, неспроста...

— ... Есть небольшие неприятности. Семейные, но не из-за меня — продолжаю я, как ни в чём не бывало, самым естественным тоном, на который способна.

— А из-за тебя могут быть неприятности? Тина, не верю. Такого не может быть — улыбка у него тоже сдержанная, одним ртом, но вполне спокойная и благожелательная.

— Я, в общем-то, тоже не верю, но проверила.

— Что проверила?

— Из-за меня или нет, катят бочку на Витькину родню. Не из-за меня, теперь мы это выяснили. Пацаны поцапались, вот и всё. Маго, а что это ты меня допрашиваешь? Случилось что? Ты что-то знаешь?

Вот так, вопросом на вопрос. А Витьку предупрежу. И всех наших. За три дня даже Магс ничего раскопать не успеет. А там уже неважно: всё кончится. Так или этак...

— Не случилось... Что может случиться? Просто в городе неспокойно. Люди пропадают... У меня тоже, исчезло, без следа, несколько человек.

Вот это да! Вот это лояльность! Или... подкуп? Я тебе пожалеюсь, а ты мне. Лисица ты Маго. Маго мне друг, но... истина — лисица... Ладно, пожалеюсь и я. На что бы только...

— Опять разборки? Вы же всё уладили!

— Сам не пойму. Вроде, уладили, а там кто его знает... Чужая душа — потёмки.

— Да-а-а-а! Надоело мне — хоть умирай! Сколько можно! Вот теперь и думай, на что нарвёшься: опять на свою свару или на чужую — с досадой говорю я, искоса наблюдая, как он поворачивает ко мне лицо.

— А у тебя свара? Какая? — немного деланно удивляется Маго: Какая у тебя может быть свара, Тина?

— Так, мелочь. Не стоит твоего внимания, обыкновенная женская склока. С неродной роднёй поцапалась. Никак не могут успокоиться насчёт моего «богатства». Снова деньги приходили просить. Вот скажи, Маго, я богатая? Очень богатая, по-твоему?

— Не знаю, никогда не думал об этом... Тина, это ты из-за них пистолет завести решила?

— Дался тебе этот пистолет! Нас с Васо чуть не почикали в машине... Все стреляют, а мне что, ждать у моря погоды, пока в меня попадут?

— Они тебе угрожают? Твои родственники?

— Ой, Маго, я тебя умоляю... Только ты не вмешивайся, Христа ради — досадливо-шутливо прошу я (не переиграть бы: Маго знает, что я не люблю просить), и продолжаю уже более нейтральным тоном, как бы опомнившись: Нехорошо это. Не мужское дело с дурами разбираться. Да и нечестно. Может, она так сболтнула...

— Тина, я тебе обещаю. Не буду вмешиваться, если дело простое. Ну, припугнём немного, и всё. Клянусь!

— Валюшка пообещала натравить на меня шпану... — «решаюсь признаться» я с огорчённым видом: Чтобы они меня прижали в тёмном углу. Тогда я запою.

Вот такое лицо стоит показать Валюшке. Можно даже ничего не говорить, она меня и так навсегда забудет. Чего же я раньше не догадалась?

— Что ты сделаешь? — шёпотом спрашивает Маго, и даже не бледнеет, а зеленеет, прищулив глаза и раздувая тонкие ноздри.

Я отступаю от него на шаг. Это страшновато... Кажется, многого уже навидалась...

— Маго! Я дура, не надо было говорить! Вот дура, ну дура! Сколько раз давала себе слово не трепать языком. Твои джигиты теперь дров наломают...

— Не наломают, я пообещал. — Он снова спокоен, и даже, кажется, улыбается. — Только припугнём, Тина. Но ты будь поосторожней, пока всё уладится. Обещаешь?

У меня бежит струйка пота по спине, но я тоже кривлю губы в подобии улыбки.

— Обещаю, но в разумных пределах. Под столом сидеть не буду. И, ради Бога, Маго, не надо никакой охраны! Я и так хранимая, меня уже мальчишки Васо задолбали. Даже ночью из дома не выглянешь. К окну подойдёшь — часовой внизу, на крышу глянешь — часовой вверху, из двери выйдешь — часовой под носом. В туалет страшно заходить стало! Как в тюрьме... А днём — совсем тоска!

Это я вру, вернее — привираю. Днём меня не пасут. Я сама предупреждаю, когда выхожу. Но выхожу редко — на рынок, к Аскеру, теперь — вот, в Изумруд, и всё. Захочу выйти незаметно — пройду через дверь в чулане и подвал, к Скворечнику. Не ходила ни разу, но пойду. В Майскую ночь.

— А зачем тебе ночью из дома выходить? Куда?

— Собаку выгуливаю, на пяточке, в сквере.

— Ты собаку завела? — снова настораживается он: Какую?

— Подобрала, больную, с перебитыми лапами. Немецкая овчарка. Может, кавказской крови чуть есть...

— Зачем же надо было подбирать? Я бы тебе обученную привёз, с документами.

— Он и есть обученный, просто ничей. Очень хороший кобель, умный. С документами, да породистых, все хотят. Бегают, ищут, хлопчут... А бродячим как жить? От отстрела до отстрела? Он уже есть, Маго, и хочет быть. Мы с ним ладим, он за меня готов драться насмерть, а я его люблю. Зачем мне другой?

Маго снова смотрит задумчиво, и я ничего не могу прочесть на его лице. Ну и не надо! Хватит разговоров на сегодня, уже голова гудит. Два больших дела сделано, две проблемы решены... Нет, три: Валюшкины угрозы тоже на психику давили. Без неё забот хватало... Можно считать — вполне удачный день.

... Она дожидалась меня в подъезде, возле запертой двери в подвал, совершенно незаметная в чёрном плаще с капюшоном. Я уже шагнула в свою дверь, когда услышала сзади шаги. Только и успела развернуться на сто восемьдесят градусов, лицом к ней, выхватив пистолет.

— Нет, Тина, нет! Пожалуйста, не стреляй! Это я...

Она испуганно отпрянула назад, и стала заваливаться, судорожно вдыхая посиневшим ртом. Я подхватила её, и отпустила хлопнувшую дверь. Рекс залаял со своего лежака.

Пока я осматривала пустой подъезд, поддерживая обмякшее тело, меня встревожено окликнула Зойка, а потом пробежала по лестнице. Несмотря на явную панику, дверь она открывала так, как я её учила: выглянула в щёлочку, потом раскрыла пошире, выпустила Рекса, вышла за ним.

— Что случилось, Тина? Кто это?

— Парамонова, Ольга. Она живёт рядом, в Скворечнике. Давай быстренько занесём её к нам...

Мы заносим женщину в квартиру, а Рекс идёт за нами, и, не переставая, рычит. Алекс тоже чуть потеплел.

— В гостиную, на диван... Баба Саня, открой нам, пожалуйста... Зойка, нашатырь достань, на третьей полке, возле секретера.

— Знаю, знаю. Вот... У неё губы... голубого цвета. Может быть, сердце? Надо врача вызвать. — Не надо, пока. Она не хотела, чтобы её здесь видели, ждала в самом тёмном углу... Рекс, замолчи! Столько шуму поднял, бессовестный. Плохо, Рекс, плохо! Выгону из комнаты! Место, Рекс!

Баба Саня приносит сердечные капли, отсчитывает в стакан.

— Как же она мимо охраны Васо прошла?

— А что она с автоматом наперевес шла, что ли? Если и видели, то решили — не опасна. А, может, и не видели. Зашла в первый подъезд, в библиотеку, потом в коридор, а здесь по стеночке ровно пять секунд.

— Ты так спокойно говоришь! — возмутилась Зойка. — Да так кто угодно может проскочить, его не заметят. Любая тварь пролезет.

— Любая тварь не пролезет, сгорит. Здесь всё запечатано. А живой сатанист ничего не сможет сделать, ослабнет. И его услышит Алексо, а значит, я. Когда меня нет — Рекс. Он их различает. Все вместе, толпой, они, конечно, сильнее и могут прорваться, но толпу-то как раз боевики засекут.

— Значит, когда тебя нет, а мы с Рексом гуляем...

— Квартира запечатана и Баба Саня встретит их во всеоружии. А вы гуляйте поближе к дому. И хватит страху нагонять, Зойка. Она уже очнулась...

Парамонова долго бессмысленно водила глазами по потолку, стискивая кулаки. Потом узнала меня.

— Тина! Тина! Ты в опасности. Я должна тебе сказать... — она пытается подняться, но я ей не даю, осторожно прижав за плечи к подушке: Хорошо, ты всё скажешь. А сейчас выпей это.

— Что это?

— Просто капли, сердечные капли. Не бойся, пей. Она взглянула с сомнением и надеждой, поколебалась, отпила. Передохнула и попыталась сесть.

— У меня сердце в порядке... Это случайно. Душно у вас. Не пойму, что со мной.

— Это на тебя заклятье действует. Дом освящён и запечатан. Ты общалась с нечистью, и плохо переносишь святую печать. Не вставай пока, полежи. Легче станет и поднимешься.

— Да, наверное... В церкви мне тоже было так... плохо. Даже в обморок падать начала. Потом полегчало. А сейчас вот... снова — она даже не удивляется моей осведомлённости. Видимо, устала бояться...

— Не будешь ходить к Хорсу, и всё пройдёт.

— Я уже не хожу. Не ходила, почти два месяца. В церкви отцу Павлу поклялась, у бабки была, в Андреевке. У меня там мама живёт. Я и не собиралась идти, но он позвонил, позвал... И меня ноги сами понесли. Я побыла совсем немного, послушала. Мне их песни и пляски и раньше не нравились, а тут совсем не вмоготу. Противно, и всё! Я и начала потихоньку выбираться. А во дворе присела отдохнуть в кустах, чтоб не заметили, прямо под окном.

— Где это было? У Хорса? Он там живёт?

— У Смирновых, на Грязнухе. Но Хорс там не живёт. Я не знаю, где он живёт. Он каждый раз новое место назначает, и приходит совсем ненадолго. Вот его я и услышала... И, наконец, поняла, что это про тебя. Что вся охота на тебя велась... Они всё «Сарыгос», да

«Сарыгос», откуда мне было знать, что это ты.

Она уже без опаски допила лекарство. Я помогла ей сесть, и сказала, обращаясь к Бабе Сане.

— А он интернационалист, наш господин Вилов. Нечисть русская, кумир для подражания — немецкий, а псевдонимы татарские.

— Что такое «Сарыгос»? — спросила она.

— «Сарыгёз». Это — желтоглазая, по-татарски — поясняю я, массируя виски Парамоновой.

— Разве ты желтоглазая? — Зойка возмутилась, и подошла ближе, приглядываясь: Разве у тебя жёлтые глаза?

— Есть немножко, после Боткина. Раньше они были голубые, но после болезни осталась желтизна. Теперь зелёные, но это не очень заметно, если пользоваться желтоватым тоном для век.

— А откуда ты знаешь татарский язык?

— А я и не знаю. Понимаю неплохо, но не говорю. У нас в детдоме было многонациональное общество, что-то запомнилось. Сары — жёлтый, гёз — глаз. Она из подружек, башкирка, вообще звала меня Гульсары: Жёлтый цветок.

— Тина! Послушай, Тина! Это очень важно. Как же ты не понимаешь, — взмолилась Парамонова, удивлённая нашей спокойной реакцией на её сообщение: Почему ты меня не слушаешь? Даже не знаю, как тебя убеждать... Как рассказать всё.

— Расскажи сначала. Начало у твоей истории есть? Как ты среди них оказалась? Зачем ты к ним пошла?

— Из-за тебя.

— Из-за меня?

— Да, Тина. Я тебя видела ночью. В окно. Вы сиделись в машину, ты и... он. Меня одна сотрудница уговаривала сходить к Асте на спиритический сеанс... чтобы с моим Лёшей поговорить. Я отказалась наотрез. А потом увидела тебя... вас. И пошла... Я никому ничего не говорила про это, Тина. Ни единого словечка. Честное слово!

Баба Саня с каменным лицом смотрит в сторону, а Зойка начинает озабоченно поправлять покрывало на соседнем кресле. Это — тема, на которую у нас наложено табу.

— И что, они тебе помогли? Дали возможность? — спрашиваю я, не переменявшись в лице.

— Не знаю, что это было... Но я не смогла туда долго ходить... Это уже не Лёша. Всё было глупо с самого начала, и затея тоже плохая. Очень плохая...

— Ты участвовала... в оргиях? В обрядах.

— Нет, я не стала дожидаться посвящения. Мне собраний хватило, и духов этих... Я перестала ходить, такое — не для меня. Я не знаю, почему снова пошла.

Зато я знаю. Чёртова прививка... Нет бы позвонить и предупредить. Но откуда мне было знать? Хорс, скотина подлая, как ты мне надоел! Утомил...

— Ну, а Гульсары... Сары... Про жёлтые глаза-то что? — не выдержала Зойка.

Я ткнула её пальцем в бок. Чего дёргать бедняжку? Ей и так тяжело. Чем спокойнее она себя ведёт, тем легче перенесёт влияние Алексо.

— Ты им очень нужна, Тина. Не всё я, конечно, поняла, но ты хорошо защищена, и магией тебя не притянуть. До сих пор ничего не выходило. А теперь у них есть средство. Подкидывш. Он сможет тебя достать, и Хорс его дожидается.

— Может, прикидывай? — голос у Бабы Сани напряжённый, а пальцы, удерживающие стакан с лекарством, вздрагивают.

— Да-да! Прикидывай. Именно это слово. Он должен доставить Тину после большого праздника. Хорс в нём уверен, и никаких возражений слушать не стал.

Эту тему мы с Бабой Саней разовьём попозже, без Зойки, желательно. А пока не надо нагнетать тревоги. И так куда не кинь — со всех сторон обложили. Может я, правда, золотая?

— Что такое большой праздник? — Я беру Парамонову за руку, и успокаивающе улыбаюсь.

— Не знаю... Просто слышала, но не знаю.

— А где он будет? Улицу, район в этой связи не называли.

— На Змейном.

— На Змейном? Точно?

— Да, я запомнила. Об этом Хорс распевал, стихами. Что-то навроде: Силу обретём мы на Змейном месте... в час большого праздника... Что-то подобное.

— Понятно. Спасибо, Оля. Ты даже не представляешь, сколько сделала добра. Какими бы словами я тебя не благодарила, этого всё равно будет мало.

— Ты собираешься идти в милицию, Тина? Это бесполезно: место собраний всё время меняется, а свидетели исчезают. Моя сотрудница, та самая, которая меня туда привела, попыталась. И не добилась ничего. Уголовного преступления нет, свобода совести гарантирована... Она исчезла, Тина! Её нигде нет уже второй день... — Её рука становится живей, сжимает мою ладонь с неожиданной силой.

— Ты уедешь, Тина? Уезжай! Тебе нужно уехать из города!

— Это тебе нужно уехать, Оля, и немедленно. А мы тут всё сами уладим.

— Я не могу... Работа, детсад, как же я всё брошу? Сейчас на новом месте трудно устроиться. С маленьким ребёнком.

— Вот о ребёнке и подумай. И уедешь ты не насовсем. Возьми неделю-другую за свой счёт. И поезжай к своим, в Андреевку. А бабка с тобой что делает?

— Отмаливает, в церковь водит.

— Как раз то, что нужно. Поезжай. Только не говори, куда. Хочешь, я тебе из Пятигорска вызов сделаю? Сегодня звонок, а завтра — телеграмма. Скажешь — к умирающей тётушке, а поедешь к матери. А то Хорс снова вызовет, и пойдёшь.

— А через две недели не вызовет?

— Не вызовет. За это время откроется наша церковь, и священника пришлют нужного, опытного. А Хорса мы отсюда уберём.

— Откуда ты знаешь?

— Мне обещали. Зря, что ли, он меня боится? Меня поддерживают верные люди.

— От церкви?

— От церкви. Они — сила и умеют справляться с такими проблемами. Всё будет хорошо, Оля. А ты пока уезжай. Тебя отпустят на работе?

— Да, начальник у нас хороший, отпустит и без телеграммы.

Я проводила её до двери, но дальше она хотела идти одна: Я через подвал пойду, Тина. Не надо, чтобы нас видели вместе. Пусть они не знают, что я тебя предупредила.

— Обязательно позвони, что дошла, хорошо?

Она позвонила, спустя пятнадцать минут: Алло! Тина, я дошла. Всё в порядке, Алёшка

спит. Сейчас договорюсь с начальником, и завтра с утра уеду.

— С автостанции тоже позвони, чтобы я была уверена, что всё в порядке, ладно? Или ты поездом?

— Поездом, а потом на рейсовом. У посёлка выйду.

— Правильно, а билет подальше возьми и на нужной станции незаметно выйди. Так будет верней. Удачи тебе, Оля. И спасибо.

— И тебе... Тина, прости, я хотела... — запнулась она и я поддержала: Что ты хотела, Ольга? Говори!

— Хотела спросить, но боюсь...

— Спрашивай, я отвечу. В нашем положении недомолвки могут слишком дорого обойтись. Спрашивай!

— Я ещё слышала там... Они сказали...

— Ну, говори, не тяни, Оля. Что они говорили? Я отвечу.

— Правда, что ты его так и не отдала... и что его больше нет?

Я ввела правило не вспоминать об этом среди своих, чтобы не расслабляться. Мне сейчас нельзя быть слабой, и Бабе Сане с Зойкой тоже. Мы должны в ближайшее время глушить эту боль в себе. Мы просто обязаны быть сильными... Но Ольга не может знать об этом.

— Правда. И то и другое.

— Прости, Тина. И спасибо.

— Ничего... Счастливо тебе! Береги себя...

Ночью мне приснилось, как мы с Даном, живым и сияющим своей неповторимой улыбкой, гуляем по морскому берегу. Он был такой...

Я подскочила с кровати и ушла вниз, в раёк. Раскрыла настежь дверь и сидела там, в тоненькой пижаме, часа два, жадно вдыхая холодный, пахнувший прибором, воздух и рискуя простыть, пока Зойка не пригрозила мне разбудить Бабу Саню.

Новый день начался в одиннадцать, и неплохо. Сначала Баба Саня сообщила, что Парамонова доехала благополучно. Потом я сама набрала Пятигорск, пока Зойка готовилась прогуливать Рекса. У Дока всё тоже налаживалось. Светило из высших госпитальных чинов одобрил курс лечения, и дал обнадеживающий прогноз.

С Доком всё хорошо. Его коленные чашечки срастутся, и он будет ходить. По возвращении его ожидают мои процедуры. Сразу он, конечно, не побежит, но и с костылями на всю жизнь не останется. Два месяца Док там не высидит, это ясно. Приедет раньше, конечно: не выдержит и сорвётся с места! Но, хотя бы, не в Майскую ночь.

Зойка с Рексом вышли первыми, а я задержалась внизу, поговорить с Семёновым: у него была проблема по оценке ювелирных изделий при разделе наследства. Я не нашла своих, покинув подъезд, и, прошагав до сквера, осмотрела площадь. Забеспокоившись, зашла за угол и сразу увидела Галию, не спускающую глаз со скамейки над рекой перед вторым подъездом. На ней, в компании двух ментов в штатском, сидела Юлька. Рекс, устроившийся возле её ног, бдительно осматривал окрестности и принюхиваясь к третьему, в джинсах и куртке, стоявшему перед лавочкой спиной ко мне. Я подошла ближе и узнала в нём Ивана Петренко. Он обернулся, а Галия устремилась мне навстречу.

— Дорогая, ты не беспокойся: всё под контролем! Я с самого начала здесь. Ничего ей не угрожает. Они сказали — просто поговорить... А я слежу, чтобы всё в порядке было, как обещали...

Милочка Галия! Удивительный характер! Она встретила переселение Юльки к нам с Бабой Саней не очень приветливо и наедине даже выговорила мне за неподходящую дружбу, но с самой Юлькой держалась сдержанно — вежливо и не замыкаясь. И вот — кинулась защищать, благородная ты душа...

Привет, Тина — поздоровался Ванёк, насильно выдавив улыбку на похудевшем, с признаками сильного переутомления лице: Не переживай, ничего страшного с твоей подопечной не случится. Просто нужно узнать кое-что, пока — неофициально. У неё с документами неполадки... Пусть придёт ко мне после майских праздников, я о паспорте похлопочу — ускорим по возможности, тогда и вызов оформим, как положено.

— Чего такой измученный, Ванечка? — спросила я его, подавая руку: На работе устаёшь?

— Да уж, работа такая, что вздохнуть некогда... Сплю по пять часов в сутки, а её всё прибывает. Ты не беспокойся, Тина, ничего с твоей Зойкой не случится. У неё тут защитница такая — он одобрительно покосился на Галию и снова попытался улыбнуться белыми и ровными, не хуже моих — один в один, зубами: Мы тут дело о пропаже разбираем, а она знала разыскиваемых...

Когда они ушли, Зойка помолчав, заявила: Знаешь, Тина, я, наверное, дурочку сваяла...

— О чём ты? Что, ввела следствие в заблуждение? Не бойся, Иван — свой парень, с ним можно по-доброму всё уладить. Расскажешь правду, он поймёт... Он хороший мент, и профессионал отличный.

— Нет, я не об этом. И Петренко я знаю, он с нами часто сталкивался. У него даже подружка была из наших, девчонки говорили, что он её вытащил, домой отправил, к родителям... Нет, он хороший мужик, и я не о нём...

— О чём же? — я, размахнувшись, бросаю для Рекса палку в самую гущу кустов, и он мчится за ней, слегка припадая на правую переднюю лапу. С радостью возвращается со своей добычей ко мне: Хороший Рекс, хороший. Умный. А ну, ещё разок... Искать, Рекс, искать!

— Они спрашивали про Танькиного Егора. И я рассказала, где он жил, каким был, когда и как я его видела. А теперь думаю: там нечисто было, Тина! Как я сразу не догадалась...

— Что значит «нечисто»? Криминал, что ли? Говори ясней.

— Тина, это может быть, тоже секта... — Зойка смотрит на меня широко раскрытыми глазами и в них плещется страх: У Егора там клуб был, он на Серова, недалеко от Сорок третьего квартала, старый спортзал снимал. Всякие снаряды, тренажёры, спортплощадка... Но его дружки частенько собирались вечерами и шумели как оглашенные: что-то пели и хором орали. И ещё Танька иногда в синяках от него возвращалась, замученная. Она же специалисткой широкого профиля была, её Совка частенько к садистам посылал. Может её там по кругу пускали...

— А что там за район? — я забираю у Рекса палку и, потрепав его по морде, кидаю на землю маленький твёрдый мячик: Поиграй сам, Рекс... Один поиграй... Иди сам, Рекс, один. Всё хорошо, милый. Иди!

— Частный сектор: домики, пара магазинов, заправка на отшибе, заброшенная школа, медпункт крошечный. Ещё развалины церкви рядом с клубом, старинное кладбище... — добросовестно перечисляет Зойка: Это бывшая деревня, она недавно в черту города вошла. Далеко и добираться тяжело. Автобус один — «тройка», ходит редко. Я, обычно, на такси за Танькой приезжала. Она, бывало, сама не могла... на колёсах сидела, колотья начала... — Зойка прерывается, уставившись на Рекса.

— Что, Совка машину не давал?

Дождешься от него... от жлоба.... Я всегда старалась на автобус успеть, но получалось когда как... До угла Серова доезжала, а там пешком. Иногда... — Зойка бросает на меня опасливый взгляд и продолжает: Иногда подвозил кто-нибудь...

Я молчу и она продолжает: Этот клуб назывался «Белая раса», я повязки у них на головах видела. И парни в нём почти все были русые... Ещё одинаковые наколки на плече: щит с буквами «БР» и два перекрещенных меча.

— Спортивные мальчишки-то, крепкие? Сколько их? И почему ты решила, что они — секта? Нам только ещё одной секты для полного счастья не хватает...

— Качки все, десятка три, не меньше... И нет там уже никого... Клуб сгорел, хозяин пропал. Это его менты ищут. Они меня про Егорку спрашивали. И про Таньку... Я сказала что не видела её с тех пор, как нас клиенты возле Паласа подцепили, избили и кинули... Я, вроде, слиняла и к больнице прибилась, а её потеряла... А Егора она найти пыталась, но он как в воду канул... Исчез и всё, и дружки его разбежались... Про них тоже спрашивали, а я и не помню их толком... разве что, в лицо кого-нибудь узнаю...

— Давно это было? — спрашиваю я, стараясь затушить внутреннюю боль и горечь, обжигающую гортань.

— В конце ноября. Тогда ещё передача по местному ТВ была, помнишь? Ну, про вандализм в спортзалах... Про то, что один за другим два спортзала сгорели и это не случайность... Сначала в Сарае, а потом — на Серова.

— Не помню... Я телевизор не смотрю... Ты же знаешь... — отвечаю я и Зойка замолкает, не смея продолжать разговор. Я догадалась — и она это знает...

Вернее всего, спортивный клуб «Белая раса» готовил для Хорса боевиков. Подвозивший Зойку Дан, ездил на Серова для того, чтобы узнать о них побольше, подготовиться и лишиться секты её боевой мощи. Тридцать здоровых натренированных парней — это очень опасно. Да ещё неизвестно, сколько их было в предыдущем, тоже сгоревшем клубе. Вот откуда он являлся в Изумруд таким усталым и измученным... Теперь угрозы с этой стороны нет: можно не сомневаться, что он всё довёл до конца...

Мы проводим остаток прогулки молча, сопровождаемые бдительными взглядами мальчигов Васо. Мне не хочется узнавать у Зойки, кто из оравы, напавшей на меня в Паласе был Танькой. Таньки уже нет. Пусть её имя пока останется для меня безликим воспоминанием. Я спрошу о ней после Майской ночи. Потом, всё потом...

А почему я так уверена, что в Майскую ночь всё у нас получится? А если нет, тогда что? Нет уж, не каркать! Их и без нас добьют, найдётся, кому! Письма я приготовила... Голову мы этой сволочи, всё равно, оторвём. И никаких личных пристрастий, Тина, девочка! Митрофан подождёт... Смотри шире! Главная цель — Хорс, и те пятеро, что маячили с ним в Курятнике. Они — цвет, ядро! Все остальные знают только детали, каждый — свою часть работы. Без головы ноги и руки много не натворят, хоть и постараются. С ними справится Маго... Но мне всё равно нужно выжить. Я попробую, если смогу...

Вернувшись, я отправилась к Бабе Сане. Она сидела в кресле у окна, откинувшись на спинку. Лицо отрешённое и сосредоточенное. Возможно, думала о том же...

— Баба Саня, к тебе можно?

— Ну конечно, зачем спрашивать. Садись, девочка.

— Вид у тебя не слишком радостный... Устала? Или спала плохо?

— Ничего, пройдёт. А ты как?

— Спала, как слон, часов семь, наверное — соврала я, честно глядя ей в глаза: Давно так не отсыпалась. Твои травы подействовали. Да и набегалась за день... Баба Саня, кто такой прикидыш? Ты мне не рассказывала.

— Не рассказывала... Не думала, что они у нас ещё есть. Такая редкость в наших краях почти не водится.

— Что за редкость? Это колдун?

— Нет. Прикидыш — это человек, который перенял повадки зверя, в подавляющем большинстве, — хищника, прикинулся им.

— Значит, это человек. Не нечисть?

— Человек. Но... зверь. Человек без души: у него нет совести, жалости, страхов, сомнений. И морали тоже нет, одни инстинкты. Он кровожаден, поэтому выбрал себе личину хищника. Живёт в стае, или приручает отдельного зверя, и учится у него повадкам. А потом становится таким же...

— Зачем ему это?

— Он жесток по натуре, для него убить — праздник. По людским понятиям, посягать на человеческую жизнь — грех. А зверь — это зверь. Он не имеет таких установок.

— Маньяк, что ли? — спрашиваю я, прижимая её тёплую ладонь к своей щеке. Баба Саня ласково гладит мою кожу, поправляет волосы и, наклонившись, поочерёдно целует в брови.

— Не всякий маньяк хочет и умеет прикинуться, дорогая. Отдать человеческую душу непросто.

— Значит, он её дьяволу отдаёт?

— Так принято считать. Но проданная дьяволу душа остаётся в человеке до самого конца. А у прикинутого... Считается, что её совсем нет, девочка. Ни божье, ни чёртово, на него не действуют. Его не возьмёшь ни святой водой, ни магией.

— И пуля его не берёт?

— Берёт, но не так, как обычного человека. Я видела прикидыша, расстрелянного в упор. Залп из трёх ружей, и он упал. Но, ни одна пуля не попала в сердце, он их отклонил. Я не знаю, как. А через два дня он сбежал из тюремной больницы, убив врачей и охрану. Пробился через несколько постов и три забора.

— Тот самый старик, про которого ты рассказывала? Ты же говорила, что он колдун.

— Он тогда не был колдуном. Это случилось позже. Прикинутых редко берут в обучение: туго доходит, да и опасно. Приручить его невозможно, он на заговоры не реагирует. Прикажет себе, что он волк, или медведь, или... ворон, и всё, закрылся. Зачем колдуну такого учить? Послушным он не будет, а хозяина может задрать. А для этого нашлась знахарка, очень старая. Из ума выжила, что ли... Сил нет, магия есть, смерть не приходит... Ну и выучила. Не очень способный оказался, но кое-что одолел.

А незадолго до этого, целый посёлок на куски порвал, и ушёл с кучей золота. Волк напал, — так говорили... Его солдаты подстрелили уже через месяц, в деревне, над трупами старателей застали... Подстрелили, а добить не смогли. Меня слушать не стали, сдали участковому...

— А ты уже знала, что это не человек... Но как-то с ним можно справиться?

— Старики говорят, что прикидышу надо стрелять в голову, и тело потом лучше сжечь. Прикинутый колдун вдвойне опасен... Если они возьмут себе прикидыша, Тина, он свободно зайдёт в наш дом. Алексо на него не действует — вздохнула Баба Саня: А если его посвятят, он обведёт вокруг пальца любую охрану.

— Его ещё никто не посвящал. Да, может, его и нет совсем. А узнать его как-то можно?

— Почти нет. От того, что я видела, за версту несло звериным духом, остальное — как обычно: старик, да старик... Слышала, что у них бывают уши, заросшие шерстью или третьёе веко развито, как у животных, особые глаза... Но кто знает, где здесь правда, а где вымысел! Видимо, всё зависит от того, кем он прикинулся.

— А тот был кем?

— Сычом. Он был сычом, по ночам свои дела творил.

— Он мог обернуться совой?

— Никто живой не может никем обернуться, Тина. Это невозможно. Можно, с помощью магии, внушить окружающим, что ты сова. Или волк, или кто-нибудь ещё. Кроме того, прикинутый колдун умеет убедить другого, что волк — третий, которого следует убить.

— Так вот откуда... повреждения на Алексо — высказываю догадку я.

— Да... Но Сыч мёртв, Тина, его больше нет. Алексо... он успел перед взрывом... А больше о прикидышах ничего неизвестно. За последние двести лет ни одного случая. Был в Швеции, по слухам, очень давно.

— А немецкие вервольфы?

— Это вообще средневековые легенды. В архивах Братии о них несколько абзацев, ничего существенного.

— Знаешь, что, Баба Саня! — убеждённо заявляю я: Давай не будем умирать раньше смерти! Ну их всех! Майская ночь ещё не состоялась. И так, как это задумал Хорс, она не пройдёт, это я тебе обещаю. Может, никакого посвящения совсем не будет. Сколько можно

от всего шарахаться? Сейчас я еду в Изумруд, сообщить про Змейный и ещё кое-что обсудить. А потом на стрельбы. Поедешь со мной? Или ты выстрелов боишься?

— Бог с тобой, Тина. С чего бы это? У нас четверо военных в семье было, и стрельбы наслушалась, и пороха понюхала.

— Ну, вот и поехали! Свежим воздухом подышишь, развеешься.

— А удобно это?

— Чего неудобного? Должна же ты порадоваться моим успехам! И проверить, гожусь ли я в Защитники.

— Ты уже Защитник, Тина... Хорошо, давай поедем. Заезжай за мной, когда из Бытсервиса возвращаться будешь. Перекусишь заодно, а то совсем исхудала...

Зойка ревела в три ручья, как пятилетняя. Кажется, ничего уже не оставалось, только отшлёпать её хорошенько и поставить в угол.

— Не останусь! Нет, не останусь! Нет! Нет! Нет! Тина-а-а! Тиночка-а-а! Прошу тебя пожалуйста, не оставляй меня-я-я! Я не буду тебе мешать. Я никому не буду мешать. Ну, Тина-а-а! Ты не имеешь права, ты не можешь так со мной поступить! Тина-а-а!

В конце концов, я ухватила её за шиворот и потащила в ванную, чтобы сунуть головой под кран. Она повизжала, наглоталась воды, и замолчала.

— Ну почему, Тина! Почему? — голос у неё уже спокойней.

— Только не начинай снова, Зойка! Давай без истерик! Скоро все соберутся. Мы ведь не на прогулку идём, нервы у всех на пределе, без твоих страданий.

— Тина, миленькая! — снова заканючила она: Пожалуйста, оставь Бабу Саню. Она уже старенькая. И слабее, чем я. Почему ты её не оставишь?

— Потому что она знает необходимые молитвы, а ты — нет. И она не старенькая. Она пожилая и опытная.

— А почему нельзя пойти всем вместе?

— А Рекс здесь дверь в щепки разгрызёт? И соберёт всю охрану Васо возле нашей пустой квартиры! Кроме того, кто будет отвечать по телефону, Доку, например? Или Маго, если он позвонит? Кто будет изображать здесь жизнь, включать свет, шуметь водой, двигать портьеры? Ты хочешь, чтобы Док отправил Юрку угнать самолёт? Он запросто может, если телефон будет молчать! Прилетят и сядут на пяточке...

— Ума у них не хватит!

— Зато у тебя его много, чтобы мне нервы мотать. Я, что, железная, что ли? Всё, хватит! Быстро умывайся и приводи себя в порядок. Некогда нюни распускать!

Она, поскуливая, отправляется вверх. Оборачивается, и тянет дрожащим голосом: Никогда тебе не забуду, Тина!

— Ты бы лучше вспоминала, что по телефону надо врать, попугайка! «Никогда не забуду!» — против воли усмехаюсь я.

Я бы её взяла, будь у меня выбор. Однако здесь тоже может случиться что угодно. Особенно если мы проиграем. Но Баба Саня сможет меня заменить там, а Зойка — нет.

Господи! Господи, Боже! Я теперь знаю, что самое тяжёлое на свете. Самое страшное... Отвечать за других, вовлекая их в свою орбиту. Оставлять...

Алексо заметно холодит грудь, и я осторожно глажу его через майку: Ничего, милый, ничего... Это пройдёт. Это так, минутное... Я уже спокойна. Пройдёт.

За оставшиеся два дня мы провернули кучу дел, начиная с личного покаяния и очищения, заканчивая проверкой и подгонкой снаряжения. У нас с Витькой были

пистолеты, Ильяс раздобыл несколько гранат, и перебрал, почистил отцовский охотничий карабин. Льву Борисычу и Ашоту мы решили доверить только электрошокеры. Совершенно не воинственный, сугубо штатский человек, наш шеф мог выстрелить случайно, и попасть в самого себя. А представить Ашота, целящегося из пистолета в кого бы то ни было, ни у кого просто не хватало воображения.

Небольшую группу поддержки тоже вооружили в основном электрошокерами и мобильниками. Кроме Мадины и Бабы Сани, в неё вошли: брат Льва Борисыча, раввин, — мягкий, степенный мужчина лет сорока пяти — шофёр; стрелок — дядя Ильяса по отцу, молодой, но с мрачно-замкнутым лицом, густо заросшим бородой, и Витькин племянник, кореец-каратист.

Вечером, тридцатого, все собрались у меня. Мы уйдём через подвал и гараж, мимо Скворечника, к подготовленным машинам, и Зойка будет ждать нас до рассвета. Если не позвоним — она вызовет Маго. Мы сидим в гостиной, кто где. План Змейного острова, глубоко выступающего в реку в десяти километрах от города, с нанесёнными Ашотом пометками, изучен до мелочей. Каждый крупный камень, каждое дерево, каждая тропка, все полтора гектара земли.

Не один раз обсуждён план действий, предусмотрены все неожиданности, промахи и потери. Я собираю пустые кофейный чашки, и уношу их на кухню. Возвращаюсь и приостанавливаюсь в темноте коридора: полуосвещённая гостиная как экран. Каждый занят своим делом. Баба Саня молится возле горящей свечи под иконами. Ашот священнодействует с огнём в металлической чаше у зашторенного окна. Витька с братом сворачивают свои трещотки в свиток, а потом в кусок шёлка. Лев Борисыч и раввин напевают что-то восточно-печальное, со сложной мелодией. Ильяс со стрелком кладут поклоны на Восток.

Мы все вместе. Пять религий в одной комнате. Каждый с собственным именем Бога, но все — одно целое. Мы не можем проиграть. За нами родные, близкие, семьи, друзья и враги. Да и враги тоже: это — человеческое. Город далёк от совершенства, а у его жителей миллион свойственных им недостатков, пусть даже пороков... Но они — люди. Люди нуждаются в защите от нежити. И мы готовы их защитить. Мы все сейчас Защитники. Мы все вместе.

Мадина проходит мимо меня к брату, а за ней Зойка прижимается к моему плечу. Глаза у неё сухие и тревожные.

— Что, Тиночка, уже пора? Ну, с Богом!

— С Богом!

В непролазном кустарнике возле шоссе мы оставили Мадину с Бабой Саней и микроавтобус с Кимом — это их сопровождение и защита. Отсюда начиналась еле заметная насыпная колея в сторону острова, узкая и кривая, чуть шире просёлка. Здесь будет держать оборону вооружённый старым трофейным — ещё от деда, пистолетом Григорий Борисыч. Мы помогли ему загнать мицубиси подальше, где её не будет видно, прикрыли срезанными ветками. Он пожелал нам удачи, и залёг неподалёку в зарослях боярышника, закутавшись в армейскую плащ-палатку. Отсюда семь минут трусцой назад, если женщинам понадобится помощь. Бородатый Рустам, с автоматом на шее, дошёл с нами до острова, и остался у начала дороги, под тощими прибрежными ивами, шепнув на прощанье:

— Храни вас Аллах!

Дальше пошли цепочкой. Впереди я, чутко прислушиваясь к Алексо и шуршанию веток вокруг и над головой. За мной — шеф с пакетом ядзы. Наша одежда, пропитанная отваром Бабы Сани, издавала горький запах полыни, но снадобье по рецепту Дока пахло сильнее, и, в отличие от полыни, неприятно. За Львом Борисычем огромной гибкой кошкой неслышно крался Ильяс. После Ильяса Ашот со своей пиротехникой, и Витька замыкал. Алексо иногда вздрагивал и я молча выкидывала руку в сторону нечисти. В эту сторону и бросал свёрточек с ядза Лев Борисыч, и мы, кажется, слышали удовлетворённое чавканье. Отведавшие ядзы нежити, становились для нас неопасными, впадая в спячку. Если не догадаются забиться в подходящие норы — утром выгорят дотла.

Дорога была мягкой после недавних дождей, но грязь высохла и утрамбовалась проехавшими на остров машинами. Мы обошли стоянку стороной и свернули на тропку к валунам, налево. Витька с Ашотом исчезли в орешнике под стоянкой. Теперь мы втроём будем ждать. Витька, снимет охрану возле машин, и они с Ашотом обойдут остров по периметру, заложив капсулы с взрывчаткой. Это поможет создать немного паники, а, возможно, и вреда. Мы перевалили через небольшой песчаный пригорок, и увидели костёр на поляне. Я сразу узнала местность с кассеты, даже прикинула ракурс, с которого начала двигаться камера.

Веселье было почти на пике активности. Вокруг огня резвились группы изобретательных любовников. Хорс в рогатом головном уборе, но без маски, заканчивал приём знаков почтения. Несмотря на расистское направление его дьявольских реформ, одетая и полуодетая толпа пестрела не только белыми, но и смуглыми телами кавказцев. Был даже один негр, который вместо Асты подавал к «причастию» ритуальные кубки, несколько корейцев или вьетнамцев. Тот, кого Хорс когда-то представил Иваном, тоже голый, тощий, с кривыми короткими ногами, пел, чуть в стороне, сатанистскую абракадабру сильным звучным голосом, прозвучавшим с кассеты. Весь этот бедлам мне не так стыдно было смотреть вместе со Львом Борисычем, но Ильяс... Парню лет всего ничего, ещё краснеть не научился...

Кстати, где он?

Я оглянулась. Ильяс махался с двумя «кожаными мальчиками» слева, пониже, прикрытый от поляны пригорком и деревьями. Туда уже метнулась ещё одна тень, и я скатилась прямо под ноги третьему боевику. Дратся было рано, злость тоже не успела разогреться, и я обошлась электрошоком. Мы связали пленных скотчем и примотали витыми

пшурами к самым крепким деревьям, с кляпами во рту, потом вернулись в засаду.

— Почти без оружия, — шепнул Ильяс. — Только у одного кастет.

— Забрал? Давай мне, пригодится.

Среди детдомовцев кастеты были, что называется, «западло», но против чужих, в честности которых приходилось сомневаться, мы их иногда надевали. Как раз тот самый случай.

— Хорош. Свинцовый, тюремная работа — я пробую выступы кастета пальцами и удовлетворённо киваю головой.

— Он на левую руку, Тина — предупреждает Ильяс.

— Как раз подойдёт. Правая мне свободная нужна... Всё, слушаем!

Навья было очень мало, десятка два. Мы хорошо постарались в бассейне, а Хорс, вероятно, не успел восполнить потери. Небольшая страшная группка жалась возле чахлах дрожащих берёзок на первом плане, и я, несмотря на полумрак, успела увидеть несколько знакомых лиц. Среди них — застенчиво улыбающаяся Нина Сергеевна с Маринкой в обнимку, и дядя Вадик, синий, с лысиной в тёмных пятнах, в огромных белых тапочках «зайчиками» с длинными ушами. Я ещё не узнала, что он умер, а меня уже ждёт сюрприз — удивляюсь я про себя: Какая отменная предупредительность. А уж чувство юмора... Хорс, ты настоящий козёл, можешь собой гордиться...

Господи! Глупый, старый жадный дурак. Тебя-то чем подманили?

И эта толстая кокетливая идиотка! Улыбка — прямо из прошлой жизни... Нет, злиться рано. Сначала будем считать... Навьё скоро отключится, а после взрывов — заметно потеряют активность и подготовленные кандидаты на убой, те, кто «на новенького». Остаётся чуть больше сотни. В бой полезет половина, может — треть. Значит, с припуском, голов тридцать-сорок... Нас пятеро. Главные их силы пойдут на Ильяса и Витьку. Витьке это на руку — все его восточные умения, вместе со школами-секциями, как раз для толпы. Ильяс тоже справится, он настоящий богатырь. Человек двадцать — тридцать они завалят запросто. Я кажусь слабым противником, но по одному-двое успокою, надеюсь, ещё с десяток-полтора, по мере поступления. Льву Борисычу с Ашотом надо только защищать себя и друг друга. Рустами пока не зовём... Мы справимся, должны справиться!

Ильяса всё-таки стошнило, и он, бросив на нас виноватый взгляд, снова вернулся на своё место. Лев Борисыч, если и был шокирован, то умел это хорошо скрыть. Чего-чего, а подобного-то он, наверно, насмотрелся ещё маленьким мальчиком в киевском гетто, где лютовали чужеземные изверги. Дикий секс ему не в диковинку...

Что-то знакомое, какая-то близкая мысль крутится в голове, не даёт покоя, а я не могу её поймать... И это не подсчёт вражьих голов. Что же? О чём я думала перед этим? Дядя Вадик... В гробу, в белых тапочках... А гроба вовсе нет... Это Хорс так пошутил... Нет! Не дотягивает Хорс для такой шутки... Это... это мои слова... Сказанные в запале, как проклятье... Неужели...

Шеф тихо кашлянул и я обратила на него внимание. Он взглянул на часы, и, вопросительно, — на меня. Я тоже проверила время. Оно уже подошло, Витька с Ашотом уже должны были справиться. Я отрицательно потрясла головой, снова впиваясь глазами в толпу. Ещё минут пять, для полной уверенности... Взрывное дело не любит спешки.

Я отметила про себя местонахождение Митрофана, любезничающего под кустиком с двумя хорошеньким, бледно-светящимися, парнями.

Тоже навьё. Но эти — привилегированные, личная блажь. Ядза они могут и не захотеть:

закормленные.

Толпа вдруг взвыла, и Иван подошёл к длинному свёртку, уложенному позади Хорса, на высоких носилках. Он откинул чёрную ткань, свёрток зашевелился, и с носилок встала Аста. Зеленовато-белая, со следами укусов на голом теле, с багровым шрамом через всю шею, от уха до уха. Хорс прокричал что-то восторженное, и обнял новообращённую. У меня по телу прошла знакомая зыбь озноба, а потом — жар.

Аста стояла слишком далеко от других подложных, ядза ей не будет слышно, это уже не поправишь. Значит, не стоит выпускать из вида эту гадину... Ничего, пробьёмся! И уже пора! Ашот с Витькой ждут сигнала! Я подожгла ракету, и направила её вверх. Она рассыпалась на искры чуть дальше костра, и сразу вспыхнуло, загорелось огненное кольцо вокруг поляны, среди деревьев, разбрасывая снопы голубоватой пыли.

Прозвучало два-три ракеточных взрыва прямо над толпой, и навёе кинулось наземь — подбирать расплывённое ядзо. Наперекор моему предположению, мальчики Митрофана, тоже поползли по траве, всхлипывая от нетерпения, закатывая белые глаза. Скуповат, доктор — то, потчевал, видать, плохо... Маринка с матерью сели прямо в грязь, и стали кормить друг друга землёй, пахнувшей упоительным зельем.

Господи, прости им, если можешь. Как я прощаю... Прости!

Я высоко подняла Алексо над головой, и встала на край высокого пригорка. Сатанисты меня ещё не видели. Сейчас, увидите... Зелёный луч Алексо воткнулся прямо в огонь костра, и там жарко запыхало пламя. Четверо приближённых Хорса быстро, по-деловому, кинулись в сторону машин. Неужели, за оружием? Ильяс побежал им наперерез, прячась в тени пригорка. Хорошо соображаешь, парень! Только не ошибись! Не дай им взять тебя в кольцо... А мне тоже пора!

— Ну, вот, голубчики сатанисты! Теперь вам всем пришёл конец. Именем Господа Бога объявляю вам судную ночь! — голос на низких тонах у меня сильный, он прозвучал так, как надо: достаточно спокойно, громко и вполне уверенно.

Толпа отшатнулась, зашумела. Переждав крики, я снова подняла Алексо, стараясь как прожектором пройти по рядам лиц. Это подействовало. Подготовленные попадали, забились в судорогах. Алексо подогрел в них, принятое при вдохе, расплывённое ядзо.

Их даже больше, чем я рассчитывала... Значит, противников-бойцов может быть поменьше. Теперь навёе...

Те, что ещё не уснули, вспыхивали и бежали от прикосновения луча Алексо. Завыли бледные мальчики, дядя Вадик упал на колени, прикрывая лицо перепончатыми, как гусиные лапы, руками. Живые отчаянно вопили.

— Тихо! Молчать и слушать! Всем стоять, поляна окружена. Мы с оружием, на перешейке вас встретит огонь!

Со стороны, где скрылся Ильяс, словно в подтверждение моих слов, раздались один за другим два взрыва, мгновения спустя — третий. Двое ещё не вырубившихся подложных поползли к месту боя, на запах свежей крови. Хорс выступил вперёд, раскрыв рот, и я, почти не целясь, выстрелила в его сторону. Он заорал, упал, схватившись за ногу. Его тут же прикрыли, сомкнув ряд приближённых.

— Молчать, я сказала! У вас есть выход — и только один! Повторяйте за мной всё, что я буду говорить.

Я произнесла первые слова Отречения от скверны, по-гречески, и несколько голосов повторили.

— Нет, нет, не смейте, — закричал Иван, выбегая вперёд.

И я снова выстрелила, уже прицелившись. В него я попала крепко, без сомнения. Он зажал рану на груди обеими руками, и свалился. Толпа бросилась врассыпную, поднимая топот. Но Витька и Ашот, а за ними Ильяс, уже заняли свои позиции. На стоянке горели взорвавшиеся машины. Кажется, кто-то из сбежавших вырвался на перешеек, потому что небо над головами прорезала короткая очередь трассирующих пуль. Это Рустам...

Я повысила голос: Повторяйте! Спасайте же себя, идиоты! Вы ещё можете себя спасти. Говорите вслед за мной!

Я снова сказала слово. На этот раз хор был дружнее. Я сказала следующее слово, потом ещё, отыскивая Митрофана глазами. Ему Отречение не поможет, даже если бы и повторял. Но он молчал. Знал, что к Богу его не отпустят.

Аста, воспользовавшись заминкой, вдруг разбежалась, и полетела, не касаясь земли. Она летела ко мне, распластавшись в воздухе, раскинув руки, и длинные чёрные волосы змеились по сторонам страшного, с оскаленной пастью, безжизненного лица. Я внутренне содрогнулась под взглядом люминесцентно-белых, выкаченных глаз, и отступила на шаг, усиливая точку опоры. Я точно высчитала время, и, когда эти глаза, приказывающие, умоляющие, притягивающие... оказались в полутора метрах от меня, с усилием разгоняя туман в голове, выкинула вперёд руку с Алексом.

Кулак ушёл в её голову насквозь, с мерзким сосущим звуком, и она лопнула, обдавая меня зловонными брызгами. Я упала на бок, успев плотно сомкнуть веки, и лицо обожгло. Кое-как обтеревшись рукавом, я вскочила. Жирное тело без головы содрогалось и корчилось возле моих ног, распадаясь, растекаясь по земле, испаряясь и выжигая траву. Я попятилась и инстинктивно прижала Алексом к щеке, жжение прекратилось.

— Спасибо, родной...

Что там, на поляне? Основная толпа, слава Богу, разбежалась под укрытие кустов или жалась у костра, прикрываясь, чем придётся, но драка всё-таки началась. Хрупкий Лев Борисыч рядом со мной отбивался, как настоящий лев, обложенный шакалами, выкидывая руку с электрошокером, и заслоняясь толстым ореховым суком. Орех — это хорошо, нечисть его не любит. Витька дрался ногами, так ловко, красиво и точно, что за него не стоило беспокоиться.

Я была свинчаткой, надетой на кисть левой руки, а правой стреляла по ногам тех, кто рвался к шефу и Ашоту, стоявшими спина к спине. Злость начинала накатывать волнами, и я еле сдерживалась в подходящем диапазоне — умеренно горячем. И-и-и раз — в нос! Ушёл. Промазала... В ухо тоже больно... Не берёт? Тогда — на, в горло... Готов... Этот лишний — выстрел в бедро. Отпал... Этому — только по лбу. Правой замахиваемся...левой — на... Всё... Готов!

А мы, оказывается, с опытом? Привыкли девочек бить? Открытой ладонью и в лицо... Нет уж... Хорошо, попрыгай... Отскочим... Любишь руки вытягивать? Больно, но не смертельно... Ещё разок... На! Ну вот, рука тебе теперь долго не пригодится... Локти нужно беречь, когда на кулаки надеешься... Я не боксёр, голубь, извини... Не протягивай руки... Свободен... Ещё выстрел... А ты полежи, браток, подумай...

— Ильяс, слева! Тина, сзади! — Конечно, Ашот совсем не драчун, и тем удивительнее его хладнокровие и стойкость. Он успевает отбиваться, и видит всё вокруг в этом столпотворении.

Алексом стучит в грудь, и я, оглянувшись, хватаю за руки окосевшую от ядзы мелкую

ведьмочку, с длинным носом и растрепавшимися волосами. Она неожиданно сильная, верткая. Я тесню её к обломанному вязу, и толчком насаживаю спиной на обрубок, как на кол. Возле шефа с Ашотом, приходят в себя, и расплзаются в стороны из кучи тел два бандита покрепче. Я снова вырубаю их пинками. Ильяс, стоя по колено среди поверженных врагов, крушит кости и челюсти налево и направо прикладом карабина, который некогда перезарядить.

Рядом вскрикивает Лев Борисыч, и я устремляюсь к нему, стряхивая на ходу двоих вопящих дурным голосом девиц, а за мной Витька.

Мы раскидываем человек пять, и тут гремит выстрел. Витька хватается за правое плечо рукой, между пальцами кровь. Я пускаю пулю прямо в лоб удачливому стрелку, и прижимаюсь к Витьке сбоку, а с другой стороны — взлохмаченный, исцарапанный и без очков, Лев Борисыч. Ильяс с оглушительным рёвом движется к нам, проделывая каждым взмахом рук, коридор в строю нападающих. Он создаёт мне необходимое пространство, и я спешно сую Витьке в рот таблетки, стягиваю рану.

— Кость задета, не маши правой... Это болеутоляющее и стимулирующее. Пуля ушла, крови будет много, но крупные сосуды целые. Если совсем плохо, встань за Ильяса... Ты как?

— Ничего, Тина, отобьёмся! — он умолкает, глядя мне за спину, и я, холодея, оборачиваюсь.

Примеченный мною негр, ростом чуть ниже Ильяса, стоит над обрывом, и, удерживая Ашота над пустотой, подзывает меня жестом. Я перестаю дышать, Алексо не отзывается.

— Ильяс, прикрой меня. Витёк, стреляй во всё, что движется! — Я иду.

Ашот совсем бледный, одна рука висит плетью, лицо в крови. Негр делает предостерегающее движение и я останавливаюсь как можно ближе к нему. Вокруг нас всё смолкает.

— Отдай мне это, и я поставлю его на землю. Ну, отдай, — по-русски, почти разборчиво говорит негр. — Дай! Я смогу это взять. Я — могу! — он раздвигает в ухмылке толстые губы, и зрачки у него отсвечивают в отблесках костра нечеловеческой зеленью.

Вот он, прикидывайш... Он успел приехать. Его ждали и дождались. Мурашки стягивают кожу головы на лбу и темени. Я киваю, не сводя взгляда с его посверкивающих глаз.

— Тина, нет. Нет! — просит Ашот, и в его голосе слышится еле сдерживаемая боль.

Я волной прогоняю по телу холод с затылка, до самых ног. Ильяс тяжело дышит, но стоит на месте. Только стой, стой, ради Бога, не шевелись...

— Ты обманешь. Я тебе не верю! — Я отступаю, и через голову снимаю Алексо. — Я повешу его здесь, на ветку, и отойду. А ты поставишь Ашота на землю, и возьмёшь крест.

Самое уязвимое у него — голова, я это помню, но стрелять мне нечем: магазин не перезаряжен. Только бы он отошёл от Ашота, и нагнулся. Я допрыгну, и он меня уже не оторвёт. Буду целить в горло. Я так в него вцеплюсь, что он меня не может скинуть: я смогу... Всего-то навсего, разодрать эту чёрную плотку. У меня выйдет, если не кастетом, то — зубами... Всё когда-нибудь делаешь в первый раз...

— Хоздравати... Тина! Нет!

Негр встряхивает его, и Ашот содрогается от боли, скрипя зубами. Он смотрит мне в глаза, как...

— Нет, Ашот! Не-е-ет!

Я уже срываюсь с места... и не успеваю. Он отталкивается от негра здоровой рукой, и,

обхватив его ногами за пояс, с мучительным криком — бьёт в кадык кулаком хрустнувшей перебитой руки, а целой — в глазницы, рывком увлекает за собой, в обрыв, усеянный обломками камней.

— Ашот! Ашот!

Я отбиваю руки Ильяса, и падаю над краем. Ашот разорвал свои объятия при падении, и они лежат в нескольких метрах один от другого — прикидыш с расколотой головой, и Ашот, пронзённый в грудь высокими сучьями бурелома, покачиваясь над землёй. Глаза у него закрыты и изо рта бежит струйка крови... Он... мертв. Мертв...

— Ашот! Ашотик! Ашо-о-от!!

Лицо у меня одеревенело и губы не слушаются, а глаза застилает красной пеленой. Тело немеет, перестаёт болеть. Вокруг ничего нет... Никого и ничего... Пустота...

Я умру! Я сейчас просто умру, и пропади оно всё пропадом! Я больше не хочу ничего видеть, слышать, знать. Я не хочу! Я хочу умереть...

Ильяс рывком поднимает меня на ноги, и разворачивает лицом к новой волне нападающих. Руки сами по себе, инстинктивно, отводят удар. Вот так, кисть и локоть, с добавкой! И — так! И вот так! Ногой! И-раз! И-два! И снова! Ашот! Ашот! Боли в теле уже нет, ярость душит горло. И-раз! И ещё! Спокойнее... Я тут не одна... Где Лев Борисыч? Стоит! Ильяс? Бьёт. А Витька, с колена, стреляет с левой рукой. Успел перезарядиться...

— Ты, доктор? Ну иди сюда... Иди...

Митрофан сам прёт на меня с толстым, полуобгоревшим на костре поленом.

— Долго я тебя жду! — я, не обращая внимания на скользящий удар по плечу, подбиваю ему глаз, рву кистетом щеку, с наслаждением бью в зубы, чувствуя хруст обломков и кровь на руках. Кто-то сбоку поддаёт мне по рёбрам: привычный треск и сбитое дыхание.

На, и тебе! Мне не больно, я уже ничего не слышу! От Митрофана меня не отвлечёт даже ваш Сатана...

Я стискиваю рот, чтобы не заорать, и давлю скользкую толстую шею, ломая гортань, бью, мешаю коленями дряблый живот. Митрофан уже не сопротивляется...

Дан! Дан, мальчик, я его достала! Мой дорогой, я бью его, и ещё буду бить. Я убью... Я его убиваю! Дан! Дан!.. Ашот!

— Тина! Тина, очнись! Посмотри, Тина!

Ильяс трясёт меня над землёй изо всех сил, уклоняясь от ударов моих рук. Я замираю, пытаюсь достать ногами землю.

Полуголая толпа приглушённо воет, и звук стелется как будто по самой траве. Чёрный дым над костром спиралью уходит в небо, принимая в центре очертания живого существа.

— Поставь меня, скорее. Где Алексо!

— У тебя. Ты надела. Надела и забыла. Скорее, Тина!

Ильяс удерживает меня за талию впереди себя, и я, подняв Алексо вверх, кладу широкий крест. Горло саднит, и первое слово Пограничной выходит хрипло. Мы еле стоим, нас почти сбивает с ног ветром, земля дрожит. Я читаю, уже громко, в полный голос, и Ильяс рядом со мной говорит что-то своё. Лев Борисыч тоже молится, стоя на коленях среди качающихся валунов, и вслепую нажимая кнопки мобильного. Витька выкрикивает отдельные фразы, цепляясь за ствол дерева крепче. Остатки вражеского боевого отряда валяются в траве, прикрывая головы руками. Небо над нами расколосось огромной ветвистой молнией, хлынул дождь.

Я читала, и Алексо сиял, разгораясь в моей руке. Мощный зелёный луч упёрся в костёр, и огонь провалился. На его месте открылось отверстие в земле. Оттуда, из бездонной глубины, идут всполохи далёкого огня, пахнет серой. Молния бьёт прямо в дымный сгусток, и он редет, растворяется, направляясь вниз. Хорс, подвывая, ползёт к дыре, и из неё вытягивается, наподобие щупальца, язык пламени. Огонь охватывает Хорса за шею, как верёвочная петля, и стягивает в бездну.

Пограничная кончилась. Я, содрогаясь от ужаса, читаю Отторжение, и добавляю по-русски: — Ты можешь забрать своих слуг, Враг! Они твои!

Следующая — Защитная. Слова снова идут хорошо, мягко. Комок в груди рассасывается, голос теплеет. Гроза усиливается. Из отверстия выливается через край огненная жидкость, похожая на лаву, и, как живая, растекается по поляне. Лев Борисыч с Витькой отступают к

нам, и мы стоим над обрывом, на самых высоких валунах, а вокруг — горячее море. Кое-кто из толпы тоже устремляется в места повыше. Лава охватывает неподвижные тела, и они, как по реке, плывут по ней, к огненной дыре. Горячие языки слизывают с камней вопящих живых сатанистов, подползая вверх, вопреки законам природы.

Мимо меня пронесит Маринку с закрытыми, как во сне, глазами, а Нина Сергеевна надувается от жара, как большой мыльный пузырь. Я с внутренним трепетом, вспоминая свои слова «Как ты ещё не лопнула, индюшка самодовольная»... Но ей только разрывает заросший мхом живот, выплёскивающий чёрную жижу...

Митрофан плывёт медленно, цепляясь за камни, моргая побелевшими фосфоресцирующими глазами, занимаясь голубыми огоньками пламени. Лава повсюду. Она ползёт по стволу обломанного вяза, и сдёргивает с острия тело длинноволосой ведьмы, расплавив его за секунды. Поляна, залитая огнём, почти пуста. Мы читаем и читаем, задыхаясь в клубах едкого пара. Я вижу, как огонь, переливаясь через край оврага, стекает вниз возле моего камня, и перегибаюсь, держась за горящие ветки. Ильяс хватается за куртку одной рукой.

— Тина, куда? Упадёшь!

Мне всё равно. Я до боли закусываю щёку изнутри, и холодею. Лава доползает до Ашота.

— Нет, Господи! Нет! Нет! Нет! Огради его!

Огненные языки вздрагивают, и, раздвоившись, оставляя бурелом, как островок, ползут дальше, к трупам прикидыша. Оно вспыхивает, стреляя искрами.

Я подтягиваю назад ноющее, враз обессилевшее тело, сажусь на валун. Во рту кровь, перед глазами — огненные мушки. Ильяс обхватывает меня за плечи.

Ливень идёт, как из ведра, лава темнеет и остывает. Снова начинает раскачиваться почва.

— Тина, пора! Пора уходить.

— Да, Лев Борисыч, теперь пора. Вы поведёте Витьку, пожалуйста! Скорее! Мы догоним!

— А эти? — шеф кивает в сторону и отводит глаза. Сзади него Витька сплёвывает на землю, тяжело вздохнув...

Невдалеке жмётся, мокнет под дождём с десятков человек в изорванном грязном тряпье. Сатанисты... Смотрят со страхом и надеждой. Тоже есть знакомые. Я обвожу их взглядом и цепенею. Петренко... Ванька Петренко... Наш закадычный дружок из отдела особо тяжких преступлений. Зубоскал и рубаха-парень, который всегда вовремя приходил на выручку. Верный друг... Он стоит, сторбившись, не поднимая глаз, и молчит, кусая губы.

Он забегал к нам, хотя бы раз в неделю, поболтать и разжиться займом до получки, никогда не жалел для любого ни денег, если они были, ни времени, ни участия. Он подкалывал нас с Витькой, что они Ашотом раньше нас доживут до возраста Христа... Ашот никогда не доживёт до возраста Христа! В моей памяти всплывает сцена на кладбище во время похорон Дана. Петренко отдаёт приказ сторожу и тот подсыпает песка на край могилы, которая потом не смогла удержать Дана. Жизнь, что ты творишь? Сука ты, жизнь... Какая же ты сука! Ванька, Иуда, на чём же они тебя поймали? Пропади ты... Стоп!

Я однажды пожелала такое Ленке и она пропала... И встретила меня потом в нашем маленьком парке у реки... Мои проклятья сбываются... Дословно. И я не имею права... Я должна за ними следить — вот что я пыталась уяснить несколько минут назад... Я могу

проклинать только именем Бога... Я знаю об это уже несколько минут... Нет — часов... дней... лет! С того мига прошло целое столетие! Я постарела на сто лет...

Я ещё раз осматриваю группу сатанистов. Мне нет до них никакого дела. Внутри — пустота, всё тело снова ноет и болит... Мне всё равно, что с ними будет... Но я Защитник. Хозяин их не взял, значит, они ему не принадлежали. Случайно, по дури, попали на этот шабаш. Кто по пьяни, кто по глупости, кто из любопытства. Бог дал мне Дар защищать, значит, и этих я защищаю тоже...

— Бог... вам... — слова даются мне неохотно и неуверенно — «через себя». Я прокашливаюсь и придаю голосу больше силы и твёрдости: — Бог вам судья!

Уходите отсюда все, вместе, с нашими. Помогите вести раненого. Там есть машины, вас подвезут. Расходитесь по домам, и подумайте каждый о своей душе. И никому ни слова! Понятно? Это дорого обойдётся вам же самим. А через два дня я жду вас у старой церкви, к заутрене. Вам всем нужно очищение. Я знаю, что и кто вам может помочь. Всё, идите. И поскорее! Уходите отсюда... Мы вас догоним!

Грозовые раскаты сотрясали воздух, ветер гнул, и как спички переламывал тонкие стволы деревьев. Мы с Ильясом спустились к Ашоту. Скользя по раскисающей почве, обломали сучья, торчащие из его тела. По верованиям Ашота, мёртвая плоть не должна соприкасаться с землёй, и мы освобождали его на весу. Потом понесли. Ветер бил в лицо с такой силой, что занемели скулы. Мы медленно, пригибаясь, шли к перешейку, и земля вокруг ходила ходуном. Здоровенные валуны с пригорка со свистом покатались вниз.

Я кричала в трубку мобильного, повернувшись к буре спиной, и прикрывая лицо Ашота. Нас уже ждали, и мы шли. Огромные, ободранные до мяса мусульманские руки Ильяса, нежно и бережно держали Ашота над землёй, и я с христианской молитвой отклоняла нависающие, падающие, бьющие в нас ветки. Мы ступили на дорогу, и остров провалился позади нас. Вскипевшая вода, последний раз обдавая всё горячим паром, сомкнулась над местом шабаша.

Буря разошлась. Сверху посыпался крупный град, больно бьющий в склонённые головы. Я накрыла Ашота своей курткой, и свитер на мне начал схватываться коркой. Навстречу выскакивают из темноты Ким с Рустамом, и, прикрывая нас дождевиками, помогая идти.

— Григорий повёз людей, у них один припадок и ещё сердечный приступ.

— Ну и ладно, мы здесь сами управимся, — говорит Ильяс, раскладывая правое сиденье в салоне для Ашота: Вить, ты устраивайся на заднем...

— Давно уехали? — я кутаюсь в куртку, не чувствуя собственной кожи.

— Минут десять — пятнадцать. Уже на месте. Он заедет к вашей девочке. Предупредили, — отрывисто говорит Ким, и пощипывает, растирает мне спину прямо через куртку. Потом приступает к рукам.

Рустам тревожно кричит на родном языке. Ильяс отпускает русское ругательство. Вода подступает к колёсам машины, прибывая прямо на глазах. Мы толкаем мицубиси по колёно в липкой глине, оставив Льва Борисыча за рулём. Наконец, выползаем вверх, на гравийку. Ехать дальше невозможно: кусочки льда лупят, как из пулемёта. Трескается лобовое стекло, видимости нет на два шага вперёд. Вшестером набиваемся в салон. Я протискиваюсь назад, между Витькой и головой Ашота. Впереди меня — шеф, а Ким с Рустамом кое-как устроились на полу. Витьку бьёт крупная дрожь, зубы стучат.

— Ну, как, Вить? Дотянешь?

— Переживу... Тина, тебе надо переодеться. И водки глотнуть.

— Лучше кофе.

Лев Борисыч вынимает термос, наливает кофе, я пью, не чувствуя вкуса, обжигая рот. Ильяс достаёт из-под сиденья мою сумку.

— Не надо, потом.

— Нет, надо, — Витька неловко возится с замком, вытягивает из него свитер и майку. — Снимай всё! А вы закрывайте глаза.

Я даже злюсь, сдирая с себя мокрое. Я ещё могу злиться. Витька шипит, отстраняясь в угол, и давая мне место натянуть джинсы.

— В синяках вся спина, завтра не разогнёшься. А рёбра синие, снова посчитали... — говорит он сдавленным голосом.

— Сам-то чего уставился? Не лупи глаза — вяло огрызаюсь я, чтобы что-то сказать. Сил нет даже просто думать.

— Не тот глаз... Дурёха... Носки тоже переодень, и кроссовки.

— В грязи же вся... Прямо на грязь надевать?

— Зато сухое. Вы тоже переодевайтесь, все.

Мы долго сидим молча, отогреваясь. Я не отрываю взгляда от мёртвого, спокойного лица Ашота.

Почему? За что? Ну за что, Господи! Ашот! Ашот! Незаменимые есть, и ты как раз такой. Смерть отнимает самое лучшее, самое дорогое.

Витька, забываясь, тихонько стонет, и я кладу ему руку на простреленное плечо поверх бинта. Он затихает. Я смыкаю тяжёлые, горячие веки, осторожно откидываю голову назад. И сразу, как в кинокадрах, вижу: Ашот, сидящий за своим рабочим столом; Ашот, танцующий лезгинку на восьмое марта в прошлом году, изящный, лёгкий, с такой открытой лучезарной улыбкой; Мадина и Ашот, машущие мне с крыльца своего дома... Дан, стоящий в позе послушного мальчика, в грязном бассейне, глядящий мне в глаза снизу вверх. Слёзы выступают сами, обжигая лицо.

Нет! Только не реветь! Это сейчас самая неудачная идея. Я приеду домой, отмоюсь, отпарюсь и закроюсь в ванной, когда Баба Саня с Зойкой уснут. И потом буду выть, рычать, скулить и бить кулаками в кафель стен. Я буду реветь целую вечность: теперь можно... Нет, я уеду в винодельню и спущусь в тот каменный подвал, чтобы орать там до бесконечности, в полном одиночестве. Я навоюю за все эти дни, за каждый час и за каждую минуту! Я буду кататься по полу, прижимаясь лицом к последним следам, отпечатавшимся в многолетней пыли и орать! Я буду так кричать, что у меня пропадёт голос...

Меня что-то толкает изнутри, и я настораживаюсь, осматриваюсь. Всё спокойно, за окном беспросветный ливень.

Это не Алексо... Тогда что?

Снова толчок... В живот, пониже пупка.

Мне вдруг сразу становится жарко...

Всё это время, уже три месяца... Нет, почти четыре. Мои пальцы ложатся на живот. Вот оно... Не может быть... ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Я тихо перевожу дыхание. Рука осторожно поглаживает живот, и я уже знаю. Знаю сразу и навсегда... Это мальчик, белокожий и золотоволосый, здоровый и крепкий как грибок! Мой... Наш! Он будет красивым, — с гордым разлётом чёрных своевольных бровей, упрямыми скулами, капризно-строгим ртом и синими отцовскими глазами. Наш сын. Он вырастет стойким сильным мужчиной, полным достоинства и благородной простоты. И я

буду оберегать его, как зеницу ока, терпеливо залечивать все его ушибы и царапины. С детства и до самой зрелости, а потом — и его боевые раны.

Он получит Алексо из моих рук. Он станет гордостью для Братии и счастьем для нас с Бабой Саней. Дока я возьму крёстным и мы породнимся, если только можно быть ещё родней. И ещё — Зойку... Неужели это правда? В октябре... Это будет в октябре. Дан, милый, драгоценный мой... Дан, у нас сын! Костик, моё сокровище, у меня сын! Ашот, ангел, ты увидишь это со своих небес! Мы побили их, Ашотик! Стёрли с лица земли...

Буря стихла так же, как и началась — внезапно. Новое утро разгоралось под чистым небом, облака виднелись небольшие, перистые. Ветерок, слабый, с запахом измятой травы и нагревающейся сырости.

Мы подъехали к шоссе, забитому автобусами и машинами. Река, выше по течению, разлилась и размывла дорожный мостик прямо перед пригородным посёлком. В головах пробки шумели и тарахтели трактора, растаскивающие завал из вымытых с корнем деревьев, надрывно ревел бульдозер. Наши машины приткнулись у обочины.

Одна из них, — Ашота, уже стояла нацеленная на отъезд от города, возле неё — группа смуглых огромноглазых мужчин и женщин, вторая — микроавтобус вольво, пристроилась рядом. Мадина выделяется из всех персидских лиц, скорбных и красивых, своей желтоватой бледностью. Она подходит и обнимает меня тонкими руками, пахнущими гвоздикой и перцем, шафраном и ванилью.

— Тина, вот и ты... Ты цела... Какое счастье!

Господи! Я ведь только нашла её, и успела полюбить, а уже такое! Дружба, скреплённая общим горем!

Ашота переносят в салон белой вольвы. Ни криков, ни причитаний — только лица бледнеют и крепче сжимаются рты.

— Прости меня, Мадина! Не сберегла... — я смотрю в её сухие глаза и тоже не плачу. Мы обе знаем, что сейчас этого делать нельзя.

— Что ты, Тина! Не говори так, — голос у неё бесцветный и тихий. — Любой из вас мог погибнуть. И, особенно — ты... Ашот вас всех любил, и так уважал... Говорил: лучшие, порядочные, верные. Он был счастлив среди вас. Спасибо тебе, что вы такие...

— Не мне, спасибо, Льву Борисычу. Это он подбирает людей под стать себе. Честных и порядочных. Но Ашот был среди нас лучшим. Как Ангел от Господа Бога. Я не знаю, как без него жить!

У Мадины слёзы закипают в чёрных глазах, с почти неразличимыми на фоне роговиц, зрачками, но она не даёт им воли: Он очень тебя любил, Тина... Очень... Больше всех.

Я не зареву, нет. Не здесь, на дороге, под сотней чужих любопытных взглядов. Только не здесь! Я не могу здесь реветь. И Мадина не может. У нас хватит сил вытерпеть...

— Что такое Хоздравати, Мадина? Скажи мне... Пожалуйста...

— Подаренное Богом.

— Как?

— Скажи слово точно, со всеми интонациями.

Я пробую растянуть с придыханиями, как это делал Ашот, но голос не слушается. Выходит хриплый шёпот.

— Да, примерно, то же самое: Мне тебя Бог подарил.

Больно, Господи, как больно! Сердце хочет вырваться через горло и улететь! Но я не зареву. Мне нельзя сейчас реветь! Мы обе это знаем. Мы понимаем друг друга...

Я смотрю на Ашота в последний раз. Бескровное лицо, шелковистые волосы, ресницы — золотисто-бронзовыми полукружьями до самой щеки. Расправившиеся от страшной раны, разломившей позвоночник, плечи. Тонкие пальцы, которые я больше никогда не увижу за работой... Ашот, Ашот! Почему?

— Тина, нам пора...

Они повезут его в горы, и будут ехать много часов, до самого святилища, зратушти. Там его уложат так, чтобы хищные птицы расклевали мёртвую плоть, и только чистые кости смогут, наконец, обрести покой в священном колодце — могиле. Погребение ничуть не хуже других. И, если Бог един, он подарит нашему Ашоту рай, которого достойна его нежная мужественная душа.

— Да... Ещё минутку!.. — я перебираю в руках застывшие непослушные пальцы, целую холодный, спокойный лоб, и пытаюсь запомнить дорогое лицо. Я не запомню: главное, последнее — всегда размывается у меня в памяти...

— Ашот, прости. Прощай...

Ещё одним ангелом на небе станет больше. Зораастрийцы, православные, мусульмане — какая разница! Такое чудесное сердце будет одинаково открыто всем!

Ребята Маго стоят россыпью возле наших машин, а сам он, со следами недавнего гнева на точёном лице, сузив длинные вишнёвые глаза, в упор разглядывает Ильяса, нудно «вешающего ему лапшу на уши». Я не хочу ничего объяснять. Я сейчас не могу... Над Витькой возится вызванный из санатория врач. Я помню врача, но забыла фамилию. Он хороший специалист, я знаю. Всё обойдётся...

Ильяс понижает голос, и они с Маго оба смотрят в мою сторону. Я не хочу к ним подходить. Потом! Всё потом... Я шарю глазами по шоссе, и ищу Бабу Саню. Вот она, усталая, с серым осунувшимся лицом, непривычно сторбившись, бредёт мимо вереницы машин. На лице одни глаза. Родные, синие.

— Тина! Тиночка! Девочка, как же долго я тебя ждала...

Она не плачет, не дрожит. Просто смотрит. Смотрит так, как будто у неё на плечах тяжесть всего мира.

— Ты жива... цела! Слава богу, Тина! Слава Богу!

— Баба Саня, как ты думаешь, что лучше: Алексей или Гавриил? Или, может, Богдан? Мне очень нравится, но Богдан — не каноническое имя...

Её взгляд становится тревожным, ищущим.

— Тина, что с тобой?

А мой мальш, наш дорогой мальчик, снова стучится в мир, заливая всё моё тело нежным, счастливым теплом.

Я прикладываю руку Бабы Сани к своему животу. Она вздрагивает от мягкого, упругого толчка и замирает...

— Тина! Девочка моя! Господи, Боже!

Над дорогой, с синющего весеннего неба, проливается маревом солнечное тепло, и птицы кричат радостно, как это бывает после ненастья. По шоссе, переговариваясь, бродят измотанные ожиданием водители. Из окон стоящего рядом Икаруса устало и сонно пляшут на нас пассажиры. Они видят перед собой двух обнявшихся женщин, пожилую и молодую, в помятой потрёпанной одежде, исцарапанных и разлохмаченных, рыдающих у всех на глазах, с просветлёнными счастливыми лицами.

Больше книг на сайте - Knigoed.net